

МИКЛОШ САБО

ТИХАЯ ВОЙНА

Annotation

Воспоминания Миклоша Сабо, числившегося долгие годы эмигрантом, а на самом деле выполнявшего особое задание за границей, воскрешают перед читателем события 1942—1957 годов в Венгрии. Автор интересно и достоверно рассказывает о подрывной деятельности ЦРУ, комитета и радиостанции «Свободная Европа» против народной Венгрии и других стран социалистического содружества.

Книга привлечет внимание массового читателя.

- [Тихая война](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [НАЧАЛО ОДНОЙ СУДЬБЫ](#)
 - [СВАСТИКА ВЗЛЕТАЕТ НА ВОЗДУХ](#)
 - [СРЕДИ ТЕРРОРИСТОВ](#)
 - [ЛЮДИ В ВЫСОКИХ БОТИНКАХ СО ШНУРОВКОЙ НАЧИНАЮТ ДЕЙСТВОВАТЬ](#)
 - [НОЧЬ РЕШАЮЩИХ СОБЫТИЙ](#)
 - [ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ](#)
 - [В ПАРТИИ МЕЛКИХ СЕЛЬСКИХ ХОЗЯЕВ](#)
 - [АНАТОМИЯ ВЫБОРОВ](#)
 - [ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ](#)
 - [НАПРАВЛЕНИЕ — РИМ](#)
 - [ТЯЖЕЛЫЕ, НО ПРЕКРАСНЫЕ ГОДЫ](#)
 - [ЗАПАДНЯ](#)
 - [В ТЮРЬМЕ. ПРОЗРЕНИЕ И РАЗОЧАРОВАНИЕ](#)
 - [ПРЕДЛОЖЕНИЕ, РЕШАЮЩЕЕ СУДЬБУ](#)
 - [СРЕДИ РАЗВЕДЧИКОВ](#)
 - [Я ОТПРАВЛЯЮСЬ НА ЗАПАД](#)
 - [ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С КОНТРРАЗВЕДКОЙ](#)
 - [ТАКТИКА ВНЕДРЕНИЯ](#)
 - [ИГРА НАЧИНАЕТСЯ](#)
 - [УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ С АГЕНТАМИ ЦРУ](#)
 - [ГОСПОДИН ТЕПЛИ ИЗ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА](#)

- [ЛИЧНЫЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛИ](#)
 - [ВНЕШНЯЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ](#)
 - [ИНСТРУКЦИЯ ЦРУ](#)
 - [РАЗОБЩЕНИЕ ЭМИГРАЦИИ](#)
 - [ТРУДНАЯ ПОРА](#)
 - [БОРЬБА ЗА МАНДАТ ООН](#)
 - [КОНФЕРЕНЦИЯ В СТРАСБУРГЕ](#)
 - [В МАРТЕ ОПЯТЬ НАЧНЕМ — МОН](#)
 - [ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНЕРАЛА](#)
 - [ОПАСНЫЙ ВИЗИТЕР](#)
 - [ГЛАВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ЦРУ](#)
 - [ОРГАНИЗАЦИЯ ВРАГАМИ НОВОГО НАПАДЕНИЯ](#)
 - [БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ ШАКАЛЫ](#)
 - [ПОДДЕРЖКА ОТ ВЕНГЕРСКОЙ ПРЕССЫ](#)
 - [ФОРМИРОВАНИЕ ЭМИГРАНТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА](#)
 - [НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ](#)
 - [«КОМИТЕТ ПЯТИ» ООН](#)
 - [МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТКЛИКИ НА МОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ
НА РОДИНУ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Тихая война

МИКЛОШ САБО

ТИХАЯ ВОЙНА

ВОСПОМИНАНИЯ

*Сокращенный перевод
с венгерского
Ю. Шишмонина*

Предисловие
Яноша Береца

ПРЕДИСЛОВИЕ

к венгерскому изданию

В наши дни мемуары пользуются большой популярностью среди читателей, так как интерес к событиям прошлого все возрастает. Для людей старшего поколения прошлое — это период, в который жили они сами, а для большинства взрослого населения страны — это уже история. Даже если многие из них и были участниками событий последних четырех-пяти десятилетий, то далеко не каждый занимал такое положение, что мог иметь доступ к секретной информации, получаемой из первых рук, понимать и правильно оценивать движущие силы крупных исторических событий.

Авторы, выступающие со своими воспоминаниями в печати, пишут, как правило, отнюдь не исторические исследования; обычно они описывают свои собственные встречи с историей. Встречи эти всегда сугубо индивидуальны, равно как индивидуальна и судьба каждого из авторов, а следовательно, субъективны и оценки, которые они дают происшедшим событиям. Профессиональные историки всегда принимают в расчет этот элемент субъективизма. Так было во все времена, так, видимо, будет и впредь. Бесспорно, всякая истина, в том числе и историческая, рождалась и рождается в жарких спорах, порой в острых дискуссиях, а не в заявлениях одиночек. Однако этот факт ничего не может изменить в том, что для читателя именно эта субъективность писателя-очевидца как раз и обладает наибольшей притягательной силой, поскольку именно благодаря ей читатель становится как бы непосредственным участником тех или иных событий, как более или менее ему известных, так и совершенно неизвестных.

Последняя книга Миклоша Сабо, которую держит в руках читатель, это одна из таких книг, книг-свидетельниц. Но при этом она обладает одним чрезвычайно редким качеством, которое придает ей совершенно особый характер. Как правило, авторы всех мемуаров и воспоминаний стояли либо по одну, либо по другую сторону баррикад. Книга Миклоша Сабо в этом отношении существенно отличается от остальных произведений этого жанра, так как ее автор наблюдал

события истории, находясь сначала на одной, а затем на другой стороне баррикады; более того, в определенный период своей жизни он был очевидцем и участником происходивших событий одновременно с обеих сторон.

Об авторе этой интересной, порой драматической книги можно сказать: да, его жизненный путь был необычным, даже исключительным. Правда, Миклош Сабо — далеко не единственный буржуазный политический деятель, в том числе из функционеров партии мелких сельских хозяев, который после долгих колебаний все же нашел дорогу, а затем и место в жизни сегодняшней, социалистической Венгрии. Но все дело в том, что Миклош Сабо пошел значительно дальше и сделал значительно больше, чем все эти деятели, вместе взятые. В середине пятидесятых годов он добровольно и сознательно взял на себя труднейшее поручение разведывательного характера, выполнение которого в течение полутора лет подвергало его ежедневному смертельному риску во имя победы народной власти. Он был арестован и заключен в тюрьму, а затем интернирован в лагерь. Как один из руководителей партии мелких сельских хозяев (еще в 1947 году он организовал тайный склад оружия для этой партии), Миклош Сабо в конце 1955 года «бежал на Запад», восстановил свои связи с бывшим премьер-министром Ференцем Надем и другими «вождями» и покровителями этой самораспустившейся партии за границей, а через некоторое время и сам стал одним из руководителей венгерской эмиграции в Австрии. Находясь на этом посту в месяцы, предшествовавшие контрреволюционному мятежу 1956 года в Венгрии, а затем и в последовавший после его разгрома период, М. Сабо добывал и передавал в Будапешт разведывательным органам ВНР весьма важные сведения о подрывной деятельности контрреволюционеров, направленной против его родины. За то время, пока он под видом политического эмигранта находился за рубежом, ему много раз предоставлялась возможность вернуться к своим бывшим политическим соратникам с их заокеанскими покровителями, но Миклош Сабо оказался до конца преданным своей социалистической родине. Осенью 1957 года он вернулся в родной Будапешт после выполнения специального задания.

Автор описывает годы своей молодости на фоне политической жизни Венгрии с 1942 по 1957 год. Его воспоминания воскрешают в памяти новые интересные страницы антигитлеровского движения в

Венгрии, в котором принимали участие и представители буржуазных слоев. В мемуарах ярко отражен период острой межпартийной борьбы и коалиций в первые годы после освобождения страны (1945—1948 гг.), показана прозападная ориентация партии мелких сельских хозяев (тогда крупнейшей по численности в стране). Из них мы узнаем о достойном поведении в тюрьме многих коммунистов, несправедливо арестованных по ложным обвинениям, о раздорах в среде венгерской эмиграции, о продажности «неподкупных» буржуазных политиков, о грызне политиканов, рядящихся в тогу «борцов за свободу». Читая обо всем этом, мы прямо и косвенно получаем ответ на вопрос, почему Миклош Сабо порвал со своим прошлым и пошел против руководства партии, в рядах которой он вырос и выдвинулся, каким образом и почему он разочаровался в идеалах буржуазной «справедливости» и стал идейным, убежденным борцом за социализм.

Верный своей теме и роли «политического эмигранта», служившей прикрытием для разведчика, автор книги много внимания уделяет венгерским событиям 1956 года, контрреволюционному мятежу, а также периоду, ему предшествовавшему, и первым месяцам после его разгрома. В этой связи уместно коротко напомнить о решении ЦК ВСРП в декабре 1956 года, дающем анализ причин мятежа и факторов, влиявших на ход тогдашних событий. Приведу небольшую цитату:

«Причин, вызвавших октябрьские события в Венгрии 1956 года, и, соответственно, факторов, влиявших на их ход, было четыре. Эти причины и факторы имели место задолго до начала событий, действовали одновременно, параллельно и взаимосвязанно, оказывая заметное влияние, что привело к трагическому развитию событий.

1. Клика Ракоши — Гэре, имевшая решающее влияние в Центральном Комитете Венгерской партии трудящихся и в правительстве ВНР, начиная с конца 1948 года отошла от основных принципов марксизма-ленинизма...

2. В возникновении и развитии октябрьских событий большую и отрицательную роль сыграла сложившаяся уже в предыдущие годы и постоянно усиливавшаяся оппозиция правого крыла в партии, возглавляемая Имре Надем и Гезой Лошонци...

3. В подготовке и развязывании октябрьских событий основной движущей силой являлась фашистско-хортистская и буржуазно-помещичья контрреволюция, агентура которой действовала скрытно внутри страны, а основные силы организовывались и сосредоточивались на территории Западной Германии...

4. Наконец, решающую и основную роль в развертывании венгерских событий 1956 года сыграл международный империализм, цели которого, разумеется, выходили далеко за рамки одного только «венгерского вопроса».

То обстоятельство, что ВСРП, говоря о причинах контрреволюционного мятежа 1956 года, на первое место поставила ошибки прежнего партийного руководства, свидетельствовало о высокой принципиальности нового руководства, его моральной и политической твердости и решимости восстановить ленинские нормы партийной жизни, вернуться на принципиальные основы марксизма-ленинизма, применяя их к историческим и национальным особенностям Венгрии.

Кроме того, историческим и логическим следствием того, что именно тяжкие ошибки и грехи прежнего руководства партии стали первопричиной трагедии 1956 года, несмотря на взаимное влияние и взаимосвязь всех факторов и причин, явилась потеря доверия и поддержки правящей партии со стороны широких народных масс, что, в свою очередь, повернуло многих в сторону фальшивых «пророков обновления», открыло дорогу внутренним врагам социализма для все более наглой агитации и открытой подрывной деятельности, дало возможность империализму и действующей с ним заодно откровенно фашистской и буржуазной эмиграции организовать и сыграть, как указывается в решении ЦК ВСРП, «решающую роль в контрреволюционном мятеже».

В своей книге Миклош Сабо, следуя поставленной перед собой задаче, раскрывает перед читателем длинную вереницу собранных им документальных фактов и данных о подрывной деятельности империалистических и секретных служб и реакционной эмиграции. Факты эти весьма интересны, поучительны и не потеряли актуальности до сего времени. Он просто и ясно доказывает с их помощью

несостоятельность мифа о том, что контрреволюционный мятеж в Венгрии 1956 года был «стихийным восстанием масс», к которому, дескать, «вражеские агенты не имели никакого отношения», как об этом трубила реакционная пропаганда, на удочку которой часто попадались и просто плохо осведомленные люди.

М. Сабо убедительно показывает, что подрывная деятельность извне не только имела место и, к сожалению, была довольно эффективной, но и органически входила в заранее спланированную систему мероприятий для достижения главной цели международного империализма — подорвать, раздробить социалистическое содружество стран Европы. Такую деятельность наши враги продолжают в «модернизированном» виде и сейчас, в наше время. Со дня победы Великой Октябрьской социалистической революции в России эта главная цель империализма остается неизменной. Укрепить мировую капиталистическую систему, уничтожить социализм — в этом ее суть и смысл. В борьбе за достижение своей главной политической цели империалисты постоянно взвешивают и оценивают расстановку сил на мировой арене. Еще весной 1956 года комитет «Свободная Европа» так сформулировал эту мысль в одной из своих брошюр:

«Тактика «холодной войны» может быть переменчивой, как погода в апреле, но стратегия и конечные цели остаются неизменными».

В соответствии с этим «принципом» сторонники подобной тактики прибегают к таким методам, как открытое военное вмешательство, экономическая блокада, дипломатический нажим, угрозы и политические провокации.

После второй мировой войны, особенно в период образования и укрепления мировой системы социализма, империалисты начали широкое наступление против Советского Союза и молодых в ту пору стран народной демократии. Правящие политические круги Соединенных Штатов Америки развязали «холодную войну» против лагеря мира и социализма.

В соответствии с планами захвата мирового господства финансовой олигархии США администрация и правящие круги этой страны сделали своей официальной целью и подняли на уровень государственной политики подрывную деятельность против

социалистических стран. Именно эта задача и стала господствующей в идеологии буржуазных государств.

Доктрина «сдерживания коммунизма» президента Трумэна стала политической платформой империалистов, «план Маршалла», принятый в 1947—1948 годах, — экономической базой, блок НАТО, созданный в 1949 году, — военной платформой. Соединенным Штатам Америки удалось вовлечь в этот агрессивный блок под лозунгом противостояния странам социализма большинство капиталистических стран Западной Европы.

Военные планы блока НАТО составлялись с учетом развязывания новой мировой войны или же так называемых локальных войн. В 1950 году вспыхнула война в Корее, спровоцированная и поддержанная США, которые вскоре ввели в непосредственные боевые действия значительные контингенты своих вооруженных сил; в Западной Европе было предпринято новое перевооружение ФРГ с целью превратить ее в передовой форпост «обороны» НАТО, выдвинутый на Восток.

Агрессивная политика правящих кругов США, направленная против социалистических стран, нашла свое наиболее откровенное выражение в двух законах, принятых законодательными органами США. Так называемый «закон Лоджа» предусматривал создание до 1953 года «иностранный легиона» численностью 12,5 тыс. человек, набранных из реакционных и фашиствующих элементов, бежавших от народного гнева из социалистических стран Восточной Европы. Позже было принято решение увеличить численность этого легиона к 1955 году до 25 тыс. наемников.

Второй закон подобного рода был принят в 1951 году. Конгресс США 12 октября 1951 года одобрил поправку к пункту «а» статьи 101 пресловутого «Закона о взаимной безопасности», согласно которому ежегодно из бюджета США выделялось 100 млн. долларов на финансирование «деятельности отдельных личностей, которые либо проживают в СССР, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, либо являются политическими беженцами из этих стран, если эти личности станут членами вооруженных сил под эгидой НАТО, а также в иных целях». В пространственных речах американских сенаторов, обсуждавших проект этого закона, весьма недвусмысленно раскрывалось, что под словами «в иных целях» подразумеваются шпионаж, саботаж, подрывная деятельность. Летом 1956 года

американский конгресс к указанным 100 млн. долларов ассигновал на подрывные цели 25 млн. дополнительно.

В ходе «холодной войны» во время предвыборной борьбы за пост президента США Эйзенхауэр и Даллес провозгласили доктрину «освобождения поработанных наций», согласно которой народы стран, избравших путь строительства социализма, объявлялись «поработанными». Им было обещано:

«Мы будем поддерживать все поработанные народы в их сопротивлении рабству».

Президент США в печально известном рождественском послании в декабре 1955 года заявил:

«Мирное освобождение «поработанных» наций всегда было и остается одной из главных целей США до тех пор, пока эта цель не будет достигнута».

Идеологи «освобождения» исходили из того, что «коммунизм должен быть отброшен в границы 1939 года», а «поработанные народы» должны быть «освобождены» с помощью оружия или «мирным» путем любыми средствами в военной, экономической, психологической, дипломатической и политической областях.

Принятие этой доктрины официально узаконило курс на вмешательство в дела суверенных социалистических государств. В США появилось более десятка правительственных агентств и полдюжины частных организаций, которые занялись планированием различных политических акций и их осуществлением. Среди частных организаций особо выдающуюся и координирующую роль играла так называемая организация «Крестовый поход за свободу» (1949 г.), которая благодаря щедрой помощи одного из американских фондов и благотворительным пожертвованиям «общественности» израсходовала на борьбу против стран социализма многие миллионы долларов. К этому «походу» примкнул несколько позже и комитет «Свободная Европа», в число членов которого входили такие крупные политические деятели Запада, как Эйзенхауэр, Даллес и другие, вкупе с крупнейшими толстосумами-миллионерами.

К 1954 году комитет «Свободная Европа» располагал уже большим политическим опытом, миллионами долларов и всевозможными техническими средствами, необходимыми, по его мнению, для планирования и проведения конкретных действий против отдельных социалистических стран Европы.

Для осуществления своей программы комитет «Свободная Европа» имел, во-первых, «объединение свободной печати», которое издавало газеты, журналы и книги, клеветавшие на страны социализма; оно же печатало массу подрывных брошюр и листовок, засылаемых на воздушных шарах. Во-вторых, он имел радиоорганизацию «Свободная Европа» со штатом сотрудников около двух тысяч человек и 29 передающими радиостанциями, занимавшимися подрывной пропагандой на многих языках. В 1951 году президент радиостанции «Свободная Европа» Чарлз Д. Джексон в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» заявил:

«Своими передачами мы хотим создать условия для возникновения волнений и беспорядков в тех странах, на которые они направлены».

И далее:

«Настало время, когда мы должны подумать о поддержке наших усилий прямым военным вмешательством, об оказании военной помощи народам «стран-сателлитов», если им удастся начать такие вооруженные выступления в своих странах, которые можно будет поддержать».

В-третьих, был создан «фонд помощи свободной Европы политическим изгнанникам», оказывавший финансовую и материальную помощь тем эмигрантским организациям, которые без оглядки следовали в фарватере империалистической политики и принимали активное участие в подрывной деятельности против стран народной демократии. Другими словами, этот «фонд» взял на содержание различные эмигрантские «национальные комитеты», в том числе и венгерский.

Империалистическими подрывными центрами финансировались также военные, открыто милитаристские объединения и организации. В

рамках этих организаций шла подготовка бывших солдат и офицеров к вооруженной интервенции с целью «освобождения поработанных стран». Эти военные эмигрантские организации, как правило, располагались в Европе в непосредственной близости от границ социалистических государств. Они, в свою очередь, создавали в своих «бывших отечествах» нелегальные вооруженные банды, систематически засылали на территорию этих государств своих агентов, помогали империалистическим разведкам в их шпионской деятельности.

Венгерский сектор радио «Свободная Европа» располагал весьма сильной военной организацией. Значительную роль здесь играл так называемый «Союз венгерских борцов за свободу» (сокращенно МНБК) во главе с отъявленным нилашистом генералом Зако. Этот союз занимался военной подготовкой офицеров-эмигрантов и организацией диверсий на территории ВНР. Крупные подразделения этого союза функционировали главным образом в ФРГ, а также в Австрии и Франции.

В 1954 году комитет «Свободная Европа» предпринял против Венгрии военную акцию под шифром «Фокус», в проведении которой принимали активное участие и реакционные организации политэмигрантов. Их главы совершали агитационные поездки и, выступая перед эмигрантами-венграми, призывали своих сторонников готовиться к свержению рабоче-крестьянской власти в Венгрии. МНБК перешел к тактике активных действий. Генерал Зако назначил на 1 марта 1955 года «оперативное» совещание в Кельне. Его участники приняли решение мобилизовать всех венгерских эмигрантов, способных носить оружие, в Бельгии, Голландии, Франции и Испании в сводные боевые отряды для проведения операции «Эвакуация». Цель этой акции была сформулирована в организационной директиве следующим образом:

«Задача подготовительной операции «Эвакуация» состоит в том, чтобы объединить для вооруженной борьбы за освобождение нашей отчизны на основе добровольно принятого на себя обязательства всех членов МНБК и других венгерских патриотов, проживающих за границей, в одно боевое соединение».

Второй, не менее важной задачей МНВК была объявлена активизация всех «единомышленников», оставшихся на территории ВНР, объединение их в единую подпольную боевую организацию и оказание ей помощи. Через границу в Венгрию было заброшено множество агентов, подготовленных в шпионских школах и центрах США, для установления в Будапеште связей и контактов с помощью дипломатических миссий некоторых западных держав.

В опровержении мифа о «стихийности» октябрьских событий 1956 года в Венгрии, приведших к «революции», о том, что в подготовке мятежа якобы не участвовали сколько-нибудь значительные организованные силы, свидетельствует, например, и тот факт, что в 1954 году велось следствие против 53 шпионов, пойманных с поличным в Венгрии. В 1955 году их число достигло 162, а в 1955—1956 годах органы государственной безопасности ВНР обезвредили 15 крупных и 30 мелких групп заговорщиков. Только в первой половине 1956 года были возбуждены дела о шпионаже против 40 вражеских агентов.

Для нелегальных антинародных выступлений в ВНР характерно, что в 1949—1955 годах, сразу же после освобождения Венгрии и свержения антинародного правительства, в стране начали создаваться подпольные организации, имевшие целью свержение диктатуры пролетариата и захват власти.

Отличительной чертой этих подпольных организаций было то, что все идеологические, а также стратегические и тактические установки они получали извне, от органов секретных и каких-либо других служб международного империализма. Характерно также и то, что между нелегальными организациями существовало определенное «разделение труда»: для достижения единой цели, действуя среди различных слоев населения, они прибегали к всевозможным методам, применяя разнообразные тактические приемы.

Среди тайных вражеских группировок и организаций главными были вооруженные, военные и диверсионные, в которые входили бывшие хортистские офицеры, жандармы, полицейские и укрывшиеся от разоблачения нилашисты, но к ним примыкали также и бывшие хортистские чиновники, кулацкие элементы на селе. (В результате активной деятельности МНВК наиболее значительными из них стали «Крест и меч», «Белая гвардия», «Дивизия Ботонд», «Союз вольноопределяющихся».) Второй, не менее важной по значению

разновидностью подпольных организаций были политические группы партийного толка, которые уже готовились к захвату власти в стране.

На территории ВНР, правда, не существовало единого центра, который координировал бы действия всех этих нелегальных групп и организаций. Эту роль выполняли комитет «Свободная Европа» и его филиалы за рубежом (две трети всех выявленных позднее подпольных подрывных организаций имели непосредственную связь с Западом).

Миклош Сабо, опираясь на свой личный опыт, с неопровержимой достоверностью показывает, как все это происходило. Автор с конца зимы 1955 года по осень 1957 года, в самые критические месяцы, находился в соседней с Венгрией Австрии. Формально — в качестве одного из руководителей венгерской политической эмиграции, в действительности же — как сотрудник органов государственной безопасности Венгерской Народной Республики. Он был там в пасхальные дни 1956 года, когда хортистские и нилашистские главари поспешно устремились в Австрию, чтобы быть поближе к границе, а их примеру последовали и более крупные «вожди» буржуазной эмиграции из-за океана. В качестве «уполномоченного по снабжению соотечественников в лагерях венгерских беженцев», милостиво принятых туда по указке сверху, М. Сабо собственными глазами видел, как агенты ЦРУ и сотрудничавшие с ЦРУ разведки других империалистических государств вербовали, готовили и засылали обратно в Венгрию с диверсионными заданиями обездоленных беженцев, пользуясь их бедственным положением. Из первых рук автор этой книги получил данные о том, как Ференц Надь (бывший премьер-министр ВНР, бежавший в Швейцарию в 1946 году) и его приверженцы на американские деньги создавали «арсенал» у австрийско-венгерской границы. Миклош Сабо был свидетелем переброски через эту границу вооруженных отрядов наемных «борцов за свободу» в дни контрреволюционного мятежа в октябре 1956 года, среди которых были и головорезы-нилашисты генерала Зако. Более того, сам генерал Зако, оборудовавший свое логово — «ставку верховного командования», в точности воспроизводившую штаб палача венгерского народа Салаши, — в Австрии, считая Миклоша Сабо доверенным лицом Ференца Надя, передал через него бывшему премьер-министру предложение помочь ему прийти к власти с условием, что его, Зако, вооруженные банды фашистов будут признаны «законной национальной армией» нового правительства. Сам Миклош Сабо в

качестве полномочного представителя Ференца Надя на деньги ЦРУ в дни разгула контрреволюционного мятежа совершил поездку в Будапешт с задачей установить там контакты с «возрождающейся» партией мелких сельских хозяев...

Впрочем, не будем упреждать самого автора. Все то, что рассказывает Миклош Сабо в своих воспоминаниях о плане раздела Венгрии и образовании «Задунайской республики», о кровавых провокациях, вызванных радиопередачами «Свободной Европы», об опросе свидетелей и «очевидцев» событий «комитетом пяти», созданным в ООН для обсуждения так называемого «венгерского вопроса», ярко и убедительно говорит само за себя.

Возможно, в наши дни, спустя более тридцати лет после венгерских событий, читателю, живущему в ином политическом климате современной Венгрии, когда ее внутреннее положение и международный авторитет крепки и стабильны, может показаться, что описанная автором «тихая война» принадлежит очень далекому прошлому. Это впечатление могут усилить и перемены, происшедшие за это время в венгерской политической эмиграции. За последнее десятилетие она претерпела процесс поляризации. Крайне правое крыло пыталось было как-то сплотить свои ряды под жупелом возрождения «движения кардинала Миндсенти», но все это кончилось провалом. В конце семидесятых годов нормализация дипломатических отношений между ВНР и США привела к невозможности удерживать и далее в США историческую венгерскую реликвию — королевскую корону святого Стефана. Правые экстремисты пытались поднять шум вокруг этого дела, искали террористов, которые помешали бы вернуть корону в Будапешт, но и эта акция у них сорвалась. Тысячелетняя реликвия государственной независимости Венгрии была передана государственным секретарем США в здании парламента в Будапеште Председателю Президиума ВНР. Любопытно, что шесть человек в составе американской делегации оказались по национальности венграми. Бывший премьер-министр Ференц Надь, в адрес которого автор книги Миклош Сабо высказал, опираясь на факты, немало нелестных слов, на склоне жизни изъявил желание посетить цветущую народную Венгрию. Разрешение было дано, и лишь неожиданная смерть помешала ему в этом буквально за несколько дней до отъезда.

Однако не будем тешить себя иллюзиями: «тихая война» продолжается и по сей день. Империалистические державы отнюдь не

отказались от своих намерений покончить с мировой системой социализма. На рубеже восьмидесятых годов некоторые моменты событий в Польше с удивительной точностью напоминают то, о чем рассказывает Миклош Сабо на страницах своей книги, описывая события середины пятидесятых годов. Такова, например, роль радиопередач «Свободной Европы» в организации «стихийных» выступлений и разжигании человеконенавистнических инстинктов. Выявление и изъятие материалов подпольных типографий и мощных радиопередатчиков на территории ПНР свидетельствуют о том, что старые «рецепты» ЦРУ за четверть века обновились, получив новое техническое оснащение.

И хотя радиостанция «Свободная Европа» после горьких упреков обманутых ею венгерских эмигрантов на сборище в Страсбурге, как его описывает М. Сабо, заметно изменила тон своих передач, она по-прежнему продолжает оставаться орудием Вашингтона, которому подчинена полностью. В наши дни уже тридцать две радиостанции, расположенные на территории ФРГ и Португалии, по-прежнему несут на своих мутных волнах дезинформацию и искусно подтасованные факты и комментарии, порочащие те или иные стороны жизни и политики стран социалистического содружества. Сообщая об общеизвестных фактах, признавая отдельные успехи социалистических стран, этот радиорупор империализма стремится создать видимость «объективности», чтобы завоевать доверие слушателей. С этой целью, например, в эфир передаются еженедельные обзоры о внутреннем положении отдельных социалистических стран со ссылками на документы, прессу, радио и телевидение этих стран с соответствующей, разумеется, обработкой. Вовсю функционирует весьма многочисленный аппарат так называемого института изучения общественного мнения, который собирает отчасти данные о внутренней жизни интересующих его стран, отчасти сведения военно-стратегического характера, а одновременно с этим снабжает различные «национальные комитеты» (в том числе и венгерский отдел «Свободной Европы») доверительной информацией «из других источников». Мюнхенский центр «Свободной Европы», например, применяет и такой прием: зачисляет в свои «тайные корреспонденты» граждан социалистических стран — внутренних диссидентов, публикующих свои грязные опусы на Западе. Те, кто соглашаются стать таким «тайным корреспондентом», получают время от времени по самым различным каналам материальную

поддержку из Вашингтона. Так, например, венгерским «оппозиционерам», часто фигурирующим в передачах «Свободной Европы», назначаются «стипендии», в три, а то и в четыре раза превышающие обычный гонорар радиожурналиста с целью стимулировать «продолжение изучения действительности». Венгерские туристы, посещающие Австрию, и в наши дни встречаются с сотрудниками института Гэллапа, изучающими «общественное мнение». На первый взгляд эти «сотрудники» являются лишь радиожурналистами, поставляющими информацию для радиостанции «Свободная Европа» об откликах на ее передачи, но при более внимательном рассмотрении оказываются агентами ЦРУ.

В октябре 1982 года госдепартамент США организовал в Вашингтоне с приглашением на нее представителей эмиграции двухдневную конференцию. Телеграфное агентство Ассошиэйтед Пресс в своем сообщении, озаглавленном «Содействие демократизации в СССР и других коммунистических странах», начало его такими словами:

«Госсекретарь США Шульц заявил, что коммунистические режимы, по-видимому, уже созрели для контрреволюции, и это накладывает на Америку повышенные обязательства с точки зрения оказания помощи этим странам с тем, чтобы ускорить в них «приход новой эры демократических реформ».

Далее Шульц заявил, что в социалистических странах «стали необходимы определенные изменения» и в этой связи, по его словам, Соединенные Штаты чувствуют свою моральную и стратегическую ответственность за то, чтобы «оказать помощь» тем личностям и группам лиц, которые стремятся осуществить эти изменения в своих странах. С этой целью в США дополнительно ассигновано 44 млн. долларов для технической модернизации пропагандистских радиоцентров. Затем государственный секретарь призвал различные американские организации и объединения последовать примеру профсоюзного центра АФТ — КПП, который оказывал активную поддержку недавно распущенному в Польше профсоюзу «Солидарность»...

Сосуществование двух мировых систем совершается в наше время нелегко, изобилуя порой глубокими и опасными срывами. И хотя методы «холодной войны» — грубая ложь и клевета на социализм — неоднократно подвергались разоблачению и терпели крах, силы международной реакции вновь и вновь вытаскивают их со свалки истории. И нам, гражданам социалистической страны, нужно учиться на уроках прошлого. Учитывая все это, о книге М. Сабо можно сказать: это волнующее и интересное произведение ценно прежде всего потому, что призывает нас учиться на уроках прошлого. Книга Миклоша Сабо, рассказывающая о событиях тридцатилетней давности, звучит свежо, актуально и заставляет о многом задуматься.

ЯНОШ БЕРЕЦ,
секретарь ЦК ВСРП

НАЧАЛО ОДНОЙ СУДЬБЫ

Над Будапештом ярко сияло солнце. В скверике перед зданием купален Лукач с минеральной водой чинно сидели на скамейках многочисленные старики и старушки. По тихим будайским улицам неторопливо брели по своим будничным делам прохожие; несколько человек на остановке дожидались трамвая, не проявляя особых признаков нетерпения.

Дежурный унтер-офицер, стоявший у подъезда бывшей гостиницы, в которой теперь располагался штаб авиационной дивизии, с минуту молча наблюдал за этой мирной картиной, затем повернулся кругом и отправился на свое место за барьерчиком, где прежде обычно стоял швейцар. Проходя под сводами сумрачного, прохладного даже в жаркий день вестибюля, унтер-офицер невольно отметил про себя, что пожилая пара, которую он видел на остановке и вчера в это же время, все так же смиренно, взявшись за руки, ожидает своего трамвая. Вчера в этот час на глазах у всех присутствовавших трагически оборвалась жизнь ребенка...

«Если бы кто-нибудь из офицеров штаба хоть раз поинтересовался, как идут работы по устройству бомбоубежища, открытого в склоне холма Роз, и как следует проверил бы расчеты безграмотного унтера-подрывника, — подумал дежурный, — малыш был бы жив и поныне, но никому ни до чего нет дела...

Жуткая картина вчерашнего происшествия невольно всплыла в его памяти... Наступившую после взрыва тишину неожиданно прорезал вопль женщины, похожий на крик смертельно раненной птицы. Он прозвучал и смолк. И снова на миг воцарилась тишина, глухая и томящая. Женщина стояла там, где сейчас находилась пожилая пара, и держала перед собой на вытянутых руках труп ребенка с разmozженной осколком головой. Самым страшным было то, что женщина не плакала. Остановившимися безумными глазами она смотрела на бездыханное тельце своего дитя, еще минуту назад весело прыгавшего на ее руках. Словно неживая, она позволила отвести себя в подъезд и неподвижно застыла у стены, пока не приехала карета «скорой помощи». Окаменев от горя, женщина, казалось, не замечала ничего вокруг и продолжала

стоять, не сводя отсутствующего взгляда с изуродованной головки ребенка...

Унтер-офицер, погруженный в печальные мысли, не заметил двух мужчин, остановившихся прямо перед ним. Звук голоса одного из них, негромко поздоровавшегося, заставил его вздрогнуть.

— О чем задумались? — Этот дружелюбно прозвучавший голос принадлежал человеку невысокого роста. — Мы идем к господину подполковнику Кашашу.

Дежурный унтер-офицер привычно вытянулся и официальным тоном проговорил:

— Прошу предъявить удостоверения и пропуска!

Не моргнув глазом он взял в руки два кусочка белого картона, пустых и чистых, без единого знака.

«Ага, значит, это они. Сейчас самое главное — не подать виду, — промелькнула у него мысль. — Все как всегда!..» — Бросив быстрый косой взгляд влево и вправо, он убедился, что фельдфебеля, начальника караула, нет поблизости. Дежурный по штабу офицер тоже не показывался из своей комнаты.

— Все в порядке, господа, — сказал унтер-офицер, возвращая им кусочки картона. — Проходите. Но выход, будьте добры, только через эту дверь...

— Разумеется! — Это произнес второй мужчина, который был повыше ростом. Он улыбнулся дежурному, и оба направились к лифту.

Унтер-офицер остался наедине со своими сомнениями.

«Вот они поднялись на лифте, вышли на пятом этаже. Теперь идут по коридору, — мысленно сопровождал он их в пути. — Сейчас они вошли в приемную подполковника. Секретарша с улыбкой приветствует гостей...»

Внезапно его охватил страх, на лбу выступили капельки пота.

«А что, если это провал? Вдруг этот высокопоставленный офицер обманул их, пообещав им сотрудничать с ними?.. Возможно ли, чтобы подполковник генерального штаба, кавалер ордена витез, учрежденного самим Хорти, согласился?.. Сообщит в контрразведку, и конец...»

Чтобы хоть как-то успокоиться, унтер-офицер вышел из-за барьерчика и заставил себя прогуляться к дверям, надеясь, что это отвлечет его и он хоть на время забудет о том, что происходит сейчас на пятом этаже...

Предугадать ход событий и оценить шансы он все равно не мог, так уж лучше было думать не об этом, а о чем-нибудь другом...

По улице проехали несколько бронетранспортеров, битком набитых десантниками в стальных шлемах. Солдаты громко пели. А когда их песня смолкла вдали, улица, залитая солнцем, снова приняла мирный вид, словно и не было никакой войны. В скверике напротив прогуливались, опираясь на палочки, старики в теплых пальто; из дверей купален веселой беззаботной гурьбой высыпали гимназисты, переключаясь между собой и перебрасываясь мокрыми трусиками.

«У этих жизнь будет лучше, чем у нас! Наверняка...» — подумал дежурный. Эта мысль снова заставила его помрачнеть — ведь столь смутная надежда не имела опоры в настоящем.

Настоящее... Оно казалось настолько безысходным, что не могло внушить ничего, кроме страха перед неизвестностью.

Беспокойство вновь сдавило ему сердце. Он вернулся на пост и взглянул на часы: с тех пор как двое неизвестных поднялись на лифте, прошло четверть часа.

«Четверть часа!.. Это слишком мало для серьезного разговора, но слишком много для ожидания. А для допроса? Что, если контрразведчики там, наверху, уже избивают их дубинками? Или вошедших задержали и теперь ждут прихода следователя, вызванного по телефону?»

Тут унтер-офицер вспомнил о том, что должен был сделать в случае неудачи переговоров и угрозы провала. Двое храбрецов, проникших с его помощью в логово врага, будут выбираться сами. Они спустятся сюда, в проходную, и немедленно скроются, а он как дежурный обязан прикрыть их отход любыми средствами.

Он выдвинул ящик стола и, словно ища что-то в его глубине, незаметно придвинул к себе пистолет, дослал патрон в патронник и поставил курок на боевой взвод.

«Что это даст? Ничего. Один в поле не воин. — Сомнения опять охватили молодого человека. Он подавил их усилием воли. — Неправда. Ведь преследователи никак не ожидают выстрела отсюда, с поста дежурного у проходной. А это уже хорошо...»

Вдруг он увидел, как открылась дверь комнаты дежурного офицера. Дежурный появился на пороге и направился к унтер-офицеру таким быстрым шагом, что молодой человек растерялся.

— Унтер-офицер, дайте мне журнал посетителей!

— Слушаюсь, господин капитан! — Молодой человек машинально протянул офицеру переплетенную книгу, стараясь не выдать волнения.

«Значит, провал! — Это было первой мыслью унтер-офицера, когда капитан ушел в свою комнату, унося с собой журнал. — Сейчас он увидит, что я не зарегистрировал последних посетителей, и ему станет ясно, что я их сообщник. Что делать? Тем двоим я помочь уже не смогу, надо спасать себя. Но почему? Разве я боюсь?» Этот вопрос, который он задал самому себе, обжег его нестерпимой болью насмешки.

«Да, я просто трус, я в самом деле боюсь. Но не только за себя, а и за тех, кто должен остаться на свободе, чтобы продолжать борьбу. Я знаю многих из них...»

Он быстро огляделся. Единственным местом, где можно было хоть сколько-нибудь продержаться, отстреливаясь из пистолета, был проем двери дежурной комнаты. Несколько выстрелов он успеет сделать, прежде чем его скосит автоматная очередь противника.

Унтер-офицер вспомнил мать. Она ждет его дома. Что будет с ней теперь?

И вдруг яркий луч солнца пробился с улицы сквозь окно, осветив сумрачный, как склеп, вестибюль. Послышались шаги спускавшихся по мраморным ступеням лестницы людей. Это были те двое, его соратники, его незнакомые друзья. Они оживленно о чем-то переговаривались.

— Господин унтер-офицер, мы уже уходим, — произнес высокий.

— До свидания! — приветливо сказал тот, что был пониже ростом, и, оглянувшись, тихо добавил: — Встретимся на занятиях «хорового кружка».

«Хоровой кружок»! На календаре 19 марта 1944 года, немцы уже полностью оккупировали Венгрию. Отдельные группы антифашистов пытались найти для себя легальные формы прикрытия. То в одном месте, то в другом возникали кружки «любителей пения», на занятиях которых встречались участники антигитлеровской борьбы, чтобы продумать план действий...

Унтер-офицером, который дежурил на проходной в штабе авиационной дивизии, был я, Миклош Сабо. Тогда мне исполнился двадцать один год, но я уже имел некоторый опыт работы в подполье. Однако в организации вооруженного сопротивления я, молодой военный с унтер-офицерскими нашивками на петлицах, сделал в тот день свой первый шаг. Что же касается тех двоих, которые так смело

явились в штаб дивизии для переговоров о выработке единой линии с патриотически настроенными офицерами военно-воздушных сил, то они впоследствии стали руководителями «Союза венгерских патриотов», который объединял в своих рядах антифашистов самых различных политических убеждений из разных социальных слоев общества. Союз этот действовал в тесном контакте с пресловутым «Бюро за выход из войны», имевшим целью вывести Венгрию из упряжки Гитлера, сохранив в неприкосновенности власть адмирала Хорти и его правительства.

В этих воспоминаниях я постараюсь рассказать о том, как на протяжении пятнадцати лет своей жизни, полной приключений и драматических эпизодов, начиная с 1942 года и кончая 1957 годом, по воле судьбы я стал активным участником ряда важных событий в истории моей родины. Рассказывая о своем жизненном пути, я, возможно, поведаю читателю о таких случаях и историях, о которых он вообще не знал, а если и знал кое-что, то этого было явно недостаточно, чтобы понимать, как все происходило на самом деле.

Эта книга не исторический роман, написанный на фактическом материале, и тем более не научное исследование, а скорее простыв воспоминания бойца невидимого фронта, который отнюдь не ставил перед собой задачу дать детальный анализ всех событий того периода, свидетелем которых он был.

СВАСТИКА ВЗЛЕТАЕТ НА ВОЗДУХ

Неприязнь ко всему немецкому и любовь к венгерскому, национальному я, вероятно, вынес из отчего дома благодаря семейному воспитанию. Не могу утверждать это совершенно определенно, но, видимо, мой отец, умерший, когда я был еще ребенком, успел привить мне эти качества в раннем детстве. Только так можно объяснить мое пристрастие в детстве, а затем и в юности к чтению исторических романов о борьбе за независимость против засилья Габсбургов. Мое сердце наполнялось болью за мучеников и борцов за свободу, над которыми учиняли расправу императорские сатрапы после разгрома революции 1848 года.

Этот антигерманский дух проявлялся во мне и позже, в юношеские годы, когда я стал сначала рабочим-сборщиком, а затем служащим в управлении крупного военного завода, каким был тогда завод «Гамма», находившийся под жестким правительственным контролем. С безрассудной смелостью, свойственной молодости, я открыто высказывался против великогерманских амбиций и нацистской экспансии, во всеуслышание бичевал национализм местных швабов, ставших впоследствии фольксдойче. Конечно, многим не нравились мои высказывания, но находились и другие люди. Однажды в мою крохотную конторку вошел начальник цеха, в котором работали рабочие, и сказал:

— Я давно к вам присматриваюсь, молодой человек, запоминаю все, о чем вы говорите и за что ратуете.

Приняв эту фразу за скрытую угрозу, я со всей запальчивостью юности откликнулся, принимая вызов:

— Ну и что же? Какое вам до меня дело?

— Никакого, юноша, ровным счетом никакого, — ответил он, не повышая тона. — Скажу только, что в одиночку вы ничего не добьетесь, кроме неприятностей. Советую вам зайти в одно местечко, там вы найдете людей, которые думают так же, как вы...

Не знаю, что руководило мной тогда — любопытство или неосознанное стремление найти единомышленников, товарищей по борьбе, о серьезности которой я еще не подозревал, но о необходимости

которой смутно догадывался. Так или иначе, в назначенный день и час я все же пришел в указанное мне место.

Таким образом я попал на собрание небольшой, но весьма амбициозной, пышущей национализмом партии под названием «Союз венгерских патриотов». Йене Ракош, финансовый советник, прирожденный оратор, своей зажигательной речью увлек всех своих слушателей, в том числе и меня, впервые в жизни участвовавшего в такой политической сходке. Мне понравилось, как он говорил и, главное, о чем. Йене призывал к пробуждению национального самосознания, предвещал, что скоро наступит такое время, когда венгерская нация познает наконец самое себя. Юноши, подобные мне, слушали его с восторгом, впитывая антигерманский дух, что в те времена считалось большой смелостью. Словом, все это отвечало моим собственным понятиям. Толкование понятия нации в изложении Йене Ракоша в корне отличалось от официального, так называемого «венгерского образа мышления». Именно на антигерманской почве строилась стратегия духовного противостояния венгерской нации, веками подавлявшегося империей Габсбургов, а ныне — воинствующей идеологией нацизма.

Состав этого странного «Союза венгерских патриотов» был весьма пестрым. Среди его членов и заправил можно было встретить губернатора комитета и министериального советника, мелкого предпринимателя и простого рабочего. Лидером «Союза венгерских патриотов» был доктор Иван Суч, в свое время бывший одним из основателей нилашистской партии «Скращенные стрелы», но затем оставивший ее после того, как власть в ее руководстве захватил Салаши со своей откровенно фашистской камарильей. Что же касается Йене Ракоша, то он, если память мне не изменяет, после освобождения стал начальником одного из управлений министерства финансов, потом одним из организаторов «Общества добровольных защитников родины» и, как он сам о себе говорил, основателем самой законспирированной организации века — «Венгерской национальной общины», откуда, впрочем, его вскоре выставили. «Венгерская национальная община» возникла еще в тридцатых годах, была по духу действительно антигерманской, но махрово-националистской тайной организацией, ставившей своей задачей сохранение реакционного правления Хорти, однако с выходом из гитлеровской коалиции. После 1945 года эта организация стремилась к реставрации старого строя, опираясь на

кулацкую прослойку в деревне, на которую она имела большое влияние.

Фигурировал в «Союзе венгерских патриотов» и такой крестьянский пророк-фанатик, защитник неимущих батраков, как Виррасто Коппани, не раз битый жандармами за свои крамольные речи. Историк Деже Сабо впоследствии написал о нем целую книгу. Всю эту разношерстную компанию объединяли ненависть к Салаши и страх перед оккупацией страны гитлеровской армией.

Примыкала к «Союзу венгерских патриотов» и действительно прогрессивная группа, члены которой хотели найти в нем легальную форму для своей подпольной деятельности. Наиболее выдающимися личностями в этой группе были владелец типографии Шандор Салаи, которого еще в 1934 году военный трибунал приговорил к году тюрьмы за печатание прокламаций в защиту рабочего движения, а также мой друг, молодой способный актер Золтан Сепеши, по духу, темпераменту и даже внешности похожий на Шандора Петефи. Через несколько месяцев он героически погиб, сражаясь с оружием в руках против гитлеровцев в партизанском отряде Гергеи. В этих людях меня тогда привлекали, должен признаться, не их левые взгляды, а такие чисто человеческие качества, как прямота, честность и отвага.

Вскоре я получил первое серьезное задание — создать молодежную секцию «Союза венгерских патриотов», в которой в качестве инструктора должен был действовать Шандор Салаи. Через некоторое время мы почувствовали «родство душ» и, несмотря на разницу в возрасте, по-настоящему подружились. Дружба с ним сыграла решающую роль в моей дальнейшей судьбе, но это случилось позже, после оккупации гитлеровцами Венгрии, а пока я горячо взялся за дело, отбирая среди молодых рабочих завода «Гамма» подходящих ребят и вовлекая их в деятельность «Союза венгерских патриотов».

Предчувствуя приближение нелегких для отечества времен, мы выработали серьезную программу действий, разумеется с учетом биографии наших парней, их воспитания и среды, в которой они выросли. Поэтому главное внимание мы уделили чисто просветительной работе, в особенности изучению истории. Разумеется, мы были далеки от марксистской исторической науки, и я скорее назвал бы эти занятия курсом истории Венгрии, отличным от преподававшегося в гимназиях, так как в нем преобладал патриотический дух. Нельзя забывать о том, что в те дни третий рейх

обложил Венгрию со всех сторон, а внутри страны все более нагло шевелились швабы, местные немцы, объединенные в нацистский фольксбунд. Вот почему главной идеей, красной нитью пронизывавшей все наши исторические экскурсии, было стремление показать нашим парням, что на протяжении столетий немцы не приносили венгерскому народу ничего, кроме бед и несчастий, грабежей и унижения.

Нам удалось выпустить несколько листовок, размноженных на гектографе, но вскоре этому пришел конец — администрации надоела моя внеслужебная деятельность на заводе «Гамма», поставлявшем оборудование для германской и итальянской армий. Тем более что эту деятельность никак нельзя было назвать лояльной. Я получил строгое предупреждение от военного коменданта завода, меня понизили в должности и перевели на другой участок. Всякие открытые контакты с моими парнями были пресечены. Кроме того, Иван Сюч, лидер «Союза венгерских патриотов», надумал жениться и отобрал у нас комнату, в которой обычно собиралась наша молодежная секция. Двух этих событий оказалось вполне достаточно для того, чтобы вся проделанная нами работа пошла насмарку. Два-три раза мы еще собирались тайком в других местах, потом секция распалась.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Еще до описанных событий, не помню уже, с чьей помощью, я сблизился с организацией бойскаутов, базировавшейся на площади Кальвина под крылышком у реформатской церкви (кстати, находившейся тогда в оппозиции к реакционному режиму и нацизму тоже). Я стал посещать их собрания.

И хотя в школьные годы я не был бойскаутом, руководитель отряда пастор Ласло Дьярмати после продолжительной беседы со мной неожиданно назначил меня своим заместителем. Так возникла реальная возможность превратить резиденцию бойскаутов в доме номер 8 на площади Кальвина в небольшой опорный пункт сопротивления нацизму.

Однажды в воскресенье мой отряд бойскаутов отправился, как обычно, на загородную прогулку. Наш маршрут пролегал через Пештхидегкут к селу Надьсенаш. Светило ласковое солнце, горный воздух бодрил, и мы, распевая песни, весело маршировали по дороге, обсаженной черешневыми деревьями. Перебрасываясь шутками, беспечно, как и полагается детям, отряд углубился в прекрасный свежий лес. Вскоре мы облюбовали небольшую полянку и

расположились там биваком, разбили палатки, разложили костер, пообедали. Дети затеяли игры, затем отдохнули и отправились дальше. Около полудня мы вышли к лесному домику — горному приюту. Во время короткого привала один из мальчиков вдруг выскочил из кустов с громким криком:

— Скорее сюда! Смотрите, что я тут нашел!..

В голосе его звучали удивление и гнев. Мы поспешили за ним и сразу же поняли причину его волнения. В нескольких метрах от гребня холма, на склоне, обращенном в сторону села Надьковачи, красовался «монумент», выложенный из белого камня и кирпича, умело скрепленного цементом, — огромная фашистская свастика.

Как сейчас помню, минуты две мы стояли как вкопанные и молча смотрели на это чудище, а оно красовалось перед нами, как бы нагло насмехаясь над всеми. Сам факт присутствия этого белого паука, символа враждебной нам державы, здесь, на венгерской земле, в нескольких километрах от ее столицы, возмутил всех нас до глубины души.

Не знаю, кто ринулся первым, но хорошо помню, что спустя минуту весь отряд без всякой команды бросился разрушать ненавистное сооружение руками и ногами, чуть ли не зубами. В ход пошло все — ножи, ложки, бойскаутские топоры. Нам повезло: цемент был еще свежим и не успел намертво схватить каменную кладку.

С безграничной яростью мы рыли, выкапывали, выдирали из земли осколки камней и белые кирпичи и с победными торжествующими криками швыряли их с обрыва вниз. Мы трудились как одержимые. Дело уже близилось к концу, когда один из ребят, кажется это был Габор Витез, громко воскликнул, указывая в сторону села:

— Смотрите-ка! Фольксбундовцы идут!

По горной дороге, размахивая палками и жердями, быстрым шагом поднималась по направлению к нам большая группа здоровенных парней в коричневых рубашках.

— Отходить через лес! — крикнул кто-то из бойскаутов.

В последующие годы мне довелось не раз скрываться в подполье, спать в заснеженном лесу, пробираться по болотным тропкам темной ночью, но бежать?! Никогда в жизни я не бежал с такой быстротой, не разбирая дороги, через лес и кустарник, как тогда, летним днем 1943 года, от самого Надьсенаша до конечной остановки трамвая в Хювешельде.

Нелегко нам пришлось тогда. Фольксбундовцы неплохо знали местность и кое-что соображали. Разбившись на несколько групп, они сначала попытались окружить бойскаутов, но, поняв, что не успевают, решили оттеснить нас к шоссе, чтобы настичь на подоспевших автомашинах и велосипедах. Вот тут-то в первый о далеко не в последний раз намгодились и наши навыки, приобретенные во время бойскаутских военных игр и занятий по ориентированию на местности, и наша сноровка лазить по горам и ходить по лесу. Где ползком, где бегом по еле заметным тропинкам, где напролом через кустарник, но мы все-таки избежали окружения и опередили своих преследователей. Удирали мы от верной гибели, ибо знали, что в те времена нередко находили трупы венгерских парней, исколотых ножами, в селах, в которых в основном жили фольксбундовцы.

Во всяком случае, удрать от разъяренных швабов нам удалось. Измученные, в изорванной одежде, но с торжеством победителей мы набились в задний вагон трамвая.

— Здорово же мы их провели!.. — срывающимся мальчишеским голосом воскликнул кто-то из ребят.

И словно по этому сигналу на остановку позади нас выбежала толпа коричневорубашечников, что-то дико орущая по-немецки. Все мы так и обмерли от страха.

По сей день остается тайной, обязаны ли мы счастливой случайности, или бравый вагоновожатый правильно оценил обстановку, только в следующее мгновение наш трамвай вдруг тронулся с места и покатил в Буду со скоростью, явно превышавшей нормальную.

Мы были спасены.

СРЕДИ ТЕРРОРИСТОВ

В возрасте двадцати одного года меня, как и всех молодых людей, не имевших физических недостатков, призвали в армию. Повестка из районной комендатуры гласила, что отныне я зачислен рядовым в батальон аэродромного обслуживания, базировавшийся на Матьяшфельдском аэродроме под Будапештом.

Во всей моей последующей жизни, даже в годы, проведенные в тюрьме и лагере, я никогда не чувствовал себя таким униженным и бесправным, как тогда, когда на мне был мундир солдата хортистской армии. Собственно говоря, мы, новобранцы, переставали быть людьми. Беспощадная, невыносимая муштра и крайне унижительное обращение лишали нас человеческого достоинства и превращали в послушное орудие под названием «пушечное мясо».

Уже начало службы не предвещало ничего хорошего. Нас, новобранцев, усадили в кружок в самом конце летного поля, а перед нами появился новоиспеченный молоденький лейтенант, выпускник летного училища в Кошице. Рисуясь, он принялся вдалбливать нам в голову основы истории авиации и летного дела.

— Извольте слушать и запоминать! — поучал нас лейтенантик. — Вам должно быть известно, что желание летать возникло у человека много тысяч лет назад. Еще в древнегреческих мифах говорилось о Дедале и Икаре, взлетающих к солнцу. Однако первый в мире летательный аппарат был сооружен итальянским художником Микеланджело...

Тут я, полный наивного стремления к истине, поднял руку. (Теперь, спустя много лет, я назвал бы это просто глупостью.) Лейтенант удивленно уставился на меня:

— Что тебе?

— Господин лейтенант, позвольте с почтением доложить, это был Леонардо да Винчи.

Мне показалось, что лейтенант сейчас проглотит меня.

— Болван! — взвизгнул он. — Если лейтенант венгерской королевской армии говорит — Микеланджело, значит, так оно и есть! Ты понял?..

Эта небольшая интермедия закончилась тем, что после окончания занятий по истории авиации я под командой бравого унтера в течение часа бегал, ложился, ползал по-пластунски и снова вставал и бегал по зеленому полю аэродрома. Я еще легко отделался, а вот один из новобранцев был наказан подвешиванием только за то, что он по команде офицера «Передать оружие!» сделал это не так, как предписывалось уставом.

Нынешние молодые солдаты, к счастью, не знают, что такое подвешивание. Наказание это ужасное. Провинившемуся связывали руки за спиной и, просунув ему под локти жердь, подтягивали его на веревке так, чтобы ноги не касались земли. Вся тяжесть тела давила на вывернутые суставы предплечий, и в таком неестественном положении несчастный висел часами. Никогда не забуду выражения лица новобранца, искаженного нечеловеческой болью, его подергивающиеся губы и сдавленные стоны, а также злорадный смешок его мучителей, унтер-офицеров, окатывавших его водой всякий раз, когда несчастный терял сознание.

В начальный период обучения боевых патронов нам не выдавали, так что карабин «преступника» или любой другой жертвы на всякий случай оставался пустым.

Если до сих пор я ненавидел только немцев, то теперь то же чувство начал испытывать и к кадровым офицерам хортистской армии.

Мне помог счастливый случай — после принятия присяги меня, как грамотного и умеющего писать, назначили писарем батальона. Видимо, я оправдал надежды начальства, так как вскоре меня перевели в штаб авиационной дивизии, тоже писарем, но уже в звании унтер-офицера. Это имело для меня немаловажное значение, так как теперь я мог ночевать дома, а значит, получил возможность встречаться иногда со своими прежними друзьями. Удача снова улыбнулась мне: я был назначен в отдел кадров штаба, где через мои руки проходили личные дела и другие документы, которые мы смогли потом использовать: благодаря этому нам удалось получить более или менее четкую картину об офицерском составе дивизии; среди летчиков попадались и порядочные люди, с которыми в дальнейшем в нужный момент можно было установить соответствующие контакты.

А такой момент приближался, в этом уже не оставалось сомнений.

В ту пору в Венгрии существовало довольно много различных общественных организаций, объединявших противников «германского

духа» и гитлеровского нацизма в особенности. Однако все они были разрозненны, не имели четкой программы действий и единого руководящего центра. Со многими антифашистами, в числе которых были довольно заметные в общественной жизни или в государственном аппарате фигуры, я был знаком лично, иногда даже не подозревая, что они входят в ту или иную группу.

Так, например, я никогда не был членом «Венгерской национальной общины», тайной националистической организации, в которую входили некоторые аристократы, чиновники, офицеры и даже люди из близкого окружения регента Хорти (они-то, собственно, и явились инициаторами создания с его согласия «Бюро за выход из войны»), но со многими руководителями групп этой организации меня связывали дружеские отношения. Конечно, они не посвящали меня в секреты своей нелегальной деятельности, но по отдельным деталям, которые обсуждались в моем присутствии, я мог себе представить картину в целом. Так, мне удалось, например, получить информацию о неудачной попытке ведения сепаратных переговоров о перемирии с англосаксами, о провале визита генерал-полковника Надаи, летевшего на самолете майора Домокоша в уже занятый союзниками Рим, где союзники предложили Хорти один-единственный путь для вывода Венгрии из войны — ведение прямых переговоров с правительством СССР с просьбой о заключении перемирия. Однако Хорти потребовалось еще несколько месяцев, чтобы решиться, наконец, на крайне неуклюжую и неподготовленную попытку выйти из войны.

Гитлеровцы оккупировали Венгрию 19 марта 1944 года фактически за один день. Это поразило меня, и, думаю, не только меня, как гром среди ясного неба. Внезапность ошеломила весь Будапешт. Хорошо помню тот воскресный день. Как обычно в свободное от службы время, я занимался со своими бойскаутами. Ранним утром мы отправились в наш парк. Следует упомянуть, что директором этого парка был я, назначенный на эту должность по рекомендации одного из руководителей союза венгерских бойскаутов, доктора Иштвана Берека. Эта должность давала мне ряд преимуществ: во-первых, я имел право разбить в парке временный лагерь, а во-вторых, мог укрывать в нем от фашистов молодых парней еврейского происхождения. Кроме того, там мы имели возможность беспрепятственно тренироваться в стрельбе, изучать тактику и проводить занятия по ориентированию на местности. И если до стрельбы по живым целям дело не дошло, остальные навыки

принесли нам впоследствии немалую пользу, особенно при распространении пропагандистских листовок, ведении разведки и организации оповещения.

Воскресенье мы провели хорошо, у ребят было веселое настроение, никто ничего не подозревал. Там, на Кленовой горке, поросшей девственным лесом, мы не догадывались о трагедии, происходившей тем временем в столице да и во всей стране. Только по дороге домой, когда трамвай номер 81 выехал на Итальянскую аллею (теперь аллея Эржебет Силади), нам бросилось в глаза более оживленное, чем обычно, движение гитлеровских машин и броневиков. Но когда перед зданием телефонной станции Кристины мы увидели гитлеровских солдат в стальных шлемах с автоматами на изготовку, всем стало ясно — это оккупация... Правда, общественность столицы пока что весьма смутно представляла себе, что это означает. Однако для посвященных уже не было секрета в том, что немцы проиграли войну, а клике Хорти, если она хотела удержаться у власти, пора переходить к активным действиям.

Жители Будапешта с недоумением наблюдали за происходящим. Казалось, мало кто отдавал себе отчет в том, какие перемены в жизни страны совершаются на его глазах. Хорти и его приближенные тоже были застигнуты врасплох. Впоследствии адмирал Хорти сам признался в этом, пребывая в «почетной ссылке» в роскошном португальском отеле «Эскориал», где он писал мемуары под претенциозным названием «Жизнь во имя Венгрии». «Наша разведывательная служба докладывала о готовящейся оккупации страны немцами, но ни я, ни премьер-министр Каллаи в это не верили», — утверждал Хорти. Парадокс истории — один-единственный выстрел прозвучал тогда в Венгрии, потерявшей свою независимость. Это был выстрел из пистолета, принадлежавшего депутату парламента антифашисту Эндре Байчи-Жилинскому, казненному впоследствии фашистами. Этот выстрел как бы означал, что народ Венгрии пока молчит, но он никогда не смирится с оккупантами.

Незадолго до рокового дня 19 марта Шандор Салаи спросил меня напрямик:

— Ты хотел бы работать с нами?

Этот вопрос не был для меня слишком неожиданным, ведь наша дружба с Салаи была крепкой и искренней. Трезвая оценка событий и

их возможных последствий, равно как и продуманная программа действий, им изложенная, произвели на меня сильное впечатление.

— Да, безусловно! — радостно воскликнул я.

— Нам понадобятся связные. Можно ли рассчитывать на твоих бойскаутов? — поинтересовался Шандор.

— На всех без исключения! — заверил я его с гордостью за своих воспитанников.

Так я стал членом «Союза венгерских патриотов».

Думаю, что здесь следует уточнить некоторые факты. Роль «Союза венгерских патриотов» до сих пор еще как следует не изучена и не освещена в печати. Союз, резиденция которого находилась в кафе «Симплон» на углу проспекта Йожефа и улицы Непсинхоз, был создан тремя людьми — типографом Шандором Салаи, секретарем стрелкового спортивного общества Миклошем Бенке и Ференцем Мадьяри — с совершенно определенной задачей, а именно — для борьбы против оккупационных сил третьего рейха всеми возможными средствами, главным образом, путем организации вооруженных акций. Некоторое время спустя в руководство вошел доцент Андраш Аकोцш, в свое время осужденный военным трибуналом за революционную деятельность в дни Венгерской советской республики 1919 года и отбывший срок наказания в каторжной тюрьме, в крепости Вац. Он, в свою очередь, вовлек в союз Йожефа Дудаша, который позже стал ренегатом и предателем, а в дни контрреволюционного мятежа 1956 года проявил себя в качестве одного из кровавых палачей-террористов, главаря контрреволюционной банды в Будапеште. Благодаря усилиям Шандора Салаи в союз вошли также такие видные деятели, как Деже Полгар, секретарь профсоюза шоферов, и доктор Эрне Петер, вице-президент венгерского кредитного товарищества.

Вскоре руководство нашей организации сложилось окончательно, в него вошли пять человек: Шандор Салаи, Ференц Мадьяри, Йожеф Дудаш, Эрне Петер и Деже Полгар. В это же время с «Союзом венгерских патриотов» установили контакты Миклош Шомоди, председатель профсоюза строительных рабочих, и Янош Хирошик, бывший в дни советской республики 1919 года одним из секретарей Венгерской коммунистической партии.

Наш союз с первых же дней своего существования начал выпускать нелегальные листовки, призывавшие венгров к сопротивлению фашистам. Издавалось также две газеты.

Мои бойскауты — они заслуживают того, чтобы назвать их поименно: Габор Витез (после освобождения страны он стал адъюнктом института имени Ленина, в настоящее время кинорежиссер), Золтан Рамотша (ныне инженер-строитель и преподаватель политехнического института), Деже Беле (в настоящее время руководитель отдела Центросоюза), — и все остальные активно распространяли листовки и газеты. Делали они это охотно, не считаясь со временем. Мы выработали хитрую тактику. По вечерам, когда обязательная светомаскировка способствовала нашим действиям, мальчишки по два, по три человека садились в трамваи, идущие из центра на окраину. Один из них стоял на вагонной площадке с задачей подстраховать товарищей на случай опасности. С разведывательной целью ребята проезжали по своему маршруту из конца в конец два раза. И только убедившись, что шпиков нет, те из них, что ехали на задней площадке, разбрасывали листовки на ходу, пользуясь покровом темноты. Затем следовал перерыв — по этому маршруту в течение недели ездить им запрещалось. Нужно отдать мальчишкам должное — и в этих акциях, а позже и в других, более опасных, выступая в роли связных и наблюдателей-разведчиков, они действовали с энтузиазмом и весьма умело — сказала бойскаутская подготовка. Разумеется, играл роль и возраст — кто бы стал подозревать в чем-либо пятнадцатилетних подростков?

Руководство союза тем временем попыталось создать небольшой арсенал в рамках стрелкового общества. Секретарь этого общества Миклош Бенке был в хороших отношениях с президентом стрелков, бароном Эде Ацелом. Задача состояла в том, чтобы под прикрытием «национального флага» стрелкового общества получить доступ к оружейным складам, разумеется с ведома «Бюро за выход из войны», созданного непосредственно при кабинете Хорти. Но все было напрасно, не помогли ни безупречная в глазах регента репутация аристократа Эде Ацела, ни его родственные связи через жену с графом Иштваном Бетленом, «серым кардиналом» режима Хорти. Престарелый правитель Венгрии желал держать власть и оружие только в своих собственных руках.

Руководство союза всеми силами стремилось создать боевую группу антигитлеровского сопротивления, привлечь на свою сторону военных. Стараниями Салаи, а затем и Дудаша удалось установить контакт с несколькими офицерами штаба военно-воздушных сил. Среди

последних назову подполковника Арпада Кашаша, майора Иштвана Тота и еще одного подполковника по фамилии Юхас (с ним я знаком не был). Моя же роль в этом деле была довольно скромной — я обеспечивал беспрепятственный вход и выход из здания штаба и, как писарь отдела кадров, имевший доступ к личным делам, дополнял теми или иными штрихами портреты офицеров, с которыми союз старался наладить контакт. Все это позволило установить связь с генштабистами и другими старшими офицерами — летчиками значительно раньше, чем был разработан план захвата центра управления ПВО, базировавшегося в неприступном бастионе, вырубленном в скале.

А события и стратегическая обстановка требовали между тем решительных действий. Венгрия в результате антипатриотической предательской политики правящей клики неудержимо катилась к катастрофе. Под нажимом фашистов Хорти бросил на советско-германский фронт в Карпатах 1-ю венгерскую армию, оснащенную устаревшим вооружением. Ей грозила участь 2-й армии, разгромленной и уничтоженной в излучине Дона, под Воронежем.

В сентябре 1944 года, убедившись, что другого выхода нет, клика Хорти согласилась вступить в переговоры с представителями сопротивления. Возможно, историкам известны иные, более достоверные подробности этих переговоров. Я же получил информацию от барона Эде Ацела о том, что именно он при посредничестве графа Иштвана Бетлена-младшего организовал прием у Хорти делегации руководителей антигитлеровского сопротивления, состоявшей из четырех человек — Миклоша Шомоди, Деже Полгара, Йожефа Такача и Ференца Мадьяри, которые начали с того, что вручили регенту меморандум, в подготовке которого участвовал и Шандор Салаи. В итоге переговоров было принято решение направить через линию фронта в Москву делегацию «зондажа», которая должна была проинформировать правительство СССР о положении в Венгрии и одновременно выяснить, на каких условиях Советское правительство согласно заключить с Венгрией соглашение о перемирии. Делегация выглядела довольно странно, будучи официальной и неофициальной одновременно; дело в том, что она, хотя и была послана с ведома и согласия Хорти, не получила от него никаких полномочий, и в то же время она в какой-то степени представляла силы оппозиции.

Несколько дней спустя эта делегация отправилась в путь в следующем составе: барон Эде Ацел, Йожеф Дудаш, Ференц Мадьяри и

коммунист-издатель Имре Фауст, долго сидевший в каторжной тюрьме. По другим источникам, делегатов было трое, Ференца Мадьяри с ними не было. Путь делегации как туда, так и обратно изобилдовал приключениями.

«Бюро за выход из войны» не сумело обеспечить этой делегации переход линии фронта без риска, а поскольку к тому времени командующий 1-й венгерской армией генерал-полковник Бела Миклош Дальноки перешел на сторону Советской Армии и принял участие в создании нового правительства, барон Эде Ацел, посмеиваясь, жаловался, что их делегацию на обратном пути обстреляли и легко ранили его именно венгерские солдаты.

Вернувшись в Будапешт, делегаты доложили, что они были встречены генералом Мехлисом, членом Военного совета 4-го Украинского фронта, и другими руководителями из Москвы как равноправные представители суверенного государства. В ходе переговоров Советское правительство предложило исключительно благоприятные условия для заключения перемирия и выхода Венгрии из войны. Таким образом, тот факт, что Венгрия после разгрома гитлеровской Германии не смогла посадить за стол мирной конференции в Потсдаме своего представителя в качестве равноправного партнера стран, подписавших договор о мире, объясняется исключительно нерешительностью и слабостью Хорти, кровавым террором Салаши и его сторонников, захвативших власть с помощью гитлеровцев, а также предательством значительной части офицерского состава венгерской королевской армии, изменивших не только своему народу, но и собственному главнокомандующему адмиралу Хорти.

В дальнейшем Мадьяри и его соратники, конечно нелегально, отпечатали в типографии Будапештского университета удостоверения об участии в движении Сопротивления. Здесь мне хотелось бы обратить внимание читателя на один важный момент: делегация вернулась домой задолго до 15 октября, а удостоверения участников движения Сопротивления выдавались теперь на бланках новой организации: «Венгерский комитет национального освобождения». Так в октябре 1944 года было выражено желание многих подпольных организаций, составлявших антифашистский Венгерский фронт, в том числе и «Союза венгерских патриотов», вести совместную борьбу против немецких оккупантов.

Конечно, Хорти и его окружение, равно как политическое руководство сопротивления, были вынуждены считаться со значительными вооруженными силами немцев, находившимися в Венгрии, а также их прислужниками — швабским фольксбундом и нилашистами Салаши. По имеющимся сведениям, регент должен был выступить с просьбой о перемирии 22 октября. Этот срок был вполне достаточен для того, чтобы стянуть в Будапешт венгерские части, остававшиеся верными Хорти, а также вооружить организованные силы сопротивления.

Однако гестапо и его осведомители из числа венгров работали ловко. Утром 15 октября гестапо заманило в ловушку сына регента, Миклоша Хорти-младшего, в прошлом венгерского посла в Бразилии, известного своей проанглийской ориентацией и имевшего родственные связи в Великобритании по линии жены, а потому живо заинтересованного в разрыве с гитлеровской Германией, разумеется при условии сохранения прежнего антинародного режима. Его завлекли на частную квартиру в Пеште неподалеку от моста Эржебет и увезли в резиденцию гестапо.

У Хорти оставалось два выхода: либо ради спасения сына немедленно пойти на сговор с немцами, либо (и это было бы в интересах государства, которое он возглавлял) выполнить предварительно намеченный план. Хорти не сделал ни того, ни другого, а избрал непостижимый для нормальной логики третий вариант, самый худший, с точки зрения государственного деятеля — просто глупый. Внезапно отказавшись от всех договоренностей, он выступил по радио и зачитал обращение о перемирии.

Услышав этот призыв главы государства, большинство населения страны, состоящее из честных, преданных родине людей, вздохнуло свободно. Незнакомые обнимались на улицах, радуясь скорому наступлению долгожданного мира. На самом же деле этот легкомысленный поступок Хорти одним ударом отодвинул возможность заключения мира на никому не известный срок.

Единственным положительным последствием неуклюжего маневра главы государства было освобождение из тюрем большинства политических заключенных, в том числе и депутата парламента Эндре Байчи-Жилинского. Это было слабое утешение взамен едва блеснувшей и тут же утраченной свободы целой страны. Между тем по радио вместо разъяснений и комментариев весь день без перерыва

передавались бравурные марши, а на другой день — для нас это уже не было неожиданностью — у микрофона появился начальник генерального штаба Янош Вереш, генерал-полковник без армии, и разъяснил, что все высказанное в обращении регентом Хорти нужно понимать в прямо противоположном смысле: никакого мира, только верность третьему рейху, война до победного конца...

И тогда началось нечто страшное.

На улицах появились группы вооруженных нилашистов — «зеленорубашечников», а вслед за ними и офицерские патрули. Их мундиры украшали нарукавные трехцветные повязки со знаком скрещенных стрел. Это означало, что регента Хорти предал и бросил на произвол судьбы его же собственный офицерский корпус.

Те немногие, кто был посвящен в условия соглашения между регентом и силами антигитлеровского сопротивления, в растерянности искали друг друга. Возле дверей моей квартиры поздним вечером остановился старенький мотоцикл — за мной приехал барон Эде Ацел. Он и прежде уже не раз возил меня на багажнике, нередко прямо во время бомбежек и артиллерийских налетов. Меня тянуло прижаться к земле, кругом свистели осколки, но Ацел словно не замечал их. Презирая опасность, он мчался на своем мотоцикле словно одержимый, с удивительной ловкостью объезжая воронки от бомб и снарядов, груды кирпича и развалины. Иногда он оборачивался, чтобы что-то сказать мне, но слов его не было слышно, а выражение лица барона было таким, будто он насвистывал веселую мелодию.

В тот день, 16 октября, он отвез меня на квартиру к Ференцу Мадьяри, который жил на площади Телеки. Дом напротив, помеченный большой желтой звездой, штурмовали нилашисты. Еврейский дом оказался единственным домом в столице, принявшим открытый бой со сторонниками Салаши, захватившими власть.

В подвале дома, где жил Мадьяри, собралось уже немало участников антигитлеровской борьбы, среди них был и сам Ференц.

— Мы установили связь с домом напротив, пробрались по канализационному коллектору, — сказал Мадьяри и, помолчав, добавил: — Их всех уничтожат, силы слишком неравны. Но женщин и детей мы попытаемся спасти. Должны спасти!

— Что мне надлежит делать? — спросил я.

— Быть либо в штабе авиационной дивизии, либо дома. Мы найдем тебя сами. Будь готов к тому, чтобы уйти в подполье, если

потребуется, конечно.

— Я хотел бы остаться с вами! — воскликнул я. Все мои симпатии были на стороне тех, кто отстреливался из здания напротив. — Мне стыдно отсиживаться дома. Там сражаются, а я должен уйти...

— Мы сделаем все, что сможем. Наша главная забота заключается не только в спасении десятка обреченных на гибель людей, но и в оказании помощи десяткам тысяч, которые не сегодня завтра могут разделить их судьбу, всей стране. Подумай, что их ждет. Твой друг Шандор Салаи уже уехал, а Эде Ацел тоже уйдет с тобой. Каждый должен быть на своем месте и выполнять свою задачу. Если с нами что-нибудь случится, борьбу продолжите вы, оставшиеся в живых...

Спорить дальше не было смысла.

Все последующие дни мне пришлось провести в штабе. Командир дивизии отдал приказ о готовности к отражению нападения противника.

Я лежал с ручным пулеметом на балконе дома напротив штаба за мешками с песком. Ствол моего пулемета угрожающе торчал из щели между ними в направлении улицы. Зачем, против кого? Я и по сегодняшний день не знаю этого. Каковы были цели командования дивизии? От кого мы должны были оборонять штаб, имея всего полдюжины пулеметов?

Власть нилашистов между тем крепла день ото дня. Я ясно видел это, нервничал и с нетерпением ждал, мучаясь сомнениями, когда же наконец потребуется и мое активное участие. Сколько раз я отгонял мысли о том, что палачи опять арестовали кого-то из наших и скоро наступит моя очередь!

Теперь я не могу вспомнить, каким образом состоялась моя следующая встреча с Дудашем и Мадьяри. Кажется, ее организовал Шандор Салаи, с которым я поддерживал связь. Важно то, что наступила наконец та долгожданная минута, когда я получил определенное и достаточно серьезное задание.

— Слушай меня внимательно, — сказал Дудаш. — Пронаи вновь собирает свою офицерскую банду. Вот сволочь!

Я кое-что уже слышал о Пронаи, кровавом палаче в дни разгрома Венгерской советской республики 1919 года, предводителе офицерского отряда, убийце, лично расстрелявшем многих революционеров. Пронаи был главным соперником Хорти в борьбе за пост регента в те времена.

— Мы атакуем резиденцию их отряда? — спросил я.

— Нет, ничего похожего. Ты вступишь в их ряды!

Услышав эти слова, я даже пошатнулся. У меня закружилась голова.

— О чем ты говоришь?!

Такая перспектива представлялась мне чудовищной и абсолютно непонятной. Вероятно, у меня был настолько глупый вид, что Дудаш и Мадьяри так и покатались со смеху. Ференц дружески похлопал меня по спине и стал объяснять:

— Видишь ли, после этого идиотского маневра Хорти, позволившего нилашистам захватить власть, нам приходится приспосабливаться к новой обстановке, придумывать новые методы для организации и сохранения хотя бы в относительной безопасности наших вооруженных сил и отрядов сопротивления. Имя Пронаи в глазах правого офицерства и даже нилашистов безукоризненно и вполне надежно. Под этой вывеской мы сможем кое-что предпринять.

— Что именно?

Мадьяри остановил мое быющее через край нетерпение:

— погоди, дай договорить. Дело в том, что Пронаи лишь на днях приступил к воскрешению своей прежней банды. Штаб у него уже есть, а людей пока еще мало. Колбасу нужно чем-то нашпиговать.

— Понимаю: и нашпигуем ее мы!.. — начиная соображать, воскликнул я.

— Не умеешь держать язык за зубами, хотя и догадлив, — сердито оборвал меня Дудаш. — Ты должен вступить в отряд Пронаи, войти в доверие и проникнуть в их штаб...

— Но как же я...

— Дослушай до конца! Итак, ты проникнешь в самое сердце банды. Мы должны знать обо всем, что там происходит. Ты понял? Обо всем!

— Это значит, я должен дезертировать из армии?

— Если другого выхода не будет, должен. Но пока, кажется, есть возможность сделать лучший ход. Когда ты заступаешь на дежурство по КПП?

— Завтра в полдень.

— Хорошо, время еще есть. Ты знаешь стрелковый тир возле площади Марцибанья?

— Знаю.

— Так вот. Там же на холме стоит здание ремесленного училища. Из красного кирпича, в стиле модерн, не спутаешь. Вход с улицы Фельвинци. Ровно в девять утра ты войдешь в подъезд и найдешь там Золтана Мико. Он знает о тебе. Однако будь осторожен. Пронаи собрал в своем гнезде уже немало негодяев из разных подразделений. Не доверяй никому, не общайся ни с кем, кроме тех, на кого тебе укажет Мико...

Кажется, Дудаш говорил еще что-то, но главное состояло в этом.

На другой день в назначенное время и в указанном месте я разыскал Золтана Мико, которого хорошо знал. В здании ремесленного училища собралось множество людей. Все они разбились на кучки. Ясно было, что идет организация нескольких подразделений одновременно, Золтан Мико стоял у окна, разговаривая с каким-то поручиком в пенсне, холеным, барственного вида. Увидев меня, он сделал знак подождать.

Несколько минут спустя Мико распрощался с поручиком и подошел ко мне. Я был в военном мундире и отдал ему честь, вытянувшись, как положено. Сторонний наблюдатель не нашел бы ничего подозрительного в том, что офицер-летчик беседует с унтер-офицером в летной форме, возможно связным из штаба.

— Привет, — тихо произнес Золтан Мико. — Здесь мы можем встречаться спокойно, надо только не попадаться на глаза Каче.

Признаюсь, я понятия не имел, кто такой этот Кача, На мой вопрос Мико коротко пояснил, что под этим прозвищем скрывается некий Дюлаи-Мольнар, который вместе с Пронаи зверствовал в период белого террора после падения республики в 1919 году. Лютый палач и фашист, он сейчас у Пронаи формирует отдел контрразведки. За минувшие два десятилетия он не изменил своей привычке подозревать всех и вся, и потому его надо опасаться.

Помолчав с минуту, Мико продолжал:

— Мы должны создать внутри отряда Пронаи несколько опорных групп сопротивления. Есть тут один фельдфебель по имени Пал Репаи, он собрал вокруг себя полдюжины надежных парней. В Кебанье формируется рота, в которой тоже есть наши люди. Но с точки зрения организованности и надежности наиболее перспективен батальон Гергеи. В нем сознательные ребята. Командует батальоном лейтенант Эндре Чохани, образованный человек, в высшей степени надежный и порядочный, ненавидит гитлеровцев и их прислужников. Будешь

поддерживать связь только с ним, он о тебе знает. — Взглянув на часы, Мико понизил голос: — Отправляйся в Пешт, на улицу Каплони, дом номер 3. Пронаи со своими людьми расположился на втором этаже. Там их штаб-квартира. Разыщешь лейтенанта Чохани, он тебе поможет.

— А если ему это не удастся? — спросил я.

— Тогда тебе дадут фальшивые документы, и ты пойдешь к ним опять, но уже под другим именем. Ты должен внедриться к ним во что бы то ни стало, любой ценой! Намерения Пронаи нам пока до конца не ясны. Во всяком случае, сомнительно, чтобы этот старый лис, претендовавший когда-то на пост главы государства, теперь послушно впрягся бы в телегу, которой правит Салаши. Но что он задумал, чего хочет? Мы должны это узнать. Его окружают трое старых друзей. Это его сообщники. Все они нилашисты — Ласло Ваннаи, Дюлаи-Мольнар, он же Кача, и отставной поручик Секереш. Все трое отъявленные негодяи, готовые на убийство и скорую расправу. Особенно будь осторожен с Секерешем и его сынком, оба профессиональные контрразведчики.

— В чем будет заключаться моя непосредственная задача?

— Если удастся внедриться в их логово, главное — держать открытыми глаза и уши. Мы обязаны разгадать, каковы истинные цели Пронаи. Когда-то его прозвали Людоедом. Нам нужно знать все, о чем говорят и что делают главари этой банды. Не забывай ни на минуту, что в отряд Пронаи мы послали лучших своих парней. Их безопасность и судьба, может статься, будут зависеть от тебя, от твоей бдительности. — Мико сделал паузу, закурил и закончил нашу беседу следующими словами: — Не исключено, что нилашистское руководство намеревается использовать отряд под командованием Пронаи для борьбы в тылу советских войск. Поэтому любая мелочь, любой штрих на оперативной карте или случайное слово, оброненное в окружении Людоеда, могут иметь важное значение.

Затем Мико сказал, что в случае моего успешного внедрения в логово Людоеда он будет периодически выходить со мной на связь. Только если потребуются передать какую-нибудь наиболее важную и срочную информацию, я могу позвонить ему сам. С этой целью он записал мне номер телефона, дозвонившись по которому, я должен буду назваться Михаем Келети-Ковачем. Эта фамилия была широко распространена в подпольном движении и раньше. Она служила синонимом символа революции — «красного кузнеца», вздымающего

молот над старым миром, и предназначалась для дезинформации агентов, подслушивающих телефонные разговоры. Что касается имени Михай, то оно должно было заменить мое собственное имя. Если мне не изменяет память, этим каналом связи я воспользовался всего дважды — в первый раз, когда угнал о готовящемся уничтожении батальона Гергеи, и во второй — в праздник рождества, когда нужно было срочно доложить о результатах разведки немецких укреплений на передовой линии в районе Будакеши, Гед.

Но до тех пор произошло еще много различных событий.

ЛЮДИ В ВЫСОКИХ БОТИНКАХ СО ШНУРОВКОЙ НАЧИНАЮТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Дом номер 3 по улице Каплони выглядел весьма респектабельно. Войдя в подъезд, я сразу понял, что попал в главную ставку отряда Пронаи. По комнатам и коридорам сновали какие-то юнцы, степенно шествовали затянутые в мундиры офицеры, мелькали люди в полувоенных френчах и высоких ботинках со шнуровкой. В просторном салоне, куда из большой передней вели двойные стеклянные двери, было особенно оживленно.

Унтер-офицерский мундир, в который я был одет, помог мне, не привлекая внимания, узнать, где находится господин лейтенант Чохани.

— Да вот он! — указал мне пальцем один из типов в ботинках со шнуровкой.

Все эти люди, толкавшиеся в зале, производили впечатление скорее сборища преступников, чем подразделения регулярной армии. Поэтому я спокойно и без лишних формальностей подошел к лейтенанту Чохани и назвал себя.

— Беда, — сказал он, озабоченно потирая лоб. — Начальник генштаба Берегфи издал строжайший приказ, согласно которому ни одного солдата из армии они взять не могут. Лучше даже не пытаться. Постарайся явиться еще раз, но в другом качестве.

— Я вас понял!

— Вот и хорошо. Будь здоров!

Дальнейших разъяснений мне не требовалось. Я был согласен с Чохани: если я все же попытаюсь сегодня совершить невероятное и меня не примут, не могу же я назавтра явиться сюда под другим именем и с другими документами!

Я поплелся к двери в самом мрачном настроении. Теперь мне предстояло привыкнуть к мысли о дезертирство из армии, так как другого выхода просто не было. Признаться, меня мало беспокоил тот факт, что я нарушу военную присягу. Тревожило другое —

командование авиационной дивизии, где я служил, наверняка объявит розыск и меня будут искать как дезертира.

«Конечно, в столице сейчас царит полнейший хаос как среди гражданских, так и среди военных. Кроме того, едва ли начальник штаба станет беспокоиться из-за исчезновения какого-то унтера, — размышлял я, идя к выходу. — Если только не вспомнит, что я был писарем в отделе кадров...»

— Эй, унтер-офицер, постой-ка!

Я уже был возле самой двери, когда услышал этот оклик. Впрочем, тон был дружелюбным, а в человеке, который меня окликнул, я сразу же узнал поручика в пенсне, которого впервые увидел накануне в обществе Золтана Мико.

— Слушаюсь! — Я повернулся и щелкнул каблуками.

— Ты, наверное, хотел бы перейти служить к нам, не так ли?

— Так точно, господин поручик!

Он внимательно оглядел меня с ног до головы, потом взгляд его остановился на моем лице. В душе я испугался. «Неужели он догадался о характере моих отношений с Мико?.. Если так, то они все знают... Неужели провал?..» Тот, кому не приходилось попадать в подобное положение, вряд ли сможет представить, какой вихрь мыслей пронесся в моей голове.

— Писарем работать можешь?

— Так точно.

— Где служишь? Должность?

Мне ничего не оставалось, как ответить на оба вопроса.

— Значит, ты умеешь печатать на машинке.

Я вздохнул с облегчением. Если его занимает вопрос машинописи, едва ли у него худое на уме.

— Прекрасно! — Он хлопнул меня по плечу. — Именно такой человек мне и нужен. Пойдем со мной, я дам письмо к твоему начальнику с просьбой о твоем переводе.

Письмо, которое я получил от поручика, было поистине удивительным. В левом верхнем углу белоснежного листа красовался двойной крест, в правом — герб Пронаи. Текст был напечатан без единой ошибки. Я был почти счастлив и уверовал в то, что судьба поспешила ко мне на помощь, что теперь я смогу без всяких препятствий приступить к выполнению полученного мною задания.

На другой день я явился в канцелярию штабной роты и протянул письмо дежурному фельдфебелю. Дежурный взял его, прочитал и вернул мне обратно, в мгновение ока разрушив все мои надежды.

— Согласно приказу его светлости министра обороны и начальника генерального штаба ваша просьба о переводе выполнена быть не может! Вы свободны!

Когда я вышел из канцелярии, у меня, наверное, был вид лунатика. Я собрался уже отправиться на свой пост на проходной, но меня остановил знакомый унтер-офицер, служивший писарем в канцелярии роты:

— Эй, паренек, погоди! Покажи-ка мне твою бумагу.

Я протянул ему письмо. «Пусть читает, если интересно. Теперь уже все равно...»

— С тебя стакан палинки, коллега. Я дам тебе один шанс! — Он весело рассмеялся и хлопнул меня по плечу с силой, которую трудно было ожидать от этого длинного, но щуплого парня. — Отправляйся прямехонько к господину капитану. Щелкни каблуками так, чтобы кирпичная стена зашаталась, а потом без всяких объяснений вручи ему это письмо.

— Ты что, рехнулся?!

Вопрос мой имел основания — ни один солдат или унтер-офицер никогда не посмел бы явиться в кабинет командира роты по собственной инициативе. А если они являлись туда по вызову, то сам господь бог не спасал их от разноса господина капитана.

— Осел ты, коллега, вот ты кто! — Это была его любимая присказка. — Вот увидишь, господин капитан Шала, получив письмо с гербом Пронаи, еще тебя и в щечку поцелует. Ступай, не бойся!

Выбора у меня не было, и я решился, последовав его совету, войти в логово хищника.

Капитан авиации Шала оказался маленьким, тщедушным человечком. Без офицерского мундира и щегольской фуражки с кокардой он походил бы скорее на серую мышь, чем на хищника. Его видели чаще пьяным, чем трезвым, но грубость по отношению к солдатам, громогласная ругань и град взысканий, которыми он щедро осыпал и правых, и виноватых, снискали ему дурную славу. Все боялись его как огня.

Когда я, постучав в дверь и получив разрешение войти, появился на пороге, он уставился на меня, словно видел перед собой в приступе

белой горячки не человека, а зеленого слона.

Мне не оставалось ничего другого, как последовать совету ротного писаря. Я вытянулся, отчаянно щелкнул каблуками и отчеканил:

— Господин капитан! Унтер-офицер Миклош Сабо! Покорнейше прошу разрешения передать вам письмо... от господина Пронаи!

Не сводя с меня остановившегося взгляда, он подошел, выхватил из моих рук бумагу и пробежал ее глазами. Лицо его прояснилось. Хищник улыбался!

— Гляди-ка! Я и не знал, что у меня служит такой бравый парень! Ступай в канцелярию и доложи старшему писарю, что я тебя отпускаю!

После того как я отдал честь и лихо повернулся кругом, он бросил мне вдогонку:

— Личное оружие оставь при себе! Я дарю тебе его для борьбы с большевиками!

Час спустя (за это время я успел сбегать к себе на квартиру и переодеться) я превратился в законно откомандированного в штаб Пронаи сотрудника.

Мой новый начальник, поручик в золотом пенсне, встретил меня с нескрываемой радостью. Оглядев мое цивильное платье, он протянул мне руку и (тут я впервые услышал его имя) представился:

— Доктор Бела Олах, сервус! — Заметив мое смущение, он с улыбкой добавил: — Можешь смело говорить мне «ты»! Ведь теперь мы будем работать вместе...

Оказалось, что поручик Бела Олах занимает должность начальника интендантской службы в отряде Пронаи и ведает всем хозяйственным обеспечением штаба. Таким образом, я оказался в непосредственной близости от очага адской кухни, как того и хотели мои шефы.

Доктор Олах представил меня как своего помощника всем сотрудникам штаба, и прежде всего поручику Секерешу, начальнику контрразведки. Я помнил предупреждение Мико об этом человеке как о самой опасной бестии, которой следует опасаться. Правда, пожимая руку контрразведчику, я испытывал не страх, а скорее любопытство, смешанное с тревогой.

Двери вдруг распахнулись, и в салон вошел сам подполковник Пронаи, лорд Баден-Поувел, повелитель бойскаутов, знаменитый охотник на африканских львов и беспощадный террорист. Смесь всех этих титулов и качеств столь странным образом отражалась в наружности этого грузного, с высохшим лицом, старика, что я с трудом

подавил улыбку. На голове его криво сидела широкополая бурская шляпа с длинным, торчащим кверху пером, плечи облегал френч, перекрещенный двумя патронташами, а на широченном альпийском ремне висел внушительных размеров револьвер в кобуре.

Несмотря на опереточную внешность, это был тот самый Пронаи, носитель архиреакционного, так называемого сегедского духа, главный квартирмейстер адмирала Хорти и главный палач, участник множества кровавых расправ 1919 года.

Пронаи не обратил на меня никакого внимания, что, впрочем, отнюдь не огорчило меня. Он обратился к моему новому начальнику и сказал, чтобы тот поторопился побыстрее достать кожу для нового реглана.

После этой короткой, но выразительной сценки доктор Олах выправил мне документ. Удостоверение, полученное мною, гласило, что унтер-офицер-юнкер Миклош Сабо имеет право свободного передвижения по городу как уполномоченный по заготовкам отряда Пронаи.

Я обратил внимание начальника на то, что мои данные в удостоверении не соответствуют действительности. Поручик рассмеялся в ответ:

— Ай-ай, Миклошка! — Впоследствии он всегда называл меня этим ласкательным именем. — Неужели ты не понимаешь, что тот, кто действует от имени и по поручению его высокоблагородия господина подполковника Пронаи, должен быть по меньшей мере юнкером? Считай, что тебя повысили в звании.

Встретившись с Золтаном Мико, я подробно рассказал ему о том, что произошло со мной за это время.

Мико подумал немного, а затем сказал:

— Бела Олах мой земляк, я знаю его с детских лет. Храбрый, заслуженный боевой офицер. К тому же умен. Я уверен, он давно уже понял, что нацистская Германия проиграла войну... — Оборвав себя на полуслове, он спросил о другом: — Как тебе понравился Чохани?

— Я встречался с ним только один раз. Пока мне нечего о нем сказать.

— Во всех делах, касающихся батальона Гергеи, ты можешь смело на него рассчитывать. И ни на кого больше!

Дудаш реагировал на мой доклад несколько иначе. Повертев в руках мое удостоверение, он хрипло захохотал. Затем принялся

инструктировать меня о том, как извлечь пользу в стане Пронаи из моей новой должности «снабженца-заготовителя».

— Крышка от котелка с мясом находится в твоих руках. Это же банда грабителей! — поучал он меня. — Твой доктор Олах наверняка ловкая бестия и знает, где что достать. С его помощью эти люди имеют доступ к равным дефицитным продуктам. А поскольку вы с доктором заботитесь об их личном благополучии, то они очень скоро привыкнут к тебе и допустят в свой круг. Тогда ты сможешь бывать повсюду и услышишь много интересного. Должность превосходная, ничего не скажешь!

Шандора Салаи тревожили иные заботы — прежде всего он думал о наших людях, находившихся в отряде Пронаи. На первых порах внедрение проходило без помех, а группы сопротивления получили надежное прикрытие.

— По мере сил поддерживай группу Репай, а также ребят в батальоне Гергеи, — напомнил мне Салаи. — Они рискуют жизнью, не забывай этого. Например, Золи Сепеши, ты его знаешь, он слишком многим рискует.

Золтан Сепеши!

Сколько раз за минувшие десятилетия вспоминал я этого человека, столь похожего внешностью, характером и темпераментом на бессмертного Шандора Петефи! В 1941 и 1942 годах он руководил кружком молодых рабочих, ставших членами «Национального союза молодежи», рассказывал о борьбе венгров за свободу просто и понятно, но с какой ненавистью к гитлеровской Германии, с каким пламенным патриотизмом!

Судьба распорядилась так, что мы работали с ним рядом, рука об руку, плечом к плечу. Он находился в те дни на проспекте Сенткирай, в батальоне, я — в логове Пронаи, на улице Каплони. Мы шли к единой цели разными путями. И кто бы мог подумать, что этот храбрый борец сопротивления и великолепный товарищ спустя несколько месяцев погибнет в самом расцвете молодости! И сколько еще таких, как он...

Чохани вскоре нашел себе пристанище в городе, так как не желал жить под одной крышей с Качей и его бандитами. Замечу, что Пал Репай и его группа тоже в интересах конспирации перебрались в Пешт, где поселились во флигеле на улице Радаи, номер 31. В дальнейшем этот флигелек превратился в приют для многих солдат-дезертиров и лиц, спасавшихся от террора нилашистов.

С Чохани мы вскоре стали друзьями. Я бывал у него в семье. Он познакомил меня со своим тестем Иштваном Месарошем, весьма примечательной личностью, старым дипломатом, и представил жене, ждавшей в то время ребенка. Думаю, при этом лейтенантом тогда в немалой степени руководило подсознательное чувство заботы о своих близких — если его вдруг не станет, о них позаботятся друзья.

Но больше всего его тревожила судьба единомышленников.

— Видишь ли, — говорил он мне, — я знаю, что все самое важное ты немедленно сообщашь Золтану Мико. Однако пойми, я несу ответственность за жизнь двухсот пятидесяти молодых людей, служащих в батальоне Гергеи. Я должен сохранить их в целостности, всех до единого, для будущей борьбы. Ради этого я тоже должен знать все, что говорят и думают о них в штабе Пронаи. Пусть это станет частью и твоей заботы!

Я успокоил его, заверив, что сделаю все, что от меня зависит.

К сожалению, очень скоро я получил наглядный урок и убедился в том, что от меня зависит слишком мало.

Все началось однажды утром. Штаб отряда Пронаи жил своей обычной жизнью: взад-вперед сновали посыльные, трезвонили телефоны, в кабинете у шефа совещались руководители. Бела Олах поручил мне составить смету на получение продуктов и снаряжения; под предлогом выполнения этого распоряжения я торчал в штабе, чтобы дожидаться конца и узнать, о чем же совещались главари банды.

Вдруг я почувствовал, что вокруг меня что-то изменилось. Не понял, не увидел, а инстинктивно почувствовал. Такой интуицией обычно обладают люди, живущие в постоянной опасности. Но мне самому ничего, кажется, пока не угрожало. В следующий момент я почему-то подумал о своих бойскаутах. С одобрения поручика Олаха я привлек их к нашей службе в качестве практикантов-допризывников. Таким способом достигались одновременно две цели: во-первых, мои воспитанники ограждались от привлечения их на другие работы, а во-вторых, я получил надежных связных для себя лично. Бела Олах зачислил их в качестве подсобных рабочих — они грузили и доставляли из военных и нилашистских складов дефицитные продукты, получаемые нами по требованиям, подписанным Пронаи.

Не успел я разогнать свои тревоги, как перед моим столом появился Бела Олах.

— Представь себе, — заметил он деланно-равнодушно, — контрразведчики Секереша обнаружили среди солдат батальона Гергеи нескольких евреев.

Не знаю, как мне удалось не потерять самообладания. Вопрос уже вертелся у меня на языке — я должен был узнать подробности!

— Они сами явились сюда, чтобы получить провиант для батальона. Подумай только — сюда, в штаб Пронаи, где у всех такие носы, что они за версту чуют еврея! Их схватили сразу, едва они переступили порог.

Не помню уже, под каким предлогом я выскочил из гостиной в общую канцелярию — большой зал, где обычно дожидались поручений и мои мальчишки-бойскауты. По сей день не могу забыть выражения ужаса на совсем еще детском лице Габора Витеза и его друга, которые стояли, прижавшись к стене, с широко открытыми глазами, и, словно остолбенев, наблюдали за трагической сценой, разыгрывавшейся посреди комнаты.

Именно трагической, иначе ее не назовешь.

До сих пор не пойму, что побудило этих двух новобранцев из батальона Гергеи по доброй воле прийти сюда без приказа и, как выяснилось, совершенно бесцельно — никто их за провиантом не посылал. Что их сюда привело? Бравада, любопытство?

Со всех сторон на парней сыпался град пощечин, пинков и плевков. Мне было жаль этих юнцов, но вместе с тем я злился на них за их поступок. Из-за легкомыслия этих парней над всем батальоном Гергеи и его командиром Чохани нависла серьезная опасность. Я лихорадочно соображал, что можно было бы предпринять, чтобы как-то предотвратить беду.

Воспользовавшись минутным замешательством окружающих, я знаком позвал к себе Габора.

— Сейчас же вон отсюда, и бегом! Один — к лейтенанту Чохани, другой — к Шандору Салаи! Сообщите им, что здесь произошло, и немедленно!

Мальчишки выскользнули из канцелярии.

Сам же я подошел к телефону и связался с казармой батальона.

— Господин лейтенант Чохани отсутствует, — ответил дежурный по батальону. — В данный момент он находится на совещании у господина подполковника Пронаи.

Все пропало! В кабинет Пронаи мне хода нет. Остается единственная надежда на то, что хотя бы один из моих связных вовремя сообщит о случившемся кому-нибудь из наших.

Часы отсчитывали мучительно медленные минуты.

Наконец двери кабинета Пронаи открылись, на пороге появился он сам, а позади него в двух шагах показалась сухопарая фигура лейтенанта Чохани. Улучив момент, я прошмыгнул к нему и шепотом в двух словах сообщил о случившемся.

Толпа расступилась перед грозным предводителем. Холодным взглядом удава он смотрел на двух избитых юнцов. В этот момент прозвучал громкий, но спокойный голос лейтенанта Чохани:

— Господин подполковник, позвольте мне, как командиру, самому смыть это позорное пятно с чести моего батальона!

Присутствие духа и находчивость Чохани поразили меня. Он мгновенно оценил обстановку и определил единственный путь к спасению: надо было перекрыть вой шакалов рыком льва. Подойдя вплотную к несчастным новобранцам, Чохани обрушил на них лавину отборнейшей брани.

— Вы мне заплатите за все! — грозил он. — Я сам с вами рассчитаюсь, подонки! Я вам покажу, как втираться в ряды честных венгерских патриотов! Я научу вас, как нужно любить венгерского господа бога, иноверцы поганые!..

Окончив эту свою громогласную тираду, весь пылая от наигранного гнева, Чохани вновь обратился к Пронаи:

— Покорнейше прошу разрешить, господин подполковник, нам самим вынести приговор этим двум негодям, замаравшим честь батальона!

В эту минуту я взглянул на избитых парней и уловил мимолетный блеск надежды в их глазах: видимо, оба они поняли, чего добивается их командир.

Наступила мертвая тишина. Казалось, еще немного — и замысел Чохани удастся, но тут послышался хриплый голос одного из приспешников Секереша:

— Там, где скрывались два еврея, наверняка найдутся и другие!

Призрачная надежда на спасение рухнула. Не знаю, отдал ли приказ сам Пронаи, или это сделал кто-либо из его приближенных, но участь двух юнцов, по недомыслию забравшихся в эту западню, была решена.

Тотчас были выделены конвойные с приказом препроводить двух новобранцев в казарму и там на месте провести расследование, тщательный осмотр и обыск всего личного состава батальона с целью проверки национальной принадлежности его солдат.

Мне оставалось только надеяться на расторопность моих посыльных, вернее, того из них, который должен был отыскать Шандора Салаи и сообщить ему о происшедшем. Однако найти Салаи не удалось.

Разыгравшаяся трагедия, как я вскоре узнал, оказала влияние на судьбу батальона Гергеи.

НОЧЬ РЕШАЮЩИХ СОБЫТИЙ

Случилось то, чего и следовало ожидать. Хромой Ваннаи, Кача, отец и сын Секереш — закадычные друзья и сообщники нилашиста Коварца, пресловутого министра «тотальной мобилизации нации» в правительстве Салаши, — все настойчивее требовали от Пронаи ареста лейтенанта Чохани и расформирования его батальона с откомандированием взводов и рот в другие части.

В настоящее время трудно установить, что заставляло матерого старого бандита, каким был Пронаи, до времени отклонять эти требования своих обнаглевших приспешников. Можно лишь догадываться о том, что в слухах, распространенных после ареста нилашистами самого Пронаи, была доля правды. Пронаи был арестован по приказу Салаши в декабре. Сделали это самые преданные ему в прошлом офицеры. Бригада распалась, из нее выделились отряды Ваннаи и Качи, а группа Секереша была преобразована в третий отдел управления контрразведки. К этому времени была сброшена вся маскировка, и все трое, составившие «личный штаб» Пронаи, оказались отъявленными фашистами. А суть слухов заключалась в том, что Пронаи будто бы вел двойную игру: на словах распинаясь в верности «правительству» Салаши, он на деле искал контактов с англичанами, стремясь сохранить на всякий случай боеспособную воинскую часть в Будапеште.

Насколько эти слухи были достоверными, сказать трудно. Возможно, на Пронаи произвело впечатление смелое заявление Чохани или что-то другое. Во всяком случае, он не разрешил арестовать Чохани и разогнать батальон Гергеи. До поры до времени...

Между тем над нашим «гнездышком» на улице Каплони сгущались тучи. Гром грянул, когда мы меньше всего этого ожидали.

22 ноября вечером я навестил Шандора Салаи, чтобы обсудить с ним некоторые вопросы прежде, чем отправиться в «хоровой кружок». Здесь уместно упомянуть, что к этому времени Салаи, который с самого начала деятельности организации «Союза венгерских патриотов» отвечал за вовлечение в него военных и отдавал этому все силы, достиг некоторых успехов. В помещении редакции еженедельной газеты «Вашарнапи кеньв» на улице Стали, в доме номер 1 он уже не раз

встречался и вел переговоры с полковником Йене Недели, майором Иштваном Тотом, капитаном Ласло Тартшаи и военным инженером Лайошем Балогом.

Коммунисты-подпольщики тоже прилагали немалые усилия, в результате чего сложилась, наконец, единая военная организация сопротивления, возглавляемая специальным штабом. Она состояла из нескольких групп офицеров-патриотов.

В тот вечер Салаи отправился на квартиру Тартшаи, жившего на проспекте Андраши. Поскольку занятия «хорового кружка» до сих пор не привлекали к себе внимания, видимо, бдительность его членов несколько притупилась. Короче говоря, поздно вечером я, как обычно, пришел на «спевку» к Салаи, который жил неподалеку от меня. Дверь мне открыла заплаканная жена Салаи. Я не на шутку встревожился. Женщина не только не выпроводила меня, хотя и опасалась слежки, но и втащила в переднюю и заперла входную дверь. Не проронив ни слова, она провела меня в глубь квартиры и только там, убежденная, что нас никто не слышит, сказала:

— Шандора арестовали.

Стараясь сохранять спокойствие, я спросил:

— Откуда вам это известно?

— Он не вернулся домой, А недавно кто-то позвонил и сообщил, что Шандор находится в военной прокуратуре на проспекте Маргит, сидит в предварилровке.

— Голос был вам знаком?

Она молча покачала головой.

— Где документы, важные бумаги? Дома или в типографии?

— Здесь, где он их и оставил. С обыском пока еще не приходили.

У меня блеснула мысль немедленно уничтожить улики, спасти все, что можно.

На минуту я оцепенел: а может быть, уже поздно? Дом, видимо, находится под наблюдением, типография тоже... К счастью, молодость отважна, ей свойственно недооценивать опасность. Минутная растерянность сменилась жаждой деятельности.

Супруги Салаи имели немалый опыт в конспирации. Все документы, списки, адреса, представлявшие опасность для существования организации, были собраны и упакованы в один пакет, который я и положил к себе в портфель, чтобы унести домой.

Но это, разумеется, было довольно слабым утешением, так как в нашей небольшой импровизированной типографии оставались пачки бланков удостоверений участников движения Сопротивления с подписью: «Венгерский комитет национального освобождения». Кроме того, не было никакой гарантии, что ниточка расследования не выведет шпики и на меня. Нужно было срочно придумать что-нибудь более надежное.

Вот тут-то в первый раз я извлек пользу из круглосуточного дежурства моих бойскаутов, которое мы установили на квартире у родителей Габора Витеза.

По моему вызову ребята появились очень быстро. Для соблюдения правил конспирации не было ни времени, ни условий, если не считать того, что я постоянно держал под наблюдением улицу и переулок, ведущие к типографии на улице Кендер. Приходилось идти на риск, но иного выхода у нас не было.

Уверен, что некоторые читатели поставят мне это в упрек. В самом деле, имел ли я моральное право подвергать опасности подростков, едва достигших пятнадцати лет? Тем более что я отлично знал: попади они в руки нилашистов, юный возраст не спасет их от расправы.

Так или иначе, улики в типографии требовалось уничтожить. Это было необходимо сделать ради и арестованных товарищей, и тех, кто еще находился на свободе. Того требовали интересы нашего общего дела. Кроме того, таких верных и быстрых помощников, как бойскауты, я не смог бы найти. Да и можно ли было придумать более надежное место для того, чтобы спрятать все печатные материалы и бланки, вынесенные нами из типографии, чем школьные ранцы этих мальчишек?!

Возможно, это был безответственный поступок с моей стороны? По сей день не могу ответить на этот вопрос. Правда, с головы ребят не упало ни единого волоса ни тогда, ни позже. Но ведь могло случиться и иначе...

Работали мы с утроенной энергией, и типография быстро опустела. А через четверть часа после нашего ухода туда нагрянули агенты полиции и перевернули все вверх дном.

Мы же ломали себе голову над тем, что делать с этими очень опасными бумагами, которые мы спасли. Правда, теперь опасность грозила мне одному — я не мог больше подвергать риску ребят и их родителей. Вероятно, с точки зрения опытного подпольщика, я тогда

допустил серьезную ошибку, решив весь запас листовок и бланков отнести на квартиру к моему приятелю Золтану Сепеши.

Здесь я должен несколько подробнее рассказать о моем друге Сепеши и его семье, чтобы читатель узнал из моих воспоминаний, что героем был не только сам Золтан, погибший позднее в уличном бою, но и его старушка мать, и жена, ожидавшая в то время ребенка. Они не только приняли и сохранили все бумаги из типографии Салаи, но и охраняли их в буквальном смысле с оружием в руках и с риском для жизни до конца осады Будапешта.

В результате предательства (об этом мы сейчас знаем вполне достоверно) из рядов венгерского сопротивления фашисты начали одного за другим вырывать лучших наших людей. Тем временем положение батальона Гергеи становилось все более критическим. Я едва успевал сообщать Мико и Чохани о признаках надвигающейся угрозы, а также о том, что клика нилашистов Секереша — Ваннаи все настойчивее требует расформирования батальона. Когда же они вынесли решение арестовать Чохани, Мико сделал вывод, что настало время принять контрмеры. Между прочим, это был первый случай, когда я позвонил ему, воспользовавшись псевдонимом «Михай Келети-Ковач».

В ту же ночь взрывы гранат и автоматные очереди подняли с постелей жителей улицы Сенткирай. Взрыв толовой шашки распахнул ворота казармы, в которой располагался батальон Гергеи, после чего brave молодые, возглавляемые Чохани, забросали пустую улицу ручными гранатами и, поливая булыжную мостовую очередями из автоматов, громко кричали:

— Партизаны, партизаны! В ружье! Нас атакуют партизаны!..

Хорошо исполненная инсценировка нападения «красных партизан» имела благоприятные последствия. Во-первых, батальон сумел срочно передислоцироваться в другое место, а во-вторых, авторитет батальона в глазах Пронаи значительно возрос. На следующий день Пронаи во всеуслышание бросил упрек Ваннаи:

— Видишь, как ты ошибался! Если бы люди Чохани были красными, партизаны не атаквали бы их!

Таким образом, Мико и Чохани выиграли время. Правда, его хватило лишь на то, чтобы перевести дух.

Тем временем позиции самого Пронаи, его авторитет и доверие нилашистов к нему основательно покачнулись. Наступил тот

парадоксальный момент, когда доброе отношение Пронаи к батальону Гергеи могло принести только вред. По мере того как все теснее сжималось кольцо советских войск вокруг Будапешта, подонки типа Ваннаи больше и больше нагнали, а в городе бушевал террор нилашистов.

Для того чтобы описать их слепую ярость, расскажу лишь об одном случае.

Однажды мы с Габором Витезом, моим постоянным связным, шли на встречу с Шандором Салаи. Ничего подозрительного вокруг не было, и мы спокойно двигались по улице Йожефа по направлению к Бульварному кольцу. Вдруг я услышал звук выстрела и свист пули. Я мгновенно толкнул Габора на землю у стены дома и выстрелил в ответ. Из подворотни, в угол которой, подняв столбик пыли, ударила моя пуля, выскочил какой-то человек, пригибаясь побежал к ближайшему перекрестку и исчез за углом. Кто это был, с какой целью он выстрелил в нас, мы так и не узнали. Вероятнее всего, незнакомец просто жаждал убить кого-нибудь, ибо ничто так дешево не ценилось в те дни, как человеческая жизнь.

В той дикой обстановке власть в Будапеште все увереннее забирали в свои руки террористы из банды Салаши. Положение наших ребят в батальоне Гергеи становилось более ненадежным. Поэтому Золтан Мико и избежавшие ареста руководители сопротивления (в частности, коммунист Ласло Райк и Палфи-Эстеррейхер) решили найти повод и немедленно вывести батальон из Будапешта.

— Тебе, Миклош, поручается трудное задание, — сказал мне Золтан Мико. — Сегодня ночью люди Чохани в полном составе покинут город и переберутся в местечко Ипойдамашд.

Я едва удержался, чтобы не спросить, зачем мне об этом знать. Ведь в интересах конспирации... Впрочем, Золтану Мико лучше было известно, как следует поступать в подобных случаях. Я промолчал.

— Ты должен выяснить настоящее место их передислокации, потому что тебе поручается направить убийц из штаба Пронаи по ложному пути. Ты понял?

— Я понял, но как это сделать?

Мико лукаво усмехнулся и, помедлив, проговорил:

— Ты — кандидат в офицеры, унтер-офицер-юнкер. Тебя могут назначить дежурить по штабу. Для тыловой интендантской крысы это

иной раз совсем не вредно. — Лицо его снова стало суровым. — Все остальное ты должен сделать сам.

Некоторое время спустя ко мне заглянул Чохани и сказал, что его семья перебирается в Бержень, неподалеку от Вишеграда, и попросил изредка навещать их. Помолчав, он добавил:

— Сделай все, что сможешь, находясь в этом логове бандитов.

По сей день для меня остается загадкой, как Золтану Мико удалось добиться, чтобы меня в тот вечер назначили дежурным по штабу.

Другой столь долгой и мучительной ночи я, право, что-то не помню. Каждый шорох взвинчивал нервы. Каждый далекий выстрел или автоматная очередь мгновенно возвращали к мысли: не начался ли штурм казармы, где расквартирован батальон Гергеи? Обычный телефонный звонок заставил меня вскочить с места, словно под моим стулом разорвалась граната. К счастью, командование просто проверяло нашу бдительность. Но именно этот телефонный звонок и натолкнул меня на спасительную мысль...

Утром, когда в штабе появился Пронаи, я лихо доложил ему, что ночное дежурство прошло спокойно, если не считать того, что из штаба обороны города была передана телефонограмма, в которой содержался приказ в связи со внезапной атакой русских срочно перебросить на участок фронта возле города Вац одно из наших подразделений. Пользуясь властью оперативного дежурного, я направил туда батальон Гергеи.

Пронаи выслушал мой доклад молча, зато начальник контрразведки поручик Секереш, подозрительно прищурившись, набросился на меня с криком:

— Значит, телефонограмма?! Внезапная атака русских?! И никого, кроме сопляков Чохани, у тебя под рукой не оказалось?.. — Отступив на шаг, он, едва сдерживая бешенство, обратился к Пронаи: — Господин подполковник, я требую немедленно назначить расследование!

«Кажется, я попался, пощады не будет», — пронеслось у меня в голове. И вдруг я услышал спокойный, как всегда, голос Белы Олаха, моего непосредственного начальника:

— К чему такая паника, дорогой Пишта? Мой юнкер хоть и молод, но сказал вам чистую правду.

Секереш с раздражением повернулся к нему:

— А ты откуда знаешь? Тебя вообще здесь не было ночью.

Бела Олах с прежним спокойствием и обезоруживающей улыбкой парировал:

— Правильно. Я явился сюда чуть свет, чтобы составить заявки на необходимое вам продовольствие. Коль вы заставляете дежурить моего единственного помощника, кто же сделает это, если не я? Я вошел в тот самый момент, когда дежурный по штабу по телефону отдавал приказ Чохани немедленно выступить по направлению к Вацу.

В прошлом Бела Олах был удостоен звания «золотой витязь» в награду за участие в офицерском мятеже после первой мировой войны, осуществленном в Западной Венгрии, том самом, что привел Хорти к власти. Тогда он сражался плечом к плечу с Пронаи, Секерешем, Ваннай и Мольнаром и потому пользовался у них неограниченным доверием. Однако у Секереша все же нашелся еще один вопрос:

— Но почему его выбор пал именно на батальон Гергеи? Разве у нас нет других подразделений?

Вопрос был обращен явно ко мне, но меня и здесь опередил Бела Олах:

— Вполне разумное решение. Во-первых, это самое крупное по численности подразделение, а во-вторых, казарма батальона ближе других находится к указанному участку фронта. И наконец, в-третьих, уж если кому-то и суждено пожертвовать своей жизнью ради отечества, пусть лучше это будут сопляки из батальона Чохани, чем, скажем, brave молодцы из отряда Ваннай.

— Гм, логично, — промышчал Секереш, видимо удовлетворенный таким ответом. И, повернувшись к Пронаи, он добавил: — Господин подполковник, с решением дежурного я согласен.

Судьба тем временем сделала мне еще один подарок — именно в эти утренние часы в районе Ваца замкнулось кольцо окружения советских войск вокруг Будапешта. Таким образом, через час, когда об этом стало известно в штабе Пронаи, меня никто не мог бы уже уличить во лжи. Но в тот момент я об этом, разумеется, еще ничего не знал и ломал себе голову над тем, как мне избежать беды. По налитым кровью глазам Секереша и холодному взгляду Пронаи я понимал, что все это могло очень плохо кончиться для меня. В то же время мне было ясно, что Бела Олах солгал, чтобы спасти меня. Но почему? Зачем он это сделал? С какой целью?

Эти вопросы не давали мне покоя. Голова разламывалась после бессонной ночи, и я плохо соображал. С одной стороны, мне удалось

выполнить поручение Мико, выведя батальон Гергеи из-под удара в сипну. А с другой — Бела Олах, являвшийся одновременно другом и Мико, и Ваннаи, рискуя собственной жизнью, спас меня от расправы, пойдя на заведомую ложь.

Безуспешная попытка разобраться в этой путанице привела меня к выводу: необходимо поговорить с Белой Олахом напрямик, разумеется наедине и ничего не скрывая.

Однако в таком откровенном разговоре, как видно, нуждался и сам Бела Олах. Он нашел удобный повод, чтобы уйти из штаба вместе со мной.

Я решил начать объяснение первым, и отнюдь не по совету разума, а просто потому, что знал: нападение — лучшая защита.

— Благодарю вас, — сказал я, поравнявшись с ним в коридоре. — Но мне хотелось бы понять причину...

Олах остановился и взглянул мне в глаза.

— Видишь ли, Миклош, хитрить я не стану. Сейчас правду знаем только мы с тобой. Я и раньше догадывался, а теперь знаю наверняка, на чьей ты стороне. Сейчас ты имеешь возможность убедиться, что я хотел бы стать вашим другом. Между прочим, именно поэтому я и помог тебе устроиться в штабе. Если помнишь, это я разговаривал с Золтаном Мико, другом моего детства, когда ты впервые появился в этих стенах. Уже тогда я принял решение перейти к вам, но Мико, боясь навредить тебе, быстро распрощался и ушел. Из этого я сделал два вывода: во-первых, Мико, зная о моем прошлом, связанном с Пронаи и Ваннаи, не до конца доверяет мне. А во-вторых, если ты, зеленый унтер-офицерик, ему нужнее и дороже, чем друг детства, которого он не видел много лет, то это означает, что ты и есть тот самый человек, через которого я в случае необходимости смогу установить контакт с Мико и его друзьями. Теперь понял? Мои сомнения рассеялись.

— Я хочу сражаться вместе с вами, — понизив голос, сказал Бела.

— Вы имеете на это полное право, что и доказали на деле, — ответил я.

Мико с нетерпением ждал моего доклада. И хотя он уже был информирован о случившемся из других источников, сведения из первых уст со всеми подробностями доставили ему настоящую радость. Его интересовали подробности, и потому он не упустил ни малейшей детали, переспрашивая по нескольку раз о различных мелочах, казавшихся мне не имеющими особого значения.

В заключение я сообщил ему о нашем разговоре с Белой Олахом.

Мико, немного подумав, сказал:

— Ты поступил правильно. Мне кажется, Бела окончательно решил, с кем ему по пути. Он может оказаться нам очень полезен. Хотя бы потому, что в глазах главарей этой банды он вне всяких подозрений...

В тот же день я повторил свой доклад барону Эде Ацелу, связанному с Дудашем, и попросил разрешения вручить Беле Олаху удостоверение участника движения Сопротивления.

— Вручим, — согласился Ацел. — Мы должны принимать в нашу организацию всех, кто добровольно желает сражаться против гитлеровцев. — Грустно улыбнувшись, он добавил: — Право, мне более симпатичен тот, кто сам желает стать нашим другом, чем тот, кого приходится тащить чуть ли не на веревке.

Я не понял его, и тогда он пояснил:

— Понимаешь, я как-то дважды беседовал до петухов с генерал-полковником Миклошем Дальноки, доказывая ему необходимость перейти на сторону союзников. Он все понял и перешел. Правда, только с адъютантом, без подчиненной ему армии. Что же касается другого генерал-полковника, Яноша Вереша, то тут дело обернулось намного хуже: после второй беседы он едва не отправил меня под арест. Только после третьей встречи этот «гигант мысли» уразумел, наконец, чего от него ждут, и сделал нужный шаг. Видишь, какие дела. А твой Бела Олах явился к нам сам, молодец!..

Разумеется, барон Эде Ацел был далек от того, чтобы ставить знак равенства между генералами и Белой Олахом. Как никому другому, Ацелу было известно, насколько трудно и опасно такому известному деятелю решиться на подобный шаг. Именно поэтому барон не жалел сил и энергии для того, чтобы повернуть против гитлеровцев и вовлечь в движение Сопротивления прежде всего военачальников самого высокого ранга, ловко используя для этого свои великосветские связи и положение в обществе. Сам он тогда уже входил в состав «Венгерского национального комитета освобождения».

И хотя в те дни я несколько не сомневался в правдивости его рассказа о генералах Вереше и Дальноки, эти усилия Эде Ацела только после освобождения страны Советской Армией и ее победы над гитлеровской Германией получили официальное подтверждение. Правда, премьер-министр временного венгерского правительства

Дальноки и его военный министр Вереш сами постеснялись заявить об этом, но в ходе судебного процесса, проходившего в феврале 1948 года, верховный суд, занимавшийся делом одного из главных военных преступников, генерал-майора Золтана Сюди, командира дивизии «Святого Ласло», в своем приговоре отметил, что барону Эде Ацелу еще в 1944 году удалось склонить к выступлению против гитлеровцев даже Золтана Сюди с его дивизией. Правда, на деле генерал-майор поступил прямо противоположно взятому на себя обязательству: он вывел дивизию в Австрию и сражался на стороне гитлеровцев до конца, что и послужило отягчающим обстоятельством при вынесении ему обвинительного приговора.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ

Я сдержал обещание, данное мною лейтенанту Чохани. Спустя несколько дней, получив известие о том, что батальон Гергеи под командованием лейтенанта благополучно выбрался из окруженного Будапешта, я поспешил обрадовать этой вестью жену Чохани. Судьбе было угодно, чтобы я застал ее дома живой и здоровой, хотя могло быть и иначе. Она рассказала, что в ту ночь, когда батальон, поднятый по тревоге, спешно покидал столицу, вооруженные нилашисты ворвались в ее квартиру, имея приказ арестовать поручика.

Заслонив собой насмерть перепутанных детишек, храбрая женщина не растерялась и дала бандитам решительный отпор:

— Вы спрашиваете, где мой муж? А разве ваши жены знают, где вы и что вы делаете сейчас? Стыдитесь! Мой муж такой же военный, как и вы, а потому не отчитывается передо мной, куда он идет и что делает, — он выполняет приказ!

Такой ответ оказался убедительным даже для нилашистов. Они ушли, и семью Чохани больше никто не беспокоил. По-видимому, наш тактический трюк удался — кровожадная троица Секереш — Ваннаи — Кача удовлетворилась тем, что «неверный» батальон истекает кровью где-то на передовой.

А события между тем, словно обезумевшие лошади, неслись вскачь, увлекая карету к пропасти. Настали поистине невероятные времена, разгул террора превзошел все границы.

Оказалось, например, что сам Пронаи был недостаточно ярым фашистом. Его разоружили и арестовали. Вся его дружина распалась на три самостоятельных отряда, действовавших, впрочем, по-прежнему в тесном контакте. Где засела группа Качи, я теперь уже не помню, «рота смерти» под командованием Ваннаи захватила здание реальной гимназии Толди в Будапештской крепости, а опергруппа отца и сына Секерешей избрала резиденцией большой доходный дом на улице Донати. Произошли и другие изменения. Ваннаи, например, получил от Салаши чин майора и, отбросив остатки лавров борца за справедливость, превратился в откровенного карателя-садиста. Мало в чем уступала ему и опергруппа Секерешей, названная теперь третьим

отделением контрразведки при министре «тотальной мобилизации нации» в правительстве Салаши.

Что касается Белы Олаха, меня и еще одного унтер-офицера по фамилии Сентдверди, то нас по требованию Мико и Салаи оставили при опергруппе Секерешей в качестве снабженцев.

Благодаря этому мы имели теперь ряд привилегий и преимуществ. К примеру, мы получили десятка два бланков для так называемых пропусков-«вездеходов» с печатью контрразведки и передали их нашим. Один из бланков сослужил добрую службу самому Мико, который вскоре вынужден был бежать, спасаясь от преследования гестапо или от нилашистского полевого суда, расстреливавшего на месте по одному лишь подозрению. Однако этот документ, вероятно, осложнил его судьбу после того, как он сдался в плен советским войскам, взявшим Будапешт. В этом я убедился на собственном опыте, хотя и несколько позже. Пропуск с печатью контрразведки был, разумеется, не самой лучшей рекомендацией в глазах советских офицеров. Но, пока шли бои, мы имели открытый доступ к продовольственным складам и другим пунктам снабжения и кормили вволю не только сотрудников Секереша, но и солдат-дезертиров, бежавших из гетто евреев, а также других скрывавшихся в подполье политических противников режима Салаши. Многих из них нам удалось спасти от расправы.

Однако эти пропуска обязывали нас время от времени появляться в резиденции Секерешей на улице Донати, где мы встречались со здоровенными, зверского вида парнями. В зеленых рубашках с закатанными рукавами, в высоких шнурованных ботинках они походили на мясников, и, глядя на них, я всякий раз испытывал чувство затаенного страха. Внешне наши отношения были самыми дружественными: ведь это мы снабжали их отборными винами, набивали их животы деликатесами. Однако я содрогался при одной только мысли о том, что они с нами сделают, если узнают, кто мы такие на самом деле. А поводов для провала каждый день находилось достаточно.

4 декабря были освобождены из военной тюрьмы на проспекте Маргит наши соратники и друзья, ранее арестованные на квартире у Тартшаи — Шандор Салаи, Дьюла Лопец, Иван Болдижар, Ласло Гараи и жена Тартшаи. Им помог оправдаться тоже наш человек, военный прокурор поручик Лорант Шомоци. Однако нилашистам все же удалось

нанести удар по движению Сопротивления в столице. Связи между отдельными уцелевшими группами были нарушены. Мы делали, что могли, но сила была уже не на нашей стороне. Салаши со своими нилашистами взял верх.

Правда, мы продолжали вести подпольную работу, веря в то, что рано или поздно победим. И я убежден, мы боролись бы даже без надежды на успех, только ради того, чтобы после победы союзников перед верховным судом объединенных наций наша многострадальная отчизна предстала бы не только как послушный сателлит Гитлера, но и как нация, нашедшая в себе силы для борьбы против него.

Возможно, в условиях террора наш план открыть путь советским войскам в сердце столицы был слишком смел, но все же выполним. Интересы Будапешта и его жителей требовали этого все настойчивее.

В соответствии с этим планом Мико дал нам новое задание: собирать данные, необходимые для того, чтобы помешать гитлеровцам разрушить мосты через Дунай. Кроме этого он потребовал выявить и нанести на карту все противотанковые препятствия, нащупать наиболее слабые места в обороне города, превращенного по приказу Гитлера в крепость, а затем все сведения переправить советскому командованию.

Для выполнения этого задания мы располагали неплохими возможностями: наши бойскауты, снабженные теперь вместо удостоверений бригады Пронаи пропусками-«вездеходами» с печатью контрразведки, удостоверившими, что подростки зачислены во вспомогательное подразделение безопасности, шныряли везде. Они крутились около мостов, возле спешно возводимых укреплений и дотов в предместьях города и на перекрестках. Однажды Золтан Рамотша сделал любопытное открытие: острая подковка на каблуке его сапога отлично перерезала немецкий телефонный провод. И теперь частенько подростки веселой стайкой окружали Золтана, заслоняя его от посторонних глаз, а он тем временем быстро делал свое дело.

Чертежи, зарисовки и карты между тем собирались ежедневно. Получая их, Мико был доволен. Не знаю, удалось ли ему передать их советскому командованию, но поручение было выполнено.

Одно из последних заданий я получил от Мико накануне рождества. Когда мы встретились, я увидел, как осунулось его продолговатое суровое лицо, только глаза лихорадочно блестели, выдавая неукротимость духа и неистощимую энергию. Изобретательность Мико в военном отношении была беспредельна. В

его голове было полно планов, всегда конкретных, лишенных какой бы то ни было нереальности, а принятое решение он всегда доводил до конца.

— У меня есть для тебя одно дело. С твоими данными вполне выполнимое. Берешься?

— Разумеется. Говори.

— С севера русские подошли к самой окраине Будапешта. По последним сведениям, их части вот-вот займут Гед. Необходимо разведать силы гитлеровцев в этом районе. Нас интересует все: номера воинских частей, их укомплектованность, вооружение, узлы сопротивления...

Задача была не из легких, но «госпожа удача», столько раз приходившая мне на помощь до этого, не изменила и на этот раз. Благовидный повод для того, чтобы отправиться в Гед, нашелся. Один из моих бойскаутов, Эчи Кенцеи, два дня назад отправился навестить своих дедушку и бабушку, живших в Геде, и пропал. Мать мальчика была в отчаянии, и я, как руководитель бойскаутов, естественно, просто обязан был его разыскать.

Взяв с собой унтер-офицера интендантской службы Иштвана Маркоша, который отлично говорил по-немецки, я отправился в путь.

До железнодорожного моста в Уйпеште мы добрались без особых приключений, но затем обстановка резко изменилась — теперь через каждые сто метров патрули проверяли документы. К счастью, пропуск на бланке с печатью контрразведки ни у кого не вызвал сомнений, и мы беспрепятственно добрались до переднего края обороны. Более того, один из немецких полевых жандармов, сочувствуя «коллегам», подвез нас на мотоцикле и высадил близ передовой.

Тут было уже совсем горячо, беспрерывно рвались мины, поле было изрыто бомбами и снарядами. Перебегая от одной воронки к другой, мы пробирались вперед, к видневшемуся неподалеку ряду домов. Помнится, в них жили железнодорожники, обслуживавшие линию, ведущую на Будапешт. Впереди темнела роща, примыкавшая одним краем к Дунаю. Оттуда слышалась пулеметная стрельба, доносились короткие автоматные очереди, разрывы мин. Было ясно — за рощу шел бой. Нас отделяли от нее всего несколько сот метров.

Прячась за стенами домов, мы отправились дальше. И тут у нас за спиной послышался громкий окрик:

— Стойте! Эй, куда вы?!

Окрик прозвучал не по-военному, но в голосе кричавшего было что-то такое, что заставило нас повиноваться. Мы остановились, плотно прижавшись к стене.

— Кто вы? Немцы или венгры?..

— Венгры, — ответил я и, бросившись на землю у самой стены, отполз за угол, увлекая за собой Маркоша. И вовремя: где-то совсем рядом полосула автоматная очередь.

В подворотне мы натолкнулись на пожилого мужчину, одетого в синюю форму железнодорожника.

— Благодарите господ, что остались живы, — добродушно сказал он и ободряюще похлопал меня по плечу.

— А в чем, собственно, дело? — спросил я.

Мы переглянулись с Маркошем и поняли, что окрик этого человека спас нас от верной гибели. Старый венгр, довольный, что оказал услугу своим братьям по крови, улыбнулся.

— Я говорю, благодарите господ, — повторил он. — Разве вы не знаете, что за теми домиками и в роще уже полно русских? Вон там, — ткнул он пальцем в сторону рощи.

У меня по спине пробежал холодок. Признаюсь, я с нетерпением ожидал встречи с русскими. Ожидал давно, так же, как все мы ждали прихода воинов-освободителей. Но только хотелось, чтобы это было не так, без автоматной очереди из-за угла и без захвата в плен. Я мог бы сколько угодно объяснять потом советским офицерам, что пропуск из контрразведки, который лежал у меня в кармане, на самом деле всего лишь прикрытие, а сам я и мой напарник Маркош — участники группы, действующей в логове фашистов. Кто бы мне тогда поверил? И если бы даже нас не пристрелили на месте, то сколько времени пришлось бы нам сидеть в каталажке, прежде чем мы доказали бы свою невиновность? Поэтому мы с благодарностью пожали руку старому железнодорожнику, остановившему нас на нейтральной полосе, и, прячась за домами, со всех ног кинулись назад, к линии обороны, которую мы незаметно перешли.

В крайнем доме помещалась пекарня. Вывеска гласила: «Булочная Видермана». Нас остановил часовой. Он доставил меня и Маркоша в подвал к какому-то немецкому обер-лейтенанту. Тот глянул на нас подозрительно и угрюмо, но, увидев наш документ, оттаял и громко захохотал, показывая на пальцах, как нас обоих там, у русских, вздернули бы на виселицу.

Нас угостили палинкой. Должен сознаться, она пришлась нам по вкусу и оказалась очень ко времени. Наша история с поисками пропавшего мальчика-бойскаута показалась обер-лейтенанту настолько забавной, что он еще больше развеселился. Наша вылазка, едва не окончившаяся столь печально, увенчалась, можно сказать, успехом, так как свои наблюдения, сделанные по пути, мы дополнили сведениями, услышанными от подвыпившего обер-лейтенанта, почем зря ругавшего свою судьбу.

На обратном пути нам опять пришлось пробираться где ползком, где короткими перебежками. Когда мы наконец оказались в безопасной зоне и присели отдохнуть, Маркош сказал:

— Послушай, Миклош, тут неподалеку живет мой добрый приятель. Давай заглянем к нему, погреемся и перекусим. Кроме того, у меня к нему есть деловое предложение, надо кое о чем поговорить.

Мой спутник Иштван Маркош был владельцем небольшой трикотажной мастерской в Андялфельде, в одном из рабочих районов Будапешта, по соседству с костелом кармелиток. Учитывая, что он добровольно вызвался сопровождать меня в этой отнюдь не безопасной экскурсии, я не мог ему отказать. Могло лишь показаться странным, что даже в такой экстремальной ситуации он сохранил желание заниматься коммерцией. Впрочем, мои сверстники и теперь, сорок лет спустя, должны помнить, что в ту суровую зиму 1944 года, когда смерть косила людей налево и направо, мы воспринимали все происходящее как-то менее серьезно, чем теперь, в наши дни, когда читаем, например, в газете об автомобильной катастрофе. Если смерть подстерегает за каждым углом, ежечасно и ежедневно, то настолько привыкаешь к опасности, что она не мешает заниматься повседневными делами... Да, было и так. Кто бы теперь поверил, что в дни, когда на окраинах Будапешта шли ожесточенные бои, в центре города регулярно ходили трамваи, что в январе 1945 года жители проспекта Пашарети в Буда звонили по телефону своим родственникам или знакомым на ту сторону Дуная, в Пешт, чтобы сообщить: «Представьте, русские у нас уже второй день!...»? Кто бы поверил в то, что даже самые боязливые и тихие люди под пулями и осколками выползали на улицы и, гонимые голодом, вырезали для пропитания куски мяса из мерзлых трупов убитых лошадей, лежащих на мостовой? А ведь именно так все и было.

Компаньон Маркоша, мастер-вязальщик по фамилии Кальмар, имел уютную небольшую виллу в предместье Ракошпалота.

Едва мы вошли в палисадник, разбитый перед домом, как хозяин появился на пороге, приветливо замахал руками:

— Добро пожаловать!

Позвонив по телефону от имени Михая Келети-Ковача, я коротко сообщил все, что мне удалось узнать. Мико обрадовался, а выслушав мой доклад, засыпал меня вопросами. Его интересовало, например, как относится население прифронтовой полосы к гитлеровцам, каковы интенсивность огня, размещение огневых точек, соотношение пулеметного и артиллерийского огня на участке Геда с обеих сторон и прочее.

В наши дни, спустя более чем сорок лет, мнение мое остается неизменным: именно на этом участке фронта при нашей поддержке изнутри советские войска могли бы осуществить прорыв с наименьшими для себя потерями. Но увы, наши планы остались лишь планами, так как вооруженные группы борцов были разрозненны и обескровлены террором.

Благие порывы Шандора Салаи, Ференца Мадьяри и Йожефа Дудаша тоже скоро иссякли. Бои продвигались все ближе к центру Пешта. Русские занимали улицу за улицей, квартал за кварталом. Для нанесения организованного удара по гитлеровцам изнутри у нас уже не оставалось ни возможностей, ни времени, ни сил.

В первое январское утро Бела Олах встретил меня с непривычным для него волнением:

— Миклош, у меня есть для тебя сюрприз. Следуй за мной!

Мы спустились в полуподвал, прошли по каким-то коридорам. Остановившись у невзрачной дощатой двери, Бела постучал условным стуком. На пороге полутемной кухни появилась бледная, болезненного вида молодая женщина, зябко кутавшаяся в платок. Она провела нас в большую комнату с завешенным окном. У стены на кровати лежал какой-то человек с забинтованной головой. Лицо его время от времени подергивалось от боли.

— Позволь тебе представить: Ласло Миклош Дальноки и его супруга, — произнес Бела.

Удивлению моему не было границ.

— Ты хочешь сказать, это родственник того самого Миклоша Дальноки?

Генерал-полковник Дальноки был в то время уже премьер-министром временного венгерского правительства в Дебрецене.

— Того самого, — слабо улыбнулся раненый и протянул мне здоровую руку. — Я его сын.

— Спасаясь от гестаповцев, они бежали по улице, — объяснил мне Бела Олах, — а тут разорвалась мина. Жена отделалась царапиной, мужу досталось крепко. К счастью, все это произошло на моих глазах, я как раз возвращался домой. Потасил обоих в ближайшую клинику, врача удалось уговорить. Сделали перевязку, и теперь они тут, под нашей опекой. Тебе все понятно?

Мне было понятно все. Более того, я искренне обрадовался тому, что могу оказать хоть какую-то помощь сыну первого демократического премьера Венгрии и его жене. Этого чувства горделивой радости не мог испортить даже еще один сюрприз, который ожидал нас по возвращении в квартиру Белы Олаха.

В дверь позвонили. Супруга Белы вышла в прихожую, чтобы посмотреть, кто пришел. Мы продолжали разговор, обсуждая, как нам действовать дальше в создавшемся положении. Из прихожей слышались громкие голоса, затем жена Белы громко крикнула:

— Бела, иди скорее сюда! Какой-то человек хочет силой открыть дверь!

Мы выбежали в прихожую и увидели, как худенькая Белане пытается преградить путь какому-то верзиле в кожаной куртке, который, просунув в щель ногу, медленно отжимает дверь внутрь.

— Пусть войдет! — не повышая голоса, сказал жене Бела.

Дверь распахнулась, и в прихожую ввалились двое незнакомцев.

— Нам нужен доктор Бела Олах! — грубо заявил верзила, очевидно старший.

— И зачем он вам понадобился?

Незнакомец в кожаной куртке издали показал какое-то удостоверение и, сделав выразительный жест, прогремел:

— Полиция!.. Все трое пойдете с нами!..

Бела незаметно подмигнул мне, и два пистолета, его и мой, тотчас же нацелились на незваных гостей.

— Ни шагу дальше, иначе получите пулю! Каждый по одной!

Угроза Белы возымела действие. Агенты поняли, что шутить с ними никто не собирается.

— Ну а теперь выкладывайте, в чем дело! — спокойно продолжал Бела.

Оказалось, кто-то донес в полицию, что поручик Бела Олах дезертир и вдобавок укрывает у себя в доме других дезертиров.

— У меня приказ произвести обыск, задержать и доставить задержанных в участок. Вот ордер! — вновь повысил голос рослый агент.

— Ах, вот как! Тогда откройте глаза пошире, коллега! — С этими словами Бела поднес к самому носу агента свое удостоверение.

Когда верзила увидел штамп отдела контрразведки и печать со скрещенными стрелами, глаза у него сделались большими и круглыми.

— Простите, господин поручик... мы не знали, — растерянно пробормотал он. — Извините великодушно. Разрешите идти?

Но Бела Олах был виртуозом в делах подобного рода. Он решил, что у гостей не должно остаться ни малейшего подозрения в отношении его благонадежности.

— Не разрешаю. Вы не уйдете отсюда до тех пор, пока не отведаете моего лучшего коньяка: храню его только для товарищей по борьбе.

Через четверть часа агенты удалились в самом радушном настроении (марочный коньяк в то время был большой редкостью) и в полной уверенности, что в доме поручика Олаха посторонних нет и быть не может.

С Шандором Салаи я в те дни встретился лишь один раз. Узнав в отделе Секереша на улице Донати, что снова готовится его арест (это было 10 января), я тут же позвонил на пункт связи наших бойскаутов и приказал связному со всех ног бежать к дядюшке Шандору. Предупрежденный таким образом, Салаи успел вовремя уйти из дому вместе со своим сыном Ласло. Оба они благополучно избежали ареста и добровольно вступили в армию, а точнее говоря — под видом солдат укрылись на зенитной батарее, которой командовал капитан Хомороди, честный человек и наш друг. В гимназии Барчаи, где располагалась батарея, нашли убежище не только они, но и многие другие патриоты. Там-то я и увиделся в последний раз с дядюшкой Шандором. Мы простились в надежде на встречу в лучшие времена.

Что касается Мико, то он внезапно исчез вместе с Дудашем, Мадьяри и бароном Эде Ацелом. Вероятно, они ушли в глубокое подполье. Я тешил себя надеждой, что полученные от меня пропуска с печатью контрразведки спасут их хотя бы на время от ареста нилашистов или гитлеровцев, совсем потерявших голову от неудач,

которые их преследовали, и хотя я допускал возможность провала, но был уверен в том, что они не назвали бы никого из нас, действовавших под носом у Секерешей. Я хорошо знал этих людей.

Так, потеряв связь с руководством, мы остались с Белой Олахом, как говорится, сами по себе. И хотя возможности у нас были невелики, мы все же искали случай, чтобы воспрепятствовать хотя бы некоторым из тех бесчисленных преступлений, которые совершали фашисты, обезумевшие от страха перед неизбежностью окончательного разгрома.

Январь 1945 года выдался на редкость холодным. На улицах и площадях осажденной столицы валялись неубранные трупы людей и лошадей, превратившиеся от мороза в камень. Живые равнодушно проходили мимо; постоянная возможность погибнуть от шального снаряда или бомбы притупила все человеческие чувства, сделав людей безразличными ко всему.

Однажды нам стало известно, что банда Ваннаи, расквартированная в здании гимназии Толди, держит в бомбоубежище арестованных и собирается расстрелять их после допросов. О двух узниках нам удалось получить более подробную информацию. Оба они были функционерами запрещенной Салаши социал-демократической партии. Первого ввали Дьюла Антал, он был ближайшим помощником Антала Бана, одного из лидеров социал-демократов, ставшего министром после освобождения страны. Вторым был Ласло Тимар, известный журналист, сотрудник газеты «Непсава», запрещенной фашистами.

Первые сведения мы получили случайно, но нам пришлось изрядно потрудиться, уточняя их. Работать надо было с величайшей осторожностью.

Риск был большой, но нас снова выручила находчивость Белы Олаха. Он отправился навестить Ваннаи на правах «старого друга по борьбе» и, ловко сыграв на его тщеславии и не возбуждая подозрений, выведал у хитрого главаря банды имена пленников, наиболее известных в Венгрии. Оставалось только узнать пароль и отзыв на сегодняшний день. Тут Бела Олах применил простой, но безотказный прием: он рассказал Ваннаи, что нам удалось вывезти из-под носа у наступающих русских предназначенный к эвакуации склад продовольствия о различными деликатесами и теперь он хочет доставить его в распоряжение Ваннаи для его молодцов. Ваннаи клюнул на эту приманку.

Попутно удалось узнать, что в группу заключенных входит около двадцати человек, а охраняют их не только люди Ваннаи, но и эсэсовцы, что значительно осложняет дело.

Спасать решили всю группу целиком, однако попытка достать военный санитарный грузовик с красным крестом успехом не увенчалась. В нашем распоряжении имелась всего лишь одна большая легковая машина «пontiак» с опознавательными знаками штаба корпуса.

Кстати, приобрести эту машину нам тоже помогли счастливый случай и изобретательность Олаха. Однажды под вечер, идя к нему на квартиру, мы вдруг заметили перед подъездом одного из обычных одноэтажных домишек роскошный легковой автомобиль. Такое несоответствие не ускользнуло от внимания Белы Олаха, а у него на подобные дела был острый нюх. «Подожди меня здесь!» — выпалил он и исчез в подворотне дома. Через несколько минут поручик вышел из подворотни, а за ним с убитым видом плелся худощавый паренек в форме с унтер-офицерскими погонами. Оказалось, что «пontiак» обслуживал семью генерала Ференца Фаркаша Кишбарнаки, оставшегося вне будапештского котла. Но бравому шоферу так осточертела война, что он, не долго думая, подкатил прямехонько к своему дому на улице Теме, бросив семейство генерала на произвол судьбы. Шофера мы немедленно зачислили в свой штаб, чтобы использовать роскошный «пontiак» для перевозки продовольствия, а в случае необходимости — и для перевозки дезертиров, беглых политзаключенных и участников антигитлеровской борьбы.

В пятиместном «пontiаке» мы всю группу сразу, разумеется, не вывезли бы. Могли забрать только двоих. Но как их вытащить из застенка? И кого именно?..

Тому, кого судьба никогда не ставила перед такого рода выбором, трудно понять наше отчаяние. Сознание собственного бессилия угнетало нас. Мы перебирали все возможные варианты и каждый раз упирались в тупик. Вырвать всех заключенных из лап Ваннаи и команды эсэсовцев шансов не было.

Надо было на что-то решаться — и мы решились. Пусть мы спасем хотя бы двоих...

Поздно вечером наш автомобиль остановился перед подъездом гимназии Толди. И поныне, всякий раз проходя мимо этого здания, я люблюсь его красотой. Строгость, даже некоторая угрюмость готики,

умело сочетаемая с изяществом и затейливостью более позднего барокко, всегда вызывает у меня несколько странное, но приятное чувство. Правда, в тот холодный январский вечер 1945 года мне было не до красот архитектуры.

Мы решили, что Бела Олах в сопровождении шофера войдет в здание и, назвав пароль, скажет, что ему приказано забрать на допрос двух арестованных. Я тем временем буду ждать в машине, чтобы в случае неудачи прикрыть их отход. Такое решение на первый взгляд могло показаться ошибочным, так как я не умел управлять автомобилем. Но в то же время каждый из нас понимал, что двоих арестантов вряд ли выдадут одному офицеру без сопровождающего автоматчика, даже если он и предъявит удостоверение контрразведчика и правильно назовет пароль. Кроме того, мы не были абсолютно уверены в надежности нашего шофера и не рискнули бы оставить его в машине одного.

Вначале все шло гладко. Удостоверение и пароль оказали на охранников должное воздействие. Подозрений относительно того, зачем венгерский контрразведчик в сопровождении автоматчика берет двух арестованных на допрос, ни у кого не возникло.

Сев в машину, мы благополучно выбрались из оцепленного квартала и, переехав через мост в Пешт, оказались на площади Кальвина, где нас и задержали. Ситуация сложилась такая, что я уже не надеялся избежать стрельбы. Лейтенант из немецкой полевой жандармерии, сопровождаемый двумя верзилами в касках, казался неумолимым. Он орал и ругался, по-видимому заподозрив что-то неладное. Но безукоризненный немецкий язык Белы Олаха, его умение держаться и присутствие духа и на этот раз сыграли свою роль. Нас пропустили...

Случилось это 14 января. На другой день район Йожефвароша, где мы проживали, был освобожден советскими войсками.

В ПАРТИИ МЕЛКИХ СЕЛЬСКИХ ХОЗЯЕВ

Фронт стремительно приближался. Всего несколько кварталов отделяли проспект Йожефа, где стоял наш дом, от передовой. Удирать куда-либо было бессмысленно, да и просто невозможно. В один из дней утром под арками первого этажа, защищавшими от осколков и пуль с улицы, собралось несколько жильцов дома. Мы прислушивались к пулеметным очередям и гадали, где же идет бой. Вдруг позади нас, в палисаднике перед двухэтажным особняком на улице Нап, появился советский солдат. Один-одинешенек, в шапке-ушанке и с автоматом на шее. Появление его было настолько естественным и непринужденным, что мы остались стоять там, где и стояли, продолжая разговор.

Заметив нашу группу, солдат неторопливо положил руку на приклад автомата.

— Немцы есть? — спросил он, не повышая голоса.

Удивительный город наш Будапешт! Я думаю, не найдется в мире нации, на языке которой не говорил бы кто-нибудь из жильцов любого доходного дома Будапешта. Стоило появиться перед нами советскому солдату, как тотчас выяснилось, что несколько человек вполне сносно изъясняются на его языке. Одни в годы прошлой войны были в русском плену, другие жили в Словакии и знали словацкий. Во всяком случае, тут же нашелся добровольный переводчик.

— Немцев нет, одни мадьяры! — прозвучал ответ.

— У кого есть оружие, сложить вот сюда! — Солдат указал дулом автомата на булыжную мостовую у своих ног.

Оружие, конечно, имелось. Переодетые офицеры, полицейские, кое-кто из гражданских без сожаления побросали свои пистолеты и револьверы в кучу.

У меня невольно мелькнула мысль: а что, если всех, кто сдал оружие, наш освободитель сочтет военнопленными? Значит, я окажусь в плену? Это не входило в мои намерения. Я вынул из-за пазухи свое удостоверение участника движения Сопротивления и отдал его солдату.

Он взял документ и стал внимательно его разглядывать. Добравшись до русского текста, напечатанного внизу, солдат сразу же

просветлел.

Но, видимо, тревога относительно предстоящего плена возникла не у меня одного. В группе обитателей нашего дома, оказавшихся теперь у меня за спиной, началось шушуканье. Затем доброволец переводчик, видимо боясь навлечь беду на остальных, от лица всех присутствующих решительно потребовал, чтобы я тоже бросил пистолет в общую кучу.

Скрепя сердце я вытащил из заднего кармана старый вальтер и осторожно положил его на самый верх кучи.

Русский взглянул на меня с удивлением.

— Зачем ты это сделал? — спросил он и, выслушав объяснение переводчика, неожиданно наклонился, поднял мой пистолет и отдал его мне. — Ты партизан, имеешь право носить оружие. Ты стрелял из него по врагу...

Так начался для меня первый час свободы.

Последующие часы были заполнены до предела — здесь было и более подробное знакомство с чем-то новым и необычным, и старание осмыслить эту новизну, и, главным образом, ожидание еще чего-то.

На другой день утром, к моему удивлению, ко мне на квартиру явился мой старый знакомый Пал Репаи. С ним пришел еще один парень, имени которого я не помнил. Внизу во дворе толпилась большая группа венгерских солдат-дезертиров (теперь уже бывших), а также молодых и старых евреев, мобилизованных по трудовой повинности. На плечах у всех красовались лопаты, кирки и ломы.

Спустившись во двор, я спросил:

— Зачем вам этот инструмент? Окопы рыть уже не надо.

— Это теперь у нас вместо документов, — со смехом пояснил Пал Репаи.

Я продолжал недоумевать. Тогда Пал Репаи просветил меня более обстоятельно: едва фронт отодвинулся на несколько кварталов к западу, как советское военное командование тотчас же мобилизовало все взрослое мужское население на разборку развалин и захоронение трупов, расчистку заваленных обломками улиц. Лопата или кирка на плече и рабочая роба стали самым надежным пропуском в освобожденной части города. Сначала нужно было расчистить город, а уже потом разбираться, кто есть кто.

Мы договорились, что завтра они придут опять, а до того времени я постараюсь выяснить общую обстановку.

Далеко ходить мне не пришлось. Едва ушел со двора отряд Пала Репай с кирками и лопатами, как появился посыльный от Белы Олаха с просьбой как можно скорее прийти к нему.

Я не стал прибегать к кирко-лопатной маскировке, твердо надеясь на свое удостоверение участника движения Сопротивления, тем более что практика уже подтвердила его авторитетность. И действительно, в те первые дни, да и много позже, даже при самых строгих проверках, это удостоверение всегда выручало меня.

Войдя в прихожую квартиры Белы Олаха, я остановился в недоумении: на стуле возле двери, ведущей в гостиную, сидел советский сержант в зеленой фуражке, увлеченно наигрывая на гармошке протяжную, на редкость красивую русскую мелодию. Дверь распахнулась, и навстречу мне вышел улыбающийся, как всегда, Бела Олах.

— Кто это? И зачем? — спросил я, покосившись в сторону солдата и не понимая, что может означать его присутствие здесь.

— Личный телохранитель вот этого деятеля! — Бела весело указал на Ласло Дальноки, сидевшего за столом. Тот неузнаваемо переменялся, вид у него был теперь довольно напыщенный и важный.

Как рассказал мне Бела, советская военная комендатура с уважением отнеслась к сыну венгерского премьера, оказавшемуся в Будапеште, да еще раненному гитлеровцами. Ему дали охранника и, более того, для продолжения борьбы за новую Венгрию разрешили сформировать «гвардию Миклоша» — нечто вроде партизанского отряда из участников антигитлеровской борьбы.

— Не хочешь ли и ты вступить в ее ряды? — спросил меня Бела.

— Да, конечно! — не раздумывая ответил я. Принимая это решение, я был уверен, что становлюсь активным участником возрождения моей страны.

Через несколько дней «гвардия Миклоша» получила великолепную резиденцию — здание концертного зала «Атенеум» на проспекте Ракоци. Внушительное удостоверение, с огромной печатью, на двух языках, свидетельствовало о том, что предъявитель сего является «союзником Советской Армии и имеет право носить личное оружие». Кроме того, нам выдали нарукавные повязки для свободного передвижения по городу, изготовленные из парашютного шелка. После того как к «гвардии» примкнули два известных деятеля движения

Сопротивления — Пал Фабри и Дезе Платти, сформировался и руководящий триумвират во главе с Дальноки-младшим.

Даже теперь, с дистанции минувших десятилетий, учитывая неразбериху первых после освобождения дней, трудно сказать, насколько завидно или комично было положение этих новоявленных «вождей».

Численность «гвардии Миклоша» росла, и я получил «весьма ответственное задание» довольно авантюрного характера — обследовать здание Кредитного банка (ныне в нем находится министерство финансов) на предмет окончательной дислокации в нем штаба «гвардии Миклоша», так как прежнее помещение уже не удовлетворяло наших вождей.

Первым делом, разумеется, я постарался разыскать лиц, которые имели бы отношение к банку, иными словами, кого-нибудь из его прежних хозяев. В подвале, превращенном гитлеровцами в бомбоубежище, мне удалось обнаружить одного любопытного человечка в берете. Услышав, кто я такой и чего мне надо, он вдруг просиял и радостно воскликнул:

— Наконец-то! Сударь, вас посылает мне сам господь бог! — Он с таким восторгом жал мне руку, будто я избавил его от виселицы. — Когда переедет ваш штаб? Нельзя ли сегодня?.. — Он повторял эту фразу беспрестанно, водя меня по великолепным залам второго и третьего этажа.

— Не знаю, сначала я обязан доложить начальству, — отвечал я, и это соответствовало истине.

Услышав мои слова, человечек в берете, а им оказался барон Дьердь Ульман, президент правления банка, один из финансовых воротил Венгрии, просительно взглянул на меня снизу вверх и умоляюще воскликнул:

— Сударь! Да знаете ли вы, какие ценности здесь хранятся?! Валюта, акции, золото! Пришлите хотя бы охрану, ради всего святого!

Я обещал доложить обо всем Ласло Дальноки, нашему лидеру, но не сдержал слова, и вот по какой причине. Когда я вернулся в нашу временную резиденцию, у входа меня перехватил Пал Репаи и, отведя в сторону, взволнованно зашептал:

— Ты представляешь себе, Миклош, что у нас здесь творится?!

Не понимая причины его волнения и таинственности, я спросил:

— А что такое? Все нормально.

Тут Пал Репаи, не в силах сдержать злость, взорвался:

— Нормально?! Бизнес у нас процветает, старина! Самый настоящий черный бизнес!

— Какой еще бизнес? Ничего не понимаю...

— За золотые наполеондоры наши вожди торгуют удостоверениями «гвардии Миклоша» налево и направо. Продают любому, кто может хорошо заплатить! Как это назвать, скажи на милость?..

Я растерялся. Новость показалась мне невероятной, но, зная честность и открытый характер Пала Репаи, я понял, что он говорит правду. Ворвавшись в кабинет Белы Олаха, я с ходу выложил ему эту позорную информацию. Бела был ошарашен не меньше моего, но все же засомневался: так ли это? Тогда я официально заявил, что с этого момента я и мои друзья больше не считаем себя членами «гвардии Миклоша» и просим сообщить об этом Ласло Дальноки. Наш лидер день ото дня все больше подражал пресловутому Пронаи, а это нас совсем не устраивало.

Забегая вперед только из-за того, что не считаю достойным возвращаться еще раз к этому эпизоду моей жизни, расскажу о бесславном конце «гвардии Миклоша». Примерно месяц спустя после нашего ухода из этой организации органы безопасности арестовали ее лидера, который оказался не родным сыном Дальноки, а племянником, воспитывавшимся в семье вместе с родным сыном премьера, поручиком Миклошем Лайошем Дальноки, которого он предал и сам передал в руки гестапо. Оставалось лишь пожалеть, что этого негодяя Бела подобрал на мостовой и выходил, подвергая свою жизнь смертельному риску...

Обеспокоенный происходящим, я решил отыскать своих товарищей по борьбе.

Шандора Салаи я разыскивал долго, но безуспешно. Позже я узнал, что вместе со своей зенитной батареей он попал в плен и, как военный, был отправлен в лагерь в Фокшанах. И только весной 1946 года, после тщательной проверки и подтверждения его участия в движении Сопротивления, он вернулся домой.

Посоветоваться мне было не с кем, и тут я вспомнил о Ференце Мадьяри. Решил отправиться к нему на квартиру. Мадьяри искренне мне обрадовался.

— Где ты пропадал? — Он посмотрел на меня с ласковой укоризной. — Завтра же приходи к нам, на проспект Андраши, где размещается руководство нашей партии.

— Вашей партии? У вас уже есть партия?

— Да, и называется она «Партия венгерской свободы». Нам нужны такие люди, как ты.

Нечего и говорить, что на следующий день я был там.

В зале ресторана «Адам», который помещался рядом с Домом моды, в то время носившим название «Парижский двор», меня ожидал Дудаш...

Мы сидели вдвоем в отдельном кабинете. Официант обслуживал нас с предельной внимательностью, более того, время от времени к нам подходил сам хозяин заведения и даже присаживался на минутку за наш столик.

— Кто этот человек? — любопытствовал я, догадываясь, что оказываемая нам любезность имеет скорее политическую, чем приятельскую подоплеку.

— Его имя Миклош Райсман. Он и его брат Золтан состояли в нашей подпольной организации. Что тебя еще интересует?

Я уже был знаком со свойственной Дудашу манерой разговаривать и не обиделся.

— Прежде всего цели и задачи партии, членом которой я стал сегодня и в правление которой введен, — ответил я.

— Мы требуем всеобщей свободы, отмены классовых привилегий, полного равенства перед законом для всех слоев общества и демократизации образования. Иными словами, наша цель — социализм применительно к венгерским условиям.

Меня неотступно мучил один вопрос, и я тут же попытался получить на него ответ.

— Скажи, Дудаш, прежде, в подполье, ты всегда называл себя коммунистом, а теперь, когда Венгерская коммунистическая партия перешла на легальное положение и ты можешь стать ее членом, ты создаешь собственную партию. Зачем это?

— На первый взгляд это сложный вопрос, но только на первый. На самом же деле все объясняется очень просто...

— Тогда объясни!

— Опять ты меня перебиваешь! Я ведь именно это и делаю. Короче говоря, сейчас существуют две партии коммунистов. Одна из

них работала в глубоком подполье здесь, на родине. Она жила и действовала всегда! Вторая же партия, во главе с Ракоши, явилась сюда из эмиграции. Вот ее-то я не люблю и не принимаю.

Такое объяснение было, безусловно, крайне упрощенным, даже вульгарным. Но тогда я удовлетворился им, тем более что, находясь в подполье рядом с Дудашем и его друзьями, чувствовал, что мне понятна их антипатия к людям, над которыми не нависала угроза ареста гестаповцами и которые теперь, вернувшись из «безопасного далека», рвались к власти.

Разве мог я знать тогда, что многие венгерские политические эмигранты шли из этого «безопасного далека» через поля сражений от Москвы до Будапешта и даже до самого Берлина?

В течение нескольких недель я добросовестно трудился в резиденции «Партии венгерской свободы». За это время я часто встречался с Дудашем здесь и на металлическом заводе, который удалось быстро восстановить и пустить в ход благодаря его энергии организатора и бесспорным инженерным способностям.

Кто мог предположить тогда, что позже этот человек станет ренегатом и убийцей?

Мы часто и подолгу спорили, и я все меньше понимал, к чему он стремится, что и зачем делает. Это раздражало меня, не давало покоя. Однажды Дудаш предложил мне формально порвать с «Партией венгерской свободы» и вступить в Венгерскую коммунистическую партию.

— Изнутри можно сделать больше, чем извне, — весьма прозрачно пояснил он. Это стало последней каплей, которая переполнила чашу моего терпения.

— Видишь ли, я никак не ожидал такого предложения, и тем более от тебя, — сказал я.

После этого разговора я чувствовал себя на проспекте Андраши крайне неуютно. Надо было уходить из этой организации. И, как много раз в жизни, мне опять помог случай. На этот раз в лице бывшего президента национального фронта бойскаутов Белы Паппа.

Встретив меня однажды на улице, он бросился обниматься:

— Миклош, дорогой, я так рад тебя видеть! Как ты живешь, где работаешь?

Я коротко рассказал ему о своих делах, поделился сомнениями.

— Вот и отлично! Значит, мы встретились в счастливую минуту! — воскликнул он. — Ты должен пойти со мной сейчас же, не откладывая.

— Куда, дядюшка Бела?

— К Балинту Араню, на улицу Шеммельвейс, где располагается правление независимой партии мелких сельских хозяев.

Балинта Араня я знал давно и очень уважал. Меня познакомил с ним мой земляк Ласло Лаки. Поднимаясь по мраморной лестнице роскошного особняка, в котором прежде помещалось офицерское казино для привилегированной хортистской знати, я, как говорится, и в мыслях не имел, что ему суждено вскоре стать моим вторым домом в полном смысле этого слова.

Огромный кабинет с изысканной обстановкой — наследие недавнего прошлого — выглядел необычайно помпезно, но Балинт Арань остался таким же простым и скромным человеком, каким был всегда. Он тепло принял меня.

— Твое место здесь, среди нас, — начал он. — Ты давным-давно должен был прийти к нам.

— Дядюшка Балинт, ведь я не знал даже, где ты, — отвечал я. — Вот и сейчас я еще не знаю, что ты тут делаешь.

Добродушно улыбаясь, Арань сообщил, что находится он тут со дня основания партии, что он член исполнительного комитета Будапешта и ведает кадрами.

— Жаль, что ты поздно пришел, все выборные посты уже заняты. Так или иначе, сейчас мы должны решить с тобой сразу две задачи. Во-первых, тебе нужно что-то есть и пить, а для этого необходима должность. Во-вторых, тебе надо поручить дело, которое было бы тебе по плечу.

После долгих раздумий было, наконец, решено, что я буду представлять интересы партии в Международном фонде помощи лицам, пострадавшим от фашизма.

— Дело это, прямо скажем, нелегкое, — заключил Арань. — Комиссия при будапештском отделении фонда построена по коалиционному принципу. Руководящие должности в нем занимают четыре делегата, по одному от всех крупных партий. Будешь работать в организационном отделе. Будь там начеку. Во главе отдела стоит Деже Карас, коммунист, вернулся из эмиграции из Туниса. Человек он образованный, с властным характером, сильный руководитель. Делегаты от социал-демократической и крестьянской партий при нем

пикнуть не смеют. Не позволяй ему делать из тебя марионетку и помни: ты полностью равноправен с ним во всех делах.

Управление Международного фонда помещалось на улице Мункачи в доме номер 19. Пройдя через большой старый парк, я очутился в холле роскошной виллы, принадлежавшей прежде кому-то из высшей знати, и немного растерялся. В таких дворцах мне еще не приходилось бывать. В центре огромного зала, отделенного от парка стеклянной стеной, высокой струей бил фонтан. По сторонам за раздвижными дверями размещались кабинеты и приемные, обставленные антикварной мебелью; сияющий паркет напоминал о балах и приемах, дававшихся здесь когда-то. Широкая деревянная лестница с затейливой резьбой вела на второй этаж, где располагались кабинеты главного и четырех «коалиционных» секретарей, а также сотрудников организационного отдела.

Деже Карас принял меня без особого восторга. Во-первых, потому что лишний сотрудник, да еще от партии мелких сельских хозяев, был ему не нужен, а во-вторых, я выглядел мальчишкой, которому вряд ли можно поручить серьезное дело. Но за работу, правда, он засадил меня тотчас же, поручив раскладывать по алфавиту какие-то карточки с фамилиями и прочими данными. Этим же делом, кстати, были заняты и секретари от двух других партий — социал-демократической и крестьянской.

Мне, накопившему не по годам серьезный опыт подпольной работы, и немалые амбиции некоторых деятелей, и вообще вся эта затея пришлись не по вкусу. На другой же день я взбунтовался и потребовал, чтобы все входящие и исходящие документы давались мне на визу. Думаю, что этот демарш и лишил меня симпатий как Деже Караса, так и Эрне Герене, жены одного из руководителей компартии (она была в Фонде секретарем от коммунистов). Зато мой авторитет в глазах членов партии мелких сельских хозяев значительно возрос, что в конечном счете и определило мою дальнейшую судьбу.

В середине июня раздался телефонный звонок — Балинт Арань срочно вызывал меня к себе. Он был не один, в кресле около его стола сидел мужчина лет тридцати, весьма интеллигентного вида. Темные глаза его светились умом и энергией.

— Познакомься, твой будущий начальник, — сказал Арань, пожимая мне руку.

Так состоялась моя первая встреча с профессором психологии Ласло Дюлаи, в будущем депутатом парламента и руководителем отдела пропаганды партии мелких сельских хозяев.

Мы обменялись несколькими фразами. Разговор длился не более пяти минут.

— Ну как? Погляди на него хорошенько, я тебе много о нем рассказывал, — обратился к профессору Балинт Арань. — Подойдет?

— Думаю, да, — коротко ответил Дюлаи и встал.

Впоследствии, уже после того как мы стали сотрудниками, а потом и друзьями, я имел возможность убедиться, что этот немногословный человек в деловых отношениях был личностью незаурядной. К тому же он оказался и великолепным оратором.

— Что же, на том и порешим, — заключил Балинт Арань. — С этой минуты, Миклош, ты назначаешься заместителем руководителя отдела пропаганды нашей партии. Из управления Фонда помощи я тебя отзываю, туда пойдет другой.

Вскоре меня представили сначала Беле Ковачу, генеральному секретарю, а затем Ференцу Надю и Беле Варге, председателю и вице-председателю партии мелких сельских хозяев, крупнейшей по численности в стране политической партии в то время. Благодаря хорошей рекомендации Балинта Араня это руководящее трио приняло меня с дружеским доверием. Так летом 1945 года в возрасте двадцати трех лет я стал заместителем руководителя отдела, а вскоре вошел в состав руководства партии, членом которой я состоял всего два месяца.

В эти дни меня навестила жена Чохани. Она развернула поистине титаническую борьбу за освобождение из лагеря военнопленных в Фокшанах всех бойцов батальона Гергеи, все еще содержавшихся там по непонятным для нас причинам. Эта героическая женщина стучалась во многие двери, но тщетно. Некоторые люди равнодушно отворачивались, словно забыв о боевом товариществе, которое связывало их с солдатами Чохани в дни разгула фашистского террора. Почему? Из-за трусости, из-за боязни за собственную карьеру? Трудно сказать. Другие же, на которых почти не приходилось рассчитывать, охотно выступали со смелыми заявлениями, хотя жена Чохани обращалась к ним без всякой надежды, скорее от отчаяния. Поистине непонятно бывает порой поведение людей...

Ко мне Чоханине обратилась к одному из первых, и не напрасно. Я написал ей официальное заявление о том, что батальон под

командованием Чохани являлся боевым отрядом сил движения Сопротивления и помогал, как мог, войскам Советской Армии с оружием в руках в освобождении страны. Мне удалось собрать нужные доказательства, и я обратился к Ференцу Надю с просьбой проинформировать об этом Союзную контрольную комиссию, и в первую очередь представителя Советского правительства в Будапеште. Надо было добиться для бойцов батальона признания их роли в движении Сопротивления и возвращения военнопленных домой. Отмечу, что мои старания не были исключением — с подобными же заявлениями выступили Шандор Кишш, Вильмош Фитош и Янош Хорват, руководители «Крестьянского союза», основатели федерации учащейся молодежи, а также бывшие подпольщики, организаторы батальона Гергеи в прошлом.

Вскоре все солдаты были отпущены домой. Вместе с ними возвратился из лагеря в Фокшанах и Шандор Салаи, наш подпольный издатель. Я с радостью обнял его. Вскоре мне удалось обеспечить заказами его маленькую типографию, что на первых порах было сделать не так-то легко.

В один прекрасный день, к моему немалому изумлению, на пороге кабинета появились Ференц Мадьяри и Йозеф Дудаш. Они заявили, что распустили свою «Партию венгерской свободы» и просят свести их с Белой Ковачем или Ференцем Надем для переговоров о вступлении в нашу партию. Помня об их деятельности в тяжелые времена оккупации, я, разумеется, пошел им навстречу. Вскоре оба они получили назначение в магистрат Будапешта в качестве советников от партии мелких сельских хозяев. Точно так же я поступил и в отношении доктора Ивана Сюча, который в новой ситуации тоже изъявил желание продолжить свою деятельность в рамках, как он выразился, «самой крупной национальной партии». Мог ли я забыть, что именно Сюч был моим первым наставником в политике и подпольной работе?! Иван Сюч в скором времени стал дополнительным, а после очередных выборов и действительным депутатом парламента, избранным по списку партии Ференца Надя и Белы Ковача. Правда, меня тогда уже не было в Будапеште. Как я потом узнал, депутат Иван Сюч приложил немало сил к тому, чтобы золотой запас венгерского национального банка, вывезенный фашистами и захваченный американцами, был возвращен на родину.

Пусть читатель великодушно простит мне это отступление от основного сюжета. Думается, уточнение некоторых деталей прошлого поможет лучше понять все то, что произошло в те годы, и тем, кого тогда еще не было на свете, и тем, кто уже жил, но был лишен возможности заглянуть за кулисы происходящих событий.

АНАТОМИЯ ВЫБОРОВ

События разворачивались в исключительно сложной и запутанной политической обстановке. Венгрия не имела самостоятельного выхода на международную арену, и мы вынуждены были довольствоваться той информацией, которую получали от миссий союзных держав-победительниц, находившихся в Будапеште.

Именно эта информация в основном и определяла решения руководства существовавших тогда партий. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что после освобождения Венгрии и победы над фашизмом на территории страны находились крупные соединения советских войск, и одно только их присутствие оказывало самое благотворное влияние на соотношение внутривнутриполитических сил. Партия мелких сельских хозяев, как партия буржуазная, считала для себя образцом демократию западноевропейского типа. Если не принимать в расчет бесхребетного Золтана Тильди, временного президента страны, умевшего приятно улыбаться направо и налево, то руководящая верхушка партии — председатель Ференц Надь, генеральный секретарь Бела Ковач и вице-председатель Бела Варга — надеялась создать однопартийное правительство и тем самым получить полную власть в стране без контроля со стороны других партий путем проведения всеобщих выборов, заключения мирного договора и вывода советских войск с территории Венгрии. Таким образом, с точки зрения формирования политики для партии исключительно важной была любая достоверная — или считавшаяся таковой — информация о позиции западных держав.

Много позже, в наши дни, удалось установить тот факт, что политика крупнейшей по численности в стране партии, ее стратегия на всеобщих выборах в парламент и местные органы власти, ее связанные с победой на выборах планы и даже отношение к Советскому Союзу определялись односторонней информацией и заигрыванием со стороны дипломатических и военных представителей западных держав, сидевших в Будапеште и тесно связанных с верхушкой руководства этой партии.

Здесь, на страницах этой книги, прежде всего потому, что этого требует моя совесть, я должен констатировать, что в 1945 году мы стали

жертвой безответственной, заведомо ложной информации, поступавшей с Запада. Так было и позже, в середине пятидесятих годов, а в особенности в 1956 году, когда в этом имел возможность убедиться на собственном опыте весь народ Венгрии.

После выборов 1945 года, когда лидеры партии мелких сельских хозяев стали законными руководителями высших органов государственной власти, ни один из западных дипломатов в беседах с ними ни словом не обмолвился о решениях Ялтинской конференции, на которой руководители трех великих держав договорились о послевоенном устройстве Европы, и в частности о том, что Венгрия, освобожденная Советской Армией, должна стать демократическим государством. Напротив, западные дипломаты всячески подталкивали и подбадривали нас, венгров, к тому, чтобы изменить договорное статус-кво.

На внутреннюю ситуацию наложил отпечаток и тот факт, что в период своего становления все партии в стране значительную часть энергии затрачивали на преодоление собственных междоусобиц и разногласий, раздиравших их изнутри. Венгерская коммунистическая партия начала решительную борьбу с оппозицией внутри своих рядов. Испытанные бойцы партии, находящиеся в тяжелые годы борьбы в подполье здесь, на родине, были оттеснены на второстепенные и третьестепенные посты. Социал-демократы вступили на политическую арену, находясь в состоянии раскола, поскольку вынуждены были, как и прежде, при Хорти, тащить за собой правую группировку социал-предателей типа Пейера и его сторонников.

Известный талантливый писатель Петер Вереш, став лидером национально-крестьянской партии, оказался неспособным положить конец соперничеству между Ференцем Эрдеи, склоняющимся к простоте и умеренности, и Имре Ковачем, снедаемым тщеславием и гигантоманией.

Наша партия в то время полностью именовалась так — независимая партия мелких сельских хозяев, земледельцев и городских буржуа. Уже одно это лоскутное название свидетельствовало о том, что по своему составу она представляла собой невероятно пестрый социальный конгломерат. В погоне за популярностью мы принимали в свои ряды всех желающих. Среди ее активных членов числились, например, настоятельница монастыря Маргит Шлахта, требовавшая возвращения к наказанию розгами; вдова богатого фабриканта Ильма

Штюмер, известная в прошлом великосветская львица Зизи, именем которой ее любящий супруг назвал весьма популярный шоколад; ученый муж, но крайне ограниченный политик и реакционер Золтан Пфейфер; известный франкмасон, отважный до безрассудства в годы борьбы с фашизмом Йожеф Кеваго; прогрессивный умница-самородок Иштван Доби, в прошлом землекоп, создатель профсоюза батраков и землекопов, и многие, многие другие.

Наша партия, объединявшая в своих рядах тысячи людей, самых разных по своим взглядам и интересам, имела президиум, общенациональное правление, а также разветвленный партийный аппарат на местах и в столице. Фактически вся власть в партии в те годы сосредоточилась в руках Ференца Надя (к этому времени, как стало известно лишь позднее, он уже был членом тайной реакционной организации «Венгерская национальная община»), Белы Варги, Белы Ковача и узкого «партийного кабинета», включавшего их непосредственных помощников.

После того как агитация и пропаганда платформы партии в масштабе страны была возложена на Лаци Дюлаи и на меня, его заместителя, мы приступили к созданию широкой сети агитаторов, набирая их из молодых, полных энтузиазма и энергии активистов. Одновременно с этим велась и энергичная организаторская работа по отбору и сколачиванию руководящих кадров на местах. В этом не менее важном деле на место Балинта А рая пришел талантливый молодой учитель Йожеф Богнар; Шандор Кишш и Янош Хорват возглавляли сельский сектор. И наконец, молодежный сектор партии под руководством Иштвана Б. Раца завершал это громоздкое здание. Такова была структурная основа партии, так сказать, ее четыре опорных столпа.

Время шло, и по мере приближения осени, а с ней дня выборов обострялась и предвыборная борьба между соперничающими партиями. Мы, «мелкие хозяева», были абсолютно убеждены в победе, как и в том, что, воспользовавшись ею, изменим ход развития истории. Нас, молодых и рьяных активистов, всячески поощряли Ференц Надь, Бела Варга, Бела Ковач и Золтан Тильди. Подстрекаемые своими западными друзьями, наши партийные вожди требовали от нас, молодежи, твердости и непримиримости в предвыборной борьбе. Следовало чем-то компенсировать мелкобуржуазную мягкотелость, и мы из кожи лезли вон, чтобы оправдать это доверие.

Одним из препятствий на нашем пути была хорошо организованная предвыборная кампания рабочих партий, наших политических соперников. Свои собрания с избирателями они проводили с помощью так называемой «агитационной гвардии» — молодежных рабочих отрядов, которые не раз мешали нам и срывали наши митинги. Столкновения и конфликты, иной раз доходившие до драки, объяснялись тем, что местные органы власти были созданы на принципах межпартийной коалиции. Естественно, все областные и городские комитеты, как и подчиненные им подразделения полиции, оказывали поддержку той партии, к которой принадлежали их руководители. Это зачастую приводило к грубому насилию, а иногда даже к трагическим последствиям с человеческими жертвами.

Незадолго до дня выборов к нашему генеральному секретарю Беле Ковачу вызвали сначала Лаци Дюлаи, а потом и меня. Я оказался в кабинете четвертым, поскольку Ференц Надь уже сидел там. Шло оперативное совещание.

Обсуждалась предвыборная ситуация, а также возможные изменения в стране после проведения выборов. Дюлаи и я были проинформированы о том, что, по доверительным сведениям западных миссий, находившихся в Будапеште, Венгерская коммунистическая партия снабдила свою «агитационную гвардию» пистолетами и автоматами, превратив ее таким образом в вооруженную дружину. Вывод напрашивался такой: хотя анализ политических настроений масс избирателей и предвещает нам победу, о чем прекрасно знали и руководители рабочих партий, наши «друзья на Западе» настоятельно советуют Ференцу Надю, как лидеру партии, позаботиться о создании в рядах нашей партии надежных и боеспособных «отрядов самообороны».

— Мы пригласили тебя для того, — обратился ко мне Бела Ковач, — чтобы поручить тебе создание таких отрядов. Ты же и возглавишь их, если, конечно, согласен.

Это предложение было для меня большой честью, но вместе с тем я понимал, насколько трудно это дело.

— Согласен, — сказал я, — но хотел бы задать несколько вопросов.

— Мы тебя слушаем, — отозвался Ференц Надь.

— Мне нужна ясность. Я должен точно знать, что вы имеете в виду, говоря об отрядах самообороны. Это касается как численности,

так и вооружения. Получим ли мы оружие от кого-то или должны приобрести его сами? Если сами, то как и на какие средства?

Ференц Надь и Бела Ковач переглянулись. Затем кто-то из них ответил:

— Численность зависит от надежности. Ты должен вооружить только тех людей, за которых можешь твердо поручиться. Оружие найдешь сам. Ты способен это сделать, мы знаем, поэтому-то наш выбор и пал именно на тебя. Что касается денег, то их ты получишь под видом расходов на пропаганду и агитацию за наших кандидатов на выборах. Деньги уже переведены на ваш отдел, минуя общепартийную кассу. Так будет надежнее. Но действуй быстро, время не ждет.

Это было, конечно, далеко не все, что меня интересовало; оставался самый главный вопрос, и я его задал:

— Ответьте мне: если дело дойдет до вооруженного столкновения между партиями, какую позицию займут советские войска, находящиеся в Венгрии? Кроме того, на какую поддержку со стороны американцев и прочих мы можем рассчитывать?

— Что же, вопрос твой вполне обоснован, — подтвердил Ференц Надь. — По мнению экспертов, советские войска не станут вмешиваться в наши внутренние дела до тех пор, пока нет угрозы для демократического строя, а также если никто и ничто не будет угрожать их стратегическим, то есть чисто военным интересам. Эксперты ссылаются на пример Финляндии и считают его весьма убедительным. — Сделав паузу, Ференц Надь продолжал: — Короче говоря, настало время, когда мы не можем дальше оставаться беззащитными и зависимыми. Особенно важно иметь свои вооруженные отряды после победы на выборах, поскольку, как вы знаете, министерство внутренних дел, политическая полиция и управление военными делами находятся пока в руках коммунистов. Кроме того, если мы станем правящей партией, нас не бросят на произвол судьбы наши друзья на Западе. Так нам обещали. — На этом Ференц Надь закончил совещание.

Должен сказать, что выполнение поставленной передо мной задачи не составляло для меня особых трудностей. К тому времени я уже имел в своем окружении достаточное количество энергичных и смелых молодых людей, которым можно было поручить покупку оружия, оставшегося после войны. Среди них назову, например, Йене Биндера, который вместе с пятнадцатилетним сыном барона Эде Ацела навел

меня еще тогда, когда я работал в аппарате Международного фонда помощи лицам, пострадавшим от фашизма.

Молодой Ацел был рослым, не по годам развитым юношей, звали его, кажется, Бела. Когда я начал его расспрашивать о судьбе отца, он пожал плечами и ответил холодно, без особых эмоций:

— Я знаю только, что отец бежал в Трансильванию, а там его арестовали румыны. А потом пошли слухи, что он расстрелян за попытку националистического путча.

— Почему ты не живешь с матерью?

— Мама живет в Тисароффе, в маленьком имении, которое ей оставили. Что мне делать в этой глуши?

— А что ты собираешься делать здесь, в Будапеште?

— Будет учиться. Покойный отец поручил мне его, — вмешался Йене Биндер. — Мальчик сейчас живет у меня.

Я не мог понять, почему Эде Ацел поручил воспитание сына не родной матери, а чужому человеку. К тому же мне трудно было судить, в хорошие ли руки он попал. Несомненно было одно — Биндер ловок и осторожен. За две-три недели он и его приятели за хорошие, правда, деньги тайно собрали в моем кабинете целый арсенал немецкого оружия.

Поначалу я загрузил пистолетами ящики письменного стола, потом стенные шкафы. Здесь были автоматы «шмайссер», карабины, ручные гранаты и большое количество боеприпасов. Когда уже все было забито до отказа, а мои агенты принесли ночью еще два ручных пулемета, пришлось вытребовать у коменданта ключ от помещения, находившегося позади моего кабинета. О существовании этого большого чулана мало кто знал даже из наших сотрудников. Он-то и стал нашим оружейным складом.

Несколько дней спустя мои помощники раздобыли из неведомых источников десятка три резиновых дубинок и целый ящик кастетов. Теперь я со спокойной совестью мог доложить руководству, что первая часть задания выполнена — оружие у нас есть.

Вскоре после моего доклада у меня в кабинете появился незнакомый молодой человек. Оглядевшись по сторонам, он негромко сказал, что намерен побеседовать по конфиденциальному делу с сотрудниками аппарата партии, компетентными в военных вопросах.

Несмотря на безупречный штатский костюм, незнакомца выдавала военная выправка. Движением бровей он дал мне понять, что вокруг

нас в кабинете слишком много лишних людей. Однако в разгар предвыборной кампании иначе и быть не могло. Мы переживали эпоху плакатов, листовок и прочей наглядной агитации.

— Эти люди заняты своим делом, — ответил я. — Можете говорить здесь.

— Нет, сударь! — Молодой человек поднялся с кресла. — То, что я хочу вам сообщить, носит абсолютно секретный характер. Я все-таки хотел бы иметь возможность побеседовать с вами наедине.

К тому времени я уже постиг одну истину — внимательно выслушивать надо всех. Важные сведения иногда поступали из совершенно неожиданных источников. А поскольку в нашей резиденции в партийном доме на улице Шеммельвейс действительно толпилось множество различных людей, пришлось нам выйти и отыскать укромный уголок.

Когда мы остались одни, незнакомец щелкнул каблуками и по-военному четко сказал:

— Лейтенант Беки, офицер связи генерал-майора Золтана Сюди, честь имею представиться!

«Золтан Сюди, генерал-майор? Но ведь это же командир сводной офицерской дивизии, отступивший с немцами в Австрию!» В какое-то мгновение мне показалось, что передо мной помешанный, но, внимательнее приглядевшись, я убедился в обратном, хотя сам факт пребывания в Будапеште офицера связи генерала Сюди показался мне тогда невероятным.

— Простите, лейтенант, но вы могли бы удостоверить свою личность?

Моя недоверчивость не только не обидела, но даже почему-то обрадовала незнакомца.

— Разумеется, сударь. Прошу вас!

Он отогнул лацкан пиджака, извлек из потайного карманчика сложенный в несколько раз листок бумаги и протянул его мне. На нем было написано всего несколько слов: «Лейтенант Беки — мой уполномоченный. Витязь Сюди». Подпись генерала украшала печать дивизии с королевским гербом.

Все это не вызвало у меня особого восторга. Из газетных сообщений и радиопередач я знал, что дивизия «Святого Ласло» была единственной венгерской дивизией, которая сражалась на стороне гитлеровцев до конца.

Мое замешательство не укрылось от взгляда лейтенанта. Убрав свой документ, он проговорил:

— Господин генерал направил меня в распоряжение руководства партии мелких сельских хозяев. Господин генерал полагает, что после того, как ваша партия победит на выборах и создаст однопартийное правительство, у вас возникнет необходимость иметь хорошо подготовленную, испытанную в сражениях, сильную и боеспособную армию. Он предлагает вам свои услуги.

Я не поверил своим ушам. Мое первоначальное замешательство сменилось изумлением, смешанным с негодованием. Наконец-то я уяснил себе, о чем шла речь, но все еще не хотел верить, что такое возможно.

— Вы утверждаете, господин лейтенант, что дивизия «Святого Ласло» существует? Но она же давно в плену у союзников!

— Да. Я уполномочен заверить вас и вашу партию, что британские военные власти исключительно хорошо обращаются с нами. И переговоры, которые я веду здесь с вами, проходят с их ведома и согласия.

Я остолбенел, услышав это. «Теперь все понятно! Между словами Ференца Надя о «наших друзьях на Западе» и появлением лейтенанта Беки в моем кабинете существует прямая связь», — пронеслось у меня в голове. Негодование мое достигло предела, но увы, личные чувства не должны подрывать партийную дисциплину, политика и эмоции несовместимы. К слову, я все же сильно сомневался в том, что генерал Сюди располагает полнокровной и боеспособной дивизией, правда, оценка его предложения и принятие окончательного решения не входили в мою компетенцию. Тем временем в резиденции появился Лаци Дюлаи, и мы вдвоем проводили офицера связи к Беле Ковачу. Дальнейшее меня не касалось.

Впрочем, не совсем так. Некоторое время спустя я узнал, что лейтенант Беки был переправлен назад в Австрию в сопровождении Шандора Раффаи, сына епископа. Позже Лаци Дюлаи неоднократно жаловался мне, что Раффаи шлет нам в Будапешт донесения с весьма сомнительными лицами, а содержание этих донесений таково, что его вполне достаточно для вынесения смертного приговора за государственную измену.

Через некоторое время я лично убедился в существовании вооруженной до зубов венгерской дивизии «Святого Ласло» в

английской зоне оккупации Австрии. Было это осенью 1945 года. Но об этом несколько позже.

А пока мы переживали месяцы, до предела накаленные предвыборной горячкой. Тот, кто не испытал всего этого, с трудом может представить себе атмосферу тех дней и ночей, и не только в Будапеште, но и во всей стране.

События того времени воспринимались меньшей частью населения как результат проигранной войны, большей же его частью — как следствие освобождения от фашизма. Столица и многие другие города пострадали от войны. Класс помещиков-землевладельцев перестал существовать, но лишь немногие верили в то, что земля действительно будет принадлежать тем, кто ее обрабатывает, как это утверждали коммунисты. На взглядах людей еще сказывалась антикоммунистическая пропаганда периода правления Хорти и все то, что на протяжении двадцати пяти лет доказывалось, провозглашалось, вбивалось в головы всеми возможными средствами.

Только находясь в гуще народных масс, которых одновременно и опьяняла, и пугала обретенная свобода, можно представить себе все то, что происходило в атмосфере тех лет. Многое казалось немыслимым, невероятным, но оно было! И это тоже исторический факт.

В один прекрасный день у кого-то из наших агитаторов, не помню, у кого именно, возникла идея: если мы сами не в состоянии резко увеличить тиражи наших предвыборных плакатов и листовок, надо постараться сократить поток наглядной агитации у противника. Сказано — сделано. Десятки наших активистов, в особенности молодых, являлись в резиденции других партий и с энтузиазмом предлагали свои услуги в качестве распространителей наглядной агитации, а затем с торжеством тащили к нам в отдел тюки и пачки с плакатами и листовками наших соперников. Нужно ли говорить, куда они потом девались?!

У кого и когда родилась другая мысль, точно не помню (не удивлюсь, если под влиянием «ветра с Запада»), но помню отлично, как она воплощалась в жизнь. Мы начали выпускать листовки и небольшие плакаты, по стилю и содержанию резко отличавшиеся от наших обычных, разрешенных цензурой агитационных изданий. В них мы обливали грязью противников и звали к патриотическим чувствам венгров, образно говоря, бросали горящие спички в бочку с порохом.

К проведению этой операции мы приступили в начале сентября. Поздно вечером, выдав последние инструкции своей «агитбригаде» о распространении нового материала, я возвратился домой смертельно усталый, но с приятным чувством предвкушения завтрашнего успеха.

Меня разбудил резкий продолжительный звонок у двери. С трудом открыв глаза, я взглянул на часы. Они показывали три часа ночи. Кто бы это мог быть? Я, как функционер центрального аппарата партии, находящейся у власти, чувствовал себя настолько уверенно, что вскипел от негодования, когда в мою квартиру ввалились трое сотрудников политической полиции. Кто-то из них сунул мне под нос одну из упомянутых выше листовок весьма деликатного содержания.

— Это ваша продукция?! — прозвучал вопрос.

Отрицать было бессмысленно, да я и не собирался этого делать, ощущая за своей спиной могущественных покровителей.

— Майор Принц, — представился старший из пришедших.

Может быть, он в отличие от меня предчувствовал, что эта первая наша встреча не окажется последней. Ошибся майор лишь в одном — в том, что вторая встреча произойдет не так скоро, как он ожидал.

Несмотря на мои яростные протесты, меня арестовали и привезли в дом номер 60 по проспекту Андраши, хорошо известный в те времена всем будапештцам. Я был удостоен высокой чести — меня ожидал сам начальник политической полиции Габор Петер.

Он тоже помахал перед моим носом злополучной листовкой:

— Как политик, ты понимаешь хотя бы значение того, что тут накропал?

— Целиком и полностью, — как можно заносчивее ответил я. — Мы попытались уравновесить вашу картофельную агитацию.

Петер понял мой намек. Голодающие жители Будапешта регулярно получали картофель от советского командования. Его доставляли в центр города в трамвайных вагонах (линия была уже восстановлена), на стенках которых красовались огромные транспаранты, извещавшие о том, что этот картофель — подарок народу от Венгерской коммунистической партии. Такой маневр сильно компрометировал партию мелких сельских хозяев, которая, дескать, не может обеспечить город продуктами питания.

— Намерение понятное, — отозвался Габор Петер, — только содержание этой бумажки выходит далеко за рамки предвыборной борьбы.

Поскольку я категорически отказался давать какие-либо показания и подписывать протокол, он после получасового допроса вызвал конвой. Меня увели в подвал и поместили одного в большой, свежевыбеленной камере с двойными нарами.

Тревога начала овладевать мною, но я твердо верил в то, что друзья не оставят меня в беде. Кроме того, прощаясь с матерью при аресте, я наказал ей поскорее сообщить Лаци Дюлаи, где я и что со мной произошло. Немного успокоившись, я даже вздремнул час-другой на жестких, но чистых, недавно сооруженных нарах.

Утром в двери со скрипом повернулся тюремный ключ. На пороге появился майор Принц:

— Прошу следовать за мной!

Мы долго шли по каким-то лестницам и коридорам, пока я вновь не оказался перед Габором Петером.

— Ну как, обо всем подумал? — спросил меня вездесущий и всезнающий шеф полиции. — Будешь давать письменные показания или еще погостишь у нас?

— Мне не о чем писать.

— Ты понимаешь, что говоришь? Хорошо обдумал? — В голосе Петера прозвучала явная угроза.

Я молчал.

— Уведите! — приказал Габор Петер.

Майор Принц вывел меня из кабинета. В приемной, где сидела секретарша, ему передали небольшой бумажный пакет. Зажав его под мышкой, он другой рукой взял меня за локоть и таким образом проводил до подворотни. Там он остановился, вынул из пакета мои подтяжки, шнурки от ботинок, кошелек и бумажник с документами — одним словом, все, что у меня отобрали при аресте. Указав на мои вещи, он сказал:

— Одевайтесь, берите вещички и можете идти.

— Здесь одеваться, в подворотне?

Принц насмешливо прищурился:

— Лучше здесь, чем нигде. И поторопитесь, вас ждут.

Действительно, перед подъездом дома номер 60 по улице Андраши стоял большой черный лимузин, принадлежавший Ференцу Надю. В нем меня ожидал Лаци Дюлаи. Он рассказал мне следующее: узнав о моем аресте, руководители партии Ференц Надь, Бела Варга и Бела Ковач в форме ультиматума заявили Ракоши, что если я не буду

немедленно освобожден, то партия мелких сельских хозяев откажется участвовать в парламентских выборах.

Услышав об этом, я словно вырос в собственных глазах, искренне поверив, что такой решительный демарш был предпринят из-за моей персоны, столь высоко ценимой вождями партии. Это приятно щекотало мое самолюбие. Несколько лет спустя я убедился в том, как глубоко заблуждался. Изучая газетные отчеты о процессе раскрытого в 1947 году заговора против республики, во главе которого стояла так называемая «Венгерская национальная община» — тайная контрреволюционная организация, членом которой был Ференц Надь, я понял, что тогда, в 1945 году, из тюрьмы вызволяли не меня, Миклоша Сабо, а человека, через которого органы безопасности могли добраться до тайного оружейного арсенала в резиденции партии мелких сельских хозяев.

Так или иначе, а осенью 1945 года Ракоши вынужден был уступить и я оказался на свободе. На этом, однако, дело не кончилось — у меня появились «хвосты». Они следовали за мной везде, где бы я ни появлялся, начиная от моего дома и кончая поездками по городу.

От установленной за мной слежки я избавился довольно простым способом — перебрался на жительство в свой рабочий кабинет. Так поступали и другие наши активисты, которых задерживали при распространении наших предвыборных прокламации и которых приходилось потом выручать.

Вот в такой обстановке после всех передраг наступил наконец день первой пробы политических сил — 7 октября. В этот день проходили выборы в столичный магистрат. Должен сказать, для нас важен был не столько состав магистрата, сколько прогноз выборов в Национальное собрание Венгрии, первых свободных выборов после окончания войны, которые должны были проводиться в ноябре.

Руководство партии заседало в своей резиденции всю ночь. Ожидали сводок и информации из разных районов города, поступавших прямо с избирательных участков. На огромной карте столицы отмечались результаты голосования. Мы считали — во всяком случае, некоторые из нас, — что население Будапешта должно сделать свой выбор между буржуазной демократией и коммунистами, а этот выбор задаст тон, станет как бы увертюрой для выборов по всей стране.

Оглядываясь теперь на события тех дней, я должен констатировать, что те выборы не отражали реального положения вещей. Не потому, что

кое-где имела место подтасовка или фальсификация бюллетеней. Главное состояло в том, что людям приходилось выбирать между двумя направлениями их будущей жизни, причем о первом из них — о буржуазной демократии — на протяжении всей своей предыдущей жизни они слышали только хорошее, а о втором — о социализме и коммунистах — им твердили только дурное.

На выборах в магистрат Будапешта и районные Советы партия мелких сельских хозяев получила подавляющее большинство голосов. Мы плавали в облаках счастья, в резиденции хлопали пробки от бутылок шампанского, все праздновали победу.

Довольные, но смертельно усталые члены штаба разъехались по домам. Остались только мои сотрудники и я. Мы еще опасались выходить и улеглись на кушетках.

Потерпев поражение, рабочие партии, разумеется, не разделяли нашего торжества. Они не поздравили нас с победой. Мало того, их руководство решило взять реванш путем демонстрации силы и сплоченности своих сторонников, прежде всего заводских рабочих. Первого человека, принесшего весть о таком повороте дел, я не принял всерьез и уже собирался продолжить прерванный сон, как в кабинет ворвался второй гонец:

— Ты знаешь, что творится в городе? Ужас!..

Его вытаращенные глаза и всклокоченный вид возымели действие. Я вскочил с дивана, не на шутку встревоженный, сон как рукой сняло.

— Откуда мне знать? Говори толком! — раздраженно выкрикнул я.

— Повсюду митинги, тьма народу! На площадях ораторы разжигают толпу, призывают бить буржуев. Пойдем, мол, покажем этим предателям родины, мелким хозяевам, что такое рабочий кулак!..

Третий гонец сообщил о том, что к нашей резиденции уже приближается огромная разъяренная толпа. На раздумья времени не оставалось.

— Запереть главные ворота! Закрыть все боковые выходы, раздать оружие! — приказал я.

Мои сотрудники-агитаторы действовали быстро и четко. В течение нескольких минут были забаррикадированы оба боковых входа, каждый охраняли по двое парней, вооруженных автоматами. Мы полагали, что направлением атаки станут, конечно, главные ворота. Видимо, наши противники хотели достигнуть чисто пропагандистского эффекта, который получил бы соответствующий международный резонанс.

На лестничной площадке прямо перед тяжелой входной дверью мы установили один ручной пулемет, на втором этаже — другой, автоматчики расположились за колоннами, обрамлявшими просторный холл, и на лестничных маршах, укрывшись за массивными перилами с каменными тумбами.

Резиденция партии мелких сельских хозяев была готова встретить огнем незваных гостей, если они попытаются силой ворваться в здание.

А незваные гости между тем приближались. Возбужденные выкрики, громко скандируемые лозунги, глухой ропот толпы слышались все ближе и ближе.

У меня не было сомнений в том, что мы сумеем дать должный отпор. Нас защищали толстые стены, огневых средств и боеприпасов было достаточно. Но мучила мысль: неужели нельзя избежать кровопролития? Почему человеческие жизни должны быть принесены в жертву политическим амбициям?

Срочно требовалось что-то предпринять — немедленно связаться с Ракоши, или вызвать отряд полиции, или обратиться за помощью к советскому командованию. Все равно что, лишь бы предупредить трагедию, не допустить стрельбы по живым людям.

Я не отходил от телефона, пытаясь дозвониться до Ференца Надя, Белы Ковача и Белы Варги. Как назло, у них дома никто не снимал трубку, а Золтан Тильди, как всегда в критических случаях, срочно заболел. Что делать? Только эти люди были компетентны вести переговоры на высшем уровне.

Тем временем толпа уже затопила узкую улицу Шеммельвейс, внизу забарабанили в ворота, угрожающие выкрики стали все громче. Да, столкновение казалось неизбежным.

И все же нашелся один человек, который не стал уклоняться от ответственности. Этим человеком оказался Ласло Йекеи, управляющий делами партии, впоследствии министр без портфеля и начальник личного кабинета премьера Ференца Надя.

Не знаю, как это ему удалось, но буквально в считанные минуты вместе с Йекеи к месту происшествия прибыли начальник политической полиции Габор Петер и заместитель главы советской части Союзной контрольной комиссии генерал-лейтенант Свиридов.

Толпа, так и не узнав о грозившей ей опасности, проявила благоразумие и отступила, оставив, однако, у ворот нашего дома какую-то металлическую коробку.

— Да это же партизанская самодельная мина, — сказал советский генерал. Он подошел и умело вынул из шашки взрыватель.

— Такое больше не повторится, — коротко пообещал Габор Петер.

Йекеи, присутствовавший при этом, не проронил ни единого слова. Затем он вместе со мной поднялся во второй этаж, обнял меня за плечи и только там проговорил:

— Я думаю, твои ребята теперь могут отдыхать спокойно. Тебе тоже не мешало бы хорошенько выспаться.

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

После генеральной репетиции, каковой для партии мелких сельских хозяев явились выборы в будапештский магистрат, началась кампания по подготовке выборов в Национальное собрание, потребовавшая напряжения всех наших сил. Я разъезжал по стране, организовывал предвыборные митинги, прибегая к помощи нашей агитационной автомашины с громкоговорителем. В конце октября — начале ноября мы задумали провести массовый митинг в городе Печ и развернули широкую подготовку. Наш лидер Ференц Надь был родом из области Баранья, а Бела Ковач родился и вырос в самом Пече...

Автомобиль наш вышел из строя, и по указанию Ференца Надя я остался при нем, чтобы подгонять мастеров, взявшихся за ремонт, — нам очень нужна была установка с громкоговорителем.

Два дня вынужденного отдыха в Пече пришлось очень кстати. Лучшие рестораны города «Надор», «Паннония», «Какаш» с их обилием вкусных блюд приятно поражали после будапештского голодного пайка. Пламя войны не коснулось этого приветливого древнего университетского города, наполненного звонкими студенческими голосами. Генерал-майор Ослани, командующий местным гарнизоном, осенью 1944 года сдал Печ наступающим советским войскам без единого выстрела.

Хорошо отдохнув, я возвратился в Будапешт в самом благодушном расположении духа. Работы было непочатый край, и я ожидал, что Лаци Дюлаи встретит меня с распростертыми объятиями хотя бы уже потому, что я сниму с его плеч половину дел по ведению предвыборной агитации. Вместо этого он всплеснул руками и накинулся на меня с упреками:

— Несчастный! И зачем только ты явился сюда, а не остался в Пече?

Очевидно, выражение моего лица было настолько необычным, что он с минуту разглядывал меня с изумлением, а потом спросил:

— Значит, мой курьер не нашел тебя?

— Ты посылал за мной курьера? Какая честь! — Теперь настала моя очередь удивляться.

Лаци взял меня под руку, увел в какой-то пустой чулан и там рассказал, в чем дело. Оказывается, люди Габора Петера дознались о нашем складе оружия. Поскольку вламываться с обыском в резиденцию руководства партии без доказательств они не имели права, то начали охотиться за мной, чтобы получить эти доказательства, так сказать, от прямого виновника. Мой арест стал бы козырем в борьбе против нашей партии и ее руководителей и послужил бы веским поводом для возникновения конфликта между членами Союзной контрольной комиссии в Будапеште. Вот потому и был срочно послан в Печ курьер, чтобы предупредить меня и задержать там.

Едва я успел пробормотать: «Сожалею, но мы почему-то не встретились...» — как снизу из швейцарской сообщили о том, что улица Шеммельвейс перекрыта и проверяют документы у всех выходящих из резиденции лиц.

Мы очутились перед выбором: либо мне оставаться в здании, где я находился в относительной безопасности, либо, как-то ускользнув от проверки, бежать.

В первом случае мне пришлось бы безвылазно просидеть в здании несколько недель, а может, и месяцев. Смог бы я в таком случае принести хоть какую-нибудь пользу, находясь как бы под домашним арестом? И наконец, сам факт моего пребывания в резиденции партии компрометировал ее руководителей.

Срочно созвали заседание руководства, состоявшего из Ференца Надя, Белы Ковача, Ласло Дюлаи и вызванного для совета Балинта Араня. Я тоже присутствовал на заседании. Посовещавшись, мы приняли решение: поскольку руководству партии не было предъявлено официального меморандума, надо сделать вид, что ничего не произошло.

— Ты отправляешься назад в Печ со специальным поручением партии, будешь оттуда руководить предвыборной кампанией в южных и задунайских областях, голоса их избирателей для нас очень важны. А наши коллеги в Пече позаботятся о том, чтобы ни одна душа не узнала, где ты находишься, — сказал в заключение Ференц Надь и, сделав небольшую паузу, добавил: — Если мы одержим победу на выборах и возглавим правительство, все быстро изменится, будь спокоен.

Оставалось только незаметно ускользнуть от агентов полиции, оцепивших здание.

Решение подсказал Янош Фельдени, один из сотрудников нашего отдела, в прошлом летчик-инструктор. Выслушав, над чем мы ломаем голову, Янош со свойственной ему непосредственностью воскликнул:

— Проще простого! Прикажите закрыть главный выход на четверть часа. При таком скопище людей, как у нас, у выхода мигом наберется человек сорок. А потом мы откроем двери и выпустим всех разом! Начнется такая толкучка, что у сыщиков глаза разбегутся — кого хватать? А я тем временем подъеду на машине к самому подъезду и буду ждать, не выключая мотора. Миклош быстро сядет на заднее сиденье, и я сразу дам газ. Согласны?

План всем понравился, и мы приступили к его выполнению. Действительно, высыпавшая на улицу толпа привела людей Габора Петера в полное замешательство, и мне не составило труда незамеченным нырнуть в машину. Фельдени мгновенно дал газ, и его спортивный «опель» на бешеной скорости промчался через город и вскоре выехал на шоссе, ведущее в Печ.

Бывший летчик вел машину артистически. И вез он уже не Миклоша Сабо, а Михая Беде, скромного служащего частной фирмы. Дело в том, что Мишка Беде, мой ближайший помощник, за минуту до отъезда успел сунуть мне в руку свое удостоверение.

— На всякий случай. Вдруг где-нибудь тебя задержат...

Если бы он, мой преданный друг, а тем более я сам знал в эту минуту, сколько раз в последующие годы выручит меня это подаренное мне имя и сколько раз оно же поставит меня на край гибели!..

По приезде в Печ руководители местного отделения нашей партии Надор Косер, Ласло Шаму и Йожеф Брада, посоветовавшись, решили, что жить я буду не в гостинице, а в здании областного партийного комитета на улице Мункачи, где мне выделили удобную комнату. Поначалу я отнюдь не считал свое положение трагическим, поскольку пользовался полной свободой и жил вполне привольно.

После победы на парламентских выборах, на которых наша партия опять получила большинство голосов, ожидание перемен стало для меня более тягостным. Ференц Надь и Бела Ковач, частенько наезжавшие из Будапешта в родные края, старались сдерживать мое нетерпение, объясняя, что, несмотря на большинство в парламенте, до фактического взятия власти еще далеко. Золтан Тильди, как официальный глава партии, был абсолютно не способен ни на решительные шаги, ни на принятие принципиальных решений, а если

таковые и принимались, то провести их в жизнь он был не в состоянии. Мне доверительно сообщили, что Надь и его друзья только для того и намереваются выдвинуть Тильди на пост президента республики, чтобы освободить его от роли лидера партии. Тогда все руководящие должности в партии будут принадлежать Ференцу Надю, Беле Ковачу и Беле Варге. А это означает, что под «нашим» влиянием окажется и парламент, и правительство, которое сразу же получит поддержку западных держав.

Я понял, что надо ждать до той поры, когда власть полностью перейдет в руки наших вождей, а произойдет это очень скоро.

Но прошла неделя, вторая, третья, близилось рождество, и я опять начал нервничать. Заметил ли это Ференц Надь сам или ему сообщил об этом Лаци Шаму из Печа, не знаю, но однажды Лаци зашел ко мне и сказал:

— Миклош, я знаю, ожидание — дело нелегкое, однако иного выхода у нас пока нет. Этого требуют не только интересы партии, но и тактические соображения. Мы все же нашли способ дать тебе возможность провести рождество если не дома, у родного очага, то, во всяком случае, вместе с матерью.

— Каким образом?

— В нашей резиденции на улице Шеммельвейс мы оборудовали для тебя небольшую квартирку. В Будапешт ты поедешь на моей машине с министерским номером, ее никто не остановит. О дальнейшем поговорим после праздника.

Меня растрогала такая забота. Дьердь Феници, комендант здания на улице Шеммельвейс, действительно постарался. Квартирка на четвертом этаже оказалась превосходной, и мы с матушкой отпраздновали рождество, а затем и Новый год весело и беззаботно.

Однако эта беззаботность, скорее даже мое легкомыслие — я позволил себе повеселиться с друзьями в примыкавшем к дому ресторанчике слишком громко — привело к тому, что об этом кто-то донес в полицию. Вскоре от одного из офицеров полиции, члена нашей партии, служившего в доме номер 60 по проспекту Андраши, поступил сигнал: там уже знают, что я вернулся, а это грозило мне серьезной опасностью.

Квартирка на улице Шеммельвейс могла стать для меня мышеловкой. Надо было как можно скорее исчезнуть. Для того чтобы повидаться и посоветоваться с кем-либо, времени у меня просто не

было. Крадучись, я вышел через одну из боковых дверей и направился в город.

Пока еще я был на свободе. Но что это за свобода? Лихорадочно перебирая в памяти различные варианты, я вспомнил одного человека, который несколько лет назад, в подполье, пламенно говорил о венгерском единстве, о любви и братстве, о преданности до гробовой доски.

«Йене Ракоши! Пойду-ка я к нему», — решил я, уверенный, что этот человек не откажет мне в помощи. В последние годы мы не встречались, но мне было известно, что он довольно высоко поднялся по общественной лестнице. Его назначили начальником одного из управлений в министерстве финансов, и, следовательно, он находился вне всяких подозрений. Жил Йене на улице Илку.

На мой звонок в двери открылось маленькое окошечко, в котором показалось лицо хозяина дома. Он тотчас узнал меня и воскликнул:

— Ты с ума сошел? Хочешь, чтобы и меня арестовали?!

Всего две короткие фразы, сказанные шепотом, — и окошечко захлопнулось, наступила тишина.

Погруженный в невеселые мысли, я спустился по лестнице. Мне было горько — к таким ударам судьбы я еще не привык. С годами я понял, что такие люди, как Йене Ракоши, в жизни встречаются довольно часто. Но в тот момент я был на грани отчаяния.

Долго бродил я по безлюдным улицам, чтобы немного успокоиться и собраться с духом в поисках выхода. Идя по тротуару, я вдруг заметил, что подсознательно свернул на знакомый мне с детства маршрут. Ноги словно сами несли меня в родные переулки. Вот здесь, на соседней улице, я бегал мальчишкой, а вон там — милое сердцу здание начальной школы, где я постигал грамоту. Под густыми столетними платанами городского парка, тогда еще не тронутыми войной, я играл со своими сверстниками в футбол.

Очнувшись, я понял, что стою на углу улицы Абони, а ведь совсем рядом, в доме номер 6, живет Балинт Арань!

Возможно, мой внезапный приход и удивил его, но он не дал мне этого почувствовать. Напротив, по-дружески обнял меня, проводил в гостиную и накормил. В разговоре Балинт подтвердил мне то, что я уже понял из беседы с Ференцем Надем: вся стратегия и тактика руководства партии строилась по подсказкам западных «советчиков». Смысл и цель ее состояли в том, чтобы, основываясь на

конституционных нравах, объединенными усилиями правительства, возглавляемого Ференцем Надем, парламента под председательством Белы Варги и партии мелких сельских хозяев под руководством Белы Ковача ликвидировать межпартийную коалицию и установить однопартийное правление страной; в случае же необходимости — обратиться за помощью к правительствам США, Великобритании и Франции. Но это пока перспектива, а до тех пор мне нужно набраться терпения и ждать.

Опять «до тех пор»! Выслушав Балинта, я решил, что это пресловутое «до тех пор» продлится недолго. Несколько дней я пользовался гостеприимством Балинта и его жены. Однако вскоре дурные предчувствия охватили меня. Будущее рисовалось мне теперь в самых мрачных тонах. Я считал унижительным для себя скрываться, жить под чужим кровом и есть чужой хлеб. В один из таких дней я написал Лаци Дюлаи полное горечи письмо, надеясь, что он покажет его руководству.

Тогда я жил уже не на улице Абони, а в реформатском церковном пансионе при так называемой «шотландской миссии», находившейся под покровительством англичан. Я получил сносную комнату, хороший стол и керосиновую печку, которая давала тепла ровно столько, сколько хватило бы на то, чтобы, лежа в постели под одеялом, не околеть от холода.

Конечно, это убежище, предоставленное мне из милосердия, не могло заслонить от меня реального положения вещей. Что ждет меня в будущем? Одни только верные бойскауты, столь беззаветно помогавшие нам в дни подполья, навещали меня, сообщали новости из внешнего мира, на время внося в мою одинокую келью частицу человеческого тепла.

Однажды утром двое из них, вбежав в комнату, взволнованно сообщили:

— Вчера нашего Деже увели в полицию!

— Сначала пригрозили, а потом пообещали дать много денег, если он скажет, где ты прячешься...

Перебивая друга, Золи Рамотша затараторил:

— Меня тоже взяли, но я сказал, что ничего о тебе не знаю. Тогда мне отвесили две хорошие затрешины и отпустили, потому что я сказал им, что к обеду обещал быть у бабушки в Кечкемете. Приехав в Кечкемет, я сразу же помчался к бабушке, а через несколько минут к

дому подъехали две автомашины и в квартиру вошли четверо. Бабушка испугалась и спросила у меня: «Кто это такие?» А я ей спокойненько так сказал: «Мои добрые знакомые, бабуся. Вижу, придется с тобой попрощаться...» Бедная старушка так ничего и не поняла толком. «Если добрые, зачем же переворачивать вверх дном всю квартиру?» — только и спросила она.

Все это Золтан рассказывал взволнованно, с энтузиазмом. И если даже он струхнул порядком, то все равно горел желанием стать героем дня.

— Что же, я вижу, ты отделался легким испугом! — Я рассмеялся, хотя забавного в этом было мало. — А где Деже?

— Не волнуйся, он тоже благополучно выбрался! Пообещал им, что узнает, где ты скрываешься, и тогда выдаст тебя с потрохами. Он-то и послал нас к тебе. Бегите, мол, расскажите Миклошу все слово в слово и предупредите, пусть он срочно уезжает из города.

Я тут же послал записку Балинту Араню. Вечером он пришел за мной и отвел в монастырь на улице Францисканцев, где настоятель Габор Пустаи принял меня в обитель под именем своего младшего брата. Эта перемена квартиры давала мне большое преимущество — теперь я мог из узкого окошечка четвертого этажа, выходявшего на улицу, наблюдать, как по тротуарам гуляют люди, и радоваться тому, что, по крайней мере, они могут это делать свободно. Но преимущества, как известно, даром не даются. Балинт Арань решительно потребовал, чтобы на этот раз я порвал все связи с внешним миром. Так преследователи вновь потеряли мой след, теперь уже надолго.

Никогда не забыть мне 1 февраля 1946 года. В этот день Золтан Тильди был избран президентом республики.

По улице двигалась торжественная процессия.

Впереди шествовал новоиспеченный президент с личным секретарем Лаци Йекели. За ними выступал Бела Варга, председатель парламента, в сопровождении старейших депутатов; затем шли Ференц Надь, теперь уже премьер-министр, Бела Ковач, министр без портфеля, Эндре Миштет и другие министры, а с ними бургомистр Будапешта Йожеф Кеваго, для меня — просто Йошка. Одним словом, налицо был весь цвет моей партии. Теперь эти люди занимали высшие должности в государстве. А я, их соратник и друг, тайком наблюдал за их торжественным шествием из-за зарешеченного окна монашеской кельи

с высоты четвертого этажа. Поразмыслив немного, я пришел к убеждению, что они вряд ли вспоминают обо мне. Какое им дело, где я и что со мной? Просто обо мне забыли...

Оказалось, не совсем. Не помню уже точно, спустя сколько дней после церемонии возведения Тильди в должность президента меня навестил Балинт Арань вместе с Лаци Дюлаи, моим непосредственным начальником. Я принял Дюлаи крайне холодно, даже не ответил на приветствие. Позже я понял, что он отнюдь не был виновником всех моих злоключений. С течением времени я убедился, что и он, и Бела Ковач оказались такими же обманутыми и брошенными на произвол судьбы марионетками, как и я сам, но в тот момент я был очень сильно обижен на Лаци.

— Не валяйте дурака, ребята! Будьте терпимы хотя бы друг к другу! — взмолился Балинт Арань. — Разве ты не понимаешь, Миклош, что Лаци ни в чем не виноват? Лучшее тому доказательство — то, что он сейчас здесь, у тебя.

Мы помирились. Я пожал Лаци руку, тем более что в общем-то я всегда хорошо к нему относился. Кроме того, мои горестные размышления в одиночестве уже приподняли передо мной завесу, скрывавшую истинное положение дел. Правда, тогда я еще не догадывался о закулисной игре и о тех позорных поступках, которые совершали наши партийные вожди.

Дюлаи объяснил мне, какая обстановка создалась в стране после выборов. Бедняга, он уповал на будущее с такой же наивной доверчивостью к закулисным западным советчикам, как и я, и почти все мы. Правда, в моем сознании уже тогда зрели первые ростки горького сомнения, но я старался объяснить это исключительностью своего положения, роковым стечением обстоятельств и, что греха таить, продолжать верить и надеяться.

Дюлаи рассказал, что все оказалось намного сложнее, чем мы рассчитывали, и приход к реальной власти вопреки формальным результатам выборов может быть достигнут только после долгих и упорных переговоров. Наши лидеры решили, что я не должен сидеть запертым в четырех стенах. Они искали выход и нашли его.

— Что же мне предлагают? — спросил я с надеждой.

— Завтра на рассвете я приеду за тобой на машине, принадлежащей Беле Ковачу. Ты поедешь в область Зала, в местечко Заласабар, где разыщешь дядюшку Йожефа Сабо. Он владелец хутора и

тесть Михая Чордаша, нашего общего друга. Дядюшка Йожеф уже ждет тебя. Там ты будешь жить в человеческих условиях и спокойно дожидаться добрых перемен.

На другой день меня действительно «похитили» и благополучно довели до Секешфехервара. И хотя на выезде из Будапешта стояли контрольные посты из таможенников и пограничников, машину с министерским номером никто не остановил.

Весна уже вступила в свои права. Я глядел в окно на зеленеющие поля и рощи, и настроение у меня, вырвавшегося наконец из четырех стен, было преотличное.

В Секешфехерваре, однако, мой энтузиазм несколько увял. Выяснилось, что поезда на Надькапижу переполнены и дальше мне придется ехать, устроившись на крыше вагона.

В моей короткой, но богатой событиями жизни случилось многое, но такого еще не было. Однако выбора у меня не оставалось, и я, кое-как вскарабкавшись на крышу вагона, снова оказался на высоте. «Примерно так же, как моя партия — на вершине власти», — с усмешкой подумал я.

На крыше устроилось много людей, в основном то были мешочники, эти неизбежные спутники послевоенной разрухи, со своим багажом — корзинами, рюкзаками, ободранными чемоданами и прочим скарбом. Путешествие оказалось необычным и на редкость интересным. Правда, свежий ветерок насквозь пронизывал меня в моем легком пальтишке, а черный дым с искрами из паровозной трубы тоже не доставлял особой радости. Зато окружающий мир после долгого сидения взаперти поражал. Зеленеющие перелески и поля, пасущийся на них скот, крестьянские домики под черепичными крышами, зеленоватые волны Балатона с белыми гребешками пены — все было прекрасно.

Разговоры со случайными попутчиками, соседями по крыше, стали для меня открытием. Словно исчезли все преграды между людьми; мы ехали, так сказать, одним классом, были связаны одной судьбой и говорили на одном языке. Слушая рассказы своих соседей и глядя на мир их глазами, я многое увидел иначе, не так, как до сих пор. Там, на крыше вагона, я впервые после освобождения страны по-настоящему столкнулся с людьми из народа и поразились их удивительному здравому смыслу и житейской мудрости.

Когда же наш состав подошел к станции Комарварош, я слез с крыши продрогший до костей, с занемевшими руками и ногами, но довольный.

На пристанционной площади я обратился к плотному мужичку средних лет:

— Скажите, любезный, как мне добраться до Заласабара?

— Пешком, как же иначе?! — коротко отозвался тот.

— А нельзя ли доехать? Поездом, автобусом или еще на чем-нибудь?

Мужичок смерил меня взглядом с головы до ног и, видимо пожалев, пояснил более пространно:

— Конечно, можете попроситься на попутную телегу, если такая случится. Отправляйтесь с богом, вдруг повезет. — Он указал направление рукой. — Другой сносной дороги у нас нет, идите, не собьетесь.

— А далеко ли до Заласабара?

Мой собеседник задумался, видимо прикидывая, в каких мерах длины и времени понятнее объяснить все городскому простофиле в штиблетах, и затем сказал:

— Если добре шагать и сила в ногах есть, к полуночи как раз и доберетесь.

Было шесть часов вечера. Что мне оставалось делать? Поблагодарив его, я двинулся в путь.

Прошагав по дороге около часа, я услышал позади себя громохание колес. Сойдя на обочину, хотел было махнуть рукой, чтобы остановить повозку, но в этом не оказалось нужды — поравнявшись со мной, она остановилась сама.

— Бог в помощь, — поздоровался сидевший на козлах широкоплечий парень, сдерживая вожжами породистых вороных. — Куда путь держите, если не секрет?

Меня удивила его приветливость и предупредительность. Спустя много времени я, изучив характер жителей области Зала, убедился в том, что им свойственны особое чувство такта, сердечность и гостеприимство.

— В Заласабар, — ответил я.

— Эге! Сегодня вы туда пешком не дойдете, да и зачем? Будить хозяев среди ночи?

Я объяснил, как оказался в незнакомой местности, сказал, что у меня нет иного выхода. Парень выслушал меня и, не дожидаясь просьбы, произнес:

— Вот что я вам предложу, ваша милость, поедemте со мной в Гарабонц, тут рядом. Мой родственник играет сегодня свадьбу. Заночуете у нас, а там видно будет.

Смущенный, я поначалу отказывался, но потом все же принял его любезное приглашение. Меня тревожила мысль о том, что скажут молодые, увидев на пороге своего дома незнакомца, да еще в такую неподходящую пору. Но тревоги мои оказались напрасными. Меня приняли и угощали так, будто я был членом семьи и прибыл на праздник с богатым свадебным подарком. Спать меня уложили в чистую постель, а на другой день разбудили и проводили в путь опять честь по чести.

Шагая по незнакомой дороге, я, конечно, не подозревал, что в скором времени досконально изучу этот край. Узнаю, например, что села Киш и Надьрада вовсе не шомодьские, а испокон веков залайские.

Наконец я добрался до Заласабара, симпатичного небольшого местечка, окруженного кольцом зеленых, поросших лесом холмов.

Было воскресенье. Народ, одетый по-праздничному в черное, степенно шествовал к церкви. Я решился остановить одного пожилого крестьянина:

— Добрый день, любезный дядюшка. Будьте добры указать мне, где живет Йожеф Сабо с семейством.

— Охотно, сударь, только скажите, который из Сабо вам нужен?

— Так я же сказал, Йожеф.

На это мой собеседник почесал в затылке и с величайшим терпением начал меня учить уму-разуму:

— Так-то оно так, но у нас тут никого по имени не зовут, а различают по прозвищам. Вот и надо знать, который вам нужен Сабо: Горбун или Решето, Блоха или Телятник? А так вам долго придется искать.

Старик оказался прав, дядюшку Йожефа Сабо по прозвищу Шило и его жену я нашел с немалым трудом.

Если мне в жизни довелось встречать когда-нибудь идеальную супружескую пару, то это были они, супруги Сабо, мои однофамильцы. С утра и до ночи они трудились в своем хозяйстве, не разгибая спины, но как-то весело, споро, с любовью к делу, оставаясь всегда

приветливыми и доброжелательными. Об этих простых деревенских людях в моей памяти осталось одно из самых лучших воспоминаний.

Я провел в их доме несколько месяцев, но это пребывание не имело никакой политической окраски. Просто их зять, муж единственной дочери, попросил приютить своего друга на некоторое время, и они сделали это. Жил я на чистой половине, в светлой, теплой и уютной комнате, где стоял рояль, а под ним на полу вроссыпь хранились душистые румяные яблоки, наполняя воздух приятным ароматом; комната моя не имела ничего общего с ледяными, вылизанными до блеска парадными покоями в богатых деревенских домах.

Когда я вызвался помогать по хозяйству, супруги Сабо поначалу воспротивились — гость из столицы не должен заниматься крестьянской работой. Но я настаивал, и они согласились. Нелегко мне было работать, особенно на винограднике, где я подвязывал лозу. Мои руки покрылись ссадинами и порезами, загрубели, как дубовая кора. Но я не отступал и, преодолевая сильную боль, все же освоил эту нелегкую премудрость, радуясь тому, что могу принести людям хоть какую-то пользу.

Дядюшка Йожи был человеком не только работающим, но и своеобразно мыслящим, умным, с добрым чувством юмора. Помню, однажды утром мы отправились на сенокос. Я ворошил сено, солнце начало припекать, и я сбросил рубаху. Дядюшка Йожи внимательно посмотрел на меня и удивленно спросил:

— Ну а когда жарко станет, что снимать будете?

У него я научился множеству всяких приемов и навыков в крестьянской работе в поле, и во дворе, и особенно на винограднике. Услышал я присказки и познакомился с обычаями, которые известны каждому виноградарю. К примеру, когда мы, сидя в винном погребе после изнурительного труда, отдыхали и закусывали добрым шматком сала с молодым луком, наливая первое вино в маленькие стаканчики, полагалось сказать: «Дай бог, чтобы и завтра так было».

Этот поистине райский покой и благолепие нарушил Мишка Чордаш, появившийся так внезапно. Он привез мне от Балинта Араня газету со статьей, где упоминалось мое имя, и десятидолларовую купюру.

— Балинт велел передать, что генерала Сюди и его адъютанта лейтенанта Беки англичане выдали венгерским властям как военных

преступников. Из статьи ты узнаешь и еще кое-что. Он посылает тебе эти деньги и советует немедленно покинуть страну. Через Австрию ты проберешься в Италию, в Рим, где в доме номер 1 на улице Жулио спросишь Домокоша. Это наш друг.

Мишка сообщил мне пароль для Домокоша: «Дядя Иштван шлет привет Додо».

Известие о выдаче генерала властям потрясло меня. Эта новость грянула как удар грома.

— Они сошли с ума, эти англичане! Сначала держат в своей зоне всю дивизию Сюди и помогают генералу войти в контакт с руководством партии мелких сельских хозяев, а потом выдают его венгерской политической полиции? Какой позор! Это же дискредитирует всех лидеров партии!

Мишка со своей обычной безоблачной улыбкой невозмутимо ответил:

— Балинт Арань тоже так считает. Но он и его друзья уверены, что им удастся предотвратить опасность, если ты избежишь ареста и история с оружием не выплывет наружу. Поэтому тебе и надо двигаться в Рим.

Пробежав глазами газету, я похолодел. В официальном сообщении говорилось, что в Будапеште на площади Октагон (теперь она называется площадью Седьмого Ноября) выстрелами из засады с крыши дома убиты два советских солдата. Затем я прочел самое невероятное: в этом подлом убийстве подозревали меня!

Это было ужасно, особенно для меня, всегда считавшего, что политическая борьба должна быть открытым и честным поединком убеждений, а не закулисных интриг и коварных ударов из-за угла. Клеветническое обвинение потрясло меня. Душа моя наполнилась горечью и страхом.

С болью в сердце я простился с моими добрыми хозяевами и отправился в путь с адресом в кармане, который получил от Мишки Чордаша. Если память мне не изменяет, я шел в приграничный городок Сентготхард, к доктору теологии его преподобию Эрдеи, тамошнему капеллану.

Все шло гладко, пока я не появился на пороге его дома и не назвал себя. Услышав мое имя, почтенный капеллан пришел в крайнее замешательство.

— Сын мой, стряслась большая беда, — сказал он. — На днях пограничная охрана схватила двух молодцов. Они пытались перейти границу по тропе, которую я указал им. Мой дом под наблюдением, а сам я теперь не только бессилен, но еще и опасен.

Это было правдой. Когда на другой день я сел в вагон пассажирского поезда, идущего в глубь страны, весь состав подвергся проверке — пограничники проверяли документы. Не могу утверждать, что искали именно меня, Миклоша Сабо, но в том, что искали человека, вышедшего из дома его преподобия Эрдеи, нет сомнения. Во всяком случае, я не стал испытывать судьбу и при первой же возможности, когда поезд замедлил ход, спрыгнул со ступеньки вагона на каком-то перегоне.

Удача сопутствовала мне и на этот раз. Ободранный и поцарапанный, прихрамывая на одну ногу, я все же вернулся в гостеприимный Заласабар.

Потерпев неудачу, я должен был искать какой-то выход. Тут мне помог крестник дядюшки Йожи, молодой каменщик по имени Карой Тот. Узнав о моей беде, Карой рассказал мне, что недавно вернулся из лагеря для военнопленных близ города Пассау. Там в селе Поккинг у него осталась невеста, немка по национальности, дочь богатого хозяина. И если я приму его в товарищи, он охотно пойдет со мной искать свое счастье.

Предложение Кароя меня обрадовало. Вдвоем всегда лучше, тем более в таком опасном деле. Вскоре мы выработали и план перехода через границу: сначала мы прибываем в Сомбатхей, где почуем у его родственников, потом пешком добираемся до приграничной деревушки Хорватжидань, где у Кароя тоже были знакомые, а там по надежной и не раз испытанной тайной тропе переходим государственную границу.

Когда молодой австриец, наш проводник, объявил нам, что мы уже в Бургенланде, то есть на австрийской земле, слезы выступили у меня на глазах. Я испытывал боль и радость одновременно. Боль — потому, что покинул родину, радость — потому, что избавился от опасности. Но нам предстояло еще пересечь советскую зону оккупации, затем перейти зональную границу и оказаться наконец у англичан, наших союзников и покровителей.

Не без труда мы добрались до перевала. Здесь, по словам простившегося с нами проводника-австрийца, мы могли без всякого риска пронырнуть из зоны в зону. Без особого труда мы отыскивали

старую водяную мельницу, стоявшую на берегу горного ручья в романтическом, сказочном уголке леса. Приближался великий момент моего вступления, как тогда мне казалось, в свободный западный мир.

Мы бодро шагали по вьющейся в горах узкой лесной дороге, и мне хотелось петь. Еще бы, наконец-то я, преодолев бурное море стольких злоключений, очутился в тихой гавани! Однако вскоре тихая гавань оказалась коварным заливом со множеством рифов, на которые так легко напороться неопытному мореплавателю, если ему не светит луч путеводного маяка. Хотя мой верный спутник Карой Тот всячески удерживал меня от рокового шага, я настоял на своем. Придя в Грац, я тут же отправился в английскую комендатуру. Поскольку я слишком громко и настойчиво требовал провести меня к генералу, ко мне вызвали переводчика, который оказался, как выяснилось, бывшим венгерским майором из все той же дивизии «Святого Ласло».

Выслушав меня и узнав, кто я такой и зачем явился, переводчик сказал:

— Хорошо, я доложу о вас полковнику, начальнику местного английского гарнизона. Он вас примет, но за успех не ручаюсь.

Отставной майор оказался прав. Английский полковник терпеливо выслушал меня, а потом спросил:

— Имеете документы?

— Не на мое имя. Ведь я эмигрировал нелегально.

— Рекомендательного письма у вас тоже нет?

Я с трудом сдержал негодование и как можно вежливее постарался объяснить положение, в котором оказался:

— Прошу вас понять, господин полковник, на родине меня разыскивает полиция. Я не мог расхаживать по улицам с чужими документами и собирать рекомендации.

Полковник с сожалением развел руками. Затем, помолчав минуту, спросил:

— Могли бы вы, сударь, назвать имя главы вашего государства?

«Значит, сейчас мне предстоит некий испытательный тест, — подумал я. — Что же, так ближе к цели».

— Разумеется, — ответил я. — Президент Золтан Тильди, реформатский священник.

— А имя премьер-министра?

— Ференц Надь. Он-то и является лидером нашей партии.

— Ну а председателя парламента?

— Бела Варга, прелат Ватикана, представитель папы в Венгрии.

— К какой партии он принадлежит?

— К партии мелких сельских хозяев, как и я.

Полковник откинулся на спинку стула:

— Простите, сударь, но поверить вам я не могу. Вы являетесь ко мне с документами, которые, как вы утверждаете, вам не принадлежат. Затем представляетесь как один из функционеров партии мелких сельских хозяев, который вынужден бежать из страны, где у власти стоит его же собственная партия! — Сделав краткую паузу, он закончил нашу беседу такими словами: — Откровенно говоря, я должен был бы вас арестовать. Но, поскольку вы пришли ко мне добровольно, я не сделаю этого. Помочь же ничем не могу.

Я выскочил из кабинета как ошпаренный. Гнев кипел во мне, но я не знал даже, на кого сердиться. На полковника, который по праву требовал доказательств, что я не вру? Или же на Ференца Надя и его компанию, которые, выдворив меня из страны, не удосужились проинформировать об этом англичан через их миссию в Будапеште?

Отставной майор, к моему удивлению, отнесся ко мне с сочувствием и даже пригласил к себе. Жил он в небольшой вилле на окраине Граца, в долине, окруженной лесистыми холмами. Он пригласил к себе нескольких своих бывших коллег-офицеров, жаждавших послушать земляка. От них-то я и узнал правду о судьбе дивизии «Святого Ласло».

С нескрываемой гордостью офицеры рассказывали о том, как им удалось вырваться из долины, с обеих концов перекрытой советскими войсками, о головокружительном ночном марше среди диких скал, заросших колючим кустарником, о тропе, которая вывела их через предгорья Альп в тыл к англичанам. Я услышал и о невероятной по своей дерзости истории о том, как генерал Сюди, которому нельзя было отказать в решительности, окружил в глубоком тылу штаб англичан, чувствовавших себя в полной безопасности, и вынудил английское командование подписать меморандум о сохранении дивизии в полном боевом составе. Это, собственно, и послужило основанием для того наглого предложения Сюди, которое он сделал Ференцу Надю якобы с ведома и согласия союзников.

После всего услышанного голова у меня гудела, как растревоженный улей. То, в чем я сомневался еще в Будапеште, подтвердилось здесь, в Граце. В то же время противоречие между

политическими амбициями и конкретными действиями британских властей было очевидным. Майор-переводчик постарался внести ясность, но достиг обратного результата. Ясно было одно: сначала англичане на словах поддерживали и ободряли нас, венгерских буржуазных политиков, подстрекая к установлению контакта с командиром фашистской дивизии, оставленной ими в боевой готовности, а потом вопреки логике и собственным заверениям выдали этого же командира людям Габора Петера.

Во избежание недоразумения должен заметить, что меня возмутил не факт выдачи военного преступника, что само по себе я считал вполне естественным и законным делом. Возмущало другое — ведь в то время, когда англичане поддерживали план использования дивизии «Святого Ласло» правительством Ференца Надя в качестве костяка для создания новой венгерской армии, генерал Золтан Сюди уже был военным преступником! Вот этого-то я и не мог понять.

Теперь я со спокойной совестью могу сказать, что наши западные «друзья» своей аферой с генералом Сюди в немалой степени помогли раздробить коалицию на части, чтобы иметь возможность столкнуть в пропасть одну партию за другой. Первой на разделочный стол попала партия мелких сельских хозяев.

НАПРАВЛЕНИЕ — РИМ

Между мной и моим спутником возникли серьезные разногласия. Мы спорили, куда двигаться дальше. Я во что бы то ни стало хотел ехать в Рим, но в конце концов уступил трезвым доводам моего оппонента.

«После фиаско у англичан, — думал я, — кто может поручиться, что и в Риме меня не ожидает такой же прием?» Кроме того, на пути из Граца в Италию мне предстоял опять-таки нелегальный переход государственной границы через один из высокогорных перевалов среди вечных снегов на высоте почти три тысячи метров, а перевалы строго охранялись.

— Зачем рисковать? — убеждал меня Карой. — В Поккинг мы доберемся куда проще. Та часть Австрии и Бавария — это уже американская зона. А родители моей невесты люди зажиточные, прокормят нас обоих. Оттуда, из Поккинга, вы свяжетесь по телефону с Римом и узнаете, ждут вас там или нет.

Взвесив все, я вынужден был согласиться. Решено, двинемся сначала в Баварию.

Если бы я задался целью описать наше путешествие, получилась бы целая книга. Волшебная красота природы, высоченные сосны и ели, стоящие зеленой стеной, пьянящий ароматный горный воздух, шустрые белки, скачущие по ветвям, полутораметровые муравейники, попадавшиеся здесь и там, неопишуемой красоты горные потоки, то с шумом низвергавшиеся с высоких скал, то затихавшие в зеркальных запрудах, — все это очаровывало и восхищало.

Большую часть пути мы проделали пешком. Шли быстро, за десять дней добрались от Граца до самого Шердинга. По дороге мы не переставали любоваться природой. Она захватывала своей красотой, и казалось, помогала нам преодолевать трудности пути и невзгоды. Меня могут спросить, о каких невзгодах идет речь? А они были. К примеру, голод. Идти пешком по десять — двенадцать часов в день по малонаселенной местности, где за деньги ничего нельзя купить, и питаться из милости у жителей лесных хуторов или горных деревушек, дававших нам хлеб и молоко даром, дело нелегкое. Кроме того, в горах нас часто настигали ливни. Неопытные туристы, да еще в легкой

одежде, мы вымокали до костей. В довершение всего оба мы были беглецами, не имевшими даже формального права на существование в «свободном мире».

В городке Лицен мы столкнулись с первым препятствием, и между мною и Кароем разгорелся спор. Этим препятствием оказалась горная цепь под названием Пирн. Местные жители сказали нам, что через перевал сейчас идти нельзя из-за угрозы схода снежных лавин. Оставался второй путь — через железнодорожный туннель, прорубленный сквозь толщу гор. Вот тут-то, в маленькой деревушке, расположенной у входа в туннель, мы и заспорили, идти нам или не идти через туннель.

Сторожевую будку мы обошли стороной без всяких приключений и в нерешительности остановились перед черным зевом огромного подземного коридора, похожим на пасть чудовища. Большая доска с надписями на нескольких языках, в том числе и на венгерском, коротко и ясно предупреждала о том, что по ту сторону туннеля начинается американская зона и по всем нарушителям границы огонь открывается без предупреждения.

Мы долго не могли договориться. Но потом решили: не сидеть же нам тут до страшного суда! И вот наконец мы двинулись к черному жерлу туннеля.

Длина туннеля под Пирнским хребтом невелика — всего пять километров, но они показались нам дорогой в ад. Не имея ни фонарика, ни спичек, вслепую, хватаясь за влажные каменные стены, мы брели по шпалам, нащупывая их ногами. Во многих местах по стенам струились невидимые ручейки, наполняя гулкую черную пещеру невнятным бормотанием. От этого пугающего бормотания и шороха падающих камешков можно было сойти с ума. Один-единственный раз нас догнал мчавшийся с дикой скоростью воинский эшелон. Испуганно прильнув к каменной стене, цепляясь за нее, только бы не попасть под колеса, мы, оглохшие от грохота, чуть не потеряли сознание.

Дорога в Дантов ад показалась бы нам увеселительной воскресной прогулкой в сравнении с тремя часами пути по этому проклятому туннелю. Мы не поверили своим глазам, когда впереди забрезжил наконец слабый свет, постепенно становившийся все ярче. Выход! Мы оба настолько измучились, что нам было уже все равно, подстрелят нас американские часовые или же оставят в живых. Нами владело только

единственное желание, подавлявшее даже инстинкт самосохранения: поскорее выбраться из этого пекла.

Вопреки грозному предупреждению при выходе из туннеля мы не услышали ни единого выстрела; более того, американских часовых вообще нигде не было видно. Невдалеке какой-то крестьянин мирно махал косой на лугу. Вне себя от радости, мы сбросили свою мокрую одежду и растянулись на траве под ласковыми лучами солнца.

Перед нами открылся прелестный курортный городок — Шпиталь-ам-Пирн, как мы потом узнали. Его окружала заботливо ухоженная аллея для прогулок, с удобными деревянными скамьями. Среди гуляющей публики мы случайно встретили и нашего соотечественника — венгра, который дал нам несколько полезных советов на дальнейший путь. Человек этот попал сюда давно в качестве представителя венгерского национального банка. Он объяснил нам, что сопровождал вывезенный гитлеровцами венгерский золотой запас, большая часть которого хранится теперь у американцев здесь, неподалеку от этого городка.

Еще три дня пути пешком — и мы оказались почти у цели. Впереди лежал город Шердинг, отделенный от нас рекой Инн. Мост через реку охранялся американскими солдатами, поскольку американская зона Австрии здесь стыкалась с американской же зоной Баварии. Через этот мост мы и должны были перейти, но не имели ни малейшего представления, как это сделать. Посоветовавшись, решили искать брод и обратились за помощью к какому-то приличному на вид пожилому австрийцу. Это было нашей роковой ошибкой. То ли мы плохо поняли друг друга, то ли австриец просто решил донести на подозрительных иностранцев, во всяком случае, он указал нам тропинку, и мы легкомысленно пошли по ней.

Миновав небольшую рощицу, мы неожиданно вышли на обрывистый берег. Возле наших ног плескалась и пенилась разлившаяся после дождей река. У меня вдруг возникло предчувствие беды, и я не ошибся. На изгибе тропинки, петлявшей вдоль берега, мы увидели австрийского жандарма в форме, который быстро шел нам навстречу. Он уже заметил нас и махал рукой, подзывая к себе.

Признаюсь, у нас обоих мелькнула одинаковая мысль: нас двое, жандарм один. Если его убрать, мы сумеем переправиться через Инн даже вплавь, несмотря на разлив. А на том берегу прямо перед нами, как утверждал Карой, находился заветный Поккинг. Однако дело

ограничилось только мыслями, так как ни один из нас не взял бы на душу грех утопить в реке ни в чем не повинного человека, даже если он жандарм. А тот, ни о чем, конечно, не подозревая, даже с некоторым сочувствием к задержанным препроводил нас прямехонько в кутузку при жандармском участке.

Полагаю, полезно объяснить, почему в Шердинге, находившемся в американской зоне оккупации, я сразу же не попытался сказать о себе правду, не потребовал связать меня с американским командованием, не раскрыл свое инкогнито. Возможно, меня удержал печальный опыт, полученный в Граце. Но все-таки я это сделал чуть позже, уже сидя в кутузке. Я был уверен, что австрийские жандармы-пограничники не посмеют мне отказать в свидании с американскими военными властями, и, кроме того, надеялся, что практичные американцы окажутся менее твердолобыми, чем их британские коллеги.

На первом же допросе я потребовал у жандармского офицера, чтобы меня передали в руки американской контрразведки. Офицер спросил, на каком основании я этого требую.

— На том, что я депутат венгерского парламента и участвовал в движении Сопротивления! — ответил я.

По сей день мне стыдно за мою тогдашнюю наивность.

Переводчицей оказалась женщина из венгерских швабов, выселенных из страны на запад, которая с первой же минуты отнеслась к нам враждебно.

— Что это такое — движение Сопротивления? Я не могу перевести того, чего не понимаю! — прошипела она.

— Партизан, понимаешь теперь? — отрезал я, употребив слово, ставшее международным.

— Партизан? Значит, вы убийца! — вскричала швабка и с ненавистью завопила: — Убийца, он убийца!

Мой спутник дергал меня сзади за пиджак, шепча в ухо:

— Ради бога, ни слова больше!

Я понял, что он был прав. После этого инцидента я уже не называл своего настоящего имени и был рад, что жандармский офицер отправил меня в камеру как Михая Беде. Что же касается моего требования передать меня представителю американской секретной службы, он обнадеживающе заверил:

— Будьте покойны, с ним вы еще встретитесь.

И действительно, такая встреча состоялась.

Два-три дня спустя меня привели в помещение, охранявшееся американскими солдатами в касках. Я оказался перед американским военным судьей. Судья, молодой человек в очках, с интеллигентным лицом, принадлежал к тому сорту американцев, которых в наши дни называют твердолобыми: с величайшим равнодушием к моей персоне он без всякого допроса отбарабанил по бумажке приговор:

— «За попытку совершить незаконный переход государственной границы — два месяца тюрьмы...»

Переводчика в зале не было, так что о содержании приговора мы узнали уже после окончания всей этой церемонии, когда трудно было что-нибудь изменить.

Вот так получилось, что меня, в то время почитателя буржуазно-демократических идей и свобод по-американски, так называемый «свободный мир» встретил на первых же порах двумя месяцами тюремного заключения.

Отсидев положенный срок, мы с Кароем вышли из тюрьмы и получили направление в Линц с правом поступления на работу. Ночлег нам был обеспечен: как перемещенные лица мы получили место в бывшей казарме. Там мы случайно встретились с земляком Кароя Тота, Кальманом Сабо, который помог устроиться нам обоим. Мы превратились в слесарей при военной мастерской, где ремонтировались американские тягачи.

Но этому предшествовало событие, потрясшее меня и, полагаю, родственников моего друга Михая Беде, по документам которого я жил.

Для того чтобы получить трудовые книжки и продовольственные карточки, нам пришлось зарегистрироваться на бирже труда. Мы просунули в нужное окошечко наши паспорта и, вооружившись терпением, стали ожидать своей очереди. Вдруг кто-то громко выкрикнул мое новое имя, один раз, другой... Делать было нечего, и я подошел к даме, которая меня звала.

— Вы Михай Беде? — спросила она.

— Да, я. — Мне не оставалось ничего другого, как ответить так, тем более, что я уже начал привыкать к своей новой фамилии.

— Прошу вас подождать.

С этими словами она скрылась за дверью, но через секунду дверь снова распахнулась, из нее стремительно выскочил молодой человек моего возраста и без всяких объяснений бросился мне на шею. По щекам у него текли слезы.

— Я Фердинанд, твой двоюродный брат! — повторял он с австрийским акцентом.

Давно я не испытывал такого неудобства, как в эту минуту. Мое смущение усилилось, когда мой новоявленный братец стал просить, чтобы я навестил их семейство, и более того, предложил переехать к ним на жительство, ибо его родители, то есть дядя и тетя Мишки Беде, будут счастливы дать приют племяннику после стольких лет разлуки.

Что касалось меня, то я отнюдь не чувствовал себя счастливым. Во-первых, мне было стыдно за обман, а во-вторых, эта неожиданная встреча могла окончиться для меня большими неприятностями. Хорошо еще, что милый братец Фердинанд ни разу в жизни не видел своего будапештского родственника, и разоблачить мнимого Мишку Беде могли только его почтенные родители.

К счастью для меня, мои «дядюшка и тетушка» проживали в деревушке на восточном берегу Дуная, которая входила в советскую зону. Это дало мне повод уклониться от столь любезного приглашения, а дату встречи с «родственниками» здесь, на этом берегу, я оттягивал под разными предлогами до тех пор, пока не сформировался транспорт из венгров, пожелавших возвратиться на родину.

Мы с Кароем Тотом уже решили к тому времени, что оба вернемся домой. Карою пришла в голову мысль, что найти себе жену можно и на родине. Что касается меня, то я полностью разочаровался как в наших западных союзниках, так и в Ференце Наде с его приближенными, которым было важно спровадить меня за границу, чтобы тем самым обезопасить себя. Что станет со мной в чужих краях, им было абсолютно безразлично. Впрочем, такое же безразличие они проявили ко мне и позднее.

Мне было обидно, что я должен здесь, на чужбине, прислуживать американцам, в то время как люди, руководители страны, которых я считал для себя примером, восседали в бархатных парламентских креслах и пребывали в довольстве. Я решил вернуться на родину, чтобы на примере своей судьбы предостеречь моих соратников и единомышленников, в добросовестности убеждений которых я не сомневался, веря, что все они являются жертвами не только трагического заблуждения, но и преднамеренного обмана. О последнем я уже начал догадываться.

Эшелон репатриантов, в котором я ехал, был битком набит венгерскими солдатами, допризывниками и угнанными на запад

гражданскими лицами. Двигался наш поезд медленно, но все же добрался до цели. У границы Венгрии к американским солдатам, сопровождавшим эшелон, присоединились венгерские полицейские, наблюдавшие, чтобы люди не разбегались на промежуточных станциях. Эшелон следовал в сортировочный лагерь в Надьканижу, где предстояла проверка с целью выявления среди репатриантов военных преступников и врагов народа.

Мне отнюдь не улыбалась такая перспектива. Поэтому во время стоянки в городе Сомбатхей я незаметно покинул эшелон.

Учитывая, что за минувшие месяцы полиция уже могла обнаружить мое убежище в Заласабаре, а также не желая, чтобы и Карой Тот, мой верный попутчик, знал о месте моего пребывания, я направился в Залавар. Мне нравилось это уютное село, похожее на островок, возвышавшийся среди, тростникового моря на берегах реки Залы и озера Кишбалатон. Меня привозил сюда дядюшка Йозеф Сабо еще в мою бытность его гостем. Тут жили его близкие родственники Месароши и Кираи.

Во время своего первого визита к Месарошам я познакомился здесь с сельским учителем Хилартом Лантошем, удивительным человеком. Знаток местного края, всесторонне образованный историк, он был сыном батрака из соседней области Шомодь. Его любовь к детям и природный педагогический талант делали его похожим на героев романов Гардони. Он со страстью отдавался изучению природы, дневал и ночевал в своей маленькой сельской школе, воспитывая из деревенских малышей подлинных патриотов своего края. Он неустанно прививал им любовь к земле, учению и труду. Кроме того, Лантош был настоящим историографом, хранителем и исследователем памятников прошлого в своем селе, впоследствии он оказал неоценимую помощь археологам, проводившим раскопки в том районе.

Вот к этому Хиларту Лантошу я и пришел, сбежав из эшелона. Он принял меня радушно и приютил, я уверен, из одного только человеколюбия. Живя у него, я связался с Балинтом Аранем. В письме я подробно описал свои злоключения, а также выводы, к которым пришел, прося его о том, чтобы он сообщил вождям нашей партии, что я рассчитываю только на поддержку и солидарность. Что же касается принесения новых жертв с моей стороны, то после всего, что произошло со мной, ни о каких жертвах не может быть и речи.

Балинт ответил тотчас же, чтобы успокоить меня. Он защищал Ференца Надя, терпевшего одно поражение за другим от сторонников Ракоши, несмотря на то, что коммунисты в парламенте составляли в ту пору меньшинство.

Я написал еще одно письмо, но ответа не дождался. В один из дней учитель Лантош принес мне газету, в которой сообщалось о том, что Балинт Арань арестован в связи с раскрытием заговора тайной организации под названием «Венгерская национальная община».

В связи с начавшимся судебным процессом полицией был объявлен розыск по всей стране депутата Национального собрания Кальмана Шалаты, жениха дочери Ференца Надя Юлии, ускользнувшего буквально накануне ареста. Кроме газетных статей, по всем городам и селам были расклеены объявления с обещанием награды в пять тысяч форинтов тому, кто наведет на след или поможет задержать бежавшего заговорщика. Пять тысяч форинтов в то время составляли солидную сумму, и если не политические убеждения, то перспектива получения таких денег весьма оживила фантазию деревенских жителей. В результате я два раза едва не стал жертвой их заметно возросшей бдительности.

Жители села Залавар очень скоро обнаружили, что в доме их уважаемого учителя Лантоша проживает некий чужеземец, а поразмыслив, пришли к выводу, что это не кто иной, как разыскиваемый властями Кальман Шалата. Тотчас вокруг дома были установлены посты, чтобы не упустить добычу. К счастью для меня, один из бывших учеников Лантоша вовремя предупредил нас об этом, и мне удалось оставить караульчиков с носом.

На дворе трещал мороз и мела пурга. Поначалу я решил направить свои стопы в село Диошкаль, к местному священнику, которому я был представлен. Но, наученный горьким опытом, я не сомневался, что теперь меня повсюду будут принимать за Кальмана Шалату. Впрочем, сотрудники политической полиции обрадовались бы мне, Миклошу Сабо, пожалуй, не меньше, чем моему коллеге Шалате, только попадись я им тогда в руки.

Оставаться в селе до наступления темноты было опасно, и я пошел по знакомой тропинке через гору с виноградниками, между Заласабаром и Эгерарачей. В это время года виноградники обычно пустуют, и я никак не рассчитывал, что встречу там с кем-то из жителей села. Но получилось иначе. Вдруг передо мной замаячили две

фигуры. Двое мужчин выползли из двери одного из винных погребков и преградили мне путь. Я узнал в них отца и сына Мукичей, которых видел в селе еще летом.

Мы поздоровались, затем они спросили меня, куда я держу путь. Я назвал адрес, разумеется не настоящий. Мукичи пригласили меня в погребок отведать стаканчик вина, чтобы согреться. Я вежливо отказался. Тогда они спросили, не слышал ли я чего о Кальмане Шалате.

— Да что вы! — отмахнулся я. — Теперь он, наверное, за тридевять земель отсюда!

Отец и сын переглянулись.

— Как знать? — откликнулся Мукич-младший. — Может, он тут, на горе. — Намек был самый недвусмысленный, и я понял, что они приняли меня за Шалату. Хорошо еще, что сразу не стукнули палкой по голове, чтобы сдать властям за обещанную награду.

Действовать надо было без промедления. Я вынул из-за пазухи револьвер и, словно взвешивая его на ладони, в тон Мукичу-младшему насмешливо произнес в ответ:

— Что ж, может, вы и правы!

Больше я не добавил ни слова, но для меня по сей день остается загадкой, как можно бежать с такой быстротой по полуметровому снегу. В считанные минуты оба здоровенных мужика превратились в два едва заметных пятнышка на краю заснеженного поля.

Этот инцидент заставил меня удвоить осторожность. Сделав большой крюк, чтобы запутать следы, я вошел в Диошкаль с другой стороны, по наезженной дороге, ведущей в Альшорайк; незаметно, задами, приблизился к дому священника и, войдя в него, смог наконец отдышаться и прийти в себя под кровом у его преподобия капеллана Копани.

Новости из большого мира доходили, однако, и до этой захолустной деревушки. Мне становилось все тревожнее. Каждый день я убеждался все более, что Золтан Тильди, Ференц Надь и Бела Варга, занимавшие три высших поста в государстве, с одной стороны, были явно неспособны разумно пользоваться властью, предоставленной им конституцией, а с другой — не моргнув глазом предавали всех подряд, даже самых верных своих друзей, лишь бы только спасти собственную шкуру.

Капеллан Копани, видя мои душевные терзания, однажды обратился ко мне с вопросом, немало удивившим меня:

— Миклош, сын мой, не хотели бы вы наведаться в Балатонбоглар?

В первую минуту я подумал, что он шутит, настолько нелепым показался мне его вопрос.

— Ваше преподобие, вы же знаете, что, если бы я даже хотел совершить такой вояж, это было бы невозможно. Во-первых, до Балатонбоглара шестьдесят километров, а во-вторых, каждый встречный непременно захочет сдать меня в руки полиции как беглого заговорщика Кальмана Шалату.

— Ну а если все же появится такая возможность?

— О, для меня сейчас нет ничего желаннее на свете, чем встретиться с Белой Варгой и поговорить с ним начистоту!

— Так я и думал, — кивнул почтенный капеллан. — Так вот, такая возможность у нас имеется...

Я взглянул на него с недоверием, но его преподобие выдержал этот взгляд. В душе моей вновь блеснула надежда.

Дело в том, что Бела Варга, католический епископ, являвшийся членом правления нашей партии, с давних пор был настоятелем балатонбогларского прихода и жил обычно в тамошней курии. Встретившись с ним, я мог бы получить ответы на все терзавшие меня вопросы. Может быть, он скажет мне: «До сих пор все уступки с нашей стороны были не чем иным, как тактическим лавированием, но теперь хватит. Мы достаточно отступали, далее ни шагу назад!»? В моей голове мелькнула и другая мысль: вдруг этот признанный партийный лидер и епископ предложит мне убежище в своем доме до лучших времен?

Правда, мои мечтания длились всего несколько мгновений. Меня гораздо больше интересовала практическая сторона дела.

— Но как? Как можно осуществить все это?

— Проще, чем вы предполагаете, — улыбнулся хозяин дома. — Мои родители живут в Балатонбогларе по сей день, я ведь и сам родом оттуда. Завтра я отправляю своим старикам воз сена, как обычно. Конечно, путь не близкий, но, лежа на самом верху воза под теплыми попонами, вы, думаю, не замерзнете, а на такой высоте вас никто не увидит.

От радости я готов был броситься ему на шею.

Путешествие получилось долгим и утомительным, но чувствовал я себя в безопасности. Уже затемно я слез с воза и, не обнаружив вокруг ничего подозрительного, позвонил у подъезда приземистого здания курии.

Когда церковный служка в черном одеянии открыл мне дверь, кровь бросилась мне в голову. Вид холеного служки в черном словно вспышкой магния высветил пропасть между мной и господином епископом.

— Доложите, пожалуйста, господину председателю, что я привез весьма срочное послание от господина премьер-министра.

Служка держался как вышколенный английский камердинер. Он не выразил удивления и не обратил никакого внимания на мою поношенную одежду. Через минуту передо мной стоял Бела Варга собственной персоной.

Хозяин дома вел себя столь же хладнокровно, как и его слуга. Его изумление выдало лишь легкое подрагивание век.

— Добро пожаловать, — сказал он и распахнул передо мной дверь кабинета. — Прошу. Проходи, садись!..

Мы сели. Заметив мою скованность, хозяин предложил выпить по рюмке.

Я не стал деликатничать и выложил ему все начистоту.

Варга пустился в длинные объяснения, ссылаясь на то, что многое сложилось иначе, чем можно было ожидать на основе полученной информации. В отношении наших западных союзников он не открыл мне ничего нового, так как мое мнение основывалось не на сомнительной информации, а на собственном горьком опыте.

— Пусть так, дорогой Бела, но как вы могли допустить, чтобы арестовали Ласло Дюлаи, Кишша, Балинта Араня? — спросил я его.

Ответ его прозвучал как пощечина:

— Этого требовал Ракоши.

— И вы так легко согласились?! — выкрикнул я.

— Остынь, пожалуйста, и не кричи. — Варга сделал выразительный жест. — И у стен бывают уши, так что води себя потише! И запомни — пока мы сидим на своих местах, ничего не случилось.

Я и в самом деле остыл, даже похолодел, но не от того, что нас могли подслушать, а от отвращения, которое меня охватило.

— Скажите мне, Бела, неужели вы надеетесь, что за ними не последуете вы, Ференц, Тильди? Неужели вы надеетесь ценою трусости спасти собственную жизнь?

— Пойми, дорогой, ничего другого мы пока предпринять не могли. Нам посоветовали лавировать и выжидать. Время сейчас работает на нас. — Голос епископа звучал надменно и нравоучительно. Помолчав, Варга спросил: — Надеюсь, ты поужинаешь со мной?

— С вами? Ни за что! Даже если я буду умирать от голода! — взорвался я.

Он проводил меня до дверей. Здесь мне суждено было получить еще один сюрприз.

— Не сердись, — сказал он на прощание, — я ведь не знаю точно, кто ты есть на самом деле...

Забыв обо всех правилах приличия, я хриплым от злости голосом бросил ему в лицо:

— Негодяй!

Не думая об осторожности, я с силой захлопнул дверь. Звук, разнесшийся в тишине ночи, был похож на стук крышки гроба, в котором хоронили все мои иллюзии. В эти минуты я даже хотел, чтобы меня арестовали и бросили за решетку, за которой томились мои друзья, преданные этими подлецами. И хотя желудок мой был пуст, я все же почувствовал приступ подступающей тошноты.

ТЯЖЕЛЫЕ, НО ПРЕКРАСНЫЕ ГОДЫ

Я оказался в одиночестве и если хотел выжить, то должен был заново установить контакты и связи, которые помогли бы мне выбраться из беды.

Начало было очень трудным. Мои одежда и обувь находились в критическом состоянии. Ботинки только условно можно было назвать обувью: если верх выглядел еще вполне благополучно, то о подметках вполне можно было сказать словами народной присказки: то ли они были, то ли их не было.

Знакомств по линии Дюлаи, Чорбаш мне следовало избегать, а завязывать новые приходилось с большой осмотрительностью.

1947 год и три последующих принесли в деревню страх перед коллективизацией, или, как тогда говорили, «мобилизацией в колхозы». Его испытывали не только бывшие хозяева, испокон века копошившиеся на своих земельных участках, но и «новые хозяева», в прошлом неимущие батраки и поденщики, получившие после проведения земельной реформы небольшие наделы в личное пользование. Они страшились кооперативов даже больше, чем другие. Не имея ни волов, ни лошадей, «новые хозяева» попали в зависимость от зажиточных хозяев и кулаков, отрабатывая тяжким ручным трудом непомерно дорогую плату за тягло, поскольку без него они вообще не могли ни вспахать, ни засеять свои участки. Однако, несмотря ни на что, они держались за эту землю не менее цепко, чем прежние хозяева, так как в их душах жила извечная крестьянская тяга к земле-кормилице, которую венгерский крестьянин почитал наравне с самим господом богом, а то и выше.

Вот чем можно было объяснить то, что у меня появлялось все больше радетелей не только в области Зала, но и в Шомоди, где я находился. Наши интересы как бы совпадали. И я, и они одинаково уповали на смену власти: я — думая, что это изменит мою судьбу к лучшему, они — надеясь, что это позволит им сохранить собственность на землю.

Трагикомичность наших надежд состояла в том, что за минувшие два года я уже полностью разочаровался в своих буржуазных иллюзиях, а они, крестьяне, не сознавая того, тянулись к ими же проклятому

прошлому. Мечтая о том, как будут хозяйничать на своей земле, они забывали о главном — что землю-то эту они получили именно от новой власти. Я боялся идти с повинной, страхась допросов с пристрастием, о которых ходили недобрые слухи; они же боялись котелков с супом, который будут якобы раздавать в колхозах всем поровну. Да, именно такими баснями пугали крестьян в те годы всякие шептуны. Ирония судьбы заключалась еще и в том, что, в конце концов, мы сами, повинувшись исторической необходимости, вступили на тот путь, пусть тернистый и не прямой, но единственно правильный, против которого боролись вначале.

Лучше всего я чувствовал себя в селе Надьреде, где время от времени мне давали приют два молодых крестьянина, любители чтения и театра, любознательные и на редкость разумные. К ним я приходил, когда блуждание по заснеженным полям и перелескам с ночевками в сторожках или пустых сараях, голод и гнетущее чувство одиночества становились для меня невмоготу. Удивительно, как в те трудные дни, полные неразберихи и борьбы за существование, эти двое настойчиво, в постоянных спорах между собой искали доброе и разумное среди старого и нового, отжившего и прогрессивного. На склонах горы Селеми, в маленькой комнатке принадлежавшего им винного погребка, мы беседовали часами. На дворе лютвала зимняя стужа, а здесь, у чугунной печурки, было тепло, и наши гадания о будущем то вспыхивали и гасли, то неярко тлели, как угли.

Такая же обстановка сложилась для меня и в других деревнях, в Залапати, Альшопакхе, а потом и в Балатонмадьярде, в том особом мирке тростниковых болот вокруг Малого Балатона, который стал для меня в последующие годы суровым, но приветливым и падежным домом.

Между тем мои пророчества сбывались. Через два месяца после ареста Белы Ковача премьер-министр Ференц Надь под видом поездки в отпуск к проживавшей в Лозанне дочери Юлии бежал в Швейцарию, а несколькими днями позже его примеру последовал Бела Варга. Официальное письмо об отставке и полученный обратно автомобиль дали Надю возможность забрать к себе оставленного в Венгрии сына, но это ничего не меняло по существу. Ценою предательства, выдав всех своих друзей, оба лидера спасли немного — собственную жизнь.

Хотя я продолжал скрываться в провинции, до меня дошло известие, что западная печать публиковала их пространные заявления о

том, почему они вынуждены были уйти в эмиграцию. Они оправдывались тем, что были скованы по рукам и ногам в своих действиях, и оплакивали нас, своих соратников. В этой связи мне пришла на память строка из стихотворения поэта Дюлы Юхаса: «Пилат умывает руки потому, что не может отмыть грязную совесть».

Таким образом, пока Бела Варга ради поддержания собственного престижа отмывал свои руки по ту сторону границы, Бела Ковач, как заговорщик, вместе с остальными моими бывшими коллегами сидел в тюрьме. Я же ради сохранения собственной жизни перешел на нелегальное положение и скрывался в самой глухой и дикой части Венгрии, в болотах близ Малого Балатона, почти два года...

ЗАПАДНЯ

За околицей деревушки, неподалеку от которой я отсиживался последнее время, на перекрестке дорог, ведущих в городок Кестхей, курортное местечко Хевиз, села Шармеллейк и Залаапати, стояла старинная корчма, служившая когда-то убежищем для благородных разбойников — бетьяров, «степных Робин Гудов», как их иногда называют. Хозяин корчмы и его семейство давали мне приют вот уже много месяцев подряд, встречая с неизменным гостеприимством. Так было и на этот раз. Не спрашивая даже, зачем я пожаловал, он тотчас накрыл стол, угостил меня вкусной куриной лапшой и своим фирменным блюдом — жареной крольчатиной.

Покончив с обедом, мы вышли во двор, чтобы женщины не слышали нашего разговора, и уселись на траву в укромном уголке, возле огромной колоды, распиленной на доски для изготовления бочек. Фери Ружич, хозяин дома, разлил по маленьким стаканчикам вино из своего погреба, мы выпили. Только после этого он спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Сам не знаю.

— Как прикажешь тебя понимать?

Я рассказал ему о событиях, которые произошли за те последние полгода, что мы не виделись. Поведал о том, как два раза едва не попал в руки полиции и как ушел от облавы, ускользнув, словно рыба из сети, расставленной, как я полагал, не на меня, а на какого-то цыгана, грабителя и убийцу.

— Да, пожалуй, тебе нельзя больше оставаться в Зимани, — выслушав мой рассказ, заключил Ружич-младший.

— Я тоже так думаю.

— У тебя есть какой-нибудь план?

— Есть, и к тому же серьезный. Перейти в Югославию.

Все Ружичи были родом из долины Керки, и, хотя они переселились сюда давно, по ту сторону границы у них остались родственники. Я не мог, не имел права злоупотреблять их искренней дружбой. Государственная власть в стране к этому времени, к весне 1949 года, заметно укрепилась, полиция тоже стала более организованной и активной. В Будапеште начались так называемые

концепционные судебные процессы, осуждение «титоизма», что еще более обострило положение на венгерско-югославской границе. В той обстановке было очевидно, что я, как лицо, разыскиваемое политической полицией, представляю опасность для всех, кто имел со мной дело.

Поначалу Ружичи усомнились в правильности моего решения, но я постарался их убедить, объяснил, что в обстановке конфронтации с Югославией мое пребывание в этой стране будет, несомненно, благоприятным. Ружичи согласились с моими доводами и охотно вызвались мне помочь.

Теперь я уже не помню, как добирался до приграничного Торнисентмиклоша через нефтеносные поля, усеянные вышками с примитивными качающимися ковшами, черпающими нефть, но все же добрался.

Выбор мой пал на это небольшое село по двум причинам: во-первых, в нем проживали хорошие знакомые моих друзей, а во-вторых, там можно было перейти границу посуху, минуя водные преграды.

Хозяева, у которых я остановился, подробно, как могли, на словах и с помощью рисунков описали мне пограничную зону, которую мне предстояло преодолеть. Преимуществом было то, что мой маршрут лежал через большой лес, разрезанный мелкими речушками, а по ту сторону, в селе Альшолендвар, жили родственники этих людей, давших мне приют. Адрес родственников я выучил наизусть.

Поздним вечером, когда начало смеркаться, меня проводили до самой границы. Мы долго шли лесом, потом он начал редеть, и вскоре передо мной открылась широкая поляна, на которой паслось стадо свиней. Мой проводник остановился и сказал:

— Это стадо уже тамошнее, югославское, значит. Ну, бог вам в помощь!

Признаюсь, мне стало не по себе, когда я пересекал эту открытую поляну, степенным шагом сопровождая хрюкающее стадо. В любой момент с той или с другой стороны мог прогреметь выстрел. Я понимал это, и по спине у меня ползали мурашки. Я изрядно наслушался всяких слухов о беспощадности югославских солдат, которые, кстати, поддерживались в то время и официальной венгерской пропагандой. Так или иначе, по мере углубления на югославскую территорию моя неуверенность в успехе возрастала.

Пастух не обращал на меня никакого внимания, словно меня вообще не было. И все-таки на душе у меня скребли кошки. Не успел ли он сообщить каким-нибудь условным знаком своим пограничникам, что к его стаду приبلудился чужак? А может, за поимку нарушителя границы назначена награда?.. Впрочем, какая мне разница — быть задержанным или самому добровольно явиться в комендатуру, как я собирался это сделать?

Разница все же была. Если я сумею добраться до Альшолендвара, то в комендатуре меня наверняка встретит офицер образованный, политически грамотный и разбирающийся в людях. А с пограничного патруля какой спрос?..

Выйдя на мощеную дорогу, я не упускал из виду пастуха и избегал попадаться на глаза крестьянам, ехавшим на повозках. Потом, незаметно пропустив вперед стадо свиней, я залег на дно придорожной канавы. К счастью, уже стемнело.

Часов в десять вечера я постучался в дверь дома по имевшемуся у меня адресу. Открыла мне женщина. Услышав, кто меня послал и откуда я прибыл, она быстрым движением погасила лампу и впустила меня в темную прихожую.

— Помилуй вас бог! Да знаете ли вы, куда пришли?

— В село Альшолендвар, — ответил я, немного смешавшись.

— В пекло, сударь! В самое пекло. Здесь каждый венгр на подозрении, верить никому нельзя. Продадут в два счета, и конец.

— Но я пришел как друг. Сражался против фашистов...

— Разве это имеет какое-нибудь значение? Вы слышали о депутате венгерского парламента Бельше?

— Да, конечно. Дьюла Бельше состоял в одной со мной партии, его избрали в парламент от области Зала. А что, он тоже здесь, в Альшолендваре?

— Был. Потом депутата увезли в Марибор, а вчера выдали венгерским властям. Хотите последовать его примеру?

Следовать его примеру я, разумеется, не хотел.

То, что я услышал, и тон, каким это было сказано, убедили меня, что я совершил еще одну роковую ошибку. Я с ног валился от усталости и попросил хозяйку дома оставить меня хотя бы на ночлег. Но она и слышать об этом не захотела. Пришлось мне уйти.

Так рухнули мои надежды на благожелательный прием, на возможность хотя бы временно избавиться от несколько лет висевшей

надо мной угрозы очутиться за решеткой. Получалось так, что я рисковал напрасно. Обратный путь был тяжел, приходилось утешаться лишь тем, что, уходя от неизвестной мне опасности, притаившейся на территории Югославии, я возвращался к своей, так сказать, домашней, отечественной, хорошо мне знакомой.

До пограничной деревушки я шел по мощеной дороге, которую уже знал. Но, выйдя на околицу, остановился в нерешительности. Непроглядная ночь скрыла все ориентиры, по которым я двигался с той стороны всего два-три часа назад. В сумерках все выглядело иначе. О том, где проходит граница, я и понятия не имел, не говоря уже о маршрутах движения венгерских и югославских пограничников. Безвыходность положения придавала мне храбрости. Покружив в темноте вокруг домиков на самом краю деревни, я заметил в окне одного из них слабый свет, подкрался к двери и постучал, вверив свою судьбу счастливому случаю.

На пороге появилась фигура мужчины. Мы тотчас узнали друг друга и смутились: это был уже знакомый мне пастух-свинопас. Бедный крестьянин, однако, вежливо пригласил меня войти в свою хибарку, все помещение которой состояло из одной комнаты; за занавеской похрапывала во сне его жена.

Хозяин угостил меня стаканчиком палинки, дал хлеба и лука, но о том, чтобы проводить, а тем более переправить меня через границу, и слышать не хотел, хотя я и посулил ему изрядную сумму денег.

Что же было делать? Пришлось мне опять уйти в крошечную темноту, не зная даже толком, где тянется незримая ниточка границы. Чтобы освободиться от лишнего груза, я оставил свой рюкзачок со всем его скудным содержимым крестьянину в подарок. Там были кое-какая провизия, смена белья, безопасная бритва с помазком и два куса хорошего мыла.

То, чего не сделали уговоры и деньги, сделало мыло. Оно было тогда большой редкостью, ведь надо было купать ребенка, стирать пеленки. Сердце бедного крестьянина дрогнуло, и он рассказал мне, как пройти до границы, где расположено здание югославской пограничной заставы. Последнее, видимо, он сказал для того, чтобы я не заблудился и смог обойти опасное место.

Мы распрощались. Пройдя немного по указанной тропинке, я остановился. На небе не было видно ни одной звездочки, впереди смутно чернели деревья, росшие на опушке леса. Идти через лес я не

решался, без проводника там и в светлое время легко было сбиться с пути. Можно было бы пройти по неширокому лугу между деревней и линией границы, но я не знал маршрута и времени смены патрулей. Пастух ничего не сказал об этом, упомянув лишь, что югославы ходят с собаками. На открытом месте натасканный пес сразу учует нарушителя еще издали. Нет, этот вариант тоже не годился. Оставался последний, самый нелепый и опасный на первый взгляд — перейти границу в непосредственной близости от заставы.

Поразмыслив, я решил, что этот вариант имеет и свои преимущества. Если собаки залают, это вовсе не будет означать, что кто-то нарушил границу. Какой идиот отважится пересечь границу под самым носом у ее стражей? Короче говоря, я рассчитывал на притупление бдительности пограничников.

Довольно долго я просидел под кустом, наблюдая. Когда вышел очередной парный дозор, я подождал еще несколько минут, пока вернется дозор, который был сменен.

Все обошлось гораздо проще, чем я ожидал. Югославы были слишком уверены в себе, в совершенстве своей хорошо отлаженной системы, а на венгерской заставе, видневшейся неподалеку, царила мертвая тишина.

Оказавшись на родной земле, я мог встретиться с венгерским дозором. К этому надо было подготовиться. Я решил, что притворюсь пьяным. Скажу, что, дескать, приехал навестить родственников из глубинки, поддал немного и заблудился. В городе ведь нередко бывает такое, а почему бы не случиться такому и в деревне?! И если я окажусь хорошим актером, то мне могут и поверить. Конечно, надежда на это была довольно слабой...

Испытать мое сценическое дарование мне не пришлось: на всем пути до знакомого порога я не встретил ни единого человека.

Вернувшись в дом, откуда пустился в путь, я долго барабанил в окно, пока хозяева не отворили мне дверь, пробудившись от сладкого сна. Женщины поставили передо мной еду, мужчины уселись на лавку у стола, глядя на меня, как на воскресшего покойника.

— Ну и дела! — проворчал наконец мой давешний проводник. — Если бы своими глазами не видел, как вы перешли туда, ни за что не поверил, ей-богу!..

После моего, увы, столь краткого визита к югославам мне ничего не оставалось, как вернуться к своим друзьям и знакомым,

снарядившим меня в дорогу. Правда, возвращался я не совсем туда, откуда вышел: в области Зала стало слишком уж «горячо», поэтому я решил перебазироваться в Шомодь. Добрые знакомые передавали меня из рук в руки, из дома в дом. Так я и добрался до села Холлад.

Приютил меня бедный крестьянин, имевший всего два хольда земли. Здесь я увидел, как много могут сделать трудолюбие и любовь землепашца. Маленький, на две комнатки домик блестел от чистоты и порядка, не показного, как это часто бывает, а естественного, идущего от благородства души его хозяев, всю жизнь гнувших спину в тяжком крестьянском труде и вопреки всему остававшихся приветливыми и доброжелательными к людям. Хозяина звали Петер Болдижар. Я поселился у него под видом пчеловода-пасечника, купив в рассрочку семь ульев в соседнем Феньеде. Необходимое снаряжение для этого занятия мне дали на время.

Всю мою предыдущую и последующую жизнь никак нельзя назвать безоблачной и спокойной, но, как ни странно, одно из наиболее волнующих событий своей жизни я пережил именно здесь. И связано оно было с пчелами, этими мирными и трудолюбивыми созданиями, к тому же принадлежавшими не мне, а соседу.

Однажды утром, когда я возвращался домой с прогулки из леса, навстречу мне выбежала соседка и, радостно всплеснув руками, затараторила:

— Ой, ваша милость, сам бог послал вас нам в эту минуту! Как хорошо, что вы пришли!

Узнав причину столь внезапной вспышки радости, я отнюдь не мог ее разделить. Энергично помогая себе жестами, женщина сбивчивой скороговоркой изложила суть дела:

— Пчелы мои вырвались из улья, весь рой! Вон они, сердечные, уселись на старой шелковице... Гудят, как проклятые. А мужа нет дома, как назло... уехал в Сентдьердь, а вернется только затемно. Ах, господи, такая беда! Улетят в лес, проклятые, плакали тогда наши денежки... Вся надежда на вас, ваша милость, уж вы помогите их изловить!..

Легко сказать — помогите! Мои познания самозваного пчеловода ограничивались только тем, что я слышал краем уха. А я слышал, что если рой покидает улей и отправляется искать себе новое убежище, то пчелы, сбившись вокруг матки в гудящий шар, делаются крайне воинственными и опасными для окружающих. Но отказать в помощи

женщине я не мог. Это означало бы разоблачить себя перед всем миром. Делать нечего, пришлось мне взять защитную сетку, холщовые рукавицы и вооружиться всеми необходимыми орудиями для единоборства с ошалевшим роем. Я ринулся в бой.

Вид мой, вероятно, немало позабавил бы настоящего пчеловода, но тогда мне было не до шуток. Если нападения нескольких десятков разъяренных пчел вполне достаточно, чтобы свалить лошадь, то что сказать о рое, в котором их насчитывается несколько тысяч? А главное — в повадках этих божьих созданий я разбирался так же, как деревенский пономарь в дрессировке тигров.

Как мне удалось справиться со столь трудной задачей, не понимаю до сих пор, но так или иначе рой был благополучно водворен в заготовленную для него колоду.

Все разом успокоились — пчелы, получившие новый дом, и соседка, сохранившая своих медоносцев, и я, отделавшийся несколькими укусами наиболее ярких воинов, все же проникших сквозь мои доспехи. Зато мой авторитет в селе мгновенно возрос, а с ним в какой-то степени легализовалось и мое положение.

Столкновения с законом, однако, было невозможно избежать. Еще в те дни, когда я скрывался в камышовом шалаше в окрестностях Балатона, какой-то беглый цыган-конокрад, которому мое присутствие в этих краях мешало прятаться самому, с помощью своих сообщников выдал меня местной полиции. Тогда я сумел отделаться, назвавшись Белой Беде, жителем Залачаня. С тех пор прошел год. Но вот однажды в моем раю, усталый и запыленный, появился мой приятель из Залы Янош Бежени, проделав пешком немалый путь. Ввалившись в дом и тяжело дыша, он спросил у моего теперешнего хозяина Петера Болдижара:

— Когда его взяли? Как они его нашли? Кто выдал?

Петер Болдижар, ничего не понимая, испуганно хлопал глазами.

Услышав возбужденные голоса в кухне, я вышел из своей комнаты. Янош уставился на меня, как на воскресшего из мертвых, затем его угрюмое лицо расплылось в счастливой улыбке.

— Ваша милость! Так вы тут? Ну и напугали же меня наши полицаи!

Из рассказа Яноша выяснилось, что один из полицейских, сидя в деревенской корчме, похвалялся тем, что на днях им удалось арестовать

странного человека, любителя жить в шалашах на болоте. Теперь, мол, больше от него не будет беспокойства ни хуторянам, ни полиции.

Кто был этот человек, выяснить нам тогда не удалось. Лишь полтора года спустя, уже находясь в тюрьме, я узнал правду.

Случилось так, что в селе Залачонь, находившемся по соседству, проживал бывший жандармский вахмистр по имени Йожеф Бедер. Если верить полученной информации, в годы войны он служил при следственной части и отличался жестокостью. Этого жандарма по требованию народного суда долго, но безуспешно разыскивали, потом о нем вроде бы забыли. И вдруг случайно Бедера обнаружили в тайнике, оборудованном на его же собственном дворе. Как поступить дальше, мудрые полицейские чины решили весьма своеобразно. Им было приказано искать Беде из Залачаня, а они нашли Бедера из Залачоня. Две буквы лишние, экая беда! Арестованного отправили куда следует, а мое дело закрыли.

В Холладе я жил в мире и благодати. Жители деревушки относились ко мне по-дружески, не говоря уже о хозяевах, меня приютивших. Человеку свойственно быстро забывать о грозящей опасности, если он живет в покое. Так солдат на фронте в перерыве между боями, забыв обо всем на свете, шутит, смеется, поет, пляшет и даже влюбляется.

Чувство страха отступало, я даже начал совершать более длительные прогулки. Весело насвистывая, я шагал по заросшей травой дороге, ведущей в Балатонсентдьердь. Дорога тянулась вдоль опушки леса, а возле Чиллагвара переходила в красивую, обсаженную с двух сторон столетними каштанами аллею, ведущую до самого Кестхея. Восемь километров туда, восемь обратно... Такие прогулки доставляли мне особое удовольствие.

Упоминание о замке Чиллагвар воскресило в моей памяти один забавный случай. Хотя теперь я меньше боялся опасности, однако чувства меры не потерял. Правопорядок в стране укреплялся, это я понимал и видел, а потому сознавал, что необходимо что-то делать, так как мое благоденствие в сельском раю не может продолжаться вечно. Однажды местный крестьянин рассказал мне, что в руинах древнего замка Чиллагвар сохранился старинный подземный ход, очень длинный, выходящий прямо в лес. Это заинтересовало меня.

— Это правда? — переспросил я. — Он существует на самом деле?

— А как же, своими глазами видел, — подтвердил рассказчик. — Лесник, который сейчас живет в замке, приходится мне шурином, он-то мне его и показал. Мы хотели пройти по нему, только ветром задуло фонарь, а в темноте мы идти не решились.

— И что же, длинный он, этот ход?

— Конца не видно, вот вам крест!..

Захватив с собой рассказчика, я отправился в замок в наилучшем настроении. Лесник встретил нас приветливо, но, когда я спросил его о подземном ходе, замотал головой и отрезал:

— Глупости это! Никакого хода нету!

Решив, что он хочет сохранить тайну, я продолжал приставать к леснику с вопросами. Не на шутку рассердившись, он схватил фонарь и повел нас в подвал.

— Убедитесь сами, ваша милость! Вот вам молоток, обстукайте все стены!

Потрудившись с полчаса и не найдя даже намека на пустоту за стеной, я молча воззрился на рассказчика. Тот даже глазом не моргнул.

— А ведь был ход! Ей-богу, был! — проговорил он мечтательно тоном человека, непоколебимо верящего в сказку.

Сердиться на него не имело смысла. Видимо, он что-то услышал от кого-нибудь, удивился, представив себе все это наяву или увидев во сне, потом поверил сам и передал легенду дальше, прибавив, быть может, совсем немного.

Примерно на середине пути между Холладом и Сентдьердем, в стороне от дорожного указателя, стояла небольшая, красивая каменная усадьба Баттяни. Эта усадьба и окружающие ее пять тысяч хольдов земли принадлежали Сабо-Немештоти, в недалеком прошлом крупному арендатору у миллионера Фештетича. Немештоти был человек умный и образованный — окончил где-то за границей университет, хозяйничал умело.

После освобождения имение конфисковали, землю раздали. Вокруг усадьбы появились новые крестьянские дома, некоторые, правда, еще не имели крыши. Но сотни овец и коров, принадлежавших хозяину, крестьяне окрестных пяти сел — Верма, Холлада, Савоя, Титкоша, Сегедэрде — сохранили в целости и кормили, как и свой собственный скот, из своих запасов.

Однажды я спросил Петера Болдижара и еще нескольких хозяев, собравшихся у него по какому-то поводу:

— Зачем вы это делаете? Ведь Немештоти даже людьми вас не считал!

— Что правда, то правда, — ответил за всех Болдижар. — Но ведь на то он и барин был...

Остальные в знак согласия закивали. Веками вьевшаяся рабская привычка еще жила в их сознании.

Я частенько заглядывал в Кестхей. Этот старинный городок на берегу Балатона привлекал меня своей неброской красотой, а кроме того, мне хотелось узнать новости, услышать мнение людей о том, что происходит в стране. Ясно было одно: власть крепнет, а вместе с ней крепнет и полицейский контроль.

Настало время на что-то решиться. Я должен был сделать это сам, без советчиков и друзей. Явку с повинной я давно исключил. С одной стороны, не из того дерева я был выструган, чтобы добровольно прекращать борьбу. С другой — меня удерживали упорные слухи о жестоких методах, применявшихся при допросах. Однако я хотел вновь стать человеком и жить по-человечески, не таясь и не скрываясь из милости у добрых людей. Однако пути к этому я не видел.

Случай свел меня с одним молодым человеком, моим ровесником, по имени Ласло Цапари, родом из Надьканижи. Мы познакомились, разговорились и быстро нашли общий язык. Цапари вызвался мне помочь. Он предложил съездить в Будапешт, разыскать там моего друга Михая Чордаша, у тестя которого я гостил три года назад в Заласабаре, уже находясь на нелегальном положении.

Несколько дней спустя Цапари вернулся с хорошими вестями. Поначалу Михай Чордаш несказанно удивился тому, что я нахожусь на родине, а не за рубежом, а потом охотно согласился помочь мне установить контакты с членами партии мелких сельских хозяев в Будапеште, которые вновь занимаются ее организацией, только просил немного повременить. Цапари и Чордаш условились об особом пароле, который при следующей встрече должен был означать, что все в порядке и опасность ареста мне не грозит.

Эта встреча состоялась в условленный день в Будапеште. На этот раз Цапари привез мне сообщение, что ровно через две недели в доме у Йожефа Месароша в Залаваре я смогу встретиться с интересующими меня лицами. Цель встречи — координация действий, необходимых для ускорения процесса восстановления партии.

24 июля 1948 года (надеюсь, память мне не изменяет) я прибыл в Залавар, и, хотя не был там давно, меня охватило такое приятное чувство, будто я вернулся домой. Но осторожность, приобретенная за годы нелегального житья-бытья, заставила меня сначала незаметно обойти дом Месароша кругом, осмотреть сад и огород и, забравшись в стог сена, стоявший по соседству, какое-то время внимательно понаблюдать за окрестностями. Просидев там довольно долго и не обнаружив ничего подозрительного, я направился к месту встречи, опоздав примерно на целый час.

К дому со стороны улицы была пристроена открытая, с затейливыми столбиками, терраса. Я легко взбежал по ее каменным ступенькам. На звук моих шагов открылась парадная дверь, и в ней показалась голова Виктора, пятнадцатилетнего сына Месарошей, учившегося тогда в гимназии.

— Как хорошо, что вы пришли, дядя Миклош! А то наш гость уже собрался уходить.

Войдя в комнату, я увидел незнакомого молодого человека, который поднялся мне навстречу.

— Привет! Меня зовут Иштван Надь. — Он протянул мне руку и с укоризной добавил: — Сильно опаздываешь, нехорошо.

Несмотря на то, что мы никогда прежде не встречались, этот дружеский выговор был мне даже приятен.

— Не обижайся, я ведь хожу пешком, а идти надо через болото. Когда под тобой трясина, путь оказывается намного длиннее.

— Ты прав, об этом я как-то не подумал, прости. — Незнакомец понял мой намек. — Сам-то я приехал на машине, а тот, кто ездит в автомобиле, забывает о тех, кто ходит пешком, да еще таясь на каждом шагу... Перейдем к делу, — сказал он. — Меня привез сюда один мой приятель. Неловко задерживать его слишком долго.

— Хорошо. Кого ты представляешь?

— Тех из нас, кто еще находится на свободе. Мы думали, что тебе удалось уйти за границу, но теперь рады, что можем рассчитывать на тебя. Особенно, если ты не один.

— Я должен знать, в каком положении ваши дела и на что нам можно реально рассчитывать?

— Отвечу сначала на второй вопрос. Мы можем рассчитывать на американцев... Нет, нет, не перебивай меня!.. Они уже извлекли уроки

из того, что произошло раньше, и теперь активно поддерживают нас, всячески помогая реорганизации нашей партии.

— Это же они говорили и в сорок пятом.

— Я уже сказал тебе, что они кое-чему научились. Ты, наверное, не знаешь, что американцы создали блок НАТО с целью освободить Европу от коммунистов. Во имя этого мы и работаем.

— Ну и что же вы успели сделать?

— В некоторых областях страны уже созданы и действуют наши организации. В Тольне, например, наши молодцы закололи ножами нескольких полицейских.

— Черт знает что! С этим я не согласен.

Иштван Надь взглянул на меня с удивлением:

— И это говоришь ты? Ты, которого полиция преследует уже три года?

— Неудачи и разочарования учат думать, особенно в одиночестве. На насилие мы можем ответить насилием, применить оружие против оружия, но творить суд и расправу поножовщиной и убийствами нельзя. Судить будут суды, если мы победим, конечно.

— Странную философию ты усвоил в своих болотах! Впрочем, быть может, ты и прав. Ладно, наших молодцов мы пока оставим в покое. Но ты еще не сказал, кто стоит за тобой?

— Конкретной организации у меня нет, но есть конкретные контакты с людьми. Это авторитетные люди в областях Зала и Шомодь. И таких немало...

Мне показалось странным, что Иштван, не дослушав меня, вдруг встал и протянул мне руку:

— Ну, Миклош, мне пора. Да хранит тебя бог! Я доложу своим о нашем разговоре. Через Чордаша ты получишь конкретный план действий.

Мы обнялись, и гость поспешно удалился.

В комнату вошел Виктор:

— Ну вот и поговорили. А то он тут уже нервничать начал. Боялся, что вы не придете совсем... Отец надеется, что вы его подождете. Они в поле хлеб косят, к вечеру вернутся.

— С радостью. Мне всегда приятно поговорить с твоим отцом...

Тут мой взгляд случайно упал на окно, выходившее во двор. Какой-то человек быстро шел к дому. Еще один незнакомец...

Я вскочил:

— Виктор, кто это?

Парнишка подбежал к окну, выглянул в него, а затем успокоил меня:

— Не волнуйтесь, этого человека я уже видел. Это друг Иштвана, шофер, который его привез.

Между тем незнакомец, блондин высокого роста, уже стоял на пороге.

— Здравствуйте! А где же Иштван? — Он шагнул в комнату.

— Две минуты как ушел.

— Значит, мы с ним разминулись... Экая жара! А не могу ли я попросить стакан воды?

Действительно, солнце в тот день пекло немилосердно. Прекрасная пора для уборки урожая. Виктор любезно предложил:

— Может быть, хотите вина?

— Нет, нет, спасибо, я за рулем. Ну и жарыща...

Голос незнакомца прозвучал вполне естественно, и я не увидел ничего подозрительного в том, что он опустил руку в карман пиджака, видимо за платком, чтобы вытереть пот, струившийся по лицу. Однако вместо платка он выхватил пистолет и направил его на меня:

— Руки вверх! Оба! Отойти в угол!

Для ответных действий не было времени. Почти в ту же минуту в дверях появился еще один мужчина, только чернявый, и тоже с пистолетом в руке, а в открытое окно просунулось дуло автомата.

Чернявый быстро обыскал мои карманы.

— Оружия у него нет! — бросил он коллеге, и в голосе его прозвучала нотка удивления.

Оружия у меня действительно не было. Зная, что действия полиции становятся со временем все более профессиональными, я давно закопал свой пистолет. Ведь при проверке документов и обыске вряд ли я смог бы оказать вооруженное сопротивление, а пистолет послужил бы тяжелой уликой. Легче было вывернуться с помощью хитрости или нахальства, в этом я уже убедился. Но в этот раз все было по-другому.

Оперативники, арестовавшие меня, явно не рассчитывали на успех, об этом лучше всего свидетельствовал тот факт, что они даже не захватили с собой наручники. Один из агентов снял ремень, и мне связали руки. Виктор стоял у стены, бледный как смерть.

— Никому ни слова, иначе получишь пулю! — крикнул ему уже с порога «шофер».

Меня вывели во двор и затолкали на заднее сиденье подъехавшей к дому легковой машины.

Много лет спустя я узнал, что после моего ареста в Залаваре и его окрестностях был специально пущен слух, будто меня выкрали агенты американской секретной службы для того, чтобы тайно переправить на Запад...

В конце деревенской улицы машина притормозила, и тут меня, и без того потрясенного всем случившимся, ожидал еще один неприятный сюрприз: в машину влез Иштван Надь, тот самый молодой человек, который пришел от Мишки Чордаша и с которым мы мирно беседовали четверть часа назад...

Мне стало дурно то ли от страха, то ли от голода, не знаю. Скорее всего, от голода, ведь с тех пор, как я на рассвете вышел из Холлада, во рту у меня не было и маковой росинки. Возле крайнего дома на каком-то хуторе близ Балатонбереня машина остановилась. Один из оперативников вынес из дома большой ломоть хлеба, сунул его мне:

— Поешьте, будет легче.

В ТЮРЬМЕ. ПРОЗРЕНИЕ И РАЗОЧАРОВАНИЕ

Мне вручили обвинительное заключение. На основании статьи 1 раздела VII уголовного кодекса 1947 года я обвинялся в активной заговорщической деятельности против государственной власти. Мои сотоварищи по камере единодушно предсказали:

— Заключение в крепости.

На языке политзаключенных того времени это означало; «Пожизненное заключение. Будешь сидеть за решеткой до тех пор, пока существует народный строй».

Такого же мнения придерживались и оба моих конвоира, сопровождавших меня в зал судебного заседания.

Назначенного для моей защиты адвоката я увидел в первый и последний раз там же, в зале суда. Мне он помочь ничем не смог бы. Впрочем, этому я должен был, как оказалось, только радоваться. Старорежимные, оставшиеся от времени Хорти адвокаты, назначенные для защиты политических заключенных, как правило, были озабочены не тем, чтобы защищать своих подзащитных, а тем, чтобы оградить себя от подозрений в сочувствии к ним. Мне рассказывали, что один из этих служителей Фемиды так начинал свою защитительную речь: «Я ни на миг не сомневаюсь в том, что уважаемый суд вынесет моему подзащитному жестокий приговор...»

К счастью, мой адвокат не проявил подобного рвения и больше помалкивал, чем говорил. Тем неожиданнее и для меня, и для моих конвоиров прозвучал необычайно мягкий приговор — два с половиной года тюрьмы в местах общего заключения. Трибунал, который его вынес, был известен своей суровостью в определении мер наказания, а обвинение было достаточно серьезным. Я думаю, мягкость приговора обосновывалась двумя обстоятельствами — моей молодостью, а также беспримерной для юстиции того времени ссылкой на то, что «обвиняемый по независящим от него причинам исключительно долгое время содержался в предварительном заключении, находясь под следствием». Так было сказано в приговоре.

Когда я вернулся в тюрьму, мои сокамерники «утешили» меня: мол, не горюй, наш прогноз все равно сбудется, ведь после отбытия срока наказания тебя на свободу не выпустят, а отправят в лагерь для интернированных.

Вспомнился один эпизод, произошедший со мной во время одного из допросов еще в следственной тюрьме. Допрашивал меня тогда Габор Петер, он нередко прodelывал это лично.

— Почему вы с нами не откровенны до конца? — спросил он. — Вы еще можете себя спасти. И не исключено, что будете работать вместе с нами. Когда-нибудь...

Тогда я не придавал этой фразе никакого значения, а вот теперь, выслушав необычно мягкий для политического преступника приговор, вспомнил эти слова. Правда, они ожили в моей памяти лишь на какой-то миг. Я тут же забыл о них, тем более что все последующие годы, проведенные мною в тюрьме, не давали для подобных размышлений ни малейшего повода. Со мной обращались точно так же, как и со всеми остальными заключенными.

После оглашения приговора меня перевели в тюрьму на улице Фе в Буде. И хотя я был приговорен к отбыванию наказания в условиях строгого режима, первый день я провел в общей камере вместе с осужденными за мелкие политические проступки. По законам того времени политическим преступником считался, например, тот, у кого в квартире при обыске находили десяток-другой килограммов мыла, какао или сахара. Очевидно, такие строгости были нацелены на борьбу со спекуляцией. Так или иначе, мне этот день принес любопытную встречу, совершенно неожиданную.

Когда меня втолкнули в камеру и заперли дверь, я налетел на какого-то лежащего на полу человека. Тот для начала осыпал меня градом проклятий, а потом сел и, взглянув на мою физиономию повнимательнее, вдруг воскликнул:

— Ну и ну! Миклош, вы узнаете меня?..

Судьбе было угодно вновь свести меня с господином Кальмаром, тем самым мастером-вязальщиком, с которым меня познакомил мой приятель Иштван Маркош, когда я в канун рождества возвращался после разведки участка фронта под Дунакеси, выполнив поручение Золтана Мико. Он тогда подарил мне серебристую елочку, срезанную разорвавшимся во дворе его дома снарядом, ту самую, которая

доставила мне и моей матери несколько часов мира и тихой радости у семейного очага в грохочущем вокруг осажденного города пекле войны.

Вторым по счету узником нашей камеры, моим соседом по нарам, оказался хозяин знаменитого на весь Будапешт ресторана «Золотая утка». Вот тогда-то я понял, что даже в тюрьме к богатеям старого мира судьба более благосклонна, чем к неимущим беднякам, сюда попавшим. Среди заключенных, которых днем выводили на работу в город (это были шоферы, дворники, каменщики), да и среди охранников всегда находились охотники за даровой обед или иную мзду передать на волю письмецо или принести оттуда посылочку. Разумеется, только тем, кто за это мог хорошо заплатить.

Что касается меня, то я за эти годы сделал для себя такой вывод: среди любых людей, самых принципиальных и надежных на первый взгляд, всегда найдешь таких, кого можно подкупить, а самые, казалось бы, преданные друзья способны быстро забыть тех, кто попал в беду. Первый вывод не требует особых доказательств, а для подтверждения второго достаточно взять мою собственную судьбу и судьбу моей матери. Маме в ту пору исполнилось пятьдесят пять лет, и она осталась без всяких средств к существованию, как и родственники многих моих бывших товарищей по партии, сидевших теперь в тюрьме или в лагере для интернированных. Наши вожди и вдохновители, которые сбежали на Запад, спасая собственную шкуру, с полным безразличием взирали теперь на наше бедственное положение. Наша судьба их нисколько не интересовала.

Хотя, пожалуй, не совсем так. Зная о том, что мы осуждены и отбываем наказание в тюрьмах, они использовали это для своих хорошо оплачиваемых выступлений в передачах радиостанций «Свободная Европа» и «Голос Америки» на венгерском языке. Они подробно перечисляли, кто из нас, когда и при каких обстоятельствах был судим и осужден, строя на этих фактах свои нападки на социалистический строй и наживая, таким образом, себе политический, и не только политический, капитал в глазах американцев. Но не было ни единого случая, чтобы кому-нибудь из нас была прислана посылка, оказана помощь через Красный Крест или иным путем. Такова была их хваленая «братская солидарность».

О печальной судьбе моей матери я уже говорил. Нелегкой была жизнь и у других. Например, мой друг Ласло Дюлаи, один из ведущих функционеров нашей партии, оказавшись в заключении, оставил в

городе жену с тремя маленькими детьми; супруга майора летчика Ласло Варкони, отважного борца против фашистов, пошла работать шофером такси в Кечкемете, чтобы прокормить детей и мать; Бела Ковач, бывший генеральный секретарь партии мелких сельских хозяев, освобожденный из тюрьмы по болезни, не получил от своих соратников с Запада никакой помощи.

Это холодное безразличие наших партийных вождей, которые воспитывали в нас самопожертвование, а сами предпочитали жить в безопасности и довольстве, заставило меня возненавидеть их. И с каждым днем эта ненависть становилась все сильнее. Даже теперь мне трудно без гнева вспоминать об этом. Вероятно, потому, что слишком уж горько было на душе в те годы...

Вскоре меня перевели из общей камеры в небольшую каморку с железной дверью, где нас оказалось всего двое. Мой пожилой сосед, представившийся мне как бывший подполковник Янош Бихари из Беленеша, подвизался в качестве тюремного брадобрея, так что большую часть дня я проводил в мучительном одиночестве. Вскоре мы с ним подружились, и дядюшка Янош делился со мной всем тем, что получал в награду за свое парикмахерское искусство, а главное — новостями обо всем, что происходило за стенами тюрьмы.

Этот бодрый старикан был личностью поистине незаурядной. Впоследствии, уже после того, как нас обоих освободили, я неоднократно навещал дядюшку Яноша в его скромном маленьком домике близ Секешфехервара и каждый раз поражался обилию всевозможных кубков, медалей и лавровых венков, завоеванных им в спортивных состязаниях на первенствах Европы и мира. Помнится, он был борцом классического стиля, выступал на ковре многие годы и в свои восемьдесят лет каким-то чудом сохранил молодость, подвижность и силы.

Он рассказал мне, что при Хорти имел чин подполковника и был офицером связи у самого регента. Остальные офицеры, осужденные трибуналом и сидевшие в тюрьме вместе с нами, презирали дядюшку Яноша за то, что он взялся за столь «низкую» работу, как бритье их же физиономий.

— Позор для офицерского корпуса! — возмущался один.

— Какой он офицер, унтер, да и только! — кипятился другой.

А между тем Янош Бихари был посвящен в такие тайны императорского двора и ближайшего окружения Хорти, которые не мог

знать простой офицер. Например, он рассказывал мне весьма пикантные подробности о скандале с выпуском фальшивых франков, о покушении на его высочество в Марселе, нити которого тянулись в Венгрию. О таких вещах мог знать только человек, действительно приближенный к Хорти.

Вскоре я понял, в чем, собственно, заключалась причина бойкота: старик поставил себя вне иерархии, существовавшей в тюрьме среди бывших господ офицеров так же, как и в прежние времена. Янош Бихари не признавал больше авторитетов прошлого и не требовал от «бывших» уважения к себе. Для замкнутой касты, члены которой и на тюремных нарах продолжали мечтать о власти, это было смертным грехом, а потому он был отринут и наказан презрением себе подобных.

Говоря о розовых мечтах бывших хортистов, я вспоминаю один случай. Было это уже в другой тюрьме, куда нас перевели. Во внутреннем дворе бывшего монастыря, в стенах которого тогда содержались политические заключенные, мне неоднократно пришлось видеть одного бывшего нилашиста-маньяка, осужденного за зверства и за преступления против народа. Мы, все прочие заключенные, выведенные на прогулку, гуляли по двору, образуя большой круг. Он же вышагивал внутри нашего большого круга отдельно от всех по маленькому кругу. Шел уже 1951 год, а этот фашистский прихвостень ничего не хотел признавать. Завидев нас во дворе, а нашу группу иногда выводили раньше, иногда позже, он неизменно становился «во фрунт», ревком вскидывал руку в фашистском приветствии и выкрикивал: «Стойкость! Да здравствует Салаши!»

Выглядело это смешно и вместе с тем трагически. Этот человек навсегда сохранил в себе страсть к театральным жестам и тупую ограниченность безвозвратно рухнувшего хортистского режима.

Старинный монастырь находился в живописной сельской местности. Мрачно вздымались каменные башни по углам крепостной стены с бойницами и подъемными лестницами. Обращались с нами в тюрьме строго и даже грубо. В те годы тюремный режим для политических был строже, чем для грабителей и убийц. Но не это мучило меня больше всего. Мы считались врагами народа, с нами так и обращались, это было понятно.

Много огорчений доставляли мне отношения между заключенными. В огромной общей камере помещалось от пяти до десяти человек, иногда на троих приходилось по две койки. Но главное

состояло в том, что эти осужденные разделились на восемь или девять групп. Приверженцы Салаши — нилашисты держались отдельно, особую клику составляли бывшие хортистские офицеры и чиновники. Церковники-клерикалы тоже объединились в отдельную фракцию и, забившись в угол, денно и ночно возносили молитвы всевышнему. Христианские демократы-политики, вроде бы родственные им по духу, предпочитали группироваться особо. Наконец, мы, бывшие члены партии мелких сельских хозяев, консолидируясь с другими буржуазными деятелями из партий Шуйока и Пфейфера, тоже жили своим мирком. Объединялись и заговорщики из разных подпольных организаций типа «Два креста», «Крест и меч» и тому подобных. Особняком держались укрыватели оружия, саботажники, а также осужденные за шпионаж и разглашение государственных тайн.

Не знаю, кому в голову пришла эта бредовая мысль — запереть в одной камере военных преступников и нилашистских кровопийц, осужденных за террор, вместе с бывшими участниками сопротивления фашизму, а затем и с бывшими коммунистами; религиозные фанатики находились в одном помещении с последователями якобинцев и Вольтера, Гегеля и Маркса...

Некоторое время в мою «тройку», ночевавшую на двух кроватях, входили мой однофамилец доктор Йожеф Сабо, убежденный марксист, бывший доцент международного права Сегедского университета, Карой Шомоди, военный преступник, бывший комендант завода боеприпасов в Диошдьере, и я, политический функционер буржуазной партии, прекратившей свое существование.

При желании всех обитателей нашей камеры наверняка следовало бы вновь судить за контрреволюционную агитацию уже здесь, в заключении. Бывший помещик хотел получить назад свое имение, землю и прочие угодья, разумеется, вместе со слугами и батраками. Бывший оптовый торговец строил планы, как и чем государство возместит ему понесенные убытки после третьей мировой войны, которая непременно начнется. Торгаши и биржевики вели между собой нескончаемые споры о том, на что выгоднее потребовать монополию от «вновь возрожденного государства» — на уксус или на соль и дрожжи?

Тогда-то я впервые в жизни узнал о том, что Хорти и его клика за политические «услуги» наделяли представителей крупной буржуазии подобными монопольными подачками: в той или иной местности право производить и продавать соль, уксус, дрожжи получал один-

единственный фабрикант, который потом драл с населения бешеные деньги. Здесь, в тюрьме, я наслушался разговоров о фантастических прибылях и самой невероятной рентабельности концессий, которые якобы будет раздавать «новое государство» после свержения социалистического строя в Венгрии.

Да, горше всего для меня была не жизнь в тюрьме, а это вынужденное сосуществование с товарищами по заключению. На моих глазах низвергались все высокие политические идеалы справедливости, святы для меня принципы демократии затапывались в грязь, превращались в предмет гнусного торга на барахолке.

Бывшие политики заранее делили между собой будущие мандаты, мысленно образовывали правительственные кабинеты, распределяли министерские портфели...

Эта книга — не тюремный дневник, а потому я не просто стремлюсь регистрировать событие за событием, а пытаюсь установить зависимость между причиной и следствием, определить те психологические факторы, под воздействием которых я постепенно избавлялся от буржуазных взглядов и поворачивался лицом к социалистическому мировоззрению.

В тюрьме среди политзаключенных становилось все больше и больше коммунистов. Фашисты и прочие бывшие господа принимали их с открытым злорадством.

Что касалось меня, то я присматривался к этим людям совсем под иным углом зрения, пытаюсь понять их жизненную позицию, их поведение и душевное состояние здесь, в заключении. Ведь все они вышли из рядов рабочего класса, стоявшего ныне у власти, и прежде, чем попасть за решетку, прошли через не меньшие унижения и испытания, чем любой из нас, а может быть, и большие.

Но никто, ни один из репрессированных при культе личности Ракоши коммунистов не жаловался, не говорил о своих лишениях. В разговорах они часто теоретизировали, рассуждали о путях строительства новой жизни, спорили о том, каким будет социализм после того, как он переболеет «детскими болезнями» начального периода. Все они непоколебимо верили в тот строй, при котором оказались брошенными за решетку, и считали это роковой ошибкой. Эти люди были убеждены, что социализм не имеет ничего общего с перегибами отдельных руководителей, твердо верили, что милый их сердцу общественный строй непременно переживет клику Ракоши,

стоящую у власти в стране и грубо нарушающую основные социалистические принципы.

Эта их беззаветная преданность идее, политическая зрелость и убежденность, а также уравновешенность, стойкость постепенно сделались близкими и понятными мне. Я и сам начинал сознавать, что Ракоши и социализм это отнюдь не одно и то же, что ошибки и грехи одного или нескольких лиц не должны и не могут распространяться на всю партию, а тем более на идею.

Пришло лето, настали жаркие дни, в поле желтели, наливались тяжестью колосья. Из своих зарешеченных окоп мы с грустью смотрели на окрестные нивы и рощи, завидуя мастеровым и каменщикам, которых водили на работу за стены тюрьмы. Наши бледные, почти белые лица и руки просились на солнышко, тепло и свет которого мы видели, но не ощущали.

Можно понять наше волнение, когда беспроволочный тюремный телеграф, а действовал он превосходно, принес весть о том, что несколько десятков заключенных будут отправлены на какие-то работы.

Последние годы перед арестом, как читатель уже знает, я жил в селе, работал, и теперь мне остро недоставало радости физического труда, к которому я привык. Лишь тот, кто длительное время обречен на вынужденное бездействие, может по-настоящему оценить утраченную радость.

Конечно, я, зная о том, что нахожусь под особым надзором, едва ли мог рассчитывать попасть в число счастливчиков, оставалось только им завидовать. А с каким наслаждением я взялся бы за любую, пусть самую тяжелую и грязную работу, лишь бы не сидеть без дела в четырех стенах!

Медленно тянулись дни, полные ожидания. Надежды сменялись унынием и вновь надеждами. Наконец однажды утром я услышал, как в соседней камере со скрежетом открылась дверь и голос охранника стал громко выкрикивать фамилии. Затем донесся стук деревянных башмаков по каменным плитам пола в камере и коридоре, потом все стихло. Спустя четверть часа мучительных терзаний и у нашей двери загремели отодвигаемые засовы, дверь открылась, и в камеру вошли начальник тюрьмы и подполковник Дьюла Принц в сопровождении писаря.

— Внимание! Тем, чьи фамилии будут названы, быстро собрать вещи и выйти в коридор!

Писарь монотонным голосом читал:

— «...Йене Шандор, Ласло Шемшей, Миклош Сабо...»

Я вздрогнул и очнулся лишь после окрика начальника тюрьмы:

— Заключенный Миклош Сабо! Вы что, не слышите?!

Наличие моей фамилии в этом списке было настолько невероятным, что я не поверил собственным ушам и секунду стоял в нерешительности. Но медлительность в тюрьме наказуема, и я, спохватившись, в считанные секунды собрал свои пожитки и, выбежав в коридор, встал в общую шеренгу, привычно повернувшись лицом к стене.

— Интересно, куда нас пошлют? — тихо шепнул сосед.

Над этим я тоже ломал голову. Во всяком случае, ничего хорошего мы не ждали. Уж если меня, находящегося под особым надзором, куда-то направляют, вряд ли меня может ожидать приятный сюрприз.

Всего вызванных по списку оказалось сто двенадцать человек. Ночь мы провели в бывшей монастырской трапезной, где было так тесно, что уснуть никто не мог. Тем более что всеми нами владел страх перед неизвестностью.

На рассвете нас накормили и куда-то повели. Начало нашего путешествия показалось нам даже приятным: нас рассадили по крытым грузовикам и привезли на пристань в Собе, откуда переправили через Дунай на пароме. Дальше мы двинулись пешей колонной. Куда и зачем — никто не знал.

К полудню мы подошли к селу Пилишмарот. Дорога проходила между домами, и крестьяне, привлеченные видом нашей колонны, выскакивали на улицу, чтобы посмотреть на печальное шествие. Подойти к нам ближе им не разрешали охранники, вооруженные автоматами. Многие женщины плакали, глядя на нас.

— Шире шаг! — прозвучала команда, и мы двинулись быстрее. И только когда миновали деревню, уже за околицей, нам разрешили сбавить темп.

Вскоре дорога превратилась в тропинку, круто поднимающуюся в гору. Я думаю, такой подъем был бы нелегок и для бывалых туристов, а для арестантов в деревянных башмаках он оказался весьма серьезным испытанием и стоил поистине нечеловеческих усилий. К тому же само небо было против нас: два раза в пути нас заставлял летний ливень, потоки воды с шумом низвергались с горы вниз, прямо к нашим ногам.

Тропинка размокла, превратилась в грязное месиво, на деревянные подошвы налипали пудовые комки глины, а мы все шли и шли.

Солнце клонилось к горизонту, а колонна ползла не останавливаясь. Наши конвоиры тоже изрядно выдохлись, меся грязь рядом с нами. Думаю, ничто так не объединяет узника и стражника, как общность проклятой судьбы. Но останавливаться было нельзя, да и негде.

Наступила ночь. Наконец около полуночи где-то впереди сквозь мокрую листву и ветки деревьев блеснул ослепительно яркий луч прожектора, направленный в нашу сторону.

Измученные, мы облегченно вздохнули. Но радость тут же сменилась страхом: навстречу нашей колонне в строю, с автоматами на изготовку, приближался взвод солдат службы безопасности. Старший охраны, конвоировавшей нас до сих пор, передал нас новому начальству.

Младший лейтенант службы безопасности вышел вперед, встал перед шеренгой заключенных и громко, с преувеличенной суровостью, произнес короткую речь:

— Отныне вы будете находиться здесь. Наряд на работу получите завтра. Предупреждаю всех: с конвоирами разговаривать запрещено, подходить к ограде тоже... Есть у кого-нибудь вопросы?

Ко всеобщему изумлению, в толпе смертельно уставших заключенных поднялась, чья-то рука.

— Товарищ лейтенант... — начал было кто-то свой вопрос.

Молодой офицер тотчас же резко оборвал его:

— Я вам не товарищ!

— Так точно, господин лейтенант. Позвольте...

Но и это обращение успеха не имело.

— Господ теперь нет, запомните это!

Заключенный не нашел что ответить и замолчал. Наступила тишина.

После такой небольшой, но, признаюсь, не слишком приятной увертюры нас завели в барак и распределили по койкам. Постельное белье на них оказалось чистым, а сами койки — сравнительно удобными.

Мы повалились на них как мертвые.

Думать о том, что ожидает нас завтра, ни у кого не оставалось сил.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, РЕШАЮЩЕЕ СУДЬБУ

На следующий день нас отправили на работу. Работа была нелегкой, но после столь долгого безделья она показалась нам даже приятной.

Близ Буды, высоко в лесистых горах Добогоке, строился санаторий. Мы копали там землю и за короткое время постигли все премудрости этого нехитрого труда, научились не только рыть и возить тачками камни и землю, но и отчитываться за вынутые кубометры. За проделанную работу нам платили сдельно, точно так же как вольнонаемным рабочим строительного треста. Правда, из зарплаты высчитывали стоимость нашего содержания, а поскольку квалификация у нас была не слишком высока, денег оставалось не так много, но вполне достаточно, чтобы купить себе сигареты, мыло, зубной порошок и кое-что из продуктов, если мы того желали. По крайней мере, можно было избавить родственников и близких от этих забот.

Кроме земляных работ мы занимались бетонированием дороги. Теперь многие из нас умели замешивать и заливать бетон, дробить камни, выкладывать полотно дороги и даже асфальтировать ее.

Недели через две после прибытия в лагерь многое переменилось. На колючей проволоке сушилось наше выстиранное белье, мы мирно беседовали с охранниками, а по воскресеньям даже принимали посетителей. Надо отдать должное нашим стражам — они относились к нам гораздо человечнее, чем тюремные надзиратели в бывшем монастыре. Правда, работали мы тоже на совесть. Те, кто были помоложе, трудились и за себя, и за стариков. Чего можно было требовать, например, от дядюшки Йене Шандора, известного всему Пешту сочинителя эстрадных песенок и романсов, которому перевалило за шестьдесят? Сидел он, разумеется, не за песенки, а за другие дела — при Хорти занимал высокий пост в министерстве внутренних дел.

Примерно спустя месяц после начала работы на стройке нас решило проверить высокое начальство. Этому визиту предшествовали, как всегда, беготня, суeta и наведение порядка в лагере.

Но вот начальство прибыло. Это был мой старый знакомый Дьюла Принц, теперь уже полковник. Он обошел лагерь, осмотрел строительную площадку, побеседовал с охранниками, затем с прорабом из треста, строившего санаторий. Из заключенных он удостоил своим вниманием меня одного.

Я, голый по пояс и черный от солнца, орудовал пневматическим отбойным молотком. В отличие от других мне нравилась эта работа. Я с наслаждением вонзал в глыбу мерно пульсирующий резец молотка, налегал на него грудью и наблюдал, как крошится под острием твердая скальная порода. Принц стоял и смотрел на меня, а потом спросил:

— Как поживаете, Сабо?

Выключив отбойный молоток, я распрямился и, приняв уставную для заключенного стойку, бодро ответил:

— Благодарю вас, господин полковник, все прекрасно.

— Мне сказали, вы хорошо работаете.

— Не люблю сидеть без дела.

— Правильно, побездельничали вы и без того достаточно. Надеюсь, понимаете, что вы, как осужденный, подлежащий содержанию под строгим надзором, не должны были бы находиться здесь?

«Ну вот, конец всему! — пронзила меня тревожная мысль. — Кончились золотые деньки, отошлют меня обратно в тюрьму. Но ведь для полковника не новость, что я здесь, он лично присутствовал при том, как меня в тюрьме назвали в числе направляемых на стройку».

Я молча смотрел на высокое начальство.

— Знаете, это я взял на себя ответственность за вас. Хотел, чтобы вы немного подправили свое пошатнувшееся здоровье. Имейте в виду, что, если вы и здесь выкинете какой-то номер, отвечать придется мне...

Я попытался что-то сказать, но Принц жестом остановил меня:

— Я принял все меры. Охрана предупреждена о том, чтобы за вами велось неусыпное наблюдение... — Полковник повернулся и ушел.

Этот небольшой эпизод обернулся потом не в мою пользу. Ласло Шенньем, единственный из аристократов, которого я уважал за то, что он не чурался любой, даже самой тяжелой, работы и выполнял ее с удовольствием, на совесть, дня через два сказал мне:

— Послушай, Миклош, сегодня наш сержант спрашивал о тебе. Что, мол, за птица этот Сабо, если с ним разговаривал сам полковник Принц? А потом он приказал нам, охране, не спускать с тебя глаз...

На другой день Лаци Хертеленди, оказавшийся моим троюродным братом из Шюмега, которого я впервые увидел здесь, в заключении, доверительно сообщил:

— Берегись, Миклош! Знаешь, тот длинный ефрейтор, что любит орать, допытывался у меня, кто такой Сабо, и приказал показать ему тебя, чтобы хорошенько запомнить твое лицо...

К сожалению, вся эта эпопея со стройкой, столь счастливая для меня, продолжалась всего несколько недель. Настала осень, по горным склонам Буды поползли непроглядные утренние туманы, и охрана «взбунтовалась» — отказалась отвечать за «особо опасного Сабо» при обстоятельствах, благоприятных для побега. Что же, в этом была своя логика.

Так я вновь оказался в бывшем монастыре близ Марианской Остравы и вплоть до истечения срока наказания и «освобождения» просидел в тюремной камере. Кавычки при слове «освобождение» я поставил не случайно. Дело в том, что срок свой я отсидел полностью, а освобождение так и не наступило. Разве что в том смысле, что меня и моего сокамерника Денешфальви, бывшего полковника из Шопрона, в наручниках посадили в купе пассажирского поезда и под вооруженной охраной перевезли в Будапешт.

Моя мать и жена Денешфальви, которые по наивности приехали встретить нас у ворот тюрьмы, сидели теперь в этом же купе и молчали, глядя на нас. Охранники запретили нам разговаривать.

Поезд прибыл на Западный вокзал, где нас ожидала машина с решетками на окнах. Она и доставила нас в тюрьму на улице Чоконаи. Там мы провели почти месяц. Мне повезло: меня назначили в рабочую команду. В моем положении о лучшем нельзя было и мечтать. Я подметал пол в коридоре полуподвала, куда выходили двери камер, разносил по камерам завтрак, обед и ужин, а потом мыл грязную посуду. Во-первых, работа не давала мне скучать, а во-вторых, позволяла наесться до отвала — пища всегда оставалась. Моему товарищу по камере тоже было неплохо, потому что я отдавал ему положенную мне порцию.

Допрашивали меня всего два раза.

На первом допросе следователь пытался установить, где правда и где вымысел в моих прежних показаниях, которые я давал три года назад и от которых потом отказался. Из этого я заключил, что под давлением необходимости я превратился в неплохого сказочника, а

точнее, в сочинителя версий. Шутка ли, столько лет прошло, а дело мое все еще не закрыто и к нему возвращаются вновь и вновь! Во всяком случае ни один из моих друзей и просто знакомых, укрывавших меня во время скитаний по деревням и болотам, не пострадал и не был арестован. Избранная мною тактика оказалась надежной — я нафантазировал так много и, по-видимому, настолько ловко все запутал, что следователи просто не знали, где же была истина, а где ложь.

Эта способность вязать версии или, если хотите, склонность к правдоподобию сочинительству сыграла немаловажную роль в моей дальнейшей судьбе. Но прежде чем я об этом узнал, должно было пройти еще несколько месяцев.

И вот второй, и последний, допрос. Мне объявляют, что в интересах безопасности государства я должен быть интернирован и направлен в лагерь.

И снова автомобиль с решетками, и снова переезд... На этот раз в лагерь для интернированных близ местечка Киштарча.

Едва нас разместили в приемном корпусе, как ко мне подошел высокий, очень худой мужчина:

— Привет, Миклош! Ты не узнаешь меня?

К моему стыду, я не мог вспомнить, кто он такой, хотя лицо мужчины и показалось мне знакомым.

— Я же Лаци, Дюлаи Лаци...

От стыда я готов был провалиться сквозь землю. Не узнать Дюлаи! Но он не обиделся, а, наоборот, по-дружески обнял меня:

— Не терзайся. Много лет минуло с тех пор. Я немного изменился, вот и все! — И лицо его озарилось улыбкой.

Вот теперь я узнал прежнего Лаци, хотя он сильно похудел. Впрочем, особой упитанностью он и прежде не отличался.

Взглянув на меня, он поспешил сказать главное:

— Оружие, которое ты собрал тогда для Ференца Надя, его люди вовремя перепрытали, так что улики против тебя никаких нет.

Если бы я знал об этом раньше!..

За те двадцать месяцев, которые судьба определила нам для совместного пребывания в лагере Киштарча, чувство симпатии к Лаци Дюлаи во мне еще больше выросло и укрепилось, особенно после того, как я окончательно понял, что и он, и Бела Ковач, и я — все мы были всего лишь пешками, принесенными в жертву в беспардонной политической игре, которую вели Ференц Надь и иже с ним.

Это было как бы еще одной ступенью той длинной лестницы, по которой мне пришлось пройти, удаляясь от моих бывших «вождей», пребывавших ныне в безопасности и благополучии и так легко забывших своих друзей.

Открылась дверь, и на пороге камеры для вновь прибывших появился староста барака, надменный субъект из бывших аристократов. Он пришел, чтобы назначить рабочую команду для уборки туалетов и коридоров. Его выбор пал на меня, на священника из Пештэржебета и еще на кого-то третьего, кого именно, теперь уже не помню.

Эта работа считалась унижительной, бывший барон просто хотел нам досадить, а может, получил специальные указания лагерного начальства поучить белоручек-интеллигентов уму-разуму. Обо всем этом я, конечно, не догадывался и выполнил порученное мне задание добросовестно, как выполнил бы любую другую работу. Староста ни к чему не мог придраться, как ни старался.

— Принято! Можете идти! — буркнул он.

Но я не ушел, а, напротив, сделал шаг вперед:

— Позвольте обратиться с просьбой?

Староста опешил, но затем милостиво согласился:

— Излагайте.

— Прошу дать мне возможность выполнять эту работу каждый день.

У барона отвисла челюсть, он уставился на меня, как на марсианина:

— Каждый день? Почему?

— Я люблю работать.

Моя откровенность настолько его ошеломила, что он вспыхнул ко мне странной симпатией и, разумеется, сделал прямо противоположное: ни в сортировочном бараке, ни позже, уже на постоянном месте жительства в блоке «Д», где начальствовал его приятель, меня ни разу не назначали мыть полы и туалеты. Более того, мне каждый день теперь выделялась добавка к обеду, которую я с немалыми уговорами впихивал в Лаци Дюлаи. Его надо было подправить, а я в этом не нуждался, покрывшись жирком за месяц, проведенный в тюрьме на улице Чоконан.

Лагерь для интернированных оказался для меня хорошей школой. Я наблюдал за его обитателями, слушал их разговоры и рассказы о прошлой жизни, знал об их надеждах и планах на будущее. Впрочем,

эти планы можно было скорее назвать туманными мечтаниями — стояла еще только зима 1953 года.

Между тем собравшаяся здесь компания интернированных по своему составу существенно отличалась от тюремной. По меньшей мере половину составляли коммунисты, в том числе и такие, которые большую часть жизни отдали борьбе за свои идеалы. Вот имена некоторых из них, которые я запомнил: Тибор Лее, прокурор; Лайош Паткош, генерал-майор, один из руководителей железнодорожного ведомства; Шандор Пер, сотрудник министерства внешней торговли; Михай Губица, полковник полиции... Тут же рядом, в соседнем блоке, помещались такие деятели прошлого, как Лайош Гофман, известный журналист крайне реакционных взглядов; Дюла Шомольвари, писатель-националист, бывший при Хорти руководителем венгерского радио; Дюрка Кормоци, прожженный авантюрист, тайно вербовавший и отправлявший террористов для Израиля; мой однофамилец адвокат Лайош Сабо, член бюро «Венгерской национальной общины», которого в случае успеха переворота прочили в президенты республики. Было там два-три провокатора из военной контрразведки и несколько высших чиновников и бургомистров, служивших при Хорти. Чтобы дополнить этот пестрый список, упомяну еще графа Дьердя Сечени, отпрыска знаменитого рода. Во времена Хорти он был главой комитета Зала, а здесь, в лагере, оказался подонком и подлецом, готовым за лишний кусок доносить на своих же товарищей по несчастью. Недаром после событий 1956 года он был включен американцами в «комитет пяти» при ООН, столь бесславно занимавшийся «венгерским вопросом», а затем в качестве награды за свою службу назначен директором клуба при радиостанции «Свободная Европа».

Если не считать некоторых моментов, в целом в Киштарче не было столь острых столкновений между отдельными группами заключенных, как в тюрьме. Сказался, видимо, тот факт, что уровень культуры и образованность людей, сидевших в лагере, были сравнительно высокими, поэтому стычки, случавшиеся между идейными противниками, носили довольно мирный характер, отношения в целом были более человечными, а дискуссии более корректными.

Лагерь для интернированных отличался от тюрьмы еще и тем, что заключенным разрешалось получать в передачах книги. Сколь велика эта привилегия, может оценить лишь тот, кому долгое время доводилось испытывать голод по печатному слову. В остальном же

режим содержания был более строгим. Закрашенные доверху стекла окон почти не пропускали света, и мы были лишены радости видеть солнце и небо над головой. Источники новостей с воли были полностью перекрыты, мы жили здесь, вблизи Будапешта, словно Робинзон Крузо на своем необитаемом острове.

В условиях строгой изоляции даже у самых заядлых фантазеров пропадало желание строить радужные планы на будущее. Конечно, в глубине души каждый из заключенных продолжал верить или надеяться на освобождение, и это было единственным моральным фактором, поддерживавшим наш дух и смысл существования. Надежда всякий раз брала верх над отчаянием.

Но надежды бывают разные. Между двумя образовавшимися лагерями (пусть это не покажется читателю упрощением, но дело обстояло именно так), между коммунистами и некоммунистами, коренное различие состояло в том, что последние втайне надеялись, что борьба за власть в верхах партии, возглавляемой тогда Ракоши, приведет к тому, что социализм как система со временем изживет себя и рухнет. Коммунисты же искали причину кризиса не в идее, не в принципах общественной системы, а в личности человека, превратившегося из вождя рабочих масс в единоличного диктатора, опьяненного своей властью.

При всем том коммунисты отнюдь не отрицали необходимости диктатуры.

— Диктатура пролетариата, — говорили они, — не самоцель, а лишь средство, неизбежное и необходимое. Если бы вы, буржуазные политики, внимательно читали Маркса, то многое поняли бы из происходящего сейчас в Венгрии. В нашей стране рухнул многовековой эксплуататорский строй, на его месте возникла временная, не сложившаяся еще государственность. Возникло множество конфликтов и проблем, а разрешить их способна только диктатура пролетариата. Такова историческая необходимость, — утверждали они.

— Допустим, — возражали мы. — Однако вы, хотя и превозносите эту диктатуру, сами оказались ее жертвами и сидите теперь в лагере вместе с нами!..

— А ваша беда заключается еще и в том, что вы плохо знаете не только Маркса, но и Ленина, — отвечали нам. — В той исторически закономерной обстановке, которая возникла в Венгрии после освобождения ее от фашизма, народ должен был сам создать свои

органы власти. А поскольку он принялся за решение этой задачи, не имея никакого опыта, эти органы оказались далеки от совершенства. Они действуют, зачастую руководствуясь лишь классовым чувством ненависти к эксплуататорам. Отсюда и ошибки, а порой и перегибы. В годы французской революции Робеспьер приказал казнить Дантона, а затем и сам погиб на эшафоте, но от этого великая революция не перестала быть тем, чем она была и осталась для человечества — выразителем стремлений народа к свободе, зарей рождения нового мира, прогрессивного устройства общества. И если смотреть вперед, народная революция, происходящая у нас в Венгрии и выражающая чаяния трудящихся масс, аналогична всем другим революциям, ибо является частью истории. Она переживет и преодолеет все свои ошибки, ошибки эти забудутся, а достигнутые завоевания и результаты останутся на благо новых поколений...

Меня потрясла и вместе с тем вызвала чувство искреннего уважения к этим людям их неистребимая вера в идею, жертвами которой они стали и именем которой их держали здесь, в лагере, осужденными без суда.

Что касается веры, то подобная вера в идею была и у меня, только прежде, а не теперь. Различие состояло в том, что репрессированные коммунисты сохранили свои убеждения, хотя и потеряли личную свободу. Их товарищи и единомышленники, засадив их за решетку, не обманули их, не предали, не бросили на произвол судьбы. Все грехи, им приписанные, проистекали из одного источника — из культа личности.

Со мной же дело обстояло совсем иначе. И чем больше я размышлял и сравнивал, тем разительнее выступала эта разница. Таких, как я, искренних энтузиастов демократии по западному образцу, «друзья» всячески побуждали к политическим действиям, которые заведомо вели в тупик. Мы не получили помощи от так называемого «свободного мира», политические заправилы которого нуждались только в таких союзниках, которые были им выгодны и могли принести реальную пользу. К этому выводу я пришел после неудавшегося бегства в Австрию и после нескольких лет, проведенных в тюрьмах и лагерях. Никакой «идейностью» здесь и не пахло, в этом я убедился и в дальнейшем. Исходя из решений Ялтинской и Потсдамской конференций, мы должны были понять, что посулам наших западных «друзей» нельзя верить ни на грош. Они провоцировали нас, и только.

На мое политическое образование между тем невольно влияли и чисто человеческие моменты. Упомяну только об одном из них. Случай был сам по себе незначительный, но весьма характерный.

Один раз в месяц нам разрешалось получать передачу. Полкилограмма сахара, столько же сала, несколько пачек сигарет, печенье и другие мелочи. Среди обитателей лагеря находились, однако, и такие, которые по тем или иным причинам передач не получали. У одних не было связи с родственниками, у других эти родственники просто не в состоянии были собрать передачу из-за недостатка средств. Более зажиточные лагерники вскоре нашли выход из положения. Они сообщили своим родственникам адреса неимущих, и теперь беднякам тоже стали приходить посылки. Со стороны это выглядело вполне благопристойно, даже благородно. Помочь бедному товарищу по несчастью — это ли не проявление великодушия и солидарности?! Беда только в том, что во всей этой затее великодушия и благородства не было ни на йоту. Напротив! Операция с посылками стала самым подлым поступком в отношениях между заключенными. Дело в том, что бедняки, получавшие передачи от сердобольных благодетелей, должны были половину отдавать тому, кто «организовал» такую посылку. Благодаря этому условию те, кто побогаче, имели по две-три месячных нормы сахара, сала и сигарет, а беднякам доставались крохи.

Разумеется, «рыцари демократии» вроде меня до подобных мерзостей не опускались, избегали их и коммунисты.

Время шло, и я все больше убеждался в том, что коммунисты — надежные товарищи. Дисциплинированные, верные чувству локтя, стойкие в беде и в солидарности люди, грудью встречающие опасность и все удары судьбы — такими они были и в подполье при Хорти, и в тюрьме, и в лагере для интернированных.

И я искренне начинал верить в то, что утверждали они — да, новый государственный строй переболеет «детскими болезнями», окрепнет и превратится в весьма симпатичного, сильного и крепкого здоровяка.

Но в открытой дискуссии я еще держался на старых позициях. Как-то я прямо сказал Шандору Перу и Тибору Лее:

— Вы говорите, переболеет? Не вижу для этого никаких перспектив.

Шандор указал большим пальцем на забеленное окно у него за спиной:

— А что ты вообще видишь? Будапешт всего в нескольких трамвайных остановках отсюда, а где он? Сидим, как лягушата в аквариуме. С таких позиций вообще нельзя судить о событиях, происходящих в мире!

— Ну а ты полагаешь, что эти события развиваются именно в том направлении, которое вы предсказываете?

В наш разговор вмешался Тибор Лее:

— Сразу видно, что ты не в ладах с диалектикой. Развитие общества имеет свои закономерности...

— Что ты понимаешь под этим в данном положении, в сегодняшней Венгрии?

— Видишь ли, советское государство создано на иных исторических основах и традициях, чем наше, венгерское. Советское государственное управление, вся экономика, весь национальный продукт, его состав и распределение во многом отличаются от венгерских. Требования, которые предъявляет к социализму венгерский народ, живущий в центре Европы, несколько иные. В Советском Союзе социализм выдержал все испытания, выстоял и победил во второй мировой войне, но механически переносить все формы и особенности советского строя на Венгрию без учета ее исторически сложившихся особенностей было бы ошибкой.

Я не удержался от восклицания:

— В этом я с вами согласен!..

— И мы, коммунисты, не только сознаем, что допустили ошибку, но и знаем, как ее исправить.

— Знаете, а сидите тут уже несколько месяцев, и неизвестно, как долго это продлится...

Шандор Пер вновь вступил в спор и продолжал его в своей спокойной рассудительной манере:

— Историю измеряют не месяцами, дорогой Миклош, и ты это знаешь не хуже, чем мы. Мы, коммунисты, ясно отдаем себе отчет в том, что сейчас происходит в Венгрии, где совершаются ошибки, чуждые истинному социализму. И можешь быть уверен, долго это продолжаться не будет.

— Значит, вы надеетесь на перемены?

— Да, мы надеемся на бессмертие идеи, за которую многие коммунисты отдали свою жизнь. В своих надеждах мы опираемся на закономерности общественного развития, в ходе которого наш народ

отбросит все ошибочное и сохранит и умножит все доброе и прекрасное, присущее социализму. Венгерский народ никогда не допустит возвращения помещиков и капиталистов. Время феодализма и капитализма для Венгрии кончилось, и на их место должен прийти только новый строй — социалистический...

Может показаться удивительным, даже невероятным, что мы, бывшие политические противники, беседовали между собой столь откровенно. Как это ни парадоксально, но в начале пятидесятых годов наше пребывание за решеткой в известном смысле обеспечивало нам возможность большего свободомыслия, чем там, по ту сторону решетки.

Замечу кстати, что события, происшедшие вскоре после нашего разговора — отставка Ракоши, ликвидация лагерей для интернированных и многое другое, — подтвердили справедливость слов репрессированных коммунистов. Они оказались правы — Ракоши и его сторонники, отошедшие от принципов истинного социализма, были отстранены от руководства и осуждены своей же партией. Должен признаться, что именно встречи и знакомство в лагере близ Киштарчи с коммунистами, глубоко порядочными, поддерживавшими друг друга людьми, убежденными и до конца преданными идее, как они говорили, истинного социализма, с которым они навсегда связали свою жизнь и судьбу, а потому даже здесь, будучи интернированными, ни минуты не колебались в справедливости этого строя, пробудили во мне симпатию к их идеям, если не сказать больше.

В Киштарче я пробыл уже около года, и вот однажды меня вдруг вызвали в лагерную комендатуру и проводили в отдельную комнату. Там находились двое каких-то мужчин, оба в гражданской одежде.

Едва за конвоиром закрылась дверь, как мне задали вопрос:

— Скажите, Сабо, вы помните еще ваши показания, которые давали на первых допросах?

— В общих чертах, — ответил я и подумал: «Боже, чего им еще от меня нужно?»

— Как это понимать?

— Не помню всех деталей, только главное.

— Позже вы утверждали, что все эти показания были плодом вашей фантазии. Вы и сейчас так считаете?

— Да.

— Вы хорошо обдумали свой ответ?

Вопрос был задан отнюдь не грубо. Да и вся эта игра в вопросы и ответы велась в необычайно вежливом тоне.

— Да, обдумал.

— Точнее?

— Мои прежние показания я выдумал от начала и до конца.

— С какой целью?

— Чтобы выиграть время и спасти от ареста тех, кто меня укрывал.

Наступила пауза. Затем один из моих собеседников положил на стол пачку чистых листов бумаги.

— Пожалуйста, садитесь за стол, возьмите ручку и перечислите на бумаге имена и фамилии всех лиц, занимавших в вашей бывшей партии или в государственном аппарате важные посты, но только тех, с которыми вас связывали личная дружба или просто хорошие отношения. Особо выделите тех, о ком вы знаете наверняка, что они сейчас находятся за границей. И о характере ваших прежних связей с ними напишите подробнее. — Сделав паузу, он добавил: — Не торопитесь, время у нас есть. Главное, постарайтесь никого не забыть. Когда закончите, постучите в дверь конвоиру...

Оставшись один, я добросовестно принялся за дело. В том, чтобы умышленно выпустить кого-либо из своего перечня, я не видел смысла. Ведь протоколы всех моих предыдущих допросов просмотрены и изучены, это ясно. Кроме того, степень моей правдивости легко можно определить проверкой показаний других лиц. И, говоря начистоту, у меня не было ни причин, ни желания лгать.

Закончив писать, я постучал в дверь. Вошли те же двое и взяли у меня стопку исписанных листков.

— О том, что здесь произошло, вы не сообщите никому. Если проговоритесь — пеняйте на себя, мы ведь все равно об этом узнаем. Своим товарищам по заключению скажите, что вас вызывали на допрос по поводу раскрытого в области Зала заговора, участники которого арестованы.

Прошло еще около двух месяцев. За это время на допрос вызывали еще нескольких заключенных. Остальные, в том числе и я, с любопытством и волнением ожидали, чем же все это кончится. Ясно было одно: ко мне эти вызовы никакого отношения не имели, поскольку ни один из допрошенных не был упомянут в моем списке ни прямо, ни косвенно.

С какой целью проводилась эта серия допросов, оставалось загадкой: все вызванные на допрос после возвращения в камеру хранили гробовое молчание.

Наконец меня вызвали опять. За столом сидели те же два молодых человека, что и в прошлый раз. Оба были серьезны и приветливы. Гораздо более приветливы, чем прежде, это я заметил сразу.

— Садитесь, пожалуйста! — Такое обращение к заключенному тоже прозвучало непривычно.

Я сел, внутренне сжавшись в комок. Слишком уж необычным было такое начало.

— Глубоко вздохните и расслабьтесь! — Молодые люди улыбались. Они верно угадали мое состояние, но улыбка их вовсе не была профессиональной усмешкой следователя, которая мгновенно превращается затем в суровую, а то и в угрожающую гримасу. Нет, они не издевались над моей скованностью, а просто улыбались, добродушно и ободряюще, как равному.

— Мы понимаем, вам трудно так сразу преодолеть все то, что въелось в ваше сознание и стало привычкой. Но отвыкать придется, и очень скоро.

Я продолжал сидеть, боясь пошевелинуться. Слышал, что мне говорят, но из всего сказанного не понимал ни слова.

— Конечно, нам понятно ваше состояние. Мы готовы и к тому, что можем вызвать у вас подозрение. И все-таки хотелось бы, чтобы вы отнеслись к нам с большим доверием.

— Зачем? — Вопрос вырвался у меня непроизвольно. Они нуждаются в моем доверии? С какой целью? Уму непостижимо!

— Будем говорить в открытую, только так мы сможем понять друг друга. Мы внимательно изучали ваш характер, ваши способности и наклонности. Мы знаем о вашем участии в антигитлеровской борьбе, о вашей ненависти к фашизму, о вашем высоком для вашего возраста положении в партии мелких сельских хозяев, о ваших организаторских способностях. Оценили мы и ваше умение скрываться в течение нескольких лет от наших сотрудников; наконец, ваши показания, от которых вы потом отказались, на тысячу страниц, запутавшие следователей. Все это говорит о том, что вы способны выполнить задачу, которую мы намерены вам предложить.

— Простите, я не понимаю...

— Сейчас поймете! Как я уже сказал, мы наблюдали за вами на протяжении всего времени после вашего ареста. Наблюдали за вашим поведением и поступками, за переменами, которые в вас происходили. Да, да, не удивляйтесь. Мы считаем, что вы вернулись в ряды того класса, из которого вышли, — рабочего класса. Вы нам не враг.

Другой сотрудник, до сих пор молчавший, встал и, глядя мне в глаза, спросил:

— Вы хотели бы работать и бороться вместе с нами?

Эта короткая фраза на многое открыла мне глаза. Теперь я понял, что все, происходившее со мной в эти годы, было не случайно. Не только тот длинный перечень имен и фамилий моих друзей и знакомых, который я составил здесь, но и переводы из одной тюрьмы в другую, и перемены в режиме содержания, и мои кратковременные «гастроли» на строительной площадке в Добогоке, и многое другое — все было подчинено одной цели.

Такая устремленность и планомерность действий повергла меня в изумление. Потрясенный, я сидел, словно окаменев, на своем стуле.

— Разумеется, мы хотим познакомиться с вами еще ближе и в других условиях. Теперь уже в качестве свободного человека и нашего единомышленника. А потом, когда наступит время, вы пройдете необходимую подготовку и отправитесь за рубеж. Согласны?

Второй сотрудник опять предупредил меня:

— Не торопитесь с ответом, подумайте. Прежде всего вы должны знать, что будете освобождены независимо от вашего согласия. Лагерь для интернированных ликвидируется. Кое-кто из их обитателей предстанет перед судом, но вам такая опасность не грозит. Таким образом, вы вовсе не обязаны говорить нам «да», только чтобы выйти отсюда. Более того, если вы примете наше предложение, для вас это будет связано с некоторыми неприятностями. Во-первых, вас освободят без реабилитации, и, во-вторых, одним из последних, а отнюдь не в числе первых.

— Опять ничего не понимаю... Почему?

— В интересах вашей же безопасности. Особенно в будущем. Ну, что вы скажете теперь?

— Я согласен.

Они были со мной искренни и откровенны. Это я почувствовал всем своим существом. Я им поверил и не ошибся. Эти двое молодых

людей стали впоследствии моими добрыми друзьями и надежными соратниками по совместной борьбе.

СРЕДИ РАЗВЕДЧИКОВ

Наступили трудные времена. Прошла неделя, другая, третья... Лагерь в Киштарче гудел как растревоженный улей. Строгий и, казалось, раз и навсегда установленный лагерный порядок заметно ослабел, режим дня нарушился. В лагерь снова стали доходить известия с воли. В нашем бараке и даже в нашем боксе все чаще раздавался голос охранника, называвший фамилию, а затем командовавший:

— Собрать вещи — и на выход!..

Нас осталось всего несколько человек. Я знал, что так будет, меня предупредили, но никогда не предполагал, что эти последние перед освобождением дни и недели окажутся такими трудными. Действительно, кто бы мог подумать, что после четырех с лишним лет, проведенных за решеткой, именно это ожидание потребует напряжения всех моих душевных сил?! Видеть, как выходят на свободу другие, и оставаться в камере... Недели казались годами.

Наконец долгожданный день настал. Мне официально объявили, что после долгих размышлений судебные власти пришли к заключению, что пересматривать мое дело не имеет смысла, а потому меня освобождают как отбывшего срок наказания. Я покинул Киштарчу с последней группой заключенных.

Дома я провел всего несколько дней, и тут случилось непредвиденное — меня встретил у подъезда наш ретивый управдом и начал кричать на весь двор, что, если я не устроюсь на работу в ближайшие дни, он снова упечет меня в тюрьму. Откуда было знать этому ограниченному и сверхбдительному служаке, что, во всеуслышание поливая грязью меня и мое прошлое, он, сам того не сознавая, закладывал очередной кирпич в фундамент моей официальной легенды будущего сотрудника разведки?

Впрочем, я и сам понял это дней десять спустя, когда согласно полученной по почте повестке явился в районное отделение полиции на улице Мошни «для проверки документов», как там было указано.

Меня приняла женщина в форме майора. Без всяких вопросов она провела меня в соседнюю комнату. Там я с удивлением и радостью увидел своих новых, Впрочем теперь уже старых, знакомых.

— Что, сладок вкус у долгожданной свободы? — спросил один из них, энергично пожимая мне руку.

— Как уксус, — с кислой миной ответил я.

Товарищи удивились, и тогда я рассказал им о публичном скандале с управдомом. Младший из двоих (его звали Карчи), всегда веселый и восприимчивый к шутке при всей серьезности своей профессии, звонко расхохотался:

— Превосходно! Право, без глупых людей много труднее было бы делать умные дела. Это нам на руку, словно как по заказу. — Помолчав, он добавил: — Но на работу вам устраиваться действительно надо, пора. Имеете какие-нибудь соображения на этот счет?

Никаких планов в отношении работы у меня пока не было. Поскольку в нашей предыдущей беседе эта тема не затрагивалась, я ждал, что же мне предложат мои собеседники.

Заговорил тот, что был постарше. Звали его Антал.

Тихий и скромный, уравновешенный и всегда внимательный, он оказался впоследствии превосходным товарищем, готовым всегда и во всем прийти на помощь.

— Речь может идти только о рабочей должности, как вы понимаете. Мы интересовались, куда можно устроиться по вашей прежней специальности. Механики по приборам нужны на многих предприятиях. Сделаем так: вы походите по разным местам, а остановитесь на заводе точной механики. Тамошний главный инженер, кадровик и многие мастера цехов прежде работали на заводе «Гамма», где и вы когда-то начинали. Наверняка вы встретите там старых знакомых, и вас возьмут. Помните, вы обязаны во всем держаться на собственных ногах, только тогда ваша легенда станет безукоризненной.

Затем мы договорились о способе поддержания связи. Уже прощаясь, я спросил:

— Ну а в чем заключается конкретное задание?

Товарищи, переглянувшись, заулыбались.

— Об этом говорить пока рано, — сказал Карчи. — В чем оно будет заключаться, мы пока не знаем и сами. Придет время, начальство решит. А до тех пор нам нужно лучше познакомиться, научиться доверять друг другу. — Помолчав, Карчи добавил уже серьезно: — Видите ли, мы обязаны до конца убедиться в том, что в любой обстановке, и здесь, и там, среди врагов, мы сможем доверить вам не только свою жизнь, но и жизнь наших товарищей. А вы, со своей

стороны, должны доказать, что вы до конца наш человек, имеющий право рассчитывать на нас во всем и всегда. — Подумав немного, он протянул мне руку и сказал: — Будем считать, что это наш первый урок и первая заповедь. Главная.

Должен признаться, мои начальники рассчитали верно: прежние коллеги по заводу «Гамма» не оставили меня в беде. Так зимой 1953 года я стал слесарем Будапештского завода точной механики.

Слесарем! Боже правый, ведь с тех пор, как я получил свидетельство подсобного рабочего по этой специальности, прошло двенадцать лет! Но главное, по ней я вообще ни дня не работал. А тут, на заводе, мне для начала вручили огромный латунный лист, из которого я должен был нарезать узенькие полоски для какого-то прибора.

Встав к тискам, я до кровавых пузырей на ладонях пилил ножовкой проклятый лист. Пилил до тех пор, пока не убедился, что если и дальше буду продолжать в том же духе, то не заработаю себе даже на хлеб и воду. Видя мое отчаяние, кто-то из доброжелателей дал мне дельный совет:

— Чего мучаешься? Видишь, вон листовые ножницы лежат? Отмеряй хорошенько, раз — и готово!

Отмерить-то я отмерил, но вместо «раз — и готово» настриг таких завитушек, которые невозможно было распрямить. К счастью, в оптическом цехе освободилось место, и по моей просьбе меня перевели туда.

В те времена у покупателей пользовался большим спросом простенький фотоаппарат-ящичек, который выпускал наш завод. Назывался он «Спутник». Конструкция аппарата была явно неудачной. Тугую пружину затвора необходимо было намертво закрепить в хрупкой, с тонкими стенками, бакелитовой коробке, служившей корпусом. Сделать это можно было только с помощью заклепок. Бакелит легко трескался, коробочки раскалывались, словно орехи, и брак превышал тридцать процентов от всей готовой продукции.

Вот эту-то работу и поручили мне, новичку.

Нужно сказать, я с детства отличался упрямством, а со временем приобрел и нужную выдержку.

Немало дней я потратил, чтобы решить поставленную задачу. Не обращая внимания на то, что коробки трескались все чаще, брак угрожающе рос, а коллеги по цеху начали многозначительно коситься

на гору обломков у моего верстака, я искал правильное решение и все-таки нашел его. Раскрыв секрет технологии, я вскоре сократил брак до двух процентов, а моя производительность труда увеличилась почти вдвое.

Не ведаю, каким образом, но сотрудники нашей «фирмы», как мы называли между собой управление разведки, узнали о моем «трудовом подвиге» и взяли себе на заметку.

Начальник Антала, упомянув об этом случае при нашем знакомстве, сказал:

— Рад еще одному доказательству того, что мы сделали хороший выбор. — И, отвечая на мой недоуменный взгляд, пояснил: — Вы упрямы, и это хорошо. Если беретесь за что-нибудь, то доводите дело до конца. То завидное упорство, с которым вы искали секрет изготовления этого допотопного ящичка с объективом, лишний раз доказывает вашу пригодность для нашей профессии.

Теперь я, конечно, улыбаюсь при воспоминании о той великой гордости, которой наполнила меня эта похвала. Ведь тогда я еще не имел представления о том, сколько должен знать и уметь будущий разведчик, пусть даже обладающий кое-какими природными данными, для того, чтобы, находясь в стане врага, успешно выполнить поставленную перед ним задачу и самому остаться в живых.

Там, на заводе точной механики, помещавшемся на улице Надьдиофа, я познакомился со своей будущей женой. Мы искренне и горячо полюбили друг друга. Но эта любовь вскоре сделалась для меня самым болезненным «пунктом» моей личной жизни.

Настала неизбежная минута, когда я обязан был посмотреть моей избраннице в глаза и признаться ей, что, кроме преданности и нежной дружбы, более близких отношений, а тем более супружества между нами быть не может. Что я мог сказать ей тогда, какую причину назвать? Одну-единственную — бывший политический заключенный не может войти в семью и жениться на девушке, отец и мать которой были коммунистами с 1929 года. Большого я открыть ей не мог, не имел права. Ведь передо мной ставилась задача, при исполнении которой на мою жизнь не выдал бы страхового полиса даже сам знаменитый Ллойд, который, как известно, страховал все подряд, только бы платили страховку.

Разговор между нами получился трудный, полный невыносимой горечи для нас обоих. Долгие годы должны были пройти до того дня,

когда я смог ей объяснить свое тогдашнее решение: человек, идущий на связанное со смертельной опасностью дело, не имеет морального права соединять свою судьбу с судьбой другого человека, если по-настоящему любит его.

Время моей «командировки» между тем приближалось. Международная обстановка накалялась все больше, рыцари «холодной войны» бесновались все сильнее. По Будапешту передавались из рук в руки так называемые «черные списки», в которых фигурировали имена не только офицеров и сотрудников органов безопасности, но и многих рядовых коммунистов, а то и просто беспартийных, считавшихся активными сторонниками народной власти и ярыми приверженцами социализма. Этим людям грозили кровавой расправой и физическим уничтожением. Раздавались призывы к гражданам бежать на Запад, проводить саботаж и диверсии. Эффективность столь злобной пропагандистской кампании нельзя было недооценивать — она велась по рецептам лучших специалистов психологической войны, главным образом американских. Надо было учитывать еще и тот факт, что весь этот мутный поток с Запада низвергался на нашу страну в последние годы периода культа личности Ракоши, вот почему ядовитые семена, посеянные опытной рукой, падали на благоприятную почву неуверенности и страха.

В самой стране признаки позитивных перемен проявлялись еще довольно слабо, хотя процесс внутреннего очищения уже начался и здание культа личности Ракоши трещало по всем швам.

Знали об этом и стратеги «холодной войны» — агентура ЦРУ в тот период работала умело и эффективно. Но в расчеты западных стратегов отнюдь не входило «улучшение социализма» и осуществление принципа мирного сосуществования (эти лицемерные нотки появились значительно позже), пока же это был открытый призыв к мятежу с целью наглядной демонстрации «провала» социализма как системы.

Те, кто помнят поджигательские передачи радиостанции «Свободная Европа» и содержание листовок, засылавшихся на венгерскую территорию через западную границу на воздушных шарах в 1954—1955 годах, отлично знают, что в них содержались прямые призывы к свержению народной власти и развязыванию контрреволюционного мятежа по всей стране.

Скачкообразно росло и число агентов, диверсантов и шпионов, забрасывавшихся в Венгрию из-за границы. Только за первые месяцы

1955 года число задержанных нарушителей на западной границе на тридцать процентов превысило этот показатель за весь предыдущий год.

Все это однозначно свидетельствовало о резкой активизации антивенгерских реакционных сил на Западе.

Стратеги «холодной войны», используя свою агентуру за рубежом и внутри страны, достигли, по крайней мере, двух целей: во-первых, временно остановили народную Венгрию на пути ее мирного развития и, во-вторых, заставили правительство, обороняясь от врагов, проводить более жесткую внутреннюю политику.

Руководители венгерских органов безопасности, разумеется, понимали, что их противники, затрачивая столь огромные средства и забрасывая на территорию Венгрии массу своих платных агентов, большей частью заведомо обреченных на провал, ограничатся только достижением двух упомянутых выше целей. Вопрос о том, что же будет дальше, что именно последует за этой разнузданной кампанией, и явился, очевидно, тем ускорителем, который повлиял на завершение моей подготовки, на определение места, времени и способа отправки меня на Запад. Моя задача, если формулировать упрощенно, состояла в том, чтобы найти ответ на этот жгучий вопрос. Ответ обоснованный, подкрепленный фактами и документами.

Над разработкой плана операции трудились лучшие специалисты этой профессии.

Мои связи с Карчи и Анталом к тому времени стали уже по-настоящему дружескими. На конспиративных встречах они информировали и готовили меня к каждому очередному шагу, не упуская из виду ни одной мельчайшей детали. Однажды Карчи сказал мне:

— Через несколько дней тебя уволят с работы. Не удивляйся, так надо. В будущем это послужит еще одним козырем для твоей легенды эмигранта. Ты сможешь смело утверждать, что тебя преследовали, лишили куска хлеба. С той стороны будут, конечно, все проверять, и это подтвердится. А пока ты получишь дополнительное время для подготовки к заданию.

— А что же я делал до сих пор? Только этим и занимаюсь!

Офицеры дружно рассмеялись. Карчи с обычной для него шутливой серьезностью пояснил:

— До сих пор ты ходил в детский сад, теперь на очереди университет.

Антал в своей неторопливой, обстоятельной манере начал вводить меня в курс дела:

— Скоро тебе придется жить и работать бок о бок с людьми из американских, британских и западногерманских секретных служб, под неусыпным наблюдением их контрразведки. Поэтому ты должен в совершенстве, до мелочей изучить их методы и приемы. Только тогда ты обеспечишь себе безопасность и сможешь достигнуть поставленной цели. Тебя все время будут проверять. Ты идешь подобно зайцу в лес, где полно волков, которых тебе надо выследить в их собственном логове.

— Конкретно: свое увольнение ты обжалуешь, — подхватил Карчи. — Получишь отказ. Вот тебе листок, на нем ты найдешь адреса восьми предприятий и фабрик. Не менее чем в пять из них ты подашь заявление о приеме на работу. Разумеется, тебе везде откажут. Тогда ты обратишься в райсовет с просьбой о выдаче тебе патента кустаря-ремесленника. Патент тебе тоже не дадут, но, пока ты будешь мыкаться по всем этим инстанциям, пройдет месяца два-три. Они-то нам и нужны.

Все произошло точно так, как говорил Карчи. В отделах кадров предприятий, куда я обращался, мне отвечали примерно одно и то же: «Принять вас с таким политическим прошлым мы не можем. А как бы вы поступили на нашем месте?»

Случалось, что мне говорили: «Подождите немного, вернемся к этому вопросу еще раз. Мы вам сами позвоним». Но, естественно, не возвращались и не звонили. Таким образом, мне никак не удавалось обрести хоть сколько-нибудь определенное положение. Разумеется, для западных контрразведок это должно было иметь немаловажное значение.

Но время для переброски меня на Запад еще не наступило. На решение руководителей нашей «фирмы» влияло еще одно обстоятельство: Австрия, куда я должен был отправиться, лишь недавно обрела статус независимого государства, и ее органы полиции и жандармерии еще не имели четкой линии поведения по отношению к беглецам — эмигрантам из Венгрии.

— Вы должны понять, — сказал мне, видя мое нетерпение, один из руководителей, проверивший ход моей подготовки, — что в настоящее

время австрийские власти просто сажают в тюрьму всех подряд, кому удастся бежать к ним через венгерскую границу. Только после длительного дознания и всесторонней проверки они выпускают беглецов на свободу. Такой порядок установлен недавно и долго не продержится. Дело в том, что у них еще не сложился механизм проверки. А нам нежелательно, чтобы вы начинали свой путь на Западе с тюрьмы. Одно дело, если человек начинает создавать себе политический авторитет, будучи свободным, и совсем другое, если его выпускают из тюрьмы после долгого и нудного расследования. Одним словом, придется еще подождать...

Мой собеседник умолк и долго хранил молчание. Казалось, он взвешивает на незримых весах, стоит ли ограничиться сказанным или надо добавить еще что-нибудь. Наконец он решился и заговорил:

— Мне докладывали, что вы весьма преуспеваете во всех видах подготовки. Однако в этой профессии всегда есть чему поучиться. Знать и уметь чуть больше того, что кажется достаточным, никогда не лишне. В критический момент это иногда может спасти жизнь.

Он снова сделал длинную паузу, обдумывая, что сказать. Его слова я помню и сегодня, они прозвучали как некая программа всей моей последующей деятельности.

— Разведчик приносит пользу делу только в том случае, если он жив. Никогда не забывайте, что мы ждем вас на родине с успехом и, главное, в полном здравии и благополучии. Ждем как товарища, как единомышленника. Все зависит только от вас. Будьте осторожны, берегите себя.

Обо всех подробностях моей подготовки невозможно рассказать. Мне пришлось самым тщательным образом изучить и «проиграть на моделях» все способы и методы проверки, которые потом могли быть применены ко мне на Западе. Надо было учитывать, что политический эмигрант такого высокого ранга, каким был я, Миклош Сабо, бывший депутат парламента и доверенное лицо Ференца Надя в аппарате партии, давно уже не переходил границу, отделяющую Венгрию от так называемого «свободного мира».

Я должен был научиться распознавать людей, наблюдающих за мной, независимо от того, выполнялось наблюдение человеком или техническим устройством. Особенно много внимания уделялось моему поведению в различных ситуациях. Так, если, находясь под наблюдением, мне нужно было неприметно повести за собой «хвост»,

чтобы таким способом убедить противника в моей полной благонадежности, добропорядочности и наивной чистоте, мое поведение должно было резко отличаться от случая, когда я должен был исчезнуть, ловко уйдя от слежки и заставив моих преследователей пенять на невезение либо на собственную нерасторопность. Опять-таки по-другому нужно было вести себя в провокационной ситуации, когда вражеская контрразведка ставила мне капкан. Должен сказать, что «проигрывание моделей» различных ситуаций принесло мне огромную пользу.

Особенно внимательно приходилось следить за тем, чтобы в любой обстановке не обнаружить свою профессиональную подготовку и навыки разведчика, ибо это было бы равнозначно провалу. В определенном смысле я походил на тех краснокожих индейцев, которые либо оставляли на тропе свои следы так, чтобы запутать и сбить с толку врагов, либо уничтожали их нарочито неумело, чтобы опытный глаз вражеского следопыта не смог бы разглядеть в этой маскировке опытной руки профессионала, каким был он сам.

Положение затруднялось тем, что в отличие от индейцев Фенимора Купера я жил в современном большом городе, где автомобили, одежда, головные уборы людей и многие другие атрибуты повседневной жизни были слишком однообразны. Нелегко было в безликой толпе отличать одного шпика от другого с тем, чтобы скрыться из поля зрения. Их же положение облегчалось именно этим обстоятельством.

Признаюсь, самым трудным было для меня постоянно проявлять бдительность. Быть все время начеку, сознавать, что ты находишься под наблюдением днем и ночью, — задача отнюдь не из легких. Иной раз казалось — не выдержу, не сумею... Очутившись перед проходным двором, я судорожно застывал на месте. Все во мне кричало: «Беги, скройся! Скорее через двор, в подворотню, бегом до переулочка, дальше за угол. Смешайся с толпой, исчезни! Чего же ты ждешь?..» Усилием воли я преодолевал в себе этот приступ страха. Минута, другая, еще несколько шагов — и я снова брал себя в руки. Трезвый рассудок и самодисциплина одерживали верх над инстинктом самосохранения. И я снова ясно отдавал себе отчет в том, что стоило мне поддаться чисто животному страху, и это неминуемо привело бы меня к гибели, ведь подобное бегство было бы тотчас понято и раскрыто, а я таким образом сам выдал бы врагам свою тайну.

Но все это еще ждало меня впереди, а пока я готовился и тренировался. Так прошел почти год.

Наступил сентябрь 1955 года. Однажды Карчи начал наше очередное занятие словами:

— Сегодня ты вновь увидишься с шефом. Скоро будем прощаться...

Долгие месяцы и недели я ожидал этого события. Сердце мое учащенно забилося. Я вздрогнул, мне сделалось жутковато, но следом тотчас накатила теплая волна удовлетворения. Наконец-то наступает та решающая минута, когда моя жизнь повернет в другое русло, станет совсем непохожей на все то, что я пережил до сих пор! Начнется новая жизнь, которой я хотел и которую сам избрал для себя.

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ НА ЗАПАД

Я сидел на стуле посреди комнаты. Яркий свет лампы, направленной в лицо, слепил мне глаза уже более часа. Вокруг меня стояли, ходили, щелкали за моей спиной плетками, постукивали по столу резиновыми дубинками люди в жилетах, в рубашках с закатанными по локоть рукавами и с полуразвязанными галстуками.

— С кем вы сидели в тюрьме, с кем — в лагере? — Вопрос в который уже раз прозвучал как удар хлыстом.

— Я уже говорил.

— Повторите все имена. Все, сначала!

Я покорно перечислял фамилии. Двое из допрашивавших, надев наушники, сличали новый перечень с названными мною ранее фамилиями, записанными на магнитофон.

— Стоп! — приказал один из них. — Не забыли никого?

— Господи помилуй! — Я сокрушенно поник головой. — Разве могу я упомнить всех?

— Не виляйте! — раздался окрик. — Человека, имя которого вы назвали хотя бы один раз, вы должны помнить. Если только не лжете! — В голосе послышалась угроза.

Пришлось начинать все сначала. Я изо всех сил старался напрягать память, чтобы не пропустить ни одной из названных мною при первом допросе фамилий. По-видимому, на этот раз мне это удалось — допрашивающие перешли к следующему вопросу:

— Вы утверждаете, что устроились на работу на завод точной механики, расположенный на проспекте Фехер?

— Да, устроился.

— А зачем вы ходили на военный завод?

— Хотел перейти работать туда...

— Неужели вы надеялись, что вас примут на военный завод? Это вас-то, с вашим прошлым?

— Это предприятие отпочковалось от завода «Гамма». На нем работают сейчас многие, кто знает меня. Я решил, что знакомые мне помогут.

— И что же, помогли? Кто именно, назовите имена! — Теперь уже вскочили двое.

— Я разговаривал только с одним. Это мой бывший сослуживец. Он работает начальником цеха.

— Фамилия!

Я назвал.

— А почему он один? С кем еще вы говорили?

— Ни с кем. Зачем, если он определенно сказал мне, что меня не возьмут?

— Вот карандаш и бумага. Нарисуйте план завода.

— Не могу. Я был только в цехе «Д».

— Весь завод размещается в одном здании?

— Нет, зданий много.

— Где расположен цех «Д»?

— Не понимаю вашего вопроса.

— Все вы понимаете, не притворяйтесь! Мы хотим знать, в котором по счету корпусе помещается цех «Д», начиная от входа. В первом, среднем или же в последнем? Говорите!

— В последнем корпусе.

— Вот видите! Для того чтобы до него добраться, вам надо было пройти через весь двор. Правильно?

— Правильно.

— А теперь нарисуйте на бумаге все корпуса, мимо которых вы проходили. И поточнее.

Я взорвался:

— Не понимаю, чего вы от меня хотите? Я протестую!..

— Ну, ну, сидите смирно. И радуйтесь, что мы пока разговариваем с вами по-хорошему. До сих пор вы нам рассказывали сказки...

— Нет, я говорил только правду!

— Не лгите! Мы не поверим ни одному вашему слову, пока вы не выложите все как есть на самом деле.

— Вы допрашиваете меня, словно преступника. Чего вы хотите от меня добиться?

— Доказательств.

— Доказательств? Что я должен доказать?

— Что вы действительно тот, за кого себя выдаете...

— Боже! Я уже сказал вам, что господин Ференц Надь, бывший премьер-министр, его преосвященство Бела Варга и другие видные деятели нашей эмиграции подтвердят вам это. Спросите их...

— Не уклоняйтесь от ответа. Здесь говорю я! — перебил меня старший из допрашивающих. Тон его, однако, сделался более сдержанным. — Допустим, что вы действительно Миклош Сабо. Но чем вы докажете, что не продались коммунистам? Где доказательства вашей принадлежности к людям свободного мира?

— В Венгрии я сидел в тюрьме, потом в лагере для интернированных. Этого вам мало?

— Мало, — последовал лаконичный ответ. — Вы должны подтвердить свою лояльность делом. Сообщить данные, с помощью которых нам удалось бы укрепить нашу оборону против агрессии красных.

— Данные? Какие данные?

— Не прикидывайтесь наивным дурачком! Нас интересуют данные экономического и военного характера.

У меня закружилась голова. Видимо, подскочило кровяное давление, я почувствовал в затылке тяжелую, тупую боль.

— Это вы наивны, сударь! Вы только что сами спросили меня о том, как это я с моим прошлым хотел устроиться на военный завод, как я мог хотя бы подумать об этом? — От волнения я даже повысил голос. — А теперь я спрашиваю вас: как вы додумались до такой глупости? Какой идиот допустил бы меня в Венгрии до военных или государственных секретов?! — Я уже перешел на крик. — Зарубите себе на носу: я политик, бывший депутат венгерского парламента! И я не позволю, чтобы меня использовали в качестве шпиона! Вы понимаете это? Не позволю!..

Лампа, светившая мне в лицо, вдруг погасла. На несколько мгновений комната погрузилась в темноту, которая была так приятна... Затем чья-то рука отдернула тяжелую штору на окне. Комната наполнилась естественным светом, сквозь стекла пробивались слабые, но такие милые лучи зимнего солнца.

— Довольно, — услышал я голос руководителя моего «университета». Карчи легонько потрепал меня рукой по плечу: — Хорошо, можно отправлять. — Повернувшись к своим коллегам, он добавил: — Думаю, выдержит в любой ситуации.

В тот же вечер мне сообщили дату отправки.

Очень не хотелось мне причинять новые беспокойства матери, она и без того достаточно настрадалась из-за меня за все эти годы. Я сказал ей, что получил работу в Чехословакии и еду туда.

Простился я и с тем единственным, любимым и преданным мне человеком, с которым мог связать жизнь навсегда только по возвращении на родину. Нелегким было наше прощание.

На календаре стояло памятное число — 9 декабря 1955 года. Я и мои провожатые выехали из Будапешта на машине с таким расчетом, чтобы добраться до намеченного приграничного пункта на шоссе между Кесегом и местечком Хорватжидань уже затемно.

Выбор пал на это место, конечно, не случайно. Все было обдумано и тщательно подготовлено. Именно в этом районе девять лет назад, пробираясь в Грац, я впервые нелегально перешел государственную границу. Для зарубежной контрразведки мое решение должно было бы показаться вполне логичным. Если человек решается бежать за границу во второй раз, он, вероятнее всего, выберет тот самый участок, где ему удалось это сделать в первый, ведь местность там знакомая.

На условленном пункте у обочины шоссе уже стояла большая машина. В ней сидели начальник управления разведки, представитель смежного ведомства и начальник пограничной охраны этого района. Они приехали сюда, разумеется, не для того, чтобы тепло попрощаться со мной и произнести последнее напутствие. Им необходимо было убедиться, что мой переход пройдет успешно.

Зима в том году выдалась суровая. Но генерал-майор, начальник управления разведки, настоял на том, чтобы к месту перехода мы отправились пешком, хотя до границы было еще далеко. Антал, обычно немногословный, щадя мои силы, попытался его отговорить:

— Зачем, товарищ генерал? Ведь товарищ Сабо вместе с нами исходил здесь все вдоль и поперек, он знает каждый куст, каждую тропинку.

— Не будем обсуждать это. Товарищ Сабо должен появиться на территории сопредельной Австрии как самый натуральный беглый диссидент, усталый и измученный. Надеюсь, это вам понятно?

Решения начальства, как известно, не обсуждаются. Тем более что генерал был прав.

Мы двинулись в путь. Растянувшись цепочкой, прилежно месили глубокий снег, покрывавший поля, затем вышли на опушку молодой рощи и, обогнув ее, углубились в соседний лес. Нас окружали огромные, мрачные деревья. В трех километрах отсюда проходила граница. Шоссе, перерезавшее ее, было перекрыто тремя рядами колючей проволоки и минным полем. Контрольно-следовая полоса

была тщательно перепахана и проборожена, по ней тянулась ловко замаскированная тонкая проволочка сигнального устройства. Мы двинулись вдоль границы. Я шел впереди, протаптывая тропинку в полуметровом снегу, остальные двигались за мной след в след. Бедняга Антал неоднократно пытался обойти меня и взять тяжелый труд первопроходца на себя, но всякий раз его останавливал выразительный жест генерала.

Лес вскоре поредел. Мы вышли на опушку и остановились.

— Ну что же, желаю удачи, — сказал генерал.

Мы молча пожали друг другу руки. В этом рукопожатии было все: и пожелание успеха, и тревога, и заверение в том, что я могу во всем и всегда твердо на них рассчитывать.

Молчаливое прощание означало и много, и мало. Мало — потому, что невозможно предугадать все критические ситуации, в которых в стане врага может оказаться разведчик, предоставленный сам себе, беззащитный и одинокий. Много — потому, что разведчик знает: в случае опасности у него за плечами мощный аппарат, целый коллектив надежных друзей, которые не оставят его в беде. Это сознание «защищенной спины» не раз впоследствии придавало мне сил.

Я повернулся и пошел к границе. Ориентировался я свободно, точно зная, где, в каком месте на минном поле оставлена для меня лазейка, узенькая полоска земли, свободная от мин.

К проволочному заграждению я приблизился ползком. Вытащив ножницы, начал резать проволоку, отсчитывая про себя секунды. Все зависело от того, уложусь ли я в отведенное мне время. Если пограничный дозор, патрулирующий вдоль границы, которому ничего не известно, обнаружит меня — все пропало. Операция повторению не подлежит.

Ножницы были послушны, концы проволоки, тихонько тренькнув, падали на снег, а я все полз и полз, перекачиваясь то на бок, то на спину. Многочисленные тренировки очень помогли мне.

В голову невольно пришла мысль: что будет, если меня все же обнаружит патруль? Откроет ли он огонь? Или захватит живьем? Как поведут себя в этот критический для меня момент солдаты-пограничники, действующие согласно принятой присяге и инструкции при обнаружении нарушителя? Здесь не будет намеренной беспощадности, но момент внезапности обязательно вызовет импульсивные действия.

В себе я был не слишком-то уверен. Что, если я сбился с обозначенной мне ниточки прохода среди мин? При мысли об этом я похолодел. Два-три неверных движения — и я подорвусь на mine.

И вот наконец последняя нитка проволоки. Обледенелая, стеклянная на ощупь... «Дзинь, дзинь»... Я облегченно вздохнул и приподнялся на локтях.

Метрах в десяти передо мной виднелся ручей, по которому проходила граница двух государств. Быстрый и незамерзающий, черт бы его взял...

Взглянув на часы, я понял, что переход затянулся. Преодоление полосы препятствий заняло у меня больше времени, чем планировалось. Скорее... Теперь уже не ползком, а во весь рост, бегом, изо всех сил, иначе не успею...

Не успел. Где-то у меня за спиной послышался хруст и топот быстрых шагов, затем громкий окрик:

— Стой! Стрелять буду!

Сделав огромный скачок, я оказался в ручье. Теперь меня прикрывал берег, на той стороне простиралась австрийская земля.

По моим сведениям, глубина ручья не превышала четверти метра, но на деле все оказалось иначе. Пробив тонкий прибрежный лед, я погрузился в воду. Она дошла мне до груди. Кроме того, ручей был в этом месте значительно шире, чем предполагалось, а противоположный берег, подмытый течением, почти отвесно нависал над водой, так что вылезти на него было почти невозможно. Проклятие! Такого я не ожидал.

Стоя в ледяной воде, я бранился про себя последними словами. Однако надо было действовать, и я двинулся вдоль берега, стиснув зубы от холода. Необходимо было найти пологий спуск к воде на противоположном берегу.

Патруль сделал все, что предписывалось инструкцией. В воздух взвилась одна осветительная ракета, затем другая, третья... Стало светло как днем. Длинные автоматные очереди полосовали снег на венгерском берегу. К счастью, стрелявшие точно придерживались устава — обстреливать разрешалось только свою территорию.

После серии цветных ракет к границе подъехали две или три машины с начальством. Осмотр места происшествия занял не менее четверти часа. За это время я окоченел так, что даже челюсти свело. Когда машины наконец уехали и все утихло, я, собрав последние силы,

цепляясь руками и ногами за какие-то корни, все же выполз на австрийский берег.

Промокший до нитки, я огляделся. Зуб не попадал на зуб, меня била дрожь. Казалось, еще мгновение — и я рухну на снег. Чуть заметная тропинка вела в темнеющий впереди лес. С трудом переставляя ноги, я побрел по ней, надеясь выйти к какому-нибудь жилью.

Никогда не забуду этого предрассветного заледеневшего австрийского леса, словно вымершего на ветру.

Я готов был броситься на любой огонек, под пули пограничных жандармов, куда угодно, лишь бы скорее под крышу, к пылающему очагу. Мокрая одежда на мне превратилась в ледяной панцирь. Я был на грани потери сознания, мною двигал только один подсознательный страх, ведь остановиться означало замерзнуть.

Не помню как, но я все же дождался рассвета в том проклятом лесу. Все та же тропинка вывела меня на окраину деревни.

Я ввалился во двор крайнего дома и остановился у забора. Из двери коровника вышла крестьянка с подойником, до краев наполненным пенистым парным молоком. Минуты две мы неподвижно смотрели друг на друга. Наверное, я показался ей выходцем с того света. Наконец, обретя дар речи, я выдавил из себя по-немецки:

— Это Австрия? — Затем повторил вопрос на венгерском языке.

Женщина уронила подойник, белое молоко разлилось по затоптанному грязному снегу.

— Святая Мария! — Она всплеснула руками и начала звать кого-то. Из дверей дома сразу выбежали какие-то люди. Больше я ничего не помню...

Прошло, наверное, немало времени, прежде чем я пришел в себя. Очнувшись от глубокого беспамятства, я увидел, что лежу в кровати под мягкой толстой периной, обложенный со всех сторон грелками и бутылками с горячей водой, обернутыми в полотенце. Тем, что я остался жив и не заболел воспалением легких, я обязан исключительно заботам этой доброй крестьянской семьи из Франкенау.

На стуле рядом с кроватью терпеливо сидел австрийский жандарм в форме, ожидая, когда я окончательно приду в себя.

Притворившись спящим, я вновь закрыл глаза и попытался привести в порядок свои мысли. Все случилось так, как я и

предполагал, и все же сердце мое дрогнуло, когда я увидел рядом с собой представителя власти иностранной державы.

Привычки говорить во сне я не имел, но и в таком ужасном состоянии, как после перехода границы, никогда не бывал и, по правде сказать, просто не помнил, произносил ли я какие-нибудь слова, прежде чем потерять сознание. А если и произнес, то какие? С человеком, потерявшим над собой контроль, всякое может случиться.

Я все так же лежал с закрытыми глазами, но сознание работало все отчетливее, и я встревожился не на шутку. Жандарм продолжал сидеть, терпеливо и неподвижно, точно статуя. Напрягая память, я постарался восстановить один за другим все свои поступки, шаг за шагом. Не сразу, но я вспомнил все. Нет, никакой ошибки я не совершил. Придя к этому убеждению, я, немного успокоившись, открыл глаза.

— Слава богу! — В возгласе жандарма я уловил нотку сочувствия. Он тут же поинтересовался: — Говорите ли по-немецки?..

Получая последний инструктаж перед отправкой, я спросил, что мне отвечать на такой вопрос. По-немецки я хотя и не очень бегло, но говорил. Мне посоветовали забыть об этом, особенно на первых порах, потому что чиновники и следователи жандармерии, с которыми мне придется иметь дело, думая, что я не понимаю их языка, будут менее осторожными и в разговоре между собой могут проговориться о чем-то для меня весьма существенном или невольно сообщить важную информацию, имеющую отношение к моей личной безопасности.

И теперь, решительно помотав головой, я произнес:

— Нет...

Такой ответ, однако, не смутил жандарма. Он тут же позвал хозяев. Как все в этом краю, они отлично говорили по-венгерски. От них я узнал, что проспал более суток, а сердобольная хозяйка и ее дочь все это время меняли мне грелки.

— Мой муж уже стал советоваться с Гансом, — добрая женщина кивнула в сторону жандарма, — не стоит ли послать за врачом. Но вы так спокойно дышали, что я им сказала: погодите, лучшее лекарство — это сон.

Пока я слушал хозяйку, жандарм о чем-то негромко советовался с хозяином. Дождавшись, пока жена закончит говорить, хозяин дома сказал:

— Если вы чувствуете себя достаточно хорошо, он отвезет вас в участок. Там запишут, кто вы такой. Таково требование закона. А как

быть дальше, узнаете в участке, начальник Ганса говорит по-венгерски.

Я вылез из-под перины и оделся. Моя одежда была высушена, вычищена, отглажена и даже заштопана в тех местах, где я ее порвал, пролезая под проволокой и блуждая в лесу. Поблагодарив хозяев, я последовал за жандармом. Тот усадил меня рядом с собой в «фольксваген» и отвез в участок.

Начальник участка пограничной жандармерии, упитанный благообразный прапорщик, действительно говорил по-венгерски, но примерно так же безбожно коверкая наш прекрасный язык, как я немецкий, если бы на нем заговорил. Принял он меня благожелательно, со всей возможной в таких случаях предупредительностью, угостил завтраком, по-крестьянски непритязательным, но обильным, с крепчайшей палинкой домашнего приготовления. Узнав о моих чинах в прошлом, прапорщик в разговоре через каждую фразу почтительно стал называть меня господином депутатом. Очевидно, он чувствовал себя весьма польщенным и мысленно уже представлял, как его отметит начальство, прочитав в рапорте о том, что именно на его участке перешел границу самый настоящий, без подделки, депутат венгерского парламента. Признаюсь, на меня такой прием подействовал ободряюще, и я начал думать о своем будущем в более светлых тонах.

Заполнив довольно примитивную анкету, я подписал протокол, и все тот же Ганс повез меня дальше, теперь уже в уездное отделение жандармерии.

Начальник уездного отделения расспрашивал меня не дольше, чем симпатичный прапорщик в Франкенау, и через четверть часа вручил мне официальную бумагу — эмигрантское удостоверение на право политического убежища. С приятной улыбкой он подчеркнул, что делает это в порядке исключения, поскольку выдача таких удостоверений является прерогативой управления при земельном управлении в Эйзенштадте. Однако он убежден, что депутат от венгерской партии мелких сельских хозяев, состоявшей в «близком родстве» с Австрийской народной партией, находящейся сейчас у власти, заслуживает немедленного признания и легализации.

«Прекрасно, — подумал я, — это еще больше обнадеживает». Я успокоился, решив, что мой путь в Вену, столь удачно начавшийся, будет сплошным триумфальным шествием.

Сколь легко притупляется бдительность человека! Желаемое охотно принимаешь за действительное. Перестаешь думать о том, что

ждет впереди, забываешь о том, что еще не имеешь опыта. Словом, вся теоретическая подготовка идет насмарку. Да, человек склонен увидеть радужное будущее, глядя на него сквозь очки надежды поверх жизненных реальностей!

Когда начальник отделения сообщил мне, что намерен отправить меня в Эйзенштадт самым коротким путем, а именно — по железной дороге через Эбенфурт и Шопрон, идущей частично по венгерской территории, я запротестовал чисто инстинктивно.

— Нет, нет, господин начальник, — доказывал я. — То, что вы предлагаете, чистейший абсурд. Меня сразу же снимут с поезда венгерские пограничники!..

— Не беспокойтесь, господин депутат. Вагон прямого сообщения является частью суверенной территории Австрийской Республики. Никто вас не тронет, поверьте мне.

Бдительность моя притупилась окончательно. В уговорах начальника отделения я не уловил ни хитрости, ни подвоха. Он говорил искренне, но, как всякий добропорядочный бюрократ, желал поскорее избавиться от такого политического эмигранта, как я, с одной стороны, вроде бы достойного уважения, а с другой — весьма неудобного, — как бы чего не вышло.

Домашняя подготовка не прошла для меня даром: я научился обращать внимание на то, что могло меня заинтересовать, и прислушиваться к тому, что подсказывал мне инстинкт профессионала. А подсказывал он мне сейчас: «Не соглашайся! Твоя позиция в этом вопросе может оказаться решающей, когда тобой будут заниматься опытные контрразведчики».

Я решил проявить упрямство.

— Очень сожалею, господин ротмистр, — сказал я, — но поездом я не поеду.

— То есть как это не поедете? — Глаза честного бюрократа сделались круглыми. Надо полагать, в своей должности он не привык к возражениям, а тем более к отказам.

— Не поеду, и все! А если вы примените насилие, вам придется отвечать. И не только перед австрийским правительством, но и перед общественным мнением всего свободного мира!

Наш спор грозил затянуться, если бы не бравый Ганс, до сих пор тихо и скромно сидевший в углу канцелярии. Поняв из речи переводчика, какая именно опасность угрожает «господину депутату»,

он встал и категорически заявил, что скорее попросит перевода в конюхи или подаст в отставку, но сопровождать меня через венгерскую территорию наотрез отказывается. Эта неожиданная поддержка сыграла свою роль. Некоторое время спустя мы с Гансом уже сидели в рейсовом автобусе, мчавшемся в Эйзенштадт, главный город Бургенланда, восточной провинции Австрии. Маршрут был кружным и довольно долгим, зато проходил по австрийской земле.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С КОНТРАЗВЕДКОЙ

Городок Эйзенштадт, когда-то носивший венгерское название Кишмартон, на протяжении нескольких столетий был одним из центров необозримого, простиравшегося на несколько сотен тысяч гектаров родового поместья семейства Эстерхази. После 1945 года половина Бургенланда продолжала оставаться собственностью последнего из этих магнатов — графа Пала Эстерхази. Сам граф, которого венское правительство назначило теперь еще и правительственным комиссаром своего имения, сидел в венгерской тюрьме близ Будапешта, совмещая это с должностью депутата ландтага Бургенланда.

Я упоминаю об этом потому, что вся эта парадоксальная ситуация имела для меня существенное значение. Именно здесь, в этом старинном патриархальном городке, мне предстояло выиграть свое первое сражение, а сражаться я должен был с такими людьми, в которых еще было живо преклонение перед всемогущим когда-то вельможей-феодалом.

Мое дело попало к жандармскому инспектору в чине майора. Он был умен, сообразителен и чрезвычайно подозрителен. И хотя он не светил мне в глаза яркой лампой, не угрожал и не запугивал, я, сидя перед его столом на жестком стуле, чувствовал, как от него веет недоверием.

— Почему вы покинули родину? — спросил майор.

— Я уже рассказал вам свою историю. Будь вы на моем месте, разве вы поступили бы иначе?

— Как вы добрались до границы?

— Пешком, разумеется. Сначала шел по тропке вдоль шоссе, а затем напрямую, через поле и лес. Передвигался преимущественно по ночам.

— Расскажите, как вы ориентировались в темноте?

Я искренне расхохотался.

Инспектор поднял голову и удивленно на меня уставился.

— Что вас так развеселило?

— Ваш вопрос, господин инспектор.

— Вы находите его смешным?

— В отношении ко мне — безусловно. Я скрывался от сыщиков Ракоши несколько лет. Жил среди болот, где один неверный шаг означает гибель. Только ночная темнота была мне другом. А вы спрашиваете, как я ориентировался!

Майор не ответил. Прервав допрос, он убрал папку в сейф. После обеда он пригласил меня сесть с ним рядом в машину и довольно путаным, с множеством поворотов, путем привез в незнакомую горную деревушку. Там мы погуляли, полюбовались природой, затем уселись за столик в местной пивной. Инспектор угостил меня пивом. Мы разговорились обо всем на свете. Он расспрашивал меня о семье, рассказывал о своих родственниках, о жене и детях. Когда стемнело, он неожиданно поднялся и сказал:

— Машину я оставляю здесь. В Эйзенштадт мы вернемся пешком, проводником будете вы.

В этой местности я до сих пор не бывал, поэтому о возвращении напрямик по тропинкам, через горы и доли, не могло быть и речи. Мы пошли вдоль шоссе, по которому прибыли сюда. Я проехал по нему всего один раз, да и то днем. Однако я понимал всю ответственность и значение этого коварного поручения. К счастью, мне запомнился один большой объезд, который мы совершили на автомобиле. В самом его начале я обнаружил едва заметную в темноте тропинку, протоптанную, вероятно, жителями ближайшей деревни, и догадался на нее свернуть. Мы срезали километра два-три. Маневр удался, и мой спутник заметно повеселел. У меня тоже отлегло от сердца, и в Эйзенштадт мы вернулись оба в хорошем настроении.

Высоко над городом среди чудесного хвойного леса стояло небольшое причудливое здание под названием «Глория». Великолепный вид на город и окрестности открывался из его окон. Теперь в этом охотничьем замке графа Эстерхази размещался пансионат для туристов. Стройные колонны обрамляли вход, мраморная скульптурная группа красовалась на фронтоне, изящные, чистые линии и гармоничные пропорции здания придавали ему величественный и вместе с тем уютный вид.

Как и предсказывали мои наставники в Будапеште, австрийская жандармерия поместила меня в «Глории», но не одного, а с каким-то молодым человеком, тоже венгром, по имени Пал Ментеш. О нем я еще не раз упомяну в своем рассказе.

Маленький пансионат сиял чистотой. Хозяйка пансионата и ее дочь приняли меня приветливо и уважительно. Мы подружились, и впоследствии, уже живя в Вене, я неоднократно их навещал. Хорошо, по-домашнему уютно было мне здесь подле этих хлопотливых, милых женщин. Когда у меня возникала острая необходимость рассеяться и немного отдохнуть, я ехал в «Глорию», чтобы послушать их мирную бесхитростную беседу и щебетание лесных птичек, проснуться в светлой комнате, где под окнами по разлапистым ветвям елей прыгали веселые белки. Дружба с хозяйкой «Глории» оказалась для меня полезной еще и в другом смысле: она служила мне хорошим поводом уехать из Вены и средством для алиби. Когда мне впоследствии нужно было исчезнуть на несколько дней, я всегда уверял окружающих в том, что еду в этот чудесный уголок Бургенланда немного отдохнуть и поведать своих старых знакомых.

На другой день допрос продолжался. Должен признать, австрийские контрразведчики работали основательно. Они не только проверили буквально по метрам весь мой путь от границы в глубь страны, но и раздобыли документы девятилетней давности, связанные с моим неудачным визитом в Австрию в 1946 году.

Разумеется, об этом мне сказали не сразу и не просто, а довольно хитроумным образом. Это случилось, кажется, на третий день моего пребывания в Эйзенштадте.

— Вы ведь впервые в Австрии, не правда ли? — задал мне вопрос инспектор.

— Что вы, что вы! — возразил я. — Здесь я уже бывал раньше.

— Здесь, у нас?

— О нет, в Эйзенштадте я не был, зато посетил Грац, Штирию, Верхнюю Австрию, Линц...

— Вот как! — Инспектор изобразил на лице удивление. — И когда же вам это удалось?

— Это было в сорок шестом году.

— И с какой же целью, позвольте узнать?

Я рассказал ему, какая история приключилась со мной тогда. Инспектор на некоторое время погрузился в раздумье, затем придвинул ко мне чистый лист бумаги:

— Перечислите, пожалуйста, все населенные пункты, в которых вам довелось побывать раньше. Все, даже самые незначительные.

Я удовлетворил его желание.

Инспектор вышел из кабинета и вернулся через полчаса. В руке он держал папку с документами, делая вид, будто получил их только сейчас.

— Скажите, пожалуйста, что вы делали в Шердинге?

Я ответил.

Инспектор погрузился в изучение документов, лежавших в его папке. Одни он просто пробежал глазами, другие внимательно читал, переворачивал, затем начинал читать сначала. Все это походило на примитивную комедию, но в прекрасном исполнении. Наконец он сделал вид, что наткнулся на нечто очень важное, и полюбопытствовал:

— Вы всегда выступали под собственным именем?

Этого вопроса я давно ожидал. И все же меня охватил неподдельный страх. Удивительно, насколько легче было отвечать на подобные вопросы моим коллегам и наставникам на экзамене в Будапеште.

Ироническое отношение к самому себе, как ни странно, избавило меня от чувства страха, которое, я уверен, приходится пережить каждому новичку. Я самоуверенно ответил:

— Разумеется, не всегда.

Инспектор поднял брови:

— Почему «разумеется»?

Пришлось изложить ему памятную для меня встречу с английским полковником в Граце.

— Значит, начиная с того момента вы путешествовали под именем Михая Беде?

— Да, поскольку у меня на руках тогда были документы только на это имя.

Инспектор кинулся на меня, как коршун, сложив крылья, бросается с высоты на полевую куропатку.

— Вот вы и попались! В протоколе вашего допроса в Шердинге указано, что вы называли себя своим настоящим именем! — В голосе инспектора прозвучало искреннее торжество.

Но я уже обрел твердую почву под ногами, оправившись от первого испуга.

— Разумеется!

— Опять «разумеется»?

— Безусловно. В Шердинге я рассчитывал войти в контакт с представителями ЦРУ и надеялся на их дальнейшее покровительство. В

этом случае я не мог лгать.

— И что же, вы были разочарованы?

— Мне не удалось с ними встретиться. Переводчица оказалась из фольксдойче, выселенных из Венгрии. Когда я сказал вашим полицейским, что участвовал в движении Сопротивления, она не поняла и переспросила, что это такое. А потом начала кричать, что я убийца. Поэтому я счел более целесообразным вновь укрыться под фамилией Беде.

Наступило молчание. Инспектор какое-то время сидел, не произнося ни слова. Затем он встал, подошел к окну и так долго смотрел на улицу, что я подумал, не забыл ли он о моем существовании. Вдруг он круто повернулся ко мне, протянул руку и сказал:

— Благодарю вас, господин депутат. Отправляйтесь к себе в «Глорию» и хорошенько отдохните. — Тон его стал почти дружелюбным. — Завтра я жду вас не раньше полудня.

Поднимаясь по горной тропинке, ведущей к пансионату, я старался понять, что бы все это могло означать. Либо мои дела пошли на лад и проверка окончена, либо это просто еще одна уловка хитрого инспектора, и тогда мне следует ожидать нового трюка, или, того хуже, западни...

Не скрою, этот вопрос не давал мне спать всю ночь. Я уже упоминал о втором «госте» из Венгрии, также поселившемся в «Глории». Им был некий Пал Ментеш, урожденный Эстерхази, настоящий диссидент, бежавший на Запад.

За ужином в столовой он обратился ко мне:

— Странно, тобой занимаются гораздо больше, чем мной. Меня допросили один раз, и с тех пор ни одна собака мной больше не интересуется. Почему?

— Ничего удивительного, — ответил я. — Человека, который называет себя другом бывшего премьера Ференца Надя, следует проверять особенно тщательно, вот и все объяснение.

Ночью, беспокойно ворочаясь с боку на бок, я продолжал анализировать свое поведение в контрразведке. Несмотря на всестороннюю подготовку, опыта мне явно недоставало. Я был новичком и к тому же сильно нервничал. И все-таки мне казалось, что я дал инспектору довольно убедительные ответы...

Медленно наступал рассвет. Наконец вошло солнце. Засиял, заискрился на склонах гор снег, в сосульках над окном затанцевали

солнечные лучи.

Но тяжесть на сердце не проходила. Все мои страхи развеялись только после того, как я вошел в кабинет инспектора и он поспешил мне навстречу, улыбаясь и протягивая обе руки.

— Я полагаю, господин депутат, вы поедете в Вену?

— Если вы не возражаете.

— О что вы, напротив! Проверка закончена, отныне вы для нас гость. Боюсь показаться назойливым, однако позвольте спросить, с чего вы думаете начинать?

Вероятно, в моем лице или в глазах что-то дрогнуло. Контрразведчик тотчас это уловил.

— Не поймите меня превратно, — поспешил добавить он. — Я просто хочу дать вам один дружеский совет. Ведь вы едете в огромный город, совсем не зная его.

Успокоившись, я поблагодарил его за любезность.

— Лучше всего вам поехать автобусом, — продолжал он. — Сойдете в самом начале Мариахильферштрассе. Это хорошо в трех отношениях: во-первых, на Мариахильферштрассе помещается местный центр радиостанции «Свободная Европа», который вам так или иначе целесообразно посетить; во-вторых, вы наверняка встретите там своих знакомых и единомышленников и с их помощью установите контакт с господином Ференцем Надем, который, как вы знаете, живет в настоящее время в США. Наконец, в-третьих, там вам помогут найти квартиру и достойное для вас занятие. — Он встал, пожал мне руку и добавил: — Что касается нас, мы всегда будем рады видеть вас в Эйзенштадте. И в пансионате «Глория», и у меня дома.

По дороге в Вену у меня было достаточно времени, чтобы поразмыслить о переменчивости фортуны. В самом деле, я не знал, с чего и как следует начинать в Вене, и вот, пожалуйста, офицер жандармерии подсказывает мне правильное решение. Путь в среду политической эмиграции через радиостанцию «Свободная Европа» был не только прост и естествен, но и приобретал даже некоторый официальный оттенок.

Незнакомый пейзаж за окном автобуса вновь пробудил во мне тревогу и сомнения.

«Осторожнее, Миклош! Не доверяйся первой удаче», — мысленно повторял я про себя.

Разумеется, я не мог знать, что в самом ближайшем будущем меня ожидают неприятные сюрпризы, и не один, а сразу несколько.

В бюро радиостанции «Свободная Европа» в Линденгассе меня встретили довольно холодно. Когда я объяснил, кто я такой, в приемную, где я сидел, вышел высокий, худощавый молодой человек вполне интеллигентной наружности.

— Томас, редактор венского отделения, — представился он. — Простите за откровенность, но я обязан задать вам вопрос: что может подтвердить данные, которые мне передала секретарша?

— Не что, а кто, — поправил его я.

— Может быть, вы объясните понятнее?

— Я имел в виду Ференца Надя, моего друга.

— Не обижайтесь, но подобное может утверждать любой человек с улицы.

— Исключая тех, которых сам Ференц Надь никогда не признает таковыми.

— Вас он не признает тоже, будьте уверены.

Эта фраза, сказанная тихо, почти сквозь зубы, выбила меня из колен.

— Извините, но теперь объяснитесь понятнее вы, прошу вас.

— Видите ли, мы, сотрудники радио, знаем, что господин премьер-министр Ференц Надь никогда не ответил ни одному из венгерских эмигрантов. А писали ему тысячи. Почему вы считаете себя исключением?

— Мне он обязан ответить.

— Обязан? — Мой собеседник буквально онемел от моей наглости. Он наверняка счел меня просто нахалом. Еще бы! Какой-то неизвестный тип, едва успев приехать, смеет говорить в столь самонадеянном тоне о самом влиятельном деятеле венгерской политической эмиграции! Наконец Томас обрел дар речи:

— И что же его к этому обязывает?

— Вероятно, долг чести...

По губам моего собеседника скользнула легкая усмешка.

— ...Или желание сохранить свое политическое реноме. Уж это наверняка! — закончил я.

— Скажите, откуда у вас такая поразительная самоуверенность? — Молодой человек смотрел на меня во все глаза.

Он явно не умел владеть собой. В эту минуту я раскусил его до конца. Унылое и поблекшее, хотя и молодое еще лицо его выдавало усталость и разочарование. Видимо, ему довелось пережить немало испытаний, а может быть, и унижений до того, как он сумел пробиться на свою нынешнюю должность. Его использовали для черной работы, и он принес своим покровителям немало пользы. А теперь с ним, как и со многими ему подобными, «великие вожди» эмиграции даже не здороваются.

И тут неведомо откуда является субъект, у которого нет ни денег, ни положения, ни крыши над головой, и осмеливается произносить крамольные речи об одном из идолов!

Я не спешил с ответом, и молодой человек повторил:

— Так все-таки откуда?

— Скажите, господин редактор, вы читали «Белую книгу» о суде над заговорщиками в 1947 году в Будапеште?

— Разумеется, но...

— Найдите в ней показания депутата Ласло Дюлаи. Там он говорит обо мне. Тогда вы поймете откуда.

Томас попросил минутку подождать и вышел. Вернулся он через четверть часа.

— Господин депутат, вас примет мистер Хилл, американский директор нашего отделения.

ТАКТИКА ВНЕДРЕНИЯ

В бюро радиостанции «Свободная Европа» мне дали адрес Ференца Надя, проживавшего в США, на собственной ферме в Херндоне, потом устроили интервью перед микрофоном, за которое я получил свой первый в «свободном мире» гонорар, а Томас пригласил меня на обед в маленький ресторанчик по соседству, во время которого предложил мне свою дружбу. За обеденным столом он назвал свое настоящее имя — Арпад Фехервари.

Он оказался славным и по-своему порядочным парнем. Я принял его предложение и не ошибся. Уже значительно позже, после разгрома контрреволюционного мятежа в Венгрии, он порвал со «Свободной Европой», добровольно покинув свою неплохо оплачиваемую должность...

После обеда в ресторанчике, прежде чем распрощаться со мной, он спросил:

— Где ты ночуешь?

— Пока нигде. В Эйзенштадте мне указали адрес одного из лагерей для беженцев.

— Которого? На Хайдештрассе?

— Да.

— Малоприятное местечко. К сожалению, я не могу пригласить тебя к себе, так как сам снимаю комнату. Да и правила для наших сотрудников весьма строгие. Начальство печется о нашей безопасности, но еще пуще боится утечки информации, которой мы располагаем.

— Интересуются, кто бывает у вас в гостях?

Фехервари кивнул:

— Проверяют. Всех приятелей и приятельниц тоже. Кроме того, примерно раз в полгода нас возят в Мюнхен для испытаний на «детекторе лжи».

Я уже был информирован об этом американском изобретении. Поскольку я и сам мог быть подвергнут проверке на этой машине, необходимо было подготовиться, узнать ее слабые места. Мне были известны принцип и методика действия этого сооружения — неожиданные вопросы, шоковое воздействие на психику, возбуждение импульсов подсознания и прочие прелести. Собственно говоря, речь

шла о психотехнике, и человек, постигший все эти тонкости, вполне мог противостоять хитроумному механизму.

Я сделал вид, что слышу о «детекторе лжи» впервые. Более того, я даже разыграл возмущение.

— Ты шутишь! Неужели здесь, в свободном мире идей и взглядов, применяют такие средства? Не может этого быть!..

Мой собеседник грустно кивнул:

— Убедишься сам. Если ты будешь иметь дело с американцами, рано или поздно и тебе этого не миновать.

Обед оказался вкусным, разговор интересным, и я почти в веселом настроении отправился искать лагерь для беженцев в районе Зиммеринг, предварительно совершив неторопливую прогулку по Мариахильферштрассе, чтобы поглазеть на витрины магазинов.

Витрины ломились от товаров, люди на тротуарах были хорошо одеты, по мостовой сплошным потоком шли автомобили. В одном месте поток лимузинов прервался — по улице катил миниатюрный экипаж-ландо, который тащила четверка забавных маленьких пони в разукрашенной сбруе. Знаменитая трикотажная фирма миллионера Пальмерса рекламировала свои изделия. Зрелище было действительно забавное, прохожие останавливались, смотрели и улыбались, я тоже остановился. Кто мог предположить, что два десятилетия спустя имя Пальмерса я прочитаю на первых страницах западных газет в связи с его похищением группой террористов с целью выкупа?

Сев в трамвай, я долго ехал через весь город. Сойдя с трамвая, очутился в пригороде. Проплутав еще с полчаса среди огородов и садов и пройдя через переход под железнодорожной насыпью, я с помощью редких прохожих очутился наконец перед воротами так называемого «лагеря для беженцев» на Хайдештрассе.

Вид лагеря отнюдь не вызвал у меня восхищения. На обширном пустыре, огороженном колючей проволокой, теснилось несколько десятков деревянных бараков. Перед одним из них по замерзшей, покрытой льдом и снегом луже катались на санках ребяташки, перекликавшиеся по-немецки на знакомом мне швабском диалекте. Очевидно, здесь жили швабские семьи, фольксдойче, выселенные из Венгрии. Я встретил там нескольких сербов и хорватов.

— Я новичок, только что приехал. Скажите, куда мне идти, к кому обратиться? — спросил я у молодого мужчины.

Он не проявил ко мне почти никакого интереса. Щуплый, с напоминающим лисью мордочку лицом, незнакомец искоса взглянул на меня. Впоследствии я узнал, что звали его Дьюла Мандачко. На родине он работал портным, потом был официантом, пока не сколотил какую-то артель, где крупно проворовался. Спасаясь от суда, он подался на Запад. Теперь, оглядев меня, он ткнул большим пальцем через плечо в сторону одного из бараков:

— Вторая дверь. Обратитесь к генеральше Матьяши. Ее превосходительство вам все расскажет.

На мой стук дверь открыла пожилая дама и предложила войти.

В небольшой комнатке, где приветливо потрескивала топившаяся чугунная печка, находилась еще одна дама, чуть помоложе.

— Моя племянница, знакомьтесь, — проговорила хозяйка дома. — Садитесь, погрейтесь немного. К сожалению, печки есть только у меня и у фольксдойче, остальные комнаты не отапливаются. — Дама с любопытством осмотрела меня, окинула взглядом с ног до головы. — А кто вы такой, позвольте узнать?

Обстановка явно указывала на то, что госпожа генеральша не принадлежит к числу лидеров венгерской политической эмиграции. Но здесь, в этом барачном лагере, напоминавшем печально известный поселок Валерии в Будапеште, она, несомненно, представляла местную элиту. Понимая, что именно здесь находится очередная ступенька лестницы моего восхождения к верхам, я галантно произнес:

— Ваше превосходительство, прошу разрешения представиться... Сабо Миклош, бывший депутат венгерского парламента.

Услышав эти слова, генеральша просияла. Холодная вежливость на ее лице сменилась выражением искреннего дружелюбия.

— От какой же партии? Мелких хозяев или от крестьянской?

— От первой, с вашего позволения.

— Должна вам заметить, господин депутат, — укоризненно сказала дама, — если бы ваша партия в свое время сомкнулась с нашими бравыми молодцами — военными, застрявшими в Австрии после войны, вам не пришлось бы теперь спасаться бегством. — И уже другим тоном она продолжала: — Отопление есть, но топливо слишком дорогое. А на триста девяносто четыре шиллинга пособия, которое получают беженцы, много не накупишь.

«Подумать только, — ответил я про себя, — эта божья коровка знает больше, чем можно было ожидать. Во всяком случае, ясно, что

история с предложением генерала Сюди ей известна». Дама, несомненно, заслуживала большего внимания, чем я определил на первый взгляд. Одна ее фраза о бравых военных напомнила мне о том, что я стою на вражеской земле и в самом безобидном, казалось бы, месте могу угодить в ловушку.

Это послужило мне хорошим уроком. К счастью, произошло это в самом начале моего пути. Я дал себе зарок: нигде и ни с кем не расслабляться, постоянно держать себя в руках.

В прихожей перед кабинетом начальника лагеря сидел дежурный жандарм, вооруженный пистолетом. Его присутствие говорило о том, что в этой обители беглецов в любое время суток, видимо, случаются инциденты, требующие вмешательства властей. Правда, очень скоро я убедился, что эта мера предпринята в целях личной безопасности и защиты австрийских чиновников. Один-единственный страж порядка не мог, конечно, воспрепятствовать частым дракам и случаям поножовщины в лагере, в близлежащих кабачках и просто на улице, а тем более действиям агентов различных иностранных разведок, по дешевке скупавших у беженцев всевозможные документы.

Мне определили комнату и выдали одеяла. Не помню, сколько их было — одно, два или три, слипшихся от грязи.

Комната, в которой стояло шесть железных кроватей, была под стать одеялам. Остывшая чугунная печка зияла пустотой в дальнем углу. Одно из разбитых стекол в окне было заклеено газетой, отчего все помещение походило на личико ребенка, страдающего косоглазием и потому носящего очки с одним стеклышком.

Обитатели комнаты встретили меня молча и неприветливо. Мне с большим трудом все же удалось их разговорить. Спустя некоторое время они оттаяли и рассказали мне кое-что о своем житье-бытье, о жалком положении, о беспросветной лагерной тоске, нищете. У этих людей не было будущего. Мы проговорили почти до утра. Моих соседей, давно оторвавшихся от дома, живо интересовало все, что происходило на родине. К тому же я просто не осмеливался залезть под грязные одеяла. За одну ночь я получил информацию столь обширную, что мог составить себе подробный план действий для достижения поставленной цели даже без помощи заправил политической эмиграции.

Когда за окном забрезжил рассвет, я уже точно знал, что мне делать.

Прямо с утра я побывал в банке, а оттуда направился в бюро радиостанции «Свободная Европа».

— А, господин депутат! Ну, как вы провели свой первый день в свободном мире? — Девушки в приемной встретили меня с повышенным интересом. Разумеется, моя персона заинтересовала их только потому, что я накануне оказался гостем их шефа-американца. Видно, далеко не каждый удостоивался такой чести.

— Отвратительно! — отозвался я, заранее зная, какой последует отклик.

— Все мы так начинали, — сочувственно вздохнула блондиночка, сидевшая в углу. — Ночевка в лагере, без гроша в кармане...

— А теперь вот мы какие, — кокетливо добавила крашенная брюнетка, поводя плечиками. — Благополучно живем, стали журналистами или служащими, нам неплохо платят. Нужны только выдержка и прилежание.

— А сначала вы были новичками вроде меня? И сколько времени это длилось?

— Началось это сразу после войны. А продолжалось долгие годы.

— Понятно. До тех самых пор, пока не появилась на свет божий «Свободная Европа», не так ли?

Наступила неловкая пауза. Затем Габор Тормай, муж блондиночки, в прошлом богатый помещик, вскочил:

— А что? Чего вы лично ожидали здесь увидеть?

«Прекрасно. Провокация удалась», — подумал я и ответил заранее подготовленной фразой:

— Я ожидал приличного крова над головой, хорошего питания, возможности выбрать работу. Всего того, что сулит ваша «Свободная Европа» в своих передачах таким, как я, если мы послушаемся и эмигрируем на Запад.

Поднялся шум. Страсти разгорелись. Заговорили все разом. Откуда-то появился мой новый друг Арпад и, подхватив меня под руку, увел в кабинет мистера Хилла, который и сам возник в дверях, услышав непривычные для его ушей громкие голоса и гвалт в приемной.

Плотно притворив двойные звуконепроницаемые двери, Арпад вкратце изложил директору причину и содержание спора. Американец выслушал своего подчиненного но перебивая и задумался, видимо переваривая информацию. Затем он не спеша начал говорить. Арпад переводил:

— Мистер Хилл понимает и разделяет твою взволнованность, но он желал бы обратить твоё внимание на некоторые обстоятельства, а также дать тебе один добрый совет. Пропаганда не всегда совпадает с действительностью. Стратегия «размывания коммунизма» имеет целью развалить единый социалистический лагерь по частям. Народы по ту сторону «железного занавеса», выражая недовольство, могут приблизить час своего освобождения. Поэтому сеять семена недовольства крайне необходимо...

— Простите, — прервал я переводчика, — против этого я ничего не имею. Сеять семена нужно. Только перебегающие в свободный мир жители этих стран не должны попадать здесь в условия худшие, чем у себя на родине, которую они покинули.

Хилл, выслушав меня, ответил тем же спокойным, размеренным тоном. Арпад перевел:

— Мистер Хилл считает, что твоя эмоциональность понятна и достойна уважения. Но добрый совет, который он собирается дать тебе, относится как раз к этой области. Любая самая резкая критика воспринимается иначе, если она красиво упакована. К примеру, ты сначала отметишь все то хорошее, с чем встретился здесь, в свободном мире, — люди элегантно одеты, ухожены, упитаны, веселы, а комитет «Свободная Европа» не жалеет средств, чтобы поддерживать радиостанцию, и готов на любые жертвы ради достижения справедливости и освобождения восточноевропейских народов. А уже после этого можно перейти и к критике, указать на отдельные недостатки...

Не знаю, насколько хорошо я сыграл избранную для себя роль борца за правду и справедливость, но я и дальше действовал по плану, продуманному мною ещё ночью. Я вскочил. Меня прорвало, словно долго дремавший вулкан.

— Я не затем полз под проволокой по минному полю, рискуя собственной жизнью, чтобы и здесь мне затыкали рот, как там, дома! Если и здесь, в свободном мире, надо избегать критики, то в чём же тогда разница? Где же та демократия, тот свободный образ жизни, за которые мы сидели и сидим в тюрьмах? Где, я спрашиваю, достойная человека жизнь, которую нам здесь обещали? Где она?!

Мистер Хилл с невозмутимым спокойствием дослушал до конца перевод моей пламенной речи.

— Вы политик, — прозвучал его ответ, — а потому должны знать, что между благими пожеланиями и суровой реальностью пролегает глубокая пропасть. Ваша смелость и убежденность поможет ее преодолеть. Но вы должны учитывать, что и у нас тут работают разные люди. Среди них вы найдете в вашей борьбе и друзей, и противников. Меня вы можете считать одним среди первых.

Когда мы вышли из кабинета директора, Арпад находился в экстазе. Уравновешенный по природе, привыкший скрывать свои чувства и сомнения под маской внешней флегматичности — в этом я потом убедился, — он был прямо-таки в восторге:

— Ты покори́л нашего шефа, ей-богу, покори́л!

Он тут же организовал для меня еще одно интервью на радио, и мне опять выплатили солидный гонорар. В заключение он нашел выход и с квартирой:

— Вот что я тебе предложу. Пока ты не устроился на постоянную работу, отдельной квартиры тебе не видать. Но тут недалеко, в Урлитцегассе, есть одно заведение, называется «Ледигенхейм»...

— И что же это такое?

— В дословном переводе — «пансион для одиноких мужчин». В действительности же это нечто похожее на ночлежку. Заведение это не слишком отличается от лагеря для беженцев, но по крайней мере там чисто. Ты напишешь для нас три-четыре статьи, получишь гонорар, этих денег на месяц-полтора тебе хватит. А за это время что-нибудь да произойдет.

Так по протекции «Свободной Европы» я попал в «Ледигенхейм» — пансион для одиноких мужчин.

Не хотел бы я увидеть его еще раз даже во сне!

Четырехэтажное здание внутри состояло как бы из одного огромного помещения, под одной крышей, не считая двух туалетных комнат по краям. На всех этажах вдоль внутреннего балкона, словно соты, лепились тесные комнатухи, отделенные друг от друга фанерными перегородками. Вместо перекрытия сверху их покрывала проволоочная сетка. В целом пансион больше походил на гигантский крольчатник, чем на жилище для людей. Проволоочная сетка над каждой клеткой ограждала от воров, но не защищала от храпа и пьяных криков, не говори уже о запахах. Тот смешанный аромат пота, алкогольных паров и прогорклого табачного дыма я не могу забыть и по сей день.

Но зато здесь было чистое постельное белье, а в туалетных комнатах можно было принять душ. Именно это выгодно отличало пансион от лагерных бараков. За годы жизни, а особенно в период подготовки к выезду, я усвоил, насколько важны бывают сведения, полученные от швейцаров, консьержек, дворников и портье. Во все времена именно они были первыми информаторами полиции, а потому отношения с этим разрядом людей имеют первостепенное значение. Поселившись в «крольчатнике», как я его назвал, с первых же дней я постарался использовать любой повод, чтобы «отблагодарить» обслуживающий персонал за еще не оказанные мне услуги, при этом в размерах, значительно превышавших мои скромные возможности. Результат не замедлил сказаться. Уже в конце второй недели один из консьержей доверительно шепнул мне, что в пансионе есть несколько комнат поприличней, с отдельным входом, предназначенных для «лучших людей». Одна из них как раз только что освободилась.

В тот же день я стал обладателем действительно приличной комнатки с отдельным выходом на лестничную клетку и поднялся, таким образом, в своем постепенном вживании в венскую жизнь еще на одну ступеньку.

Конечно, я понимал, что получилось хорошо, но пока только для меня, а не для дела. Впрочем, для разведчика условия жизни имеют немаловажное значение. Часто от них, а следовательно, от психического состояния зависит его способность выполнить полученное задание.

Несравненно большую роль в развитии событий сыграло письмо, присланное мне Ференцем Надем. Это была уже несомненная удача.

Письмо было написано в теплом, дружеском тоне. И все же, перечитав его несколько раз, я уловил в нем и нечто другое. Быстрота ответа и готовность восстановить старую дружбу навели меня на мысль, что это продиктовано какой-то необходимостью. Кроме выражения своей радости по поводу моего прибытия в Вену Ференц Надь просил информировать его о положении в Венгрии, подчеркнув при этом, что он всегда считал меня самым объективным и надежным информатором, личностью с собственным «я», а потому надеется на получение вестей, что называется, из первых рук, и только конфиденциально. Проанализировав это письмо, я понял, что мог бы истолковать его цель и содержание несколько иначе. Ференц Надь рассматривал венгерскую политическую эмиграцию как своего рода систему, потребляющую энергию, однако генераторы работали все

слабее и запасы энергии иссякали. Поэтому бывший премьер, видимо, надеялся обрести во мне человека, способного подзарядить севшие аккумуляторы и создать для него, таким образом, преимущество перед другими лидерами эмиграции. Что касалось меня, то эти его намерения давали мне твердую почву под ногами и ту точку, от которой можно было танцевать дальше.

На другой день я показал письмо сотрудникам радиостанции «Свободная Европа». Они не хотели верить собственным глазам. Мой авторитет среди них мгновенно вырос.

И тут я опять едва не совершил характерную для новичков ошибку, возомнив, что отныне все препятствия уже позади, путь для меня открыт и гладок. Но прежде чем я успел почить на лаврах, к счастью, произошло событие, заставившее меня несколько отрезветь, призадуматься и срочно выйти на связь с Будапештом.

ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

Вскоре я получил повестку с вызовом в жандармерию. Она пришла из Эйзенштадта, от инспектора, проводившего мою легализацию.

Не скрою, этот вызов заставил меня немало поволноваться. Я ломал голову, пытаюсь угадать, что могло произойти. Мысленно вновь и вновь восстанавливал я в памяти свои показания, поступки и слова, сказанные в разных местах, но нигде вроде бы не находил ошибки. Непонятно было также, почему вызывали меня именно в Эйзенштадт. Разве местные власти компетентны решать мои дела?

Ответ на этот вопрос я получил, лишь прибыв на место, но тоже далеко не сразу.

Господин инспектор, который еще совсем недавно так любезно проводил меня в Вену, снабдив адресом бюро радиостанции «Свободная Европа», неузнаваемо переменился. Он долго продержал меня в коридоре, а пригласив в кабинет, с угрюмым видом ткнул пальцем на стул, явно обращаясь со мной как с преступником:

— Садитесь туда, перед столом.

Полистав знакомую мне папку с делом и вычитав там что-то, он сурово предложил:

— Расскажите, как вы попали в Австрию.

— Я полагал, с этим покончено раз и навсегда.

Мои слова вызвали у инспектора приступ гнева. Он резко хлопнул ладонью по столу:

— Не вам судить, с чем покончено, а с чем нет! Мы никогда ничего не закрываем навечно, запомните это!

Сейчас трудно сказать, потерял ли я тогда самообладание или, мгновенно оценив обстановку, начал действовать сознательно, но помню, что тотчас, как бы приняв из его рук эстафету, я тоже заорал на него:

— Я не позволю говорить со мной в таком тоне! И сейчас же напишу жалобу на вас, господин инспектор, и не кому-нибудь, а вашему министру!

Инспектор опешил. Возможно, такого с ним никогда прежде не было. Он открыл было рот, потом быстро закрыл его, вновь повторил

эту операцию, ловя воздух, как выброшенная на берег рыба. А я между тем продолжал свою контратаку:

— Вы признали меня политическим беженцем, предоставили мне право убежища согласно предписаниям Женевской конвенции! А теперь вы их сами же и нарушаете?! Мое положение определяется международным правом!

Инспектор перестал ловить ртом воздух и сник. Теперь он сидел в своем кресле красный как вареный рак, с надувшимися на шее венами. Казалось, он вот-вот лопнет от злости, но ему все же удалось овладеть собой.

— Наше решение мы можем и отменить, — тихо произнес он.

— Можете, — опять перенимая его манеру, согласился я. — Но только в том случае, если докажете, что я не имею права на статус политэмигранта!

— Вот об этом-то и пойдет сейчас речь. В отношении вашей личности возникли серьезные сомнения...

Не представляю, как мне тогда удалось сохранить спокойствие или, точнее выражаясь, видимость спокойствия. Мне стало невыносимо жарко, и я испугался, что на лбу у меня выступит пот. От зорких глаз моего собеседника наверняка не укрылось бы мое волнение, а этого допускать было нельзя.

— Могу я узнать причину ваших сомнений?

Голос мой не дрожал, хотя и сел немного, это я помню твердо.

Инспектор немного пожевал губами, а потом ответил:

— Вы в своих показаниях ссылались на такие факты в вашей биографии и такие контакты, которые проверить и подтвердить невозможно. За короткое время в среде ваших эмигрантов вам уже удалось приобрести известный авторитет. Возникло подозрение, что вы вовсе не тот, за кого себя выдаете.

Я с облегчением вздохнул. Еще не зная, откуда дует ветер, я уже был убежден, что речь идет не о деконспирации или серьезной ошибке, которую я где-то мог допустить.

Без лишних объяснений я вынул бумажник, достал оттуда аккуратно сложенное письмо с американским штемпелем на конверте и протянул его инспектору. Как вовремя оно пришло!

Инспектор осторожно взял бумагу и внимательно ее прочитал. Атмосфера мгновенно переменилась. Вместо допроса последовало приглашение на обед в один из лучших ресторанов Эйзенштадта.

Разговор вновь стал дружелюбным и предупредительным, как когда-то, от официальности не осталось и следа. Инспектор в порыве откровенности даже поведал мне о том, кто состряпал на меня гнусный донос, и не на шутку сердился, что его так подло обманули. Доносчиком оказался Пал Ментеш, тот самый отпрыск рода Эстерхази, который прибыл в Эйзенштадт, а потом в Вену почти одновременно со мной.

Так или иначе, случай был неприятный и наводил на размышления. Вернувшись в Вену, я вышел на связь с Будапештом. Директива была короткой: предпринять самые решительные шаги для укрепления моей репутации.

Естественно, первым делом я отправился в венское бюро радиостанции «Свободная Европа». Мне удалось убедить мистера Хилла в том, что в интересах эффективности пропаганды очень важно с первых же минут после перехода государственной границы дать венгерским беженцам, которых прибывало все больше, почувствовать покровительство и поддержку «Свободной Европы». Главным аргументом моего «конструктивного» предложения было то, что австрийские власти согласно принятому закону сажают беглецов в каталажку и держат их там по восемь-девять дней для проверки в почти тюремных условиях.

Американец тотчас уразумел полезность моего предложения, дал мне машину, приказал закупить предметы гигиены, кое-что из белья, несколько ящиков апельсинов и отправил все это в Эйзенштадт, командировав меня и Габора Тормаи в качестве сопровождающих.

Вскоре, однако, мистера Хилла сменил другой чиновник, и после этого представители радиостанции «Свободная Европа» ни в Вене, ни в главном своем гнезде в Мюнхене не удосужились послать бедным эмигрантам даже книжек для чтения.

Кстати, командировка в Эйзенштадт окончательно закрепила мой авторитет в глазах контрразведчиков из местного управления жандармерии.

Ференц Надь в своем письме назвал мне два адреса, рекомендовав обратиться от его имени к двум влиятельным персонам — Аурелю Абрани, американскому журналисту, и мистеру Фаусту, директору венского филиала «Интернэшнл Рескью комити» — американской благотворительной организации по оказанию помощи эмигрантам.

Первый визит я нанес мистеру Фаусту. Полученные от него в довольно значительном количестве пакеты с продовольствием я отвез и распределил между венгерскими, чехословацкими и югославскими беженцами в лагере на Хайдештрассе, чем окончательно завоевал симпатию обитателей бараков за колючей проволокой. Так я поступал еще несколько раз, и с не меньшим успехом.

Нужно сказать, что делал я это от чистого сердца, ведь в большинстве случаев в этот лагерь попадали невежественные люди, сбитые с толку провокационной западной пропагандой. В то же время материальная помощь несчастным входила и в мои планы. Обездоленные люди, получающие помощь из моих рук, создавали для меня, так сказать, базу, которой не располагал ни один из эмигрантских политиков. До сих пор никто из них не обращал внимания на несчастных беженцев, их просто игнорировали, а когда наконец стало ясно, что эта масса бедняков представляет собой немалую силу, было уже поздно — обездоленные были полностью на моей стороне.

Мой авторитет и поддержка со стороны бедствующих эмигрантов имели еще одну сторону, полезную для дела: вся свежая информация поступала прежде всего ко мне. Таким образом, я и мои шефы в Будапеште могли заранее оценить, какие новости из Венгрии услышит вражеское ухо. Множество организаций, находившихся тогда в Вене, испытывали острую нехватку в такой информации, и их доверенные лица искали контактов со мной, поскольку у меня ее всегда хватало. Естественно, будапештские разведывательные органы использовали этот канал для дезинформации, а также для негласного дезавуирования действительно ценных сведений, просочившихся через границу. Наконец, моя близость к массе эмигрантов позволяла постепенно, шаг за шагом, выявлять уже действующую агентуру западных шпионских центров, а также кандидатов, намеченных ими для вербовки, подготовки и обратной переброски в Венгрию уже в качестве готовых агентов.

Само собой разумеется, достигнуть всего этого удалось далеко не сразу и не в один день, а лишь в результате долгой и кропотливой работы, потребовавшей немалых усилий и времени. Прежде чем выйти на большую дорогу, приходилось делать множество мелких шагов по узким тропинкам.

Одним из таких шагов был мой визит по рекомендации Ференца Надя к американскому журналисту, венгру по происхождению, Аурелю

Абрани.

Это имя я нашел в письме Ференца Надя, но понятия не имел о его обладателе. Не знал я и того, что речь идет о внуке известного венгерского поэта Эмиля Абрани. Обо всем этом меня информировали уже из Будапешта. Мне также сообщили, что Абрани аккредитован как газетный и радиореporter, независимый от «Свободной Европы», но в действительности он является одним из самых опытных агентов американской разведки.

Сознавая себя новичком в своей профессии, я с некоторым замиранием сердца, но и с любопытством позвонил у двери элегантной квартиры возле парка Ам Модена.

Мне открыл среднего роста, спортивного вида мужчина лет сорока пяти. На покрытом кварцевым загаром лице светились большие, по-детски добрые и ласковые глаза. Он показался мне настолько добродушным и открытым, что я даже усомнился в достоверности информации, полученной из Центра. «Мы должны доверять друг другу полностью и во всем», — пришли мне на память слова Антала, сказанные им однажды в Будапеште. Это помогло мне преодолеть первое впечатление симпатии и рассеять сомнения. Если Будапешт утверждает, что этот обаятельный джентльмен — агент ЦРУ, значит, так оно и есть на самом деле.

Мною владело странное чувство. Впервые в жизни я перешагнул порог квартиры человека, делая вид, что питаю к нему искреннее чувство симпатии, и одновременно зная, что мы с ним заклятые враги. Тем более что Релли, как его называли американцы, и в самом деле проявил ко мне дружеское расположение. Рекомендация Ференца Надя, с которым меня якобы связывали тесные узы, априори рассеяла все возможные подозрения.

Было ли все так на самом деле? От опытного агента ЦРУ трудно ожидать подобной наивности и непредусмотрительности. Между тем в Будапеште считали чрезвычайно важной задачей установить сферу деятельности Релли — Абрани и круг его связей. Директива гласила: выяснить все, что представится возможным.

Первую такую возможность мне предоставил, как ни странно, сам Релли. Услышав, что я собираюсь писать книгу о своих злоключениях и наблюдениях за последние десять лет жизни (кстати, эта книга так и не была написана, кроме нескольких страниц с целью маскировки), он предложил мне для работы свою квартиру.

Оставшись впервые в его апартаментах один, я оказался перед труднейшей дилеммой. Не знаю, способен ли я буду объяснить читателю всю сложность моего тогдашнего положения.

Прежде всего мне предстояло подавить в себе чувство стыда и голос совести. Ведь этот человек принял меня как гостя, поверил мне, пустил в свой дом, в конце концов. Имею ли я право, могу ли злоупотребить его доверием?

Иной читатель иронически улыбнется и подумает: экая чепуха, кто и когда слышал о разведчике, который мучился бы угрызениями совести? Возможно, он прав. И все-таки сделать первый шаг оказалось для меня труднее, чем я предполагал.

Нет, не только привычка к дисциплине заставила меня преодолеть это препятствие. И даже не желание честно исполнить свой долг. Пожалуй, более всего мною руководили чувство патриотизма и любовь к родине. В данном случае я не боюсь красивых слов. Разум словно продиктовал мне: «По одну сторону стоят твои чувства, по другую — благо родины, выбирай!» И я сделал этот выбор. Ставка была слишком высока.

Преодолев, как ныне принято говорить, психологический барьер, я начал осмысливать техническую сторону дела. Почему Релли не побоялся оставить меня в своем доме одного? Может быть, его секреты охраняют какие-нибудь сверхнадежные технические чудеса?

Надо было принимать в расчет и то, что технические средства защиты бывают разные. Одни просто отпугивают или поднимают тревогу, другие только регистрируют постороннее вмешательство или любопытство, в данном случае — мое поведение в квартире при полном одиночестве.

Я начал с того, что обследовал большой кабинет, в котором стоял письменный стол. Приспособлений, способных фиксировать мое передвижение, я нигде не обнаружил. Затем с величайшей осторожностью я осмотрел ящики стола, сам стол, лампу, телефон, корзинку для бумаг. Тоже не нашел ничего, заслуживающего внимания. Встроенных в стену потайных сейфов не оказалось также.

Признаюсь, я ничего не понимал. Безрезультатность поисков меня огорчила и даже рассердила. (Лишь много месяцев спустя мне удалось разгадать эту загадку: у Релли для «работы» имелась другая квартира.)

Наиболее важным шагом с точки зрения как обеспечения собственной безопасности, так и укрепления моих позиций в Вене я

считал визит в резиденцию руководства Австрийской народной партии. Мне удалось добиться приема у доктора Смекала, секретаря фракции правительственной партии в парламенте. Когда Смекал услышал, кто я такой, а потом прочитал дружеское письмо ко мне Ференца Надя, недавнего премьера соседней страны, который имел среди коллег тогда еще большой вес, он настолько проникся уважением ко мне, что тут же позвонил генеральному секретарю партии профессору Альфреду Малете, занимавшему тогда, если мне не изменяет память, и пост председателя парламента.

Меня проводили к нему. Господин Малета принял меня в свойственной искусственному политику манере: уважительно выслушав меня до конца и заверив в готовности оказать необходимую поддержку, он как бы между прочим заметил, что, поскольку в Австрии у власти стоит коалиционное многопартийное правительство, а министр внутренних дел, который ведает делами эмигрантов, является членом не их, а социалистической партии, реальные возможности влияния народной партии в этой области довольно ограничены.

Как бы там ни было, он тут же отдал меня на попечение двум своим депутатам, тихому и приветливому Эрнсту Гуту, лесопромышленнику из Пинкафельда, и Францу Штроблю, депутату от города Эйзенштадт, исполнявшему к тому же обязанности попечителя владений Эстерхази в Бургенланде.

Вскоре с помощью его величества случая я завязал еще одно знакомство, сыгравшее весьма существенную роль в последующих событиях.

Однажды утром мне вручили конверт с письмом Карла Герцога, руководителя венгерского отдела социалистической партии Австрии. В письме Карл Герцог приглашал меня посетить его в служебной резиденции, помещавшейся в Нейбагассе.

Приглашение не только удивило меня, но и возродило кое-какие надежды. Это был первый случай, когда столь значительное лицо искало контакта со мной по собственной инициативе.

Зачем я мог понадобиться социалистам? Пришлось срочно связаться с Будапештом по каналу экстренной связи. Вскоре я располагал всей необходимой информацией для этой неожиданной встречи.

В скромно обставленном кабинете, выходящем окнами во двор, навстречу мне поднялся худощавый старичок с хитроватым и умным

взглядом чуть прищуренных глаз:

— Карл Герцог.

— Миклош Сабо.

— А я уже многое о вас слышал! — Так он начал свой разговор.

— В самом деле?! — с деланным удивлением воскликнул я, предпочитая утаить, что знаю о нем все.

Как выяснилось, я знал о нем не все. Хозяин кабинета, пригласивший меня для конфиденциальной встречи, был известной политической фигурой среди социал-демократов Европы еще после первой мировой войны. Австрийский Лев Пауль — такое прозвище он получил на поприще политических битв того времени. Эмигрировав из оккупированной Гитлером Австрии, он завоевал себе авторитет и имя как социал-демократический деятель, а вернувшись на родину, вошел в близкое окружение Питтермана, будущего канцлера. По-венгерски Герцог говорил без акцента, так как долго жил в Будапеште.

— Видите ли, дорогой Сабо, — дружески объяснял мне Лев Пауль. — Австрия еще только начинает ощущать вкус самостоятельной государственности. Многие институты власти еще полностью не сложились. В то же время мы, как говорится, — и окно, и пограничный столб между двумя мирами. Естественно поэтому, что нас интересует каждая новая личность, появившаяся на горизонте политической эмиграции. — Он умолк, испытующе глядя мне в глаза, словно старался угадать, какие мысли ворочаются в моей голове и чего от меня можно ожидать. — Вы, мой юный друг, простите старика за такое обращение, не правда ли? Вы появились на этом горизонте подобно комете! Мы немного побаиваемся таких комет, ибо трудно предугадать их орбиту, а от их яркого пламени случаются порой и пожары.

— Вы пригласили меня для того, чтобы сообщить мне об этом, господин Герцог?

— Называйте меня просто дядюшка Герцог. Обещаете?

— С великим удовольствием.

Я почувствовал, что старик почему-то проникся ко мне доверием. Что же, прекрасно, контакты налаживались не только с народной партией, но вот теперь и с социалистической. Тогда я еще не подозревал, какое огромное значение для меня будут иметь эти добрые отношения несколько месяцев спустя.

Мы долго беседовали. Австрийский Лев Пауль интересовался моими планами, положением и настроениями венгерских эмигрантов,

расспрашивал о моей собственной судьбе и о том, что я собираюсь делать в ближайшем будущем. Весьма тактично он избегал таких вопросов, связанных с моим прошлым, которые я мог бы расценить как дополнительную проверку моей лояльности. Правда, в этом не было нужды, поскольку министерство внутренних дел, а значит, и жандармерия с контрразведкой находились в ведении министра-социалиста.

За милой беседой прошло немало времени, прежде чем он задал мне неожиданный вопрос:

— Вы не хотели бы со мной сотрудничать?

Застигнутый врасплох, я ответил довольно глупо:

— Вы имеете в виду социалистическую партию?

Старик рассмеялся. Сосредоточенное, серьезное лицо его вдруг покрылось сетью веселых морщинок, а в глазах мелькнул лукавый огонек.

— Нет, нет, я вовсе не думаю склонять вас к выходу из вашей партии! Оставайтесь в ней на здоровье!

— Тогда я вас не понял.

— Оно и заметно! — Старик продолжал веселиться. Затем вновь перевел разговор в серьезное русло: — Понимаете, мой юный друг, я редактирую и выпускаю один небольшой журнальчик, вернее сказать, бюллетень. В этом бюллетене я информирую заинтересованных лиц о положении в Венгрии. Важно, чтобы новости в нем были посвежее и, главное, подостовернее. Моим сотрудником, который сейчас этим занимается, я недоволен. Ну так как, возьметесь?

Закончил он свое предложение так же неожиданно, как и начал. Выдержав минутную паузу, он сказал:

— Вы будете получать тысячу шиллингов в месяц. Вполне достойный гонорар, а главное — постоянный.

Материальная сторона предложения дядюшки Герцога и впрямь выглядела привлекательно. Рабочий в те времена получал в Австрии пять с половиной шиллингов за час работы, мастер — одиннадцать, а оклад служащего не превышал двух тысяч шиллингов в месяц. Что же касалось моральной стороны, то тут далеко не все было в порядке: дядюшка Герцог в деликатной форме предлагал мне заниматься сбором информации, иначе говоря, обыкновенным шпионажем. Понятие достоинства не всегда измеряется деньгами.

Более того, теперь, прожив долгую жизнь, я смело могу утверждать: на Западе хорошо платят вовсе не за самые достойные дела, а наибольшие доходы редко являются результатом честного труда.

Впервые я попал в такое положение, когда в критический момент не мог запросить совета из Будапешта. Нужно было все решать самому, и к тому же немедленно. И хотя впоследствии мне много раз приходилось оказываться в подобной ситуации, а проблемы были куда более сложные и важные, порой даже имевшие международное значение, я решал их быстро и смело. Но тут принятие решения досталось мне нелегко.

На обдумывание времени не оставалось. «Если я соглашусь, что скажут в Будапеште? Если нет, будет ли у меня еще такая возможность войти в доверие к Герцогу? А кроме того, как оценят мой отказ те, кто наблюдает и взвешивает, как на аптекарских весах, каждый мой шаг, каждый поступок? И не является ли это предложение прямой провокацией одной из секретных служб? Тестом, на котором меня проверяют?...»

— Благодарю, дядюшка Герцог, за вашу заботу обо мне. Право, когда я полз под проволокой через границу, то никак не думал, что в свободном мире меня ждет постоянный заработок, падающий прямехонько с неба!

Мы оба весело рассмеялись.

УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ С АГЕНТАМИ ЦРУ

Сравнив меня с внезапно появившейся на горизонте кометой, дядюшка Герцог руководствовался житейской мудростью пожилого человека. Однако сказав это, он умолчал о том, что любая комета, сгорая сама, может уничтожить все, что попадает на ее пути.

События, происходившие со мной, развивались с невероятной быстротой. Еще несколько недель назад о моем пребывании в Вене почти никто не знал. За чрезвычайно короткое время я познакомился со многими известными деятелями Австрии, хотя по-прежнему скромно проживал в пансионе для одиноких мужчин. Само собой разумеется, органы австрийской безопасности, видимо следившие за мной, были немало удивлены этим.

Мои руководители, когда мне удавалось связаться с ними по установленному каналу и получить их советы, предупреждали меня об опасности, связанной с моей излишней популярностью. Они рассчитывали на то, что я буду «вживаться» в обстановку довольно длительное время, и опасались, что поспешность в этом деле может только навредить. Меня же тогда охватило нетерпение, свойственное молодым людям. В свое оправдание могу заметить, что события и без моих усилий развивались довольно быстро. Мне следовало действовать по-умному, считаясь с бегом времени; сначала я намеренно искал полезные для меня связи, а затем они завязывались сами по себе, порой даже помимо моего желания.

События захватили меня и понесли, как бурлящий поток несет утлую лодочку. Если бы я вдруг решил выйти из нее на берег, то это мне ни за что бы не удалось. Единственное, что я мог делать — это следить за тем, чтобы не упасть в воду и не утонуть.

Я несколько не удивился, когда однажды снова получил по почте очередную повестку, в которой мне предлагалось явиться в отдел столичной полиции, занимавшийся контрразведкой.

Я пошел туда не один: меня сопровождал Эрнст Гут, депутат австрийского парламента. Несколько опередив меня, он вошел в кабинет начальника полиции, чтобы выразить ему свой протест. В то

время я уже числился у руководителей народной партии персоной грата, и потому они расценивали этот шаг полиции как оскорбление моей личности.

Его действия, разумеется, заметно сказались на ходе самого допроса. Наиболее щекотливые вопросы мне задавали на удивление тактично. Офицеры столичной контрразведки продемонстрировали на сей раз великолепные дипломатические способности, однако за их хитро сформулированными вопросами скрывались более опасные ловушки, чем те, которые они расставляли мне до этого. Мне пришлось взять себя в руки, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы в ходе этой так называемой светской беседы, во время которой подавались и кофе и коньяк, не оказаться задушенным кольцом любопытных вопросов, как беззащитный кролик — кольцами удава.

Этот допрос оказался для меня тяжелым, так, по крайней мере, мне самому тогда казалось, хотя моя голова работала четко, словно компьютер. Успокаивало только то, что я понимал — много вопросов у допрашивающих быть не могло. Неожиданно в кабинете зазвонил телефон. Оказалось, что начальник полиции изъявил желание лично познакомиться со мной.

Меня с такой поспешностью перевели в другой кабинет, что я даже опомниться не успел.

В кабинете у начальника полиции, куда я вошел, уже сидел Эрнст Гут, который как ни в чем не бывало пил с ним пиво. Почти подружески они и меня пригласили отведать великолепного австрийского пива. За четверть часа, что я провел там, мне не было задано ни одного вопроса.

«Но почему меня ни о чем не спросили? К добру ли это? И что, собственно, за всем этим кроется?» Эти вопросы теснились у меня в голове, но ответа на них я не находил.

Мне все стало ясно, когда пришло время распрощаться и я вышел из кабинета за плащом и портфелем. Я сразу же обратил внимание на то, что портфель мой лежал не на том месте, где я его оставил. Вывод напрашивался один — в мое отсутствие портфель тщательно обследовали.

Это был довольно примитивный прием, который австрийские контрразведчики, видимо, позаимствовали у своих американских коллег. Было более чем глупо попасться на такой простой крючок. Я понимал, что моих противников в первую очередь интересует моя

реакция. Отреагирую ли я на этот шаг как профессионал? Да и вообще замечу ли я это? Или, быть может, и словом не обмолвлюсь? А если стану протестовать, то каким именно образом?

Я с небрежным видом надел плащ и взялся за ручку портфеля. Никогда в жизни я не отличался особой педантичностью, так как был человеком сугубо гражданским, но постоянным в своих привычках: я любил, чтобы все бумаги у меня всегда лежали там и так, где и как я положил их.

Итак, взяв портфель в руки, я, конечно, сразу заметил краешек листа бумаги, который торчал из него.

Демонстративно поставив портфель на стул, я открыл его, а затем внимательно, но все более и более распаляясь, осмотрел содержимое.

— Что-нибудь случилось, господин депутат? — С этим вопросом ко мне подошел капитан полиции доктор Герцеле, офицер контрразведки.

— Кто-то рылся в моем портфеле! — выкрикнул я нервозно.

— Этого не может быть! — возразил капитан.

Как мне показалось, он неплохо сыграл, но и я не собирался уступать ему. Резким движением я подвинул к нему портфель:

— Посмотрите сами! В нем все бумаги перепутаны!..

— От души сожалею, мы не хотели волновать вас, господин депутат, — попытался успокоить меня капитан. — Стул случайно толкнули, он упал, и содержимое вашего портфеля вывалилось на пол.

Я начал так кричать, что на мой крик прибежали депутат австрийского парламента господин Гут и начальник полиции.

— Я попрошу не обращаться со мной подобным образом! Бумаги не могли выпасть! Мой портфель был закрыт! Что за отношение к политическому деятелю, перебежавшему к вам?!

Начальник полиции бросил взгляд на доктора Герцеля и еле заметно кивнул.

— Даже проявляя к вам некоторое недоверие, мы в то же время защищаем ваши интересы, — словно извиняясь, произнес капитан. — Мы обязаны проверять всех без исключения, так что уж вы на нас не обижайтесь.

— Я самым решительным образом протестую против каких бы то ни было подозрений и уж тем более против подобных беспардонных проверок и обысков!.. — продолжал кипеть я.

Простой и добросердечный папаша Гут тут же откровенно высказался. Он с таким жаром возмущался, так энергично размахивал руками перед лицом начальника полиции, что просто каким-то чудом не задел его.

— Черт знает, что проделывают твои люди! Имей в виду, по этому поводу я сделаю запрос министру внутренних дел!

Нас с трудом удалось утихомирить. Я еще поворчал некоторое время, а затем сделал вид, будто полностью убедился в том, что вся эта акция была проделана исключительно в интересах свободного мира.

Тем временем события развивались так, что мои руководители из Будапешта начали поторапливать меня, требуя соответствующей информации. Правда, особенно многого они от меня и не ожидали, так как для получения солидных сведений прошло слишком мало времени, особенно если учесть перспективу на будущее, тем более что начальство постоянно предупреждало меня о том, чтобы я был предельно осторожен. Работу разведчика часто можно сравнить с искусством составления мозаичного панно: с усердием трудолюбивого муравья он собирает сотни различных сведений, прилаживает их одно к другому, ищет между ними связи до тех пор, пока не складывается единая цельная картина.

В то время венгерские диссиденты почти регулярно получали через меня различного рода помощь: продовольствие — от Международного комитета, а одежду — от австрийского Красного Креста. Это был первый случай за время моего пребывания за границей, когда мне не пришлось выклянчивать помощь у руководителей этих организаций, которая доставлялась в определенное место, и каждый из нуждающихся мог выбрать себе что-нибудь из одежды или обуви. В этой связи мой авторитет среди эмигрантов необычайно вырос, и мне без особого труда удалось завоевать их доверие.

Через несколько месяцев Австрия превратилась во «фронтное государство», так как на ее территории нашли себе убежище многие политические и военные эмигранты, а также агенты некоторых западных разведок. И пока, образно выражаясь, все они опомнились и пришли в себя, я, если так можно сказать, держал свою руку на пульсе жизни венгерской эмиграции.

Я уже точно знал, что представляют собой молодые венгерские эмигранты, которые однажды исчезают из лагеря, чтобы вернуться туда

через несколько дней, причем так же неожиданно, как они его и покинули, или же исчезнуть раз и навсегда. Не являлось тайной для меня, а следовательно, и для венгерских органов разведки, куда и с какой целью они исчезали, кто их отбирал и направлял для выполнения разного рода весьма сомнительных заданий.

Постепенно передо мной вырисовалось несколько различных направлений. Мне стало ясно, что общая масса диссидентов была как бы окружена множеством людей, на первый взгляд независимых друг от друга, в большинстве своем даже работающих друг против друга, но все-таки руководимых из одного центра.

Сотрудники радиостанции «Свободная Европа», «Венгерского национального комитета», возглавляемого полковником Михаем Надем «Объединения свободных граждан Европы», информационного агентства Вегас, американские журналисты с Вестбанштрассе — все они охотно покупали всякие новости, военные и промышленные тайны, документы и венгерскую одежду.

Землевладелец граф Йозеф Палфи, генерал-лейтенант Бела Лендьел, майор авиации Шандор Кестхейи охотно давали деньги на своих людей. Избранные собирались в Зальцбурге в одной из гостиниц, а оттуда их путь шел дальше и вел в филиал ЦРУ в Берхтесгадене.

Старший лейтенант Элек Такач из «Союза венгерских борцов» по поручению нилашистского генерала Андраша Зако собирал секретную информацию и вербовал людей. Иштван Миклади, он же Карл Кеплер, он же Михаэль, сначала занимался тем же самым в интересах английской разведки, а затем в интересах западногерманской шпионской организации генерала Гелена.

Каждую из точек, которые постепенно вырисовывались передо мной, прочная нить, словно нить паутины, связывала с одним общим центром сплетения — с ЦРУ.

Таким образом, теперь уже было ясно, что вся подрывная деятельность, направленная против народной Венгрии, планировалась и направлялась из единого центра.

От возвращавшихся из Зальцбурга и Берхтесгадена молодых людей я в подробностях относительно легко узнавал о том, что произошло с ними. Сами они по молодости считали все это лишь обычными приключениями.

Через некоторое время можно было сделать вывод, что враги нашей страны поставили перед собой три цели, а именно — собрать как

можно больше достоверных сведений о вооруженных силах, военном производстве и военном потенциале Венгрии; заслат в Венгерскую Народную Республику большое количество своих агентов; подготовить из числа эмигрантов диверсантов, способных выполнить любое задание.

Разумеется, одновременно с ростом числа моих знакомых возрастало и количество вопросов, на которые я должен был отвечать. А в Будапеште хотели знать как можно больше всяких подробностей.

Самым главным моим противником являлся Аурель Абрани — Релли, которого я долго не мог раскусить. Попытаюсь объяснить это.

Релли принял меня как своего лучшего друга. Позднее он не только регулярно приглашал меня к себе, но иногда даже предоставлял в мое распоряжение свою квартиру, чтобы я имел возможность спокойно поработать. Трудно было поверить в то, чтобы прекрасно подготовленный американцами агент полностью доверял мне. За этим доверием ко мне, которое никак не вязалось со здоровой логикой, мне следовало искать какую-то хитрую ловушку. Со стороны же наши отношения можно было принять за хорошую дружбу.

Однажды я распределял продукты в лагере среди венгерских беженцев. Человек, предоставивший эти продукты, высказал пожелание, чтобы я лично осуществлял контроль за их распределением. Когда я закончил эту работу, часы показывали уже почти полночь. Тогда я еще жил в пансионе для одиноких мужчин на окраине Вены. Общественный транспорт уже закончил работу, а такси в городе еще не было. Мне ничего не оставалось, как пуститься пешком в путь за несколько километров.

В ту зиму в Вене стояли пятнадцати — двадцатиградусные морозы, а последствия моего декабрьского купания при переходе границы все еще сказывались на моем здоровье. Однажды у меня подскочила температура. Меня забрали в больницу, подозревая воспаление почек. Единственным человеком, который навестил меня в больнице и настойчиво, почти силой заставил взять деньги на необходимые расходы, оказался Абрани. Более того, когда я после выздоровления зашел в административный отдел клиники, чтобы оплатить там счет за лечение, оказалось, что Релли заранее оплатил его.

Все это поставило меня в странное, я бы даже сказал, противоречивое положение. Сам по себе возникал вопрос: может ли быть таким сентиментальным профессиональный шпион? И может ли в

моей душе появиться симпатия или какое-нибудь чувство, похожее на дружбу, по отношению к врагу?

Я бы покривил душой, если бы сказал, что разобраться в этом не составило для меня труда. Я очень много думал над этим, но, так и не найдя ответа на свои же вопросы, вышел на улицу, чтобы хоть немного развеяться. Я всегда имел обыкновение пешком прогуливаться по городу, бродя как по центру, так и по окраинам, знакомясь по дороге с тупиками, проходными дворами, переулками и закоулками, короче говоря, со всем тем, что в один трудный день помогло бы мне скрыться. Вот тогда-то мне и пришлось заглянуть в душу к себе самому.

В течение нескольких суток я как бы находился в кризисном состоянии, размышляя, не обыскать ли мне дом человека, который принял меня как друга, а затем оставил в нем одного.

Когда я после мучительных сомнений решил сделать это, меня словно по голове ударили и у меня возникло подозрение: а что, если предоставление мне такой свободы в его доме есть не что иное, как своеобразное испытание? А вдруг Релли все же не доверяет мне?

Почти сразу же всплыл и другой вопрос: а что сделает Аурель Абрани, когда узнает, что я — человек с другой стороны, из социалистической Венгрии?

Я был более чем уверен, что Абрани доложит об этом своим американским хозяевам. В этом отношении нельзя было рассчитывать ни на его дружбу, ни на снисхождение.

Как только я до этого додумался, мне сразу же стало легче. Решение пришло само собой: я и впредь должен рассматривать Релли как друга, но одновременно с этим видеть в нем умного и опасного противника.

В следующий раз, когда он снова оставил меня одного в доме, я решил еще раз внимательно осмотреть всю квартиру с целью найти в ней скрытые камеры, микрофоны и прочие технические средства подслушивания и подсматривания.

Я так и сделал, однако снова ничего не нашел. В растерянности я не знал, что и думать. Мои поиски снова ни к каким результатам не привели. Более того, на этот раз даже ящики письменного стола оказались незапертыми. Теперь у меня не оставалось сомнений в том, что мой друг со спокойной совестью может оставить в своей квартире любого человека, так как все свои секретные документы он хранит в другом месте.

Но, спрашивается, где? Этот вопрос интересовал меня все больше и больше. Прошел не один месяц, прежде чем я попал на след интересовавшей меня тайны, который вывел меня на определенный адрес: Вена, Плетцлайндорферштрассе, дом номер 68, где жильцом числился некто Гец.

Я выяснил, что всю секретную документацию Аурель Абрани держал на вилле этого известного торговца душами.

Спустя несколько недель после своего открытия я уже добился небольшого успеха. Как-то под вечер Релли задал мне вопрос, от которого мое сердце забилося учащенно:

— Скажи мне, Миклош, у тебя в Будапеште есть друг, на которого можно было бы положиться?

— Что ты подразумеваешь под этим? — осторожно спросил я его.

— Что он должен быть достаточно смелым и политически близким к нам.

— Такой, конечно, есть, — ответил я, немного подумав.

— Мне нужна кое-какая информация, в несколько большем размере, чем прежде, и, разумеется, из нового источника. Я гарантирую, что все старания твоего друга будут оплачены.

— Видишь ли, Аурель, человек, о котором я подумал, будет выполнять такое поручение безвозмездно, руководствуясь лишь патриотическими чувствами. К тому же никакими деньгами нельзя оплатить тот риск, которому он станет подвергать себя.

Аурель улыбнулся. Он хорошо знал, что некоторые люди способны сделать за деньги. Однако он довольно дипломатично продолжал объяснять мне:

— Дело в том, что те, кто нам захочет помочь, должны жить лучше тех, кто ничего для нас не делает. Я твоим друзьям, если они регулярно станут присылать мне информацию, буду платить по две тысячи форинтов ежемесячно.

Я чуть не присвистнул — ведь в ту пору две тысячи форинтов были немалыми деньгами. Слесарь-инструментальщик пятого разряда, выполняющий норму на 170 процентов, приносил домой всего тысячу двести форинтов в месяц.

Его слова насторожили меня. Если человеку предлагают две тысячи форинтов в месяц, значит, шпионаж является не чем иным, как очень выгодной сделкой. Любопытно только, какую информацию он

потребуется за эти деньги? Интересно и то, каким образом сведения будут поступать сюда, а деньги пересылаться туда?

Долго мне ждать не пришлось. Как только я назвал Аурелю три фамилии, он попросил меня послать каждому из этих людей по одной открытке из Вены, в которых я должен упомянуть им о соответствующей дотации, а для лучшего стимулирования написать еще и о том, что в ближайшем будущем они получат по почте на свой адрес письмо, в котором между строчек чернилами для тайнописи им будет сообщено секретное задание.

И тут я заупрямился.

— Я не стану такое писать! — заявил я, к огромному удивлению моего друга.

— А тебе и не надо этого делать. Задание им напишет мой человек.

— Все это очень и очень ненадежно. Я не могу подвергать людей такой опасности.

— Ради бога! — Аурель по-настоящему рассердился. — Только такой наивный человек, как ты, может так думать. Твои письма и все остальное доставят твоим знакомым не по почте. Им передадут их надежные люди.

Я понял, что ему очень нужны адреса моих людей. Мне было хорошо известно о внутренней борьбе, которая велась на радиостанции «Свободная Европа», а также о том, что яростным противником Ауреля Абрани был последователь мистера Хилла — влиятельный мистер Джиди. Инстинктивно я чувствовал, что если сейчас же что-либо не выведаю у Релли, то позже у меня вряд ли появится такая возможность.

— А где гарантия, что твой человек не работает на венгров?

— Он уже не один год является моим сотрудником. Из-за него еще никто не провалился.

— Твоего агента могут арестовать, а письмо — это уже вещественное доказательство. Чернила для тайнописи — тем более. Из-за всего этого он может очутиться на виселице.

Аурель вздохнул и посмотрел на часы.

— Хорошо, — проговорил он наконец. — У нас есть еще полчаса. Я тебя познакомлю с этим человеком. Встретишься с ним и сам убедишься в моей правоте.

Мне и до сих пор непонятно, как такой опытный агент, как Релли, мог попасться так легкомысленно, согласившись устроить мне встречу со своим связником.

Возможно, что основной причиной, которая питала доверие Ауреля ко мне, стало то, что я был членом партии мелких сельских хозяев и личным другом Ференца Надя. Второй же причиной, вероятно, было то, что между Абрани и Джиди велась острая конкурентная борьба и Аурель старался действовать так, чтобы получаемая им информация отличалась и качеством, и количеством. В данном случае согласие Ауреля следовало рассматривать как своеобразный тактический прием, к которому он прибегнул.

Через полчаса в дверь позвонили. Аурель вышел из комнаты и вскоре вернулся с высоким видным мужчиной средних лет, который был одет в форму капитана венгерского пароходства.

— Ну, я вас сейчас представлю друг другу... — сказал Релли и познакомил нас, а затем повернулся ко мне: — Теперь ты согласишься, что твое послание дойдет до адресата без всякого досмотра венгерскими таможенниками?

Я, разумеется, поверил и постарался получше запомнить личность капитана, чтобы поточнее описать его Центру, а уж наши контрразведчики знают, что им следует с ним сделать.

ГОСПОДИН ТЕПЛИ ИЗ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА

Аурелю Абрани я был обязан еще одним знакомством. Господин, которому он представил меня, был австриец, хотя безупречно говорил по-венгерски. Одну ногу он потерял на войне, что, однако, не помешало ему оставаться веселым и жизнерадостным человеком. Он занимался парусным спортом в одном из красивейших рукавов Дуная, более того, пытался и меня увлечь этим видом спорта.

Я знал, что этот человек — офицер вновь созданной австрийской армии, но о том, что он майор разведки, мой новый знакомый сам сказал мне позднее, во время одной из наших прогулок под парусом.

По понятным причинам я не называю ни его имени, ни фамилии, так как не хочу омрачать его спокойную старость, если он еще жив. Пока мы с ним хорошо не подружились, он называл себя Стефаном Тепли. Этим именем и я буду называть его в своих воспоминаниях.

— Давайте заключим с вами джентльменское соглашение, — предложил он мне в один прекрасный день, когда яхта плавно скользила по водной глади. — Будем взаимно обмениваться важной информацией.

— Как изволите понимать вас?

— Надеюсь, вам известно, какие размеры приняла в наши дни гонка за получением ценной информации? Кое-кто из руководителей нашей полиции каждый протокол немедленно передает для ознакомления американцам. К нам же, в военное министерство, многие новости попадают с заметным опозданием.

— И все же я вас не понимаю.

Он поправил парус, тщательно завязал очередной узел и только после этого ответил:

— Вы передаете мне новости, поступившие к вам из первых рук, а я в свою очередь знакомлю вас с протоколами, которые ведутся в нашей центральной полиции. Таким образом, оба мы будем иметь более полное представление о событиях, которые происходят в мире.

— И какая же мне от этого польза, мой друг?

Он сделал нетерпеливый жест:

— А вы подумайте получше! Любому политику всегда выгодно знать больше других.

— Не в меньшей степени заинтересован в этом и разведчик.

Мы понимающе улыбнулись друг другу. Он решил, что я его правильно понял. Я же подумал о том, что для меня будет очень важно получить возможность знакомиться с полицейскими протоколами, которые ведутся по секретным делам.

— Хорошо, договорились! — согласился я.

И в тот же миг он повернул свою яхту к берегу, воскликнув:

— Это событие нам обязательно надо отметить! Выпьем-ка мы пива!

Господин Тепли был убежден в том, что совершил выгодную сделку. Он наверняка хорошо знал положение венгерских эмигрантов, и ему было известно, как они тянулись ко мне; как-никак, а факт оставался фактом — все прибывающие в Австрию эмигранты незамедлительно попадали под мое крыло, а это имело для них большое значение.

Само собой разумеется, господин Тепли, как и дядюшка Герцог, получали от меня только ту информацию, которая так или иначе попала бы к ним в руки, разве что чуть позднее, чем им этого хотелось бы. Таким образом, мне предоставилась возможность распространить несколько вводящих в заблуждение новостей, получив взамен материалы, одна часть которых знакомила нас со способами и методами допросов, проводимых политической полицией, а другая показывала, в каких именно местах какие военные и промышленные объекты вызвали огромное любопытство у наших противников. Из протоколов становилось известно, какие показания давали венгерские эмигранты на допросах.

Одно известие следовало за другим, а одна новая связь неизбежно рано или поздно вела к другому знакомству. Наиболее важную информацию я немедленно передавал в Центр, чтобы там после соответствующей ее оценки предприняли нужные меры.

Правда, много времени и труда ушло впустую. Однако те немногие важные сведения, которые я получил, с лихвой окупили и потраченное время, и усилия.

Однажды я встретился с семнадцатилетним Йошкой Токачели, проживающим сейчас в Швеции.

— А знаете ли, Миклош, — спросил он меня, — что один молодой человек, блестяще говорящий по-венгерски, ходит по лагерю и за деньги ищет болтунов?

Это известие меня, однако, нисколько не удивило. Я и раньше уже не раз слышал об агентах, которые, пользуясь нищенским положением эмигрантов — венгров, чехов, югославов, находившихся в лагерях для перемещенных лиц, — за гроши скупали различного рода информацию, а затем вербовали из их числа агентов.

— А почему об этом ты рассказываешь именно мне? — спросил я у парня.

Помолчав, он ответил:

— В последнее время к нам в лагерь столько всяких типов наведывалось! Разве угадаешь, кто из них провокатор, а кто доносчик, приехавший из Венгрии? В конце концов, дядюшка Миклош, вы наш руководитель... К кому же нам еще обращаться, если не к вам?

Немного подумав, я ответил:

— Послушай, Йошка, когда этот молодой человек еще раз появится в лагере у венгров, скажи ему, чтобы он зашел ко мне на квартиру. Это в его личных интересах.

— А если он не пойдет к вам?

— Тогда скажи ему, что я подозреваю его как коммунистического агента. Если же он не докажет мне обратное, я заявлю на него в венскую полицию.

Мое предупреждение подействовало. И хотя в те годы иностранные шпионы не особенно боялись молодой австрийской полиции, все же опасность провала несколько сдерживала их.

Спустя несколько дней после этого разговора в дверь моей квартиры кто-то позвонил. Открыв, я увидел на пороге высокого симпатичного молодого человека спортивного телосложения.

— Это вы господин Миклош Сабо... — скорее утвердительно, чем вопросительно, проговорил пришедший.

— Да. С кем имею честь?

— Вы меня вызывали, потому я, собственно, и зашел к вам...

Я пригласил незнакомца в свой кабинет. Предложил сесть, угостил коньяком, незаметно наблюдая за его еще совсем юным лицом с высоким умным лбом и холодно блестящими глазами. Тогда я, разумеется, и не мечтал о том, чтобы извлечь из этого знакомства какую-то пользу. Это произошло значительно позже.

Я старался не спешить, полагая, что поспешность в подобных случаях отпугивает или вызывает подозрение и рождает у собеседника излишнюю бдительность. Именно поэтому я задавал ему самые безобидные вопросы, такие, какие я обычно задавал своим подопечным, чтобы в последующем иметь возможность защищать их интересы, что считал своей прямой обязанностью.

— Я знаю, что вы посещаете лагерь для перемещенных лиц в Зиммеринге и там уговариваете людей, чтобы они давали вам какие-то показания. Мне необходимо знать, на кого вы работаете?

Мой собеседник докурил свою английскую трубку, а затем флегматично спросил:

— А с какой целью?

Я хорошо знал, что мой столь решительный шаг мог привести к двум последствиям: во-первых, покровители этого типа принимают меня, видимо, за того, кого они хотели бы во мне видеть, однако, во-вторых, я мог добиться и обратного. Поэтому мне пришлось взять себя в руки и следить за каждым своим словом и жестом.

— Вам, видимо, известно, что я являюсь бывшим депутатом парламента и одновременно политиком, который на своем боевом посту защищает интересы так называемого свободного мира. Вы же, возможно, являетесь агентом органов безопасности Венгрии...

Пока я все это говорил, мой собеседник с завидным спокойствием выпускал изо рта густые клубы дыма и, когда я закончил, спросил:

— И какую же цель я преследовал бы в этом случае?

— Например, вас могло бы интересовать, с каким «багажом» они прибыли из Венгрии. Поинтересовались бы их связями, занялись вымогательством, ссылаясь при этом на родственников, которые остались на родине. Вполне возможно... — здесь я для пущей убедительности сделал небольшую паузу, — ...что самых важных из эмигрантов вы попытались бы уговорить уехать обратно или же... убить!..

Сейчас все это, вполне понятно, может показаться несколько театральным и даже комичным. Однако тогда, летом 1956 года, когда велась настоящая психологическая война против социалистической Венгрии, к моим словам следовало отнести совершенно серьезно. К тому же «раскусить» своего гостя и узнать, на кого он работает, я смог бы только в том случае, если бы мне удалось убедить его в том, что ему грозит серьезная опасность, от которой я могу избавить его.

Мой гость вынул изо рта трубку, не спеша выбил ее и только после этого сказал:

— Господин депутат, я с вами абсолютно согласен. Пожалуйста, вот мой паспорт. Зовут меня Миклош Немет, а работаю я на графа Йожефа Палфи.

И сразу все встало на свои места. Мне было известно, что граф Палфи — один из самых активных агентов ЦРУ в Австрии. Правда, несмотря на заявление молодого человека, я отнюдь не был твердо уверен в том, что Немет является агентом Палфи, но в том, что он был связан с ЦРУ, я нисколько не сомневался. Вопросом для меня оставалось только то, на каком уровне он занимался шпионажем, какие задания выполнял и в каком кругу вращался и действовал.

Я не стал спешить с более подробными расспросами. Я только «прощупал» его, на что меня толкал здравый смысл, ибо я знал, что будет еще и завтрашний день. И этот день действительно настал.

После того случая Миклош Немет довольно часто навещал меня. Между нами возникла некоего рода симпатия, он охотно захакивал ко мне выпить рюмку коньяка, выкурить трубку и поболтать.

Время шло, а я ни на шаг не продвинулся вперед в своих намерениях. И вот однажды мое терпение было вознаграждено.

К тому времени у меня уже появилась собственная секретарша. Однажды под вечер, когда я вернулся домой, она сообщила мне, что в моем кабинете меня дожидается молодой человек, который своей трубкой прокурил всю квартиру.

Когда я вошел, мой молодой друг встал. Мне сразу же бросилось в глаза, что от его обычной флегматичности не осталось и следа, но на всякий случай я решил придерживаться своего правила и ни о чем его не расспрашивать.

После второй рюмки коньяка он неожиданно спросил:

— Господин депутат, вы предоставите мне убежище, если я настойчиво буду просить вас об этом?

От неожиданности я чуть было рюмку не выронил. Голову пронзила мысль: «Уж не ловушка ли это? А может, просто самая обычная счастливая случайность?»

Как ни трудно мне было, но я тоже старался держать себя так, будто меня все это мало интересовало.

— Только в том случае, если у вас для этого найдутся серьезные основания.

Судя по всему, мои слова в какой-то степени успокоили его.

— Прошу вас, выслушайте меня внимательно. Я все расскажу.

— Если вы настаиваете, то пожалуйста.

— Так вот... Из Венгрии я уехал пятнадцатилетним парнем. Не буду подробно рассказывать о причинах своего поступка; важно то, что очень скоро я попал в лапы агентов ЦРУ. Они должным образом обучили меня. Я занимался шпионажем в советской зоне оккупации, шатался возле военных объектов, не раз выполнял различного рода диверсионные задания на русских аэродромах и в казармах. Кто мог обратить внимание на пятнадцатилетнего мальчугана? Это, так сказать, было моим основным козырем. Помогала, конечно, и отчаянная смелость, на какую обычно бывают способны лишь подростки. Мне даже нравилось то, что я делал. Мои шефы заметили мое усердие и послали учиться в разведывательную спецшколу. В берхтесгаденский центр я попал уже будучи офицером. Я сделал неплохую карьеру, однако еще лучшую мог бы сделать в будущем, но... вышло так, что я поспорил со своим начальником. Поссорился из-за женщины... Сначала шеф перевел меня на худшую должность, из-за чего, собственно, мне и пришлось познакомиться с лагерем. Затем шеф настолько распоясался, что направил меня в Венгрию, но в том самом месте, где я должен был перейти государственную границу, меня поджидали в засаде австрийские жандармы. Лишь совершенно случайно мне удалось уйти от них. Нетрудно догадаться, что на мой след их навел не кто иной, как сам шеф. Вполне возможно, что по ту сторону границы меня поджидали оповещенные подобным же образом венгерские пограничники... Судя по всему, он решил избавиться от меня как от соперника...

Миклош замолчал, принялся снова раскуривать трубку. Я же с завидной торопливостью поспешил «переварить» услышанное. Сначала мне предстояло определить, не провокаторский ли это трюк? Разобраться в том, какую я извлеку пользу, если помогу этому молодому человеку, который по тем или иным причинам собирается дезертировать, было нелегко. Но труднее всего было определить, лжет мне Миклош Немет или говорит правду. Что может получить венгерская контрразведка, если я вмешаюсь в это рискованное дело? Не настрою ли я этим самым ЦРУ против себя? Однако долго раздумывать я не мог — у меня не было для этого ни минуты.

Тем временем гость мой сидел напротив меня и курил. Я же думал о том, что за девять лет службы в ЦРУ его неплохо обучили. Ему присвоили офицерское звание, он много чего знает, и вот сейчас этот человек сидит в моем кабинете и ждет от меня помощи. Мне было немного жаль его — Миклошу недавно исполнилось двадцать четыре года, — но вместе с тем меня соблазняло и то, что, оказав ему помощь, я, как говорится, насолил бы американской разведке...

Так или иначе, целых три недели Миклош Немет скрывался у меня на квартире. По вечерам он, попивая коньяк и покуривая трубку, рассказывал мне о себе, о событиях, свидетелем которых был, и о людях, с которыми был связан. Через несколько дней он полностью «раскололся» и ничего от меня не утаил. Я умело направлял его рассказ в нужное мне русло, а когда через некоторое время он с моей помощью выехал, вернее сказать, эмигрировал в одно из островных государств, расположенных в бассейне Тихого океана, мы узнали много цепного об агентуре ЦРУ в целом ряде западных стран, о наиболее крупных центрах ЦРУ, познакомились с методами и способами подготовки агентуры и ее засылки в социалистические страны.

По времени мое знакомство с Миклошем Неметом совпало с так называемым делом некоего Синчака. Ференц Синчак, офицер венгерской Народной армии, уроженец города Дебрецен, сбежал на Запад. Разумеется, и он попал в лагерь для перемещенных лиц на Хайдештрассе. Вскоре он стал известен многим, так как имел необузданный характер и питал особую страсть к различного рода шумным увеселениям. У него появился дружок — некто Тибор Бакони. Синчак был моложе Немета на три года, однако Бакони почему-то считал Синчака своим шефом, несмотря на его молодость.

Первые сведения, которые дошли до меня, свидетельствовали о том, что и Синчак, и Бакони стали жертвами одной из разведок Запада.

Сначала они занимались скупкой у своих товарищей по несчастью удостоверений личности и других документов, которые помогли бы западным разведкам при переброске в Венгрию своих агентов. А несколько позже они уже начали покупать и самих людей. За пятьдесят — сто шиллингов они брали «интервью» у этих людей, большинство из которых, находясь в очень бедственном положении, охотно рассказывали на допросах небылицы, имевшие хоть какое-нибудь отношение к Венгрии.

Разумеется, большую часть этой информации составляли малоценные сведения. Однако порой даже по номерному знаку автомашины, на которой перевозили солдат из одного населенного пункта в другой, можно было бы сделать вывод о передислокации воинского подразделения или части. Сопоставление таких мелких на первый взгляд сведений могло помочь созданию довольно точной картины как о передислокации частей, так и о поступлении нового вооружения.

Много сил и энергии отдал я в то время, чтобы разузнать, какие люди стоят за спиной таких типов, как Синчак, однако успеха не добился.

Когда я уже совершенно отчаялся, мне снова помог счастливый случай.

Тем временем я из пансиона для холостяков переселился в великолепную трехкомнатную квартиру в центре города. Сюда ко мне однажды лагерный переводчик и привел Матильду Чеко. Глаза у девушки были заплаканы. Она начала говорить, но рассказ ее все время прерывали приступы рыдания, и девушка с трудом смогла поведать мне о своей горе. Ее мучили не только обида, но и стыд, и злость...

— Они вошли в мою комнату, — продолжала Матильда свой рассказ. — Синчак сказал мне, что Душан — это один югославский парень, с которым я тогда встречалась, — не кто иной, как коммунистический шпион, и что поэтому я тоже нахожусь под подозрением. После этого они устроили у меня в квартире самый настоящий обыск. Не побрезговали даже рыться в моем грязном белье.

— А почему вы не позвали на помощь? — поинтересовался я.

— Чтобы они меня еще и избили?

— Что же произошло после этого?

Девушка снова разрыдалась, а затем ответила:

— У меня была небольшая сумма в долларах, которые я собирала, чтобы выехать за границу. Они забрали эти деньги, сказав, что это, мол, вещественные доказательства.

Я постарался успокоить девушку, посоветовал не ходить одной по улицам, особенно вечером, а сам сразу же после ее ухода, направился в лагерь.

Наконец-то настал момент, которого я так долго ждал! Это я почувствовал особенно остро.

Задиры и буяны редко бывают смелыми: они, пока встречаются с более слабыми людьми, ведут себя, как правило, нахально, однако перед более сильными обычно пасуют. В этом я убедился давно. Собственно, так было и на этот раз. Когда я вошел в комнату к этим двум «джентльменам», то по их лицам сразу понял, что они страшно испугались. Видно, они никак не ожидали, что кто-то без всякого предупреждения ворвется к ним.

Не давая им опомниться, я резко обрушился на них:

— Вчера вы незаконно и без всякого на то разрешения ворвались к Матильде Чеко и устроили у нее обыск!..

Синчак хотел было что-то сказать, но я перебил его, еще больше повысив голос:

— ...Вы подлежите наказанию и заслуживаете быть отданными под суд!

— Но ведь...

У Тибора Бакони оказались более слабые нервы. Он начал лепетать что-то невнятное. Синчак, однако, набрался смелости и нахально спросил:

— По какому праву вы суете свой нос не в свои дела?

Я не стал отвечать ему. Ведь вступать в словесные прения с такими людьми означало унижить себя. Их следовало держать на должной дистанции. Именно поэтому я перешел в решительное наступление:

— Вы украли деньги! Шиллинги, канадские и американские доллары! Оба вы жалкие воры!..

Судя по всему, до сих пор еще никто так не разговаривал с ними. Мы были одни, и им не от кого было получить поддержку. Они посчитали, что за моей решительностью скрывается сила, которой они не знали, а это всегда устрашает.

— Болтовня все это, — менее уверенно проговорил Синчак, которого я невольно принудил к обороне.

— Я считал вас умными людьми. Особенно вас, Синчак! Видимо, теми шиллингами, что вы украли вчера у девушки, вы и расплачивались в корчме «Пипп»!

Говоря это, я был уверен, что все так и было на самом деле. Слишком хорошо знал я образ жизни этих типов.

После недолгой, но показавшейся мне все-таки длинной паузы Синчак тихо проговорил:

— Вы этого не докажете.

Я понял, что выиграл этот поединок и что, если не ошибся, смогу добраться до тех, на кого эти два типа работают.

«Если одна моя «атака» удалась, — подумал я, — то почему бы не удалась и второй?» Я достал свой бумажник, в котором хранил деньги, и, зажав его двумя пальцами правой руки, с многозначительным видом похлопал им по ладони левой руки.

Синчак оказался неглупым парнем — он правильно понял мое намерение. Судя по всему, он явно занервничал.

— Ошибаетесь! — продолжал наступать я. — Девушка записала номера банкнот, а я забрал у хозяина корчмы те, которыми вы вчера расплатились.

— И что же вы хотите теперь делать? — охрипшим от страха голосом спросил Бакони.

— Передам деньги в полицию, а вам за это светит по пять лет тюрьмы.

— Вы этого не сделаете! — громко выкрикнул Синчак.

— Это мой долг.

— Поймите, что мы приходили к ней... по указанию одной секретной службы!

Оказалось, что оба они работали на службу генерала Гелена. Когда же я твердо заявил им, что сомневаюсь в их правдивости, они попросили у меня сутки, в течение которых пообещали доказать мне это.

На следующий день, к сожалению, меня не было дома, и, хотя я очень был занят, история с Синчаком не давала мне покоя. Когда же моя секретарша сказала мне, что в мое отсутствие меня по телефону разыскивала какая-то дама, которая наотрез отказалась назвать себя, я понял, что в истории с Синчаком я победил. Правда, абсолютно уверенным я почувствовал себя только тогда, когда в пять часов дня зазвонил телефон и женский голос произнес:

— Уважаемый господин депутат, я хотела бы поговорить с вами относительно Фери Синчака.

— С кем имею честь?

— Разрешите ответить на этот вопрос при личной встрече. Надеюсь, вы не боитесь встретиться с женщиной?

— А разве есть основания бояться?

Женщина засмеялась и ответила:

— Мало ли как бывает! А чтобы вы хоть немного доверяли мне, я предлагаю встретиться в центре, в кафе «Штадтпарк». Это недалеко от вас.

— Вам и это известно? — наигранно наивным тоном спросил я, совершенно уверенный, что мой адрес ей сообщили те два типа.

— О, мне известно не только это! — проговорила дама и снова засмеялась. — Так вы придете?

— Было бы невежливо с моей стороны отказать даме...

— К тому же вас разбирает любопытство, не так ли?

— Не стану отрицать этого, — признался я голосом кающегося грешника.

Итак, 20 июля 1956 года в 21 час 15 минут в кафе «Штадтпарк» состоялась моя встреча с фрау Краузе.

Меня ожидала хорошо ухоженная дама средних лет, которая, судя по всему, тщательно следила за своей внешностью, так как не желала преждевременно стареть. На шее, на пальцах и на запястьях рук у нее сверкали массивные золотые украшения. Наверное, она любила эти драгоценные безделушки, а может, просто хотела поразить меня. Официант, обслуживавший столик, видимо, хорошо знал ее.

После короткого знакомства она перешла непосредственно к делу:

— Я сотрудница организации Гелена. Синчак и Бакони — наши люди. Из-за чего вы их беспокоите?

Я решил разговаривать с ней таким же тоном и, выдержав паузу, сказал, не собираясь отвечать на ее вопрос:

— Боюсь, как бы человек, увешанный золотыми вещами, не оказался красным агентом.

— Ужасное предположение, однако... вы правы в том, что не доверяете. Следовательно, мне нужно убедить вас в обратном.

С этими словами она протянула мне свое удостоверение. Я увидел ее фотографию, прочитал фамилию. По было никакого сомнения в том, что удостоверение выдано действительно службой Гелена. Однако я мысленно решил, что раз уж мы зашли так далеко, то не грех попытаться зайти еще дальше. Я понимал, что уподобляюсь азартному игроку, ставка которого — собственная жизнь, но порой без риска не обойтись.

— У вашего удостоверения имеется один недостаток...

— Вот как?

— В настоящее время развелось столько документов, которые можно купить за деньги, в том числе и поддельных, с помощью которых отнюдь не трудно провести такого профана, каким являюсь в этих делах я.

Дама снова рассмеялась своим приятным, певучим смехом. Я же как бы получил этим первое предупреждение.

— Вы удивительно недоверчивый человек, — сказала она, перестав смеяться, и, сменив тон на более жесткий, добавила: — В конце концов, я вовсе не обязана беседовать с вами.

— Тогда зачем же вы сюда пришли?

Мой простой, но вполне логичный вопрос явно попал в цель. Фрау Краузе начала торговаться.

— Вы хотите гарантий? — коротко спросила она.

— Да, и достоверных.

— Радиостанция «Свободная Европа» подойдет для этой роли?

— Вполне.

— Завтра вы их получите, будьте спокойны. А сейчас вам все же придется ответить, почему вы привязались к Синчаку? С какой, собственно, целью?

— Прежде всего я отклоняю ваш вопрос, поскольку он задан именно в такой форме. И, если разрешите, отвечу вам вопросом. С каких это пор служба Гелена стала прибегать к помощи обычных воров?

Фрау Краузе, судя по всему, была особой закаленной. И все же она не выдержала и покраснела, правда, от злости или от стыда, я не знал.

— Парни явно ошиблись, — выдавила она из себя. — Молодым так свойственны ошибки! Однако же, несмотря ни на что, в политическом отношении на них вполне можно положиться, а мы намерены воспитать из них надежных людей.

Я тотчас же заверил фрау Краузе, что хорошо понял ее и готов забыть об этом инциденте, как только Синчак вернет пострадавшей украденные ими деньги.

Все кончилось хорошо. Деньги Матильде Чеко вернули. Гелен сохранил двух «бравых» агентов. (Мимоходом замечу, что позже Синчак сделал себе карьеру в эмиграции.) А ко мне буквально на следующий день явился Габор Тормай, бывший крупный землевладелец, самый беспардонный сотрудник радиостанции

«Свободная Европа», чтобы вполне официально подтвердить полномочия фрау Краузе.

Вот таким оказался мир западных секретных служб.

С этого момента венгерская контрразведка могла наблюдать за людьми, которые имели доступ к важной информации и обладали большим опытом.

ЛИЧНЫЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛИ

По обыкновению (думаю, что не разглашу никакой тайны), разведывательные организации очень часто прикрываются вывеской какой-нибудь фирмы. Ну и, само собой разумеется, крупная фирма имеет свои филиалы. Так и я в Вене организовал небольшое отделение.

К счастью, оно за довольно короткое время начало процветать, и притом так, что мне скоро пришлось позаботиться о штате сотрудников.

Принимая во внимание то особое положение, в котором я находился, о создании резидентуры нечего было и думать. Все задания, которые поручали мне, я выполнял лично сам, так как было бы слишком рискованно привлекать к этому других. Откровенно говоря, сама моя работа не доставляла мне столько забот, сколько некоторые эмигранты-политики. Особенно приходилось считаться с попытками похищения людей, чем, главным образом, занимались западные разведки, а также опасаться эмигрантов из среды военных.

Я намеренно пишу о попытках похищения людей, а не о покушениях на них. Живой, я был гораздо нужнее им, чем мертвый.

Учитывая такую опасность, я должен был выбрать для себя телохранителей.

Сделать это оказалось гораздо легче, чем я сначала предполагал. Занимаясь разведывательной деятельностью, я постоянно использовал существующие среди эмигрантов противоречия, с тем чтобы принести пользу родине в деле защиты ее интересов. Вокруг себя я собирал таких эмигрантов, которые были вынуждены покинуть родину в годы культа личности Ракоши, но, оказавшись за границей, не стали ее врагами, а, напротив, решительно осуждали всякие происки местной реакции.

Наши руководящие товарищи тщательно проверили личные дела тех, кто окружал меня. При этом они, разумеется, принимали во внимание тот факт, что моя деятельность могла вызвать определенный резонанс. Недоверчивость у контрразведчиков в крови. При проверке обращалось внимание на то, чтобы ни одна из отобранных кандидатур не вызывала бы никаких подозрений. Кто знает, сколько человек пришлось заменить при этом отборе? Однако игра стоила свеч. В конце концов я получил соответствующее согласие Центра.

Мне предстояло собрать вокруг себя таких людей, которые были бы глубоко убеждены в том, что все они вместе со мной работают на общее дело гражданской демократии и что потому меня нужно оберегать как от возможных нападок венгерских органов безопасности, так и от провокаций реакционеров, крайних правых и фашиствующих элементов. Вот эти-то люди, собравшиеся вокруг меня, и составили костяк небольшой группы.

Моим секретарем стал теперь Янош Ракоци. Родился он в Хедеваре, в семье крестьянина, успешно окончил гимназию. Слыл он умным, добрым и трудолюбивым парнем, не пил и не вел разгульного образа жизни. Ракоци принадлежал к числу тех немногих людей, которые сами находили себе работу и заработок. Одно время он работал в мастерской по ремонту автомобилей у Ференца Каши.

В лагере, где жил Янош, он поддерживал хорошие отношения со всеми. Благодаря помощи майора авиации Шандора Кестхейи он тоже попал в филиал ЦРУ в Берхтесгадене. Позже он много и со страстью рассказывал о своих впечатлениях, осуждал своих коллег и практикуемые там методы, причем вполне откровенно.

— Ты сделал прекрасный выбор, мой друг, — похвалил меня дядюшка Герцог, узнав о моем намерении взять Яноша в секретари. — Этот молодой человек вполне заслуживает того, чтобы его вызволили из лагеря. Я глубоко убежден, что он будет тебе верным и полезным помощником.

Я уважал дядюшку Герцога и не забыл того, что первую постоянную материальную поддержку получил именно от него, однако, думаю, излишне говорить, что я никогда и никому не доверял настолько, чтобы человек хоть в малейшей степени мог догадаться, чем я занимаюсь на самом деле.

И если недоверчивость у контрразведчиков в крови, то у разведчиков это чувство должно быть во сто крат большим. Не обладая этим чувством, моя жизнь не стоила бы и ломаного гроша и вряд ли тогда я мог бы написать эти строчки.

У меня Янош Ракоци прожил три месяца. Он принимал посетителей, которые ко мне приходили, отвечал на телефонные звонки, вел учет важных событий и встреч. В мелких вопросах, которых отнюдь не мало решается в среде эмигрантов, а также в раздаче помощи и пособий он действовал совершенно самостоятельно. Секретарь из него получился идеальный.

Однажды он постучался в мой кабинет и спросил, не уделю ли я ему несколько минут.

Я непонимающе посмотрел на него: «Чего это нашло на парня? Почему он так официален? Ведь мы часто видимся, правда, у меня почти не остается времени, чтобы поговорить с ним по душам, но в течение дня мы не раз обсуждаем с ним различные события...»

Я как раз собирался куда-то уходить, но, взглянув на лицо секретаря, сразу понял, что тот собирается сообщить мне нечто очень важное.

— Садись! Я тебя слушаю...

Он присел на краешек кресла, как человек, который не намерен долго сидеть. Однако замешательство его росло с каждой минутой.

— Ну, говори же! — подтолкнул я его после небольшой паузы.

— Возможно, ты назовешь меня мерзавцем, — заговорил он обиженным голосом, — но я должен сказать тебе об этом.

Меня охватило любопытство. И хотя я уже привык к правильному восприятию всевозможного рода сюрпризов, то, что он сказал, удивило меня.

— ЦРУ поручило мне внимательно следить за тобой и обо всем докладывать.

Не скрою, на несколько секунд я застыл на месте, точно парализованный. Никогда еще опасность не была так близка ко мне.

Я глубоко вздохнул. Пил я редко и всегда очень мало, но сейчас встал и, достав бутылку коньяка, налил две рюмки.

Когда я поставил подносик с рюмками перед Яношем, я уже полностью владел собой.

— Ты меня не выкинешь вон? — с удивлением посмотрел он на меня.

Я ответил вопросом на его вопрос:

— Скажи, почему ты мне об этом рассказал?

Вообще-то Янош не пил, но тут он залпом выпил рюмку.

— Я уже несколько месяцев наблюдаю за тобой, вижу, как много делаешь ты для наших соотечественников. Другие крадут из того немногого, что надлежит раздать нуждающимся, получая при этом высокие оклады, а ты и свое собственное часто отдаешь людям. Так как же я должен относиться к тебе после этого?

Он замолчал, и я снова наполнил рюмки коньяком.

— Благодарю тебя за откровенность и дружбу, — сказал я, подняв рюмку. — Могу я попросить тебя об одной любезности?

— Разумеется! — Он прямо-таки выкрикнул это слово, и, хотя с тех пор прошло довольно много времени, я хорошо помню, что он настолько расчувствовался тогда, что его голубые глаза мгновенно наполнились слезами.

— Забудь об этом разговоре, а своему шефу можешь докладывать обо всем, что видишь или слышишь от меня. И пусть у нас с тобой не будет ни служебных, ни личных тайн.

— Но ведь... — начал было он и замолчал, а на лице его в тот момент отразилась полная растерянность.

Ракоци стал моим первым помощником. Вторым был бывший летчик Дьюла Вете, который сначала помогал мне распределять одежду и продовольствие среди эмигрантов. Более тесная связь между ними установилась тогда, когда территориально мы находились вдали друг от друга и он уже не мог рассчитывать на мою поддержку, как прежде. Сначала мы с ним ходили играть в пинг-понг вместе с симпатичным, тихим по характеру Ласло Томаном. Для разрядки мы разыгрывали грандиозные партии в спортивном зале кафе «Бюргертеатр».

Более смелого и отчаянного человека, чем Дьюла Вете, я в своей жизни не встречал. Он в прямом смысле слова не ведал, что такое страх. Дьюла стал одним из моих главных телохранителей. Нашим верным провожатым был высокий и поджарый, узколицый и остроносый Лаци Томан.

Небольшую нашу группу дополняли три инженера, которые, правда, не были столь близки мне, как Вете. Они, когда я приглашал их, никогда не отказывались прийти. Таким образом, всего нас было семеро, а семь мужчин сообща способны сделать многое.

Вот, собственно, из кого состоял коллектив моего отделения.

Пасхальные праздники я по обыкновению проводил в «Глории». Прогуливаясь в окрестностях замка в понедельник утром, я увидел, как маленький «фольксваген» вскарабкался по горной дороге к «Глории». Я невольно восхитился водителем, который, лихо преодолев последний поворот, по довольно крутому склону подъехал прямо к зданию.

Удивление мое было беспредельным, когда я увидел, как из-за руля машины вылез не молодой лихач, а пожилой мужчина.

С ним приехали трое — два мужчины (как оказалось, братья) и одна женщина. Все они, хотя и с немецким акцентом, довольно сносно говорили по-венгерски.

Самого высокого мужчину я откуда-то знал, но сразу не смог вспомнить, где же я его видел. Однако его характерного жеста оказалось достаточно, чтобы я все-таки вспомнил: этот человек — генерал-полковник Ференц Фаркаш Кишбарнаки, который после 15 октября 1944 года был уполномоченным Салаши. Тут же мне на ум пришла и другая не менее важная деталь, которую я узнал во время учебы: он был военным советником НАТО по Восточной Европе.

Но зачем они, однако, приехали сюда? Оказалось, что все эти люди родом из этих мест. Узнав об этом, я сразу же потерял к ним всякий интерес.

Спустя какое-то время в Вену прибыл Ференц Надь. Каково же было мое изумление, когда он вдруг заявил, что хотел бы посетить Бургенланд, чтобы увидеть венгерскую границу.

Многие эмигранты говорили, что Ференц Надь уже несколько лет не появлялся в Австрии. И вдруг на тебе, объявился... Сначала Кишбарнаки, а затем Ференц Надь... Что это — случайность?

Меня всегда учили, что нельзя надеяться на случайности.

Вряд ли приезд в этот пограничный район двух столь важных персон — политика и военного — был случаен.

Чтобы найти этому какое-то объяснение, я отправился в Эйзенштадт. Мне без особого труда удалось выяснить, что генерал-полковник Кишбарнаки в своем родном городе не задержался, а отправился прямо в Вену.

Туда же вскоре приехал и Бакач-Бешшеней, секретарь по иностранным делам «Венгерского национального комитета».

За ними последовал граф Бела Хадик. Он заинтересовал меня как родственник владельца концерна универмагов Вандербильда, ворочавшего миллиардами долларов, и как один из вождей легитимистов, стремящихся к реставрации власти дома Габсбургов.

Клерикалов среди прибывших представлял Йозеф Кези-Хорват, во времена коалиции — глава демократической (христианской) народной партии.

Тибор Экхард, бывший руководитель партии мелких сельских хозяев, платный агент ЦРУ, послал в Грац свою дочь на встречу с известным шпионом генерал-лейтенантом Лендзелом.

Прибыл в Вену и Карой Пейер, бывший министр так называемой рабочей партии, дорвавшийся до власти после свержения силами контрреволюции Венгерской советской республики, которого эмигранты из числа социал-демократов считали предателем интересов рабочих. Он вел переговоры с правыми социал-демократами.

Для чего же собрались в Вене эти люди? Очень непросто было разобраться в этом.

Работа разведчика в чем-то похожа на то, чем занимается археолог, который, обнаружив несколько древних черепков, начинает прилаживать их так и этак друг к другу, чтобы получить более полное представление о целом. Если он встанет на неверный путь, ему придется начинать с самого начала. И если он обладает необходимым для этой работы терпением и знаниями, если удача сопутствует ему, то рано или поздно ему все же посчастливится воспроизвести старую амфору, воссоздать вид древнего, давно разрушенного города или даже историю некогда жившего народа. Точно так же воспроизводит общую картину и разведчик, набравшись терпения, приложив все свои знания для этого, если ему, конечно, повезет. Только интересуется его не далекое прошлое, а настоящее.

Так мы и сделали. Органы, несущие ответственность за безопасность государства, — в Будапеште, и я — в Вене сообща искали ответ на вопрос: что именно заинтересовало этих людей, заставило проявить столь большой интерес к границам Венгрии?

Вскоре мне удалось узнать, что генерал Зако от имени «Союза венгерских борцов» вызвал на так называемую конференцию взаимодействия большую часть руководителей венгерских эмигрантов. Согласно сведениям, которые я получил от своего информатора, на этой конференции должны были обсуждаться вопросы подрывной деятельности, направленной против социалистических стран. Руководители этого сблища считали, что настало время активизировать как агитационно-пропагандистскую, так и разведывательную деятельность (последнюю путем забрасывания все большего количества шпионов в Венгерскую Народную Республику).

Участники конференции возлагали большие надежды на планируемые ими подрывные акции.

То, о чем я узнал из вопросов, заданных Аурелем Абрани, показалось мне заслуживающим особого внимания.

— Ференц говорил тебе о том важном плане, который привез с собой? — однажды спросил он меня как бы ненароком.

— Мы с ним о многом говорили, — осторожно ответил я, чтобы он не понял, что мне ничего не известно.

— И об оружейном заводе тоже?

— Мельком и об этом тоже.

Я надеялся, что Релли тут же расскажет мне подробности, но он, напротив, замолчал и замкнулся. Через несколько дней, на очередной прогулке под парусом с майором Тепли, я тоже как бы случайно спросил его:

— Что вы скажете о плане с оружейным заводом?

Спросил я об этом так, как будто мне все было доподлинно известно. Делая это, я полагал, что если Тепли ни о чем не знает или же сделает вид, что ничего не знает, то он поступит как и Релли, то есть промолчит.

Однако о моих тесных контактах с Ференцем Надем было так хорошо известно всем, что даже такой опытный контрразведчик, как майор Тепли, ничего не заподозрил и раскрылся.

— А, и вы с тем же?! — раздраженно воскликнул он. — Оружейный завод им подавай! Склад оружия! О чем они только думают? Австрия должна сохранить свой нейтральный статус!

И тут меня осенило. Уж если он один раз попался на эту удочку, то почему бы мне не забросить ее снова?!

— Одного я только не понимаю... какое отношение имеет к этому господин Мандель?

(Мандель, по старой фамилии — Мандула, принадлежал к кругу наиболее верных друзей Ференца Надя.) Тепли с удивлением посмотрел на меня и спросил:

— Вы не знаете, кто такой Мандель?

— Слышал, но лично с ним никогда не встречался.

— А о некоем Захарове вы когда-нибудь слышали?

Теперь настала моя очередь удивляться, но и на этот раз я ответил, надеясь на удачу:

— Разумеется. В годы первой мировой войны Захаров был одним из известных торговцев оружием.

Тепли кивнул:

— Верно, а господин Мандель прославился тем же во время второй мировой войны и после ее окончания.

Теперь мне стало совершенно ясно, что Ференц Надь прибыл сюда по делам, связанным с оружейным заводом, а может, с созданием крупного склада оружия. Правда, завод можно было построить в какой-нибудь африканской, азиатской или даже южноамериканской стране, а крупный склад оружия целесообразно было организовать именно в Австрии, коль скоро объектом военного вмешательства оказывалось соседнее с ней государство, а именно — моя родина, Венгерская Народная Республика.

Да и сам факт проявления интересов западных разведок свидетельствовал о том, что целью контрреволюционного мятежа была выбрана Венгерская Народная Республика.

В этой связи нетрудно было понять, почему западные агентства так рьяно бросились собирать секретные данные о военных объектах ВНР и ее военной промышленности, о взаимоотношениях солдат и офицеров, о складах вооружения и боеприпасов, о препятствиях, мешающих полету к этим объектам, и тому подобном.

ВНЕШНЯЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Вопреки всему тому, что я узнал ранее, контрреволюционный мятеж в Венгрии все-таки и для меня разразился неожиданно. Не исключая, с моей стороны такое заявление может показаться невероятным, но оно соответствует истине. Одно дело знать, что аппарат, располагающий мощными средствами, работает для того, чтобы осуществить свои черные планы, и совсем другое — убедиться на опыте в том, что наше государство оказалось слабым для предотвращения такого удара.

Я говорю искренне, что отнюдь не сожалел о падении клики Ракоши. Оно было обусловлено самим ходом исторических событий. Дни периода культа личности были сочтены. Однако совершенные в тот период ошибки не могли заставить венгерский народ свернуть с пути социализма. Наш сегодняшний строй родился в крови, но мирное развитие и расцвет были для него гораздо ближе и естественнее.

Однако империалисты жаждали, чтобы в одной из социалистических стран (в данном случае в Венгрии) вспыхнул вооруженный мятеж. Они мечтали не о локальном мятеже, а о его последствиях, которые затем сказались бы как на политике, так и на морали в самом широком плане. Империалисты хотели отпугнуть страны «третьего мира» от Советского Союза, от которого те получали поддержку в своей борьбе за независимость.

Разработкой планов психологической войны занималось ЦРУ. Были выработаны всевозможные стратегические и тактические варианты, направленные на подстрекательство к вооруженной борьбе и гражданской войне, так как только в этом случае империалисты могли добиться желаемого результата.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что начало контрреволюционного мятежа в Венгрии было встречено на Западе с ликованием как со стороны официальных политических кругов, так и со стороны эмиграции.

Я старался не потерять имевшиеся у меня связи, однако никто не смог дать мне разумного ответа на то, что же на самом деле происходит на моей родине. Я оказался предоставленным самому себе, и советоваться мне было не с кем. Однако, полагаю, я не погрешу против

истины, если скажу, что руководители нашей разведки некоторое время и сами не знали, как поступать в сложившихся условиях.

Руководители из группы Ракоши, на словах отличавшиеся твердостью, на деле оказались ничтожными, слабыми людьми, особенно когда надлежало проявить себя настоящими государственными деятелями.

Эмиграция бурлила. В Вене появлялись все новые и новые группы эмигрантов. Отсюда они направлялись в Венгрию. Своим резко выраженным националистическим духом они напоминали «черную гвардию». Приезжали они в гражданской одежде, но границу переходили с оружием в руках. В основной массе это были хортистские офицеры, жандармы, военные преступники. Были здесь и бывшие владельцы заводов, фабрик и поместий, бежавшие в 1944—1945 годах из Венгрии. Всех их объединяла тоска по утраченному господству и богатствам, лютая ненависть к народному строю и стремление вернуть потерянное. Большинство из них прибывали из Баварии, Мюнхена или его пригородов, где проходили специальную подготовку в шпионских и диверсионно-террористических центрах под руководством американских инструкторов.

Ракоци и Вете каждый в отдельности сообщали мне о том, что у торговца автомашинами Ференца Каши разобрали напрокат все машины. Часть машин забрал майор авиации Шандор Кестхейи, известный как агент ЦРУ, другую же часть нанял комитет «Свободная Европа». На этих автомашинах они отправляли в Венгрию подразделения и группы мятежников, оружие и боеприпасы.

«Союз венгерских борцов» — это были люди генерала Зако — перебросил свои подразделения в Дьер. После соответствующих переговоров генерал пришел к соглашению с так называемым дьерским национальным советом. У меня защемило сердце, когда я узнал, что этот совет дал согласие на превращение Дьера в базовую территорию «Союза венгерских борцов», потребовав взамен фаустпатроны.

Не менее ужасным было и второе известие, которое сообщил мне Аурель Абрани.

— Слышал ли ты о том, — начал он флегматичным тоном, — что Куци вместе с Тормаи ведут какие-то переговоры в Дьере?

(Куци — это был Кальман Конкой, венгерский редактор радиостанции «Свободная Европа», один из издателей в Мюнхене правой эмигрантской газеты «Уй Хунгария».)

— Не думаю, чтобы в этом был какой-то смысл. Зако и его сторонники уже давно получили все, чего добивались.

Признаюсь, что, говоря это, я намеренно провоцировал Абрани на ответ, хотя, зная о его чрезмерной осторожности и профессиональных навыках, на большой успех отнюдь не рассчитывал. Мне не хотелось упускать ни единой возможности для того, чтобы получить интересующую меня информацию.

Моя попытка удалась. По-видимому, Релли просто не мог умолчать о том, что знал: его так и распирало от желания поделиться услышанным со мной.

— Нет, нет, ты ошибаешься! Комитет «Свободная Европа» разработал грандиозный план. Они создают так называемый «Задунайский парламент», который провозгласит республику в Задунайском крае и потребует ее отделения от Венгрии.

Я онемел, услышав это. Новость убила меня. Я подумал, что на сей раз комитет «Свободная Европа» разработал почти сатанинский план.

— Что с тобой? — Релли уже привык к тому, что я обычно довольно быстро реагирую на услышанное, и удивился, увидев мою реакцию.

С большим трудом я взял себя в руки. Передо мной возникли две важные задачи: развеять подозрение, которое я вызвал у Релли, и одновременно узнать как можно больше подробностей об этом плане.

— Я, видимо, устал и не понял того, что ты сказал.

— Чего ты не понял?

— Логика плана. Чем же он хорош?

Аурель улыбнулся:

— Это все потому, что у тебя нет нужного опыта. Послушай меня...

И он подробно начал объяснять мне, что западные державы во что бы то ни стало желают конфронтации с Советским Союзом. Они убедились в невозможности изменения силой статуса-кво в Европе, разработанного на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Однако если от Венгрии в ходе, так сказать, гражданской войны будет оторвана часть ее территории, а именно Задунайский край, в котором затем будет провозглашено самостоятельное государство, то это может изменить общее положение, что повлечет за собой вмешательство в дела Венгрии войск ООН, где в ту пору Запад имел явное превосходство.

В те дни я хорошо усвоил, что кроется за понятием «грязная война», которое нашло место в лексиконе ЦРУ.

Меня ужасали коварство и жестокость разработанного плана, автором которого был комитет «Свободная Европа», содержатель одноименной радиостанции, выдающий себя за общественную организацию и являющийся на самом деле своеобразным детищем ЦРУ.

Представители нынешнего молодого поколения мало что знают о той страшной локальной войне пятидесятых годов — о войне в Корее, но, к слову сказать, они много слышали о подобной войне, которую американские агрессоры развязали во Вьетнаме, о напалмовых бомбах, сжигавших города и населенные пункты и даже уличный асфальт. Они видели фотографии в газетах, на которых были запечатлены многочисленные жертвы американской агрессии.

Корейская трагедия потрясала. А в октябре 1956 года я понял, какую судьбу уготовила контрреволюция моей родине.

Мои связи с Центром сохранились. Я передавал туда сведения о надвигающейся опасности, чтобы там могли предпринять возможные контрмеры.

Долгое время это была последняя ниточка, которая связывала меня с Будапештом. Контрреволюционный мятеж нанес чувствительный удар по государственной власти, заставив оставшихся на родине товарищей на время затаиться. Затем наступил период, когда их главной заботой стали разгром контрреволюции и стабилизация внутреннего положения в стране.

Таким образом, я остался за рубежом разведчиком-одиночкой. Мне не на кого было положиться, не с кем посоветоваться. Все приходилось решать самому.

На родине, в Венгрии, многое изменилось. Маловеры бросились спасать собственную шкуру. Труссы превратились в предателей. Кому-то из коммунистов и даже функционеров показалось, что контрреволюция одерживает верх, побеждает, и это повергло их в отчаяние.

Наблюдая за всем этим из Вены, я понимал — общая картина ужасна. Каких только слухов я тогда не наслушался — о коммунистах, повешенных на деревьях за ноги головой вниз, о замученных до смерти сотрудниках органов безопасности и полиции, о массовой истерии, о существовании каких-то подземных тюрем! А встречи с «борцами за свободу», которые так и рвались скорее попасть на родину и многие из которых откровенно говорили о том, что они сделают с

представителями старого режима, когда те попадут им в руки! Я с трудом сдерживал отчаяние, видя слегка завуалированные приготовления ряда западных стран, которые, собственно говоря, лишь ждали подходящего момента, чтобы грубо вмешаться во внутренние дела Венгрии.

Оценивая собственное положение, я не рисовал себе радужного будущего, понимая, что многого я никак не смогу сделать в одиночку, идя против течения. Мне казалось, что Венгрия, а с нею вместе и вся Европа находятся перед историческими переменами.

И в голове моей на миг появилась мысль, а не сбежать ли и мне? Не поискать ли где-нибудь на свете уголка, где бы я мог чувствовать себя в безопасности и покое?

Я решил, что напишу откровенную книгу, в которой не будет места лжи. Не скрою, меня охватил страх, страстно захотелось сбежать куда-нибудь подальше, тем более что деньги и возможности для этого у меня были. Вообще-то по характеру я человек не очень смелый, не из тех, что не ведают страха.

Почему же я все-таки остался? Почему подавил в себе внутренний голос, который звал меня дезертировать, что в тот период казалось вполне разумным?

Вероятно, я обладал некоторыми качествами, благодаря которым меня выбрали для выполнения специального задания руководители разведывательных органов социалистической Венгрии, приблизив к себе и поверив в меня. Я очень тверд и последователен, и уж если я начал вести борьбу, то ни за что не отступлюсь от своего. Я любил и люблю свою родину, где живут мои родные и близкие, я верил и верю в то, что, идя по пути строительства социализма, моя родина обретет счастье.

Все это и привело меня к твердому решению, которое, не стану отрицать, родилось отнюдь не легко: я останусь на своем месте и сделаю для блага родины все, что от меня зависит.

Теперь меня часто спрашивают, во что же я тогда верил? Какое наивное чувство, представление или инстинкт руководили мной, когда я вдруг мысленно решил, что способен на все? Один, в окружении врагов?

Разумеется, я не знал, что ждет меня впереди, и тем более не был тогда способен дать ответ на вопрос, смогу ли я сделать что-либо полезное. Но я по-настоящему верил в себя, в свою способность быстро

оценивать ситуацию, в свой опыт. В конце концов и в среде разведчиков удача бывает не только у суперменов. Но можно ли было сделать что-либо, идя пусть даже с оружием в руках против сил, которые способны были сокрушить власть государства хотя бы на какое-то время? Мысленно я принял бой. Мое упорство и воля были моими верными помощниками, а также сознание того, что я служу правому делу, хотя мое положение казалось мне тогда безнадежным.

Первая возможность предоставилась мне тогда, когда я получил приглашение от герцога Ласло Эстерхази, старейшины венгерской аристократии, проживавшего тогда в Вене. Он пригласил меня побеседовать в кафе «Фрелих».

Это приглашение заставило меня задуматься. Кафе это было излюбленным местом встреч местной аристократии. Я почти год жил в Вене, но еще ни разу не побывал в нем.

«Чего же они от меня хотят?» — ломал я себе голову, охваченный любопытством. В конце концов я пришел к выводу, что причина, видимо, очень важная, раз меня решили пригласить в такое место и такое общество.

Оказалось, что речь шла о том, чтобы венгерские эмигранты, находившиеся в Вене, выказали бы солидарность с венгерскими мятежниками.

— Мы организуем демонстрацию протеста! — заявил один барон с отвислыми усами, который выдавал себя за чистокровного венгра, а на самом деле его предки получили в свое время имение от Габсбургов как раз за то, что изменили венгерскому народу.

— Все на демонстрацию! Все на демонстрацию! — подхватили престарелые отпрыски голубых кровей чуть ли не со студенческим воодушевлением.

— Ну-с, господа, — проговорил усатый барон, обращаясь к давно переселившимся в Вену венгерским чиновникам, торговцам и промышленникам, — завтра мы продемонстрируем большевикам свою силу. Надеюсь, все вы явитесь! Мы должны продемонстрировать единство, господа! Это очень важно!..

Собравшиеся проголосовали за проведение демонстрации. Я уже собрался уходить, жалея в душе о том, что попусту потерял время, как вдруг совершенно неожиданно меня вежливо взял под руку элегантно одетый господин — это был герцог Ласло Эстерхази.

— Господин депутат, соблаговолите почтить своим вниманием наш узкий дружеский круг, — вежливо проговорил он и настоятельно потянул меня в небольшой уютный зал.

В зале оказалось всего несколько человек. После взаимных представлений пожилой седовласый мужчина обратился ко мне. С заметным акцентом, выдающим в нем трансильванца, он сказал:

— Уважаемый господин депутат, мой дорогой младший брат! Ни для кого не секрет, что между нами существуют разногласия, выражающиеся в том, что мы с вами по-разному смотрим на мир. Сейчас у каждого честного венгра должна быть одна воля, одни стремления, направленные на процветание нашей милой родины. С людьми вашего толка и так называемым средним сословием мы взаимопонимание найдем, а вот с обитателями лагеря эмигрантов вам нужно будет потолковать самому.

— Прошу прощения, дорогой старший брат, — стараясь поддержать стиль обращения, начал я, — но я чего-то недопонимаю. Что касается демонстрации, то мы ведь уже все решили.

— Демонстрация — это только повод, дорогой младший брат и депутат. Мы должны захватить венгерское посольство в Вене.

— Захватить посольство?! — изумился я.

— Да, захватить, — поддержал пожилого мужчину герцог. — Пресса, кинохроника и телевидение уже извещены об этом. Примеру Вены, без всякого сомнения, последуют и другие европейские столицы.

— Это будет великолепной политической демонстрацией! — воскликнул пожилой мужчина.

— Не говоря уже о том, что мы захватим секретную переписку посольства! — с воодушевлением проговорил еще кто-то.

— Патриотически настроить соотечественников из лагеря — это уже ваша обязанность! — С этими словами герцог протянул мне руку.

Выйдя из кафе, я сразу же свернул в ближайший переулок. Я еще не знал, что мне делать, и, чем больше думал об услышанном, тем яснее чувствовал, какую серьезную опасность представляет планируемая акция, не говоря уж о том, что вслед за ней может прокатиться волна террористических выступлений против наших представительств в других западных странах.

Требовалось что-то срочно предпринять, но никакой связи с Центром в тот момент у меня не было, и я чувствовал себя беспомощным.

Побродив четверть часа по городу, я пришел к твердому убеждению, что должен действовать. У меня оставался единственный способ, прибегать к которому решительно запрещалось данной мне ранее инструкцией. Но поскольку положение было слишком опасным, я все же рискнул нарушить инструкцию.

Когда решение пришло, я прежде всего постарался выяснить, нет ли за мной «хвоста». Убедившись, что за мной не следят, я на какой-то небольшой площади под прикрытием полумрака подошел к телефонной будке, и набрал номер телефона венгерского посольства.

Услышав голос телефонистки, я, приложив ко рту носовой платок и изменив голос, чтобы ввести в заблуждение подслушивавшего, если таковой был, попросил:

— Соедините меня, пожалуйста, с офицером контрразведки.

— Такого у нас нет.

— Тогда с товарищем Пуйей.

— Сожалею, но господина посла нет в здании.

Я, разумеется, понимал, что вот так, из уличного автомата, вряд ли смогу поговорить с кем-нибудь из ответственных сотрудников посольства, но я непременно должен был сделать это.

— Тогда передайте, пожалуйста, товарищу Пуйе, что такой то... — я назвал свой псевдоним, — сообщил: завтра во время демонстрации на посольство будет совершено нападение с целью захвата здания.

— Что вы говорите?! — воскликнула телефонистка.

— Поймите же вы наконец: готовится нападение! На вас будет совершено нападение!

Повесив трубку на рычаг, я поспешно вышел из будки с чувством растерянности. Меня могли опознать, и тогда я пропал. Стоило ли так рисковать?

На следующий день во время демонстрации особая группа террористов, готовая совершить акцию, встретила перед зданием посольства усиленный полицейский заслон. Я был удовлетворен.

Моя встреча с Андрашем Зако также запечатлелась в моей памяти.

В то время в Вене по адресу Целинкагассе, дом 12, квартира 3 жил эмигрант-инженер Тибор Бойя. Это был живой, энергичный человек, имевший связи с самыми различными организациями. Он не особенно интересовал меня, так как я считал его человеком не очень для себя важным. Одно занимало меня: в чем же заключается секрет, почему

различные по духу, почти враждующие люди и группы в равной степени используют в качестве партнера для переговоров именно его.

И вот однажды вечером Бойя пришел ко мне.

— С тобой хочет говорить этот тип, — сказал мне секретарь Янош Ракоци, который почему-то терпеть не мог Бойю.

— Миклош, не сердись, но мне обязательно нужно поговорить с тобой с глазу на глаз! — С этими словами Бойя вошел в мой кабинет.

Возможно, антипатия моего секретаря передалась и мне, потому что я довольно сухо спросил:

— Настолько доверительно, что этого не должен слышать даже мой друг?

Бойя был человеком понятливым и сразу же оценил ситуацию. Тихо, но твердо он повторил:

— Да, с глазу на глаз, Миклош. Если только можно...

Мне ничего не оставалось, как выслушать его, тем более что и меня начало разбирать любопытство. Я открыл дверь, которая вела во вторую комнату, и предложил:

— Прошу, проходи и садись.

Сесть он отказался и вообще вел себя, как всегда, немного загадочно.

— Благодарю, но я ненадолго, тем более что у меня самого нет времени.

— Нет времени? Для чего? — удивленно уставился я на него.

Он стоял совсем близко от меня, но тут подошел еще ближе и, с опаской оглядываясь на дверь, прошептал:

— Тебя ждут. Речь пойдет о самой большой акции эмигрантов.

— Ждут? Кто ждет? О чем ты вообще говоришь?

Он еще больше заволновался, и тут я понял, что, видимо, для него это очень важное дело.

— Сейчас ты все узнаешь сам. Услышишь от него...

Он настолько заинтриговал меня, что я нетерпеливо спросил:

— От кого услышу? Будь добр, говори яснее!

Сделав многозначительную паузу, он вдруг назвал мне имя, при упоминании которого мое сердце забилося быстрее.

— Тебя ждет дядюшка Банди!.. Зако!..

Я молчал — частично от изумления, частично из тактических соображений.

— Ну и что? — спросил я после паузы.

«Что понадобилось от меня Зако? Не разнюхал ли он что обо мне? Нет, тогда бы он не приглашал меня, а просто приказал бы арестовать. А если это ловушка? Что ему здесь надо? Как он попал сюда из ФРГ?..» Все эти вопросы теснились у меня в голове.

— Ну так как? — спросил Бойя.

— А что ему нужно от меня?

— Это он сам тебе скажет. Он ждет тебя к пяти часам. — Бойя посмотрел на часы. — Нам уже пора идти.

В душе у меня неуверенность соседствовала со страхом, любопытство разведчика с чувством долга. Видимо, от этого голос мой дрогнул, когда я воскликнул:

— Я не потерплю, чтобы мною командовали!

Бойя с изумлением посмотрел на меня, а затем заискивающе проговорил:

— Ты меня не так понял. Он не командует, а просит... Дело-то больно важное.

Какой бы опасной ни оказалась эта встреча, меня мучил вопрос: что понадобилось Зако в Вене?

— Ладно, пошли, — сказал я. Распахнув дверь, я пропустил Бойю вперед себя, а когда он поравнялся с Вете, я бросил на ходу: — Извини, я сейчас догоню тебя — и вернулся в свой кабинет. Достав из стола пистолет, я дослал патрон в патронник.

— Меня пригласили на беседу, — быстро сказал я Вете. — Дюсика, ты нас не подбросишь?

Вете посмотрел на меня. Я, как бы поправляя пиджак, провел по груди так, чтобы он догадался, что во внутреннем кармане у меня лежит пистолет. Умница Вете сразу же понял меня.

— Разумеется, — кивнул он. — Идите, я вас догоню, только возьму из другого костюма ключ от машины...

Мы сели в автомобиль и поехали по неровной дороге, которую нам показывал Бойя. Возле какого-то перекрестка наш проводник приказал остановиться.

— Вот мы почти и приехали, — проговорил он и добавил: — Будет лучше, если дальше мы пойдем пешком...

Когда мы только отъехали, Вете так установил зеркальце заднего обзора, что я мог видеть в него такси, на котором следом за нами отправились наши парни из охраны. Я чувствовал себя надежно и спокойно, когда они были рядом.

После трех-четырех минут ходьбы мы оказались перед отелем «Кайзерхоф».

— Вот мы и пришли, — заметил мой провожатый.

Согласившись на эту встречу, я, собственно, был готов ко многому. Однако заметив в холле гостиницы, в стоящих по обе стороны от входной двери старомодных массивных креслах двух здоровенных мужчин в галифе и сапогах, я испугался. При одном взгляде на них нетрудно было догадаться, что это за люди и зачем они здесь. Гостиничный холл, из которого шел длинный коридор, был слабо освещен. И эти подозрительные типы... И сама атмосфера... Я сразу же понял, что нахожусь в маленьком отеле, в котором расположились бандиты из какого-то карательного отряда.

От всего этого мне стало так страшно, что мороз прошел по коже.

Комната, в которую мы вошли, напоминала штаб, который осенью 1944 года располагался на улице Каплони.

Я почувствовал на себе мрачные взгляды собравшихся в помещении людей.

— Куда ты меня привел? — нервно спросил я Бойю.

— Теперь-то уж я могу это сказать: в штаб-квартиру «Союза венгерских борцов». Я тебе уже говорил, что дядюшка Банди желает с тобой поговорить.

— Только ты не сказал, что он ждет меня с целой армией!

На пороге одной из дверей появился мужчина лет сорока. Военная выправка выдавала в нем офицера. Остановившись передо мной, он слегка поклонился мне:

— Мы вас ждем. Я капитан генерального штаба Ференц Адони-Народи, адъютант господина генерала.

Я взял себя в руки и даже улыбнулся.

— Начальник генерального штаба «Союза венгерских борцов»? Приветствую вас, господин капитан.

В лице капитана что-то дрогнуло.

— Выходит, вы знаете меня...

Открыв дверь в соседнюю комнату, он пригласил меня:

— Проходите!

Когда я вошел, из-за стола поднялся пожилой мужчина с выразительным лицом. Подойдя ко мне и протянув руку, он коротко отрекомендовался:

— Генерал-майор Зако!

— Миклош Сабо.

— Господин депутат знает меня, — с особым ударением заметил адъютант.

— Вот как? — Генерал с любопытством вскинул голову.

— Я считаю, что эмигранту-политику нужно знать эмигрантов-военных.

— И наоборот... Знаете ли вы о том, что наши части уже сражаются на территории Венгрии?

Я не спешил отвечать. Надо было еще разобраться, что бы могло означать это неожиданное сообщение, сказанное в ходе знакомства. Однако не успел я ни до чего додуматься, как на меня обрушилось следующее сообщение:

— Самую важную часть своей цели мы уже выполнили. В Дьере и в Будапеште в наших руках оказались документы органов госбезопасности. — Просверлив меня взглядом, он спросил: — Что вы скажете на это?

У меня потемнело в глазах. В голове билась лишь одна мысль: «Знают ли они о том, кто я такой?»

Мысленно я постарался успокоить себя: «Вряд ли знают. Если бы знали, то не разговаривали бы со мной... А каким бесцветным тоном он задал этот вопрос! Нет, все это отнюдь не случайно...» И в душе у меня снова начали расти неуверенность и сомнение.

Собрав все свое хладнокровие, я выдавил из себя:

— Удивительно, господин генерал, но мне это известие кажется вполне хорошим.

— Вот как! — Это восклицание капитана снова не на шутку перепугало меня.

Послышался негромкий стук в дверь. Я приготовился к тому, что сейчас войдут охранники и заберут меня с собой. Возможно, что читателю, читающему эти строки, мой тогдашний страх покажется смешным, но пусть в меня первым бросит камень тот, у кого, окажись он в подобной ситуации, не дрогнуло бы сердце.

Адъютант поспешил к двери и, высунувшись из нее, начал с кем-то шептаться, но через несколько секунд закрыл дверь и, нахмутив лоб, подошел прямо ко мне.

— Господин депутат, вы сюда один приехали? — строго спросил он.

Мне вдруг почему-то захотелось позлить их.

— Почему же один, господин капитан? Я приехал с инженером Бойей.

Адони-Народи явно нервничал.

— Видите ли, вокруг отеля наша охрана заметила какое-то подозрительное движение.

— Успокойтесь, господин капитан. Эти люди — мои телохранители...

Услышав мои слова, молчавший до этого генерал Зако оживился и воскликнул:

— Браво! Вы сразу же выросли в моих глазах!

Я снова успокоился, хотя и понимал, что опасность, угрожавшая мне, не миновала.

— Спасибо! Приятно услышать такую похвалу из уст самого лучшего солдата эмиграции... — Сказав это, я подумал, что мне во что бы то ни стало нужно обрести уверенность, и продолжал: — Если вы разрешите, господин генерал, то я бы хотел, чтобы господин капитан разъяснил мне, что он собирался до этого сказать.

— Сначала давайте присядем. — Генерал показал в угол, где стояли стулья и столик.

Капитан заговорил, как только мы уселись:

— Я высказался вполне ясно, господин депутат. В попавших в наши руки документах содержатся имена многих коммунистических агентов. Разве это плохо?!

Я чувствовал себя так, будто находился возле пылающего костра, который вот-вот опалит меня. Надо было довести дело до конца, и я очень вежливо, но сдержанно спросил:

— И об этом вы пожелали сообщить мне?

Зако громко засмеялся, затем лицо его снова сделалось серьезным. Он на удивление хорошо владел собой.

— Мне стало известно, что вы пользуетесь особым доверием премьер-министра Ференца Надя.

С сердца у меня словно камень свалился, и я почувствовал себя легко и свободно.

— Да, это так.

— У меня есть предложение к господину премьер-министру.

— Слушаю вас, господин генерал.

— Видите ли, у нас на родине сейчас идет вооруженная борьба с большевиками. Наши части, как я уже говорил, принимают самое

активное участие в этой борьбе. Однако наше положение было бы совсем иным, если бы мы выступали не в качестве так называемых добровольцев, а в качестве частей регулярной армии.

Если до сих пор я волновался только за себя самого, то теперь забеспокоился за тех, кто остался на родине. Опасность этого плана генерала была очевидной.

— Извините, но я не совсем понял вас.

Генерал недоверчиво взглянул на меня, а затем спохватился и сказал:

— Да, да, конечно, вы же не военный. Короче говоря, если Ференц Надь как последний законный премьер Венгрии заявил бы перед Западом, что мы, «Союз венгерских борцов за свободу», не что иное, как законная армия венгерского правительства, то это сразу же дало бы нам возможность для получения соответствующего вооружения и боеприпасов, это во-первых; а во-вторых, в этом случае бои в Венгрии рассматривались бы не как мятеж, а как война, которую ведут войска законного венгерского правительства против русских и их союзников.

— Теперь я вас понял.

— Ну-с, и что вы на это скажете?

Адони-Народи сверлил меня взглядом, но я уже не обращал на него внимания и разговаривал только с генералом:

— Господин генерал, между вами и нами имеются мировоззренческие расхождения...

— Это сущее недоразумение. В настоящий исторический момент интересы нации требуют нашей консолидации. Кроме того, — тут он сделал паузу, видимо, для того, чтобы произвести соответствующее впечатление, — если мы победим, то тоже окажем поддержку Ференцу Надю у нас на родине.

Я, естественно, заверил генерала Зако в том, что вполне согласен с ним, и пообещал о нашем разговоре сообщить Ференцу Надю, прибавив, что план «спасения нации» произвел лично на меня довольно сильное впечатление.

ИНСТРУКЦИЯ ЦРУ

Выйдя из отеля «Кайзерхоф», я полной грудью вдохнул пропитанный бензиновыми парами воздух, который показался мне намного свежее, чем тот, что был в гостинице. Я был доволен, и моя радость имела основания: во-первых, я освободился от страха, а во-вторых, теперь мне был известен план Зако, судьба которого в какой-то степени зависела и от меня.

Однако я не обнаружил возле отеля Вете и его машину, и от моего хорошего настроения не осталось и следа. Я успокаивал себя, говоря, что он ждет меня где-нибудь за углом, но его не оказалось нигде. Так я пешком дошел до Ринга.

«Хорошо же они меня охраняют!» — с раздражением подумал я.

Вскоре беспокойство мое усилилось. Я вспомнил, что охранники генерала Зако обнаружили их возле отеля.

Уж не случилось ли с ними какой беды?

Остановив такси, я поспешил домой, решив, что, если Вете и Янош в ближайшее время не объявятся, мне нужно будет что-то предпринять. Вставив ключ в замок своей квартиры, я услышал звонок телефона, требовательный и долгий.

Вбежав в комнату, я поднял трубку:

— Алло!

Услышав голос Яноша Ракоци, я не знал, смеяться мне или сердиться.

— Вот как вы меня охраняете! — съязвил я.

— Ох, какое счастье, что ты жив! — Эти слова Вете произнес с таким чувством, что сердиться на него мне сразу же расхотелось.

— Живой, что мне сделается?! — пошутил я.

— Мы так боялись за тебя! — вполне серьезным тоном произнес он.

Вернувшись домой, Ракоци все подробно рассказал мне. Он сильно волновался и потому говорил сбивчиво.

— Мы тебя ждали на том месте, где и договорились. Я разглядывал витрины. Лаци нырнул в подворотню, Дюси сидел за баранкой, не выключая мотора. Вдруг из отеля вышли четверо мужчин. Боже мой, как же мы перепугались! Неподалеку стоял их «опель». Трое вели

четвертого и, подойдя к машине, затолкали его туда. Наша машина находилась от них на каком-то расстоянии, и мы, не разглядев все как следует, почему-то решили, что схватили тебя. Дюси тут же дал газ, и мы помчались за «опелем»... Когда же мы разглядели, что схваченный — не ты, радости нашей не было конца. Но если бы ты только видел, что за бандитские рожи были у тех троих!

В тот вечер мы отпраздновали наше благополучное возвращение из логова хищников.

Я позвонил Ференцу Надю домой, чтобы сообщить о сделанном ему предложении. Умолчать о нем я не мог, тем более что оно наверняка дошло бы до него и по другим каналам. Рассказав все как было, я обратил внимание Надя на то, что его политическое реноме может быть подмочено, если его имя будут упоминать рядом с именами фашиствующих бандитов.

Мне удалось убедить его. Ференц Надь со своей стороны попросил меня поехать в Будапешт и от его имени установить контакт с руководителями вновь созданной партии мелких сельских хозяев, в первую очередь с Белой Ковачем, бывшим первым секретарем партии.

— Объясни, пожалуйста, что я им нужен, так как со своими здешними связями могу пригодиться. Особенно хорошо я бы смог представлять их интересы в ООН.

Я пытался возражать:

— Мне необходимо подготовиться к этой поездке, да и здесь у меня есть кое-какие дела.

Короче говоря, я хотел каким-то образом отстраниться от этого поручения, считая, что от моего пребывания в Австрии больше пользы, и к тому же в тот момент меня отнюдь не воодушевляла поездка на родину, где меня в любой момент подстерегала опасность разоблачения. На родине я был известен многим, а, судя по информации, в руки мятежников действительно попали кое-какие секретные документы.

Однако мне не удалось отговорить моего друга Фери от его намерения.

— Разумеется, эта командировка несколько не ущемит тебя материально, я уже распорядился о выделения тебе определенной суммы. В ближайшие два дня тебя посетит один мой американский друг, который уладит этот вопрос.

Я понимал, что, если откажусь выполнить это поручение, моему авторитету будет нанесен сильный удар. Вместо меня это задание дадут

другому человеку, а я лишусь возможности получать важную информацию. Да и вообще, было неизвестно, можно ли извлечь из этой опасной поездки какую-либо пользу.

Однако ни к какому выводу я не пришел. На второй день после моего телефонного разговора с Ференцем Надем мне позвонил некий мистер Хазельтин и попросил меня заехать к нему в шикарный отель «Бельвью».

Мистер Хазельтин назвал себя Джимми, сообщил, что является сотрудником радиостанции «Свободная Европа». Я же после его первой фразы понял, что он — агент ЦРУ. Мимоходом замечу, что позже мне удалось выяснить, кем он был на самом деле.

Он снабдил меня подробными инструкциями и передал десять тысяч австрийских шиллингов, что по тем временам было большой суммой.

Возникло странное и запутанное положение, когда Миклош Сабо, политический эмигрант, проживающий в одной из стран Запада, он же разведчик Венгерской Народной Республики, по поручению бывшего премьер-министра Ференца Нада и на деньги ЦРУ отправлялся в Венгрию, где все еще бушевал контрреволюционный мятеж.

Перед отъездом у меня состоялась встреча с моим старым приятелем дядюшкой Герцогом. Она произошла в штаб-квартире социалистической партии при очень счастливых для меня обстоятельствах — там я познакомился с вице-канцлером Питтерманом, в ту пору председателем этой партии, который задал мне несколько интересных вопросов, касающихся общего положения Венгрии. Мы обменялись информацией и личными мнениями, а когда Питтерман узнал от дядюшки Герцога о том, что я собираюсь выехать в Венгрию да еще с таким заданием, он проявил ко мне еще больший интерес.

— Смелое предприятие, но, как говорится, счастье улыбается смелым, — пошутил он.

— Если судьба будет ко мне благосклонна, я живым вернусь обратно в Австрию, — отшутился я тем же тоном.

— Когда вернетесь обратно в Вену, обязательно навестите меня, — попросил он.

— Есть большая новость, — сказал дядюшка Герцог, когда вице-канцлер вышел. — Очередная конференция Социалистического интернационала, проведение которой намечалось в Лондоне, состоится

в Вене, чтобы на ней присутствовала Анна Кетли. Селиг уже находится здесь и хотел бы встретиться с тобой.

На следующий день, 2 ноября, мы втроем завтракали в кафе «Ландесман».

Имре Селиг, эмигрант, генеральный секретарь социал-демократической партии, также поинтересовался моей предстоящей поездкой. Теперь я уже был доволен тем, что согласился на эту поездку. Раз уж западные государственные деятели и эмигранты-политики в такой степени интересуются сегодняшним положением дел в Венгрии, то это что-нибудь да значит. Правда, я не был твердо уверен в том, что от этого будет польза родине, но надеялся, что будет.

3 ноября я в сопровождении Дьюлы Вете и Ласло Томана тронулся в путь. Без особых приключений мы прибыли в Будапешт на старенькой, но надежной автомашине «стандарт».

Остановились мы в отеле «Беке». Я быстро помылся, однако для отдыха времени не осталось. Освежившись, сразу же поспешил на улицу Шеммельвейс, в дом номер 1, где надеялся встретиться с главной фигурой вновь организуемой партии мелких сельских хозяев — Белой Ковачем, что, собственно, мне и было поручено.

По всему зданию сновали взад и вперед какие-то люди.

— Бела Ковач? — услышав мой вопрос, задумчиво переспросил какой-то молодой мужчина. — А, собственно, кто это такой? — Выслушав мое объяснение, он сказал: — Возможно, он находится в здании парламента. Тильди, например, вы там можете встретить.

Такое объяснение показалось мне вполне реальным.

Мне ничего не оставалось, как поехать в парламент.

У подъезда стояла охрана, из чего я сделал вывод, что, видимо, здесь царит хоть какой-то порядок. Однако о Беле Коваче и здесь никто ничего не знал. Тогда я сказал, что хотел бы поговорить с Золтаном Тильди, но тот оказался болен. Я несколько не удивился, так как хорошо знал, что в самый трудный период, когда следует принимать какие-нибудь важные решения или же нести какую-то ответственность за что-то, Тильди всегда неожиданно «заболевает», действуя по излюбленному принципу: «Если я что-то не решаю, то, следовательно, и не несу за это никакой ответственности».

Услышав названное мною имя Йожефа Богнара, люди оживились, закивали мне, дав понять, что с ним я могу встретиться. Куда-то

позвонили, и через несколько минут ко мне подошел человек, который провел меня в кабинет к министру торговли.

С Богнаром мы были старыми приятелями. Если бы меня попросили как-то охарактеризовать нашу встречу, то я сказал бы, что он принял меня сдержанно-дружелюбно.

Однако о Беле Коваче и он ничего не слыхал. Разговаривали мы с ним о пустяках, так как ни один из нас ничего не знал о действительных чувствах другого.

Как бы то ни было, а мне необходимо было разыскать Белу Ковача. Таково было мое задание, которое в конечном счете исходило от ЦРУ. Не скрою, меня самого разбирало любопытство, чем же сейчас занимается бывший государственный министр, бывший секретарь партии мелких сельских хозяев, который, просидев несколько лет в тюрьме, лишь недавно очутился на свободе.

Я вернулся в здание на улице Шеммельвейс, где за полтора часа моего отсутствия ничего не изменилось. Все так же по всему зданию сновали кажущиеся деловыми незнакомые люди. На свои вопросы я, как и до этого, получал невразумительные ответы.

Не зная, что делать, я стоял в растерянности на темной улице. Неожиданно ко мне подошел невысокого роста человечек и на хевешском диалекте сказал:

— Я еще в здании заметил тебя, дядюшка Миклош, и сразу же узнал, только не хотел там заговаривать. — Он показал большим пальцем в сторону многоэтажного дома. — Я слышал, что ищешь Белу Ковача? А с какой целью, позволю узнать?

Всмотревшись получше в его лицо, я без особого труда даже при тусклом уличном освещении узнал Йожефа Адорьяна, владельца виноградников Дьендешрате, бывшего депутата парламента.

— Я очень рад, Йошка, что ты меня окликнул. Там, наверху, я ни одного знакомого лица не увидел.

— А я тебя там и заметил. И узнал сразу же. Решил, что выйду на улицу и остановлю.

— Я на самом деле ищу Белу. Специально приехал из Вены...

— Я так и подумал, — перебил он меня.

— Как доверенное лицо Фери Надя.

— В таком случае идем... У Белы сейчас как раз проходит собрание партийного актива. Я сам хочу туда попасть.

Пройдя по темным, словно вымершим улицам, мы подошли к дому, в котором жил Бела Ковач. В холле дома я встретил всех тех, кого не нашел на улице Шеммельвейс. Не было тут многих старых партийных функционеров, хотя я слышал, что они живы. Однако здесь находились бывший бургомистр Будапешта Йожеф Кеваго, бывший губернатор области Шомодь Ференц Видович, председатели «Крестьянского союза» Шандор Киш и Янош Хорват, председатель молодежного движения партии мелких сельских хозяев в период коалиции Иштван Б. Рац и многие другие. Громко и приветливо поздоровавшись с пришедшими, Бела Ковач взял меня под руку и увлек за собой в кабинет.

Когда же дверь за нами закрылась, он повернулся ко мне и мы обнялись. Потом мы молча долго смотрели друг на друга как два старых приятеля, которые по одному взгляду могли понять то, чего не выразишь словами.

— Ты знаешь, я им всем не доверяю, — тихо проговорил Бела, показывая мне на кресло.

— Видимо, у тебя есть на это причины.

— Кеваго, например, мысленно сам себя уже назначил на пост генерального секретаря. Видович охотнее всего поставил бы себе памятник. Как будто, кроме них, других пострадавших и нет вовсе.

— Ты полагаешь, они рвутся на твое место?

Вместо ответа он спросил меня:

— Ты живешь за кордоном? Давно?

— Вот уже год.

— А до этого?

— Жил в Венгрии.

— А Вац?

— В Марианостре.

— А Рек?

— В Киштарче, живет там вместе с Лаци Дюлаи.

— Лаци не приехал. У него точно такое же мнение об этих людях и их делах, как и у меня. Нет, они не рвутся на мое место. Скорее всего, хотят спрятаться за мою спину.

— Меня к тебе прислал Фери. Он предлагает тебе свои услуги. Он считает, что мог бы быть полезным тебе в ООН.

— Выходит, вы опять дружите?

— Насколько могут дружить два человека, один из которых сидит в тюрьме, а другой живет в Америке и даже купил себе ферму в штате Виргиния.

Бела внимательно посмотрел на меня, и только тогда я обратил внимание на то, как сильно он изменился. Из глубины его умных глаз исходило какое-то внутреннее спокойствие.

— Ты знаешь, я словно приговорен к смертной казни. Очень высокое давление... да и прочие болячки... Так что мне уже нечего бояться... Те, что собрались в соседней комнате, сейчас делят между собой портфели. В правительстве Имре Надя мне следует взять какой-либо портфель или же стать государственным министром. Я думаю, путь, который предлагает Фери, не тот путь... — Неожиданно он замолчал и погрузился в свои думы. — Ну что ж... передай ему, что я обнимаю его. Он действительно может быть полезен венгерскому народу, только сначала необходимо найти способ, как это сделать.

Ковач казался уставшим от нелегких забот. Он встал, протянул мне обе руки, а потом, словно передумав, обнял:

— Спокойной ночи!

Через некоторое время, давая интервью одному американскому журналисту, Бела Ковач сказал:

— Я понимаю старания Америки, когда она ведет борьбу против коммунистов, но никак не могу понять ее тогда, когда она поддерживает связь с венгерскими феодалами и фашистами, удерживая тем самым нас от установления связей с нею. Передайте американскому народу, что мы ожидаем помощи от американской демократии, а не от реакции, которая хотела бы завоевать венгров на свою сторону.

Таким был Бела Ковач, пожелавший мне спокойной ночи и обнявший меня на прощание.

Та ночь была для меня действительно спокойной. Добравшись благополучно до отеля, мы проспали до самого утра. Проснулись мы от сильного грохота.

Со сна я сначала подумал, что это гремит гром, однако адский грохот, от которого дрожали стены, не прекращался ни на минуту, а, напротив, становился все громче и громче.

Проснулись и мои помощники, в изумлении сели на своих кроватях.

— Это танки, — убежденно заметил Вете.

— Что же теперь будет? — взволнованно спросил я.

— Сначала мы позавтракаем, — как ни в чем не бывало ответил Вете.

В отеле, несмотря ни на что, текла обычная оживленная жизнь. В ресторане нас вежливо обслужили.

Позавтракав, мы попробовали было выглянуть из отеля, чтобы посмотреть, что делается на Бульварном кольце, однако наше любопытство пресекла автоматная очередь.

Включив радио, мы узнали, что в стране сформировано революционное рабоче-крестьянское правительство, возглавляемое Яношем Кадаром, которое попросило у Советского Союза помощи для подавления контрреволюционного мятежа. Услышав эту новость, я почувствовал себя сказочным королем, у которого один глаз смеется, а другой плачет. У меня возникла твердая уверенность в том, что отныне Венгерской Народной Республике не страшна никакая опасность. Правда, я и до этого не сомневался в том, что русские друзья не оставят нас в беде. Не видать стратегам «холодной войны» победы как своих ушей, а их мечты о том, что в ходе эскалации им удастся нарушить единство социалистических стран, так и остались несбыточными; не удалась очередная тщетная попытка империализма подорвать веру развивающихся стран в Советский Союз и социалистическую систему в целом, не удалось ослабить коммунистическое и рабочее движение в мировом масштабе.

И вновь передо мной встал вопрос: как быть? Мне казалось, что было бы лучше всего, по крайней мере для меня, чтобы я остался на родине. Это было самое простое и приятное решение, особенно если принять во внимание все то, что я до этого пережил. Вряд ли кто-нибудь мог упрекнуть меня за такое желание.

Было над чем подумать... Мысли теснились в голове, не давали мне покоя.

«Остались ли здесь в органах безопасности надежные люди? А если и остались, то есть ли среди них хоть один, кто находится в таком положении, как я? Правда, здесь, на родине, живут мои родные и близкие... Нужно подумать и о них! Я им нужен! И именно ради них я должен, обязан вернуться обратно. Ради их безопасности и счастья, ради лучшей жизни я не могу отделить себя от родины, от венгерского народа. Только находясь за рубежом, я по-настоящему могу хоть что-то сделать для отечества...»

Я боролся с самим собой. Разумеется, я не имел ни малейшего представления о том, что же буду делать, снова оказавшись на Западе. И все-таки я имел право надеяться на то, что там я смогу принести гораздо большую пользу, чем оставшись здесь, в Будапеште.

Солдат может бояться, на это он имеет право. Он может скрываться, маскироваться, но он не имеет никакого права покидать поле боя, каким бы оно ни было, без приказа сверху. Размышляя таким образом, я пришел к окончательному решению: я обязан вернуться в Австрию.

Больше оставаться в отеле «Беке» мы не могли. Рано или поздно, у всех иностранцев должны были проверить документы. В этом случае я или должен был расконспирировать себя, или же со мной поступили бы как с врагом и были бы безусловно правы. Дело в том, что в связи с контрреволюционными событиями в стране моя связь с Центром была нарушена, а в существовавшей в тот момент ситуации я не имел возможности восстановить ее. Следовательно, мне снова пришлось бы уходить в подполье, находясь на родине, и скрываться от властей социалистического государства, бойцом которого я был.

В эти трудные для меня часы требовалось принять важное, единственно правильное решение. И чем больше я над этим думал, тем яснее мне становилось, что именно я должен был сделать. 5 ноября я послал Дьюлу Вете и Ласло Томана на поиски более надежного для нас жилья, чем отель «Беке».

К вечеру они вернулись с хорошим известием. Не знаю каким образом, но они добились того, что мы все трое спокойно могли на какое-то время обосноваться в больнице «Рокуш».

Однако попасть туда оказалось все же непросто. Пришлось пробираться до больницы короткими перебежками, прижимаясь к стенам домов. Самым тяжелым участком оказался квартал, расположенный между улицей Доб и проспектом Ракоци. На улице Доб нас просто-напросто обстреляли, а проспект Ракоци вообще был похож на поле боя. Но уж раз мы рискнули, делать ничего иного не оставалось.

Пребывание в больнице «Рокуш» я не забуду до конца своих дней. До сих пор удивляюсь мужеству и стойкости врачей и медицинских сестер больницы, которые, забывая о себе, ухаживали за ранеными.

Однажды, а произошло это 7 ноября, в коридоре хирургического отделения появилась группа мятежников.

— Где тут русские? — спросили они. Их вопрос не предвещал ничего хорошего.

— Здесь только раненые. Вы понимаете? Раненые, национальность которых не имеет для нас никакого значения! — Эту фразу произнес профессор Кубани. Услышав шум, он вышел из операционной в перепачканном кровью халате и попытался утихомирить бунтовщиков.

— Коммунисты и русские — это не люди! — нагло выкрикнул главарь мятежников, мужчина средних лет, с заросшим щетиной лицом и квадратным подбородком.

Он ткнул профессора дулом автомата в живот, держа указательный палец на спусковом крючке. Все мы понимали, что жизнь профессора в тот момент висела на волоске. Так же, как и жизнь раненых советских солдат, что оказались в больнице. Если эти бандиты ворвутся в палату, они перестреляют всех раненых, которые окажутся невенграми.

Нужно было что-то предпринять, и притом немедленно.

— Послушайте, дружище, — заговорил я, подойдя к главарю и сунув ему под нос свой австрийский паспорт. — Как видите, перед вами австрийский журналист. Вот, читайте: журналист. Мои друзья, тоже журналисты, к тому же не венгры по происхождению, как я сам, а немцы. Хорошо же вы будете выглядеть, если во многих газетах появятся заметки, в которых будет говориться о том, что ваша революция является отнюдь не очищающей, а скорее кровавой и жестокой.

Бандит с недоверием посмотрел на меня и перевел дуло автомата с профессора на меня. Нижняя губа у него дергалась то ли от нервного тика, то ли от гнева и злости. Я невольно подумал, что мне пришел конец. Бандит вырвал из моей руки паспорт и начал внимательно его рассматривать. К моему счастью, он увидел в нем несколько западногерманских, швейцарских, французских и других виз. Это, видимо, и отрезвило его. Опустив дуло автомата к полу, он пробормотал:

— Русские — не люди, но вы о нас все равно ничего плохого не пишете, а сюда мы еще вернемся.

— К сожалению, мы вынуждены будем оставаться здесь до полного окончания боев, — поспешно произнес я.

— Не беда, — махнул рукой бандит, — мы все равно победим!

Когда мятежники удалились, все с облегчением вздохнули. Не знаю, что чувствовал в тот момент профессор Кубани, а я еле стоял на

ногах от внезапно охватившей меня слабости.

Мятежники, наводнившие в те дни столицу, настолько обнаглели, что спокойно убивали и грабили кого им только заблагорассудится. В этом мы убедились в первое же утро, когда, выглянув из окна больницы, которое выходило на универмаг «Корвин», увидели нескольких типов, которые оттаскивали к стене чьи-то трупы. На этот раз убитые были в гражданском, на их лицах были видны следы жестоких побоев.

— Кто занимается такими вещами? — задал я далеко не умный вопрос, как будто этим мог воспрепятствовать всему бесчеловечному и жестокому. Скорее всего, я произнес его для самого себя, как бы в защиту собственной личности.

— Сторонники Дудаша, что засели в здании редакции газеты «Сабад неп».

Но спине у меня пробежал мороз.

Йошка Дудаш! Тот самый, который был моим связным и моим боевым товарищем в борьбе против гитлеровцев! Тот самый, который после освобождения столицы советскими войсками в числе первых пришел на завод и возглавил его работу!

Вот тебе и друг называется! Вот так сюрприз преподнесла мне судьба! Невольно возник вопрос, каким образом человек мог пасть так низко?

Я понял, что мне следует избегать встречи с ним. Приехав в Будапешт, чтобы повидаться с руководителями партии мелких сельских хозяев, я сильно рисковал, но встреча с одержимым террористом-маньяком Дудашем, прославившимся своей жестокостью, отдававшим направо и налево приказы убивать, была более чем опасной. Она могла закончиться для меня только смертью. Уж к кому-кому, а к Дудашу-то наверняка попали бумаги из секретных архивов органов государственной безопасности.

С этого момента я должен был по-настоящему скрываться.

8 ноября бои немного стихли. Настал подходящий момент для моего возвращения обратно. Вете привел машину из гаража отеля «Беке», и мы тронулись в путь. На перекрестке улиц Шандора Броди и Сенткирай стоял советский танк. Наверняка он был поставлен для защиты здания Будапештского радио. Радио было единственным средством информации в те тяжелые дни, с помощью которого правительство Кадара могло поддерживать связь с населением страны.

Сам танк мы смогли бы объехать, но нашему автомобилю преградила путь его пушка, перекрывшая дорогу подобно стальному шлагбауму.

Что оставалось делать? Если бы не Вете, не знаю, как мы вышли бы из положения. Он не растерялся. Не могу без улыбки вспомнить, как он, открыв дверцу машины и высунувшись наполовину, жестами начал объяснять, что ему позарез нужно проехать. Сначала советские солдаты с удивлением смотрели на нас, на нашу машину с маленьким австрийским флажком, но потом один из них приподнял ствол пушки вверх и мы спокойно проехали под нею.

Как известно, даже в самые трудные периоды жизни у человека бывают комические эпизоды. Вот такие, как тогда у нас с советским танком. Я мог бы причислить к их числу и еще один, если бы за той историей не скрывалась более глубокая и серьезная причина.

3 ноября по дороге в Будапешт мы неподалеку от местечка Дорог подъехали к венгерскому сторожевому посту. Нас, естественно, остановили, попросили закурить. На обратном пути мы остановились в том же месте. Начальник сторожевого поста, венгерский лейтенант, начал разговор:

— Господа, мы торчим здесь и даже не знаем, зачем торчим. Мимо нас то проследует танковая колонна, то промчатся грузовики, украшенные национальными флагами. Все едут по направлению к Дьеру. А нам что делать? Стрелять в них или не стрелять? А если стрелять, то в кого именно?..

Учитывая то, что по документам я числился австрийским гражданином, я ответил уклончиво. Но, будь на то моя воля, я точно сказал бы ему, в кого он должен был стрелять, и не сейчас, а недели за две до этого...

Когда мы приехали в Мошонмадьяровар, уже стемнело. Там мы узнали, что дальше без специального разрешения, выданного советским военным комендантом, нас никто никуда не пропустит.

Поскольку мы были австрийскими журналистами, нас встретили предупредительно-вежливо и объяснили, что комендантский час не разрешается нарушать никому.

В одной из старых гостиниц города нам предложили скромный ужин, а затем расположили в удобных номерах. И все-таки я чувствовал себя почему-то беспокойно. Вероятно, действовал инстинкт

самосохранения, как у человека, привыкшего работать в опасных условиях.

Во время ужина к нам подсел молодой человек, который назвался Ференцем Мольнаром. После нескольких фраз и двух-трех бокалов вина он без всякого перехода спросил у меня и Вете:

— А если я вслед за вами подамся в Вену, вы мне там поможете устроиться?

Мы переглянулись, понимая, что за этим вопросом кроется серьезное намерение.

— Само собой разумеется, — ответил я. — Мы не можем оставить человека в беде. Но только как нам самим выбраться отсюда?

— Тогда идите в свою комнату, а я приведу к вам человека, который вам поможет.

Примерно через полчаса парень вернулся вместе с пожилым грузным мужчиной.

— Имени у меня не спрашивайте, — сказал мужчина. — Я офицер полиции. В настоящее время прикомандирован к советской военной комендатуре. Фери сказал мне, что вы попали в затруднительное положение.

Говорил он тихо и спокойно, словно рассказывал нам о том, какая завтра будет погода, а это спокойствие вселяло в нас какую-то надежду.

— Вам необходимо уехать отсюда сегодня же ночью, — продолжал он. — Наш начальник просто тянет время и не пропустит вас до тех пор, пока не получит соответствующего разрешения от вышестоящей инстанции.

И опять я оказался перед выбором, что делать — ждать или во что бы то ни стало ехать?

— Без пропуска мы и пятисот метров не пройдем, — сказал я.

— Это верно, — кивнул мужчина и сунул мне в руку какие-то бумаги: — Я принес чистые бланки. Заполните их, а потом я сам вас провожу.

На рассвете после многочисленных проверок мы приехали в Хедьешхалом. Сердце мое билось учащенно, да, видимо, и у моих спутников тоже, когда наша машина затормозила перед зданием погранзаставы. Я знал, что впереди меня ждал трудный и опасный путь, но заглянуть в будущее никому не дано. Я боялся, но не терял надежды.

Об этом я и думал, когда, внимательно проверив документы и вместе с нами распив бутылку абрикосовой палинки, начальник

погранзаставы лично поднял перед нами шлагбаум.

РАЗОБЩЕНИЕ ЭМИГРАЦИИ

Штамп в моем загранпаспорте свидетельствует о том, что 9 ноября 1956 года я пересек границу Австрии в Никкельсдорфе.

Пока я ездил на родину и находился в больнице «Рокуш», у меня было достаточно времени, чтобы подумать обо всем. Размышлял я и о будущем страны, и о себе самом. Мне нужно было предугадать, какие меры мог предпринять враг. Только предвидя это, я мог рассчитывать на то, что мне удастся не только прожить это время, но еще и достичь каких-либо результатов.

Я был бы слеп и глуп, если бы, зная предысторию, не представлял себе, какой поток лжи и клеветы обрушился на Венгерскую Народную Республику и Советский Союз по самым различным каналам.

Для этой цели американцам, а под ними я имею в виду тогдашнюю администрацию США, и прежде всего исполнителя всех грязных дел — ЦРУ, потребовались политические эмигранты и их широкие и слитые воедино выступления.

Ответ на вопрос, для чего им все это нужно, я нашел без особого труда. Весь западный мир начиная с конца октября проявлял огромный интерес к венгерским событиям, причем интерес этот все возрастал и возрастал. Буржуазные средства массовой информации наводнили мир огромным количеством клеветнической печатной и фотоинформации. Еще до 3 ноября можно было проследить основные очертания процесса «промыывания мозгов», который принял ужасающие размеры.

Чем больше я думал, тем яснее и однозначнее вырисовывались для меня взаимные связи. То, что раньше казалось незначительным или просто непонятным, встало на свои места в ходе размышления.

Разумеется, я рассчитывал только на свои собственные возможности и способности. Однако нужно было учесть и непредвиденные события, и активную деятельность западных разведок и контрразведок. Приходилось считаться и с тем, что заново установить связи с венгерскими органами было делом почти невозможным. Короче говоря, я опять был предоставлен сам себе. Это усложняло мое положение, уменьшало мои шансы; и вся моя работа из-за отсутствия информации с родины и нужных консультаций ложилась на мои плечи тяжелым грузом, еще более отягощая ответственностью.

Конечно, я знал, что мне нужно делать, но не имел ни малейшего представления, как это делать. Это я мог решить, лишь оказавшись в центре событий.

На австрийской границе на нас набросились жадные до сенсаций репортеры. Они атаковали нас, словно стая волков. Однако я никаких заявлений не делал и был рад, что успел вовремя запретить делать это моим коллегам. К этому меня принуждала веская причина: как-никак я выдавал себя за политического деятеля, а это ограничивало меня в выборе органа массовой информации, перед которым я мог бы выступить. Тут же возникал вопрос: в каком именно качестве выступить? Однако в то же время я не мог упустить такую возможность, не мог не считаться с тем, что за время моего пребывания в Венгрии (с 4 по 9 ноября) изменился и мой статус политического эмигранта и теперь я мог выдавать себя за участника венгерской «революции».

Эта идея заняла важное место в моих планах на будущее. Я попытался представить себя в среде руководителей старой эмиграции, которые за прошедшие семь — десять лет мысленно создали удобную им империю с теневым правительством во главе — «Венгерским национальным комитетом», со своей армией и информационным органом — радиостанцией «Свободная Европа». Все это помогало им в приобретении определенного авторитета. При выработке концепций, связанных с венгерским народом и его отношениями с западными странами, их мнение учитывалось. А это в свою очередь разжигало их честолюбие и отлично стимулировало их деятельность.

Поскольку контрреволюционный мятеж неминуемо должен был потерпеть поражение, со дня на день можно было ожидать появления новых эмигрантов. Можно было ожидать также, что руководители вновь созданных политических партий и организаций и всевозможных рупоров покинут родину, так как вряд ли они захотят нести ответственность за свои поступки. И эти люди сразу же превратятся в героев, что будет на руку Западу, так как будет отвечать его интересам, подтверждая его же собственные домыслы.

И следовательно, «старикам» волей-неволей придется поделиться «славой» с новичками. А это, учитывая прежние позиции и грызню из-за доходов, будет для них горькой пилюлей.

Именно здесь, в этом пункте, я и отыскал возможность для того, чтобы что-то сделать. Если отделу грязных операций ЦРУ, ведущему

идеологическую войну против стран социализма, понадобится единство эмиграции, то мне надлежит внести раздор в ее ряды, обратив все свое внимание на разжигание противоречий между старыми и новыми эмигрантами, политиками и военными.

А для этого в первую очередь необходимо укрепить собственные позиции.

Следовательно, мне следует воспользоваться услугами тех средств массовой информации, которые хотят взять у меня интервью и, сами того не ведая, помогут мне в достижении цели. Придя к такому решению, я дал согласие всемирно известной телекомпании ЮПИ и однажды, выступив перед ее телекамерами, рассказал о своих впечатлениях, которые у меня остались от поездки в Венгрию.

Как я уже говорил выше, свое выступление я, разумеется, построил как выступление «революционного» политического эмигранта. Теперь это была моя роль, и я ее играл. К слову говоря, за мое десятиминутное выступление мне заплатили тысячу долларов. А тогда, осенью 1956 года, тысяча долларов равнялась 26 тысячам австрийских шиллингов, иначе говоря, это было небольшое состояние. В мире капитала, где все оценивается деньгами, такой высокий гонорар говорил о многом.

Вернувшись, в Вену, я сразу же установил связь с Ференцем Надем — написал ему письмо, в котором сообщил только самые необходимые сведения.

Вскоре я получил от него телеграмму следующего содержания:

«Пришли авиапочтой письменное донесение. Я счастлив, что ты вернулся».

Однако обращаться к услугам почты мне не пришлось. Неожиданно в Вене появился мистер Хазельтин и от имени Ференца Надя потребовал, чтобы свое сообщение я вручил ему. Таким образом, к адресату мое сообщение попало только через две недели. Прежде чем оказаться в руках Ференца Надя, оно побывало у Джимми, хорошего друга Надя, ответственного сотрудника ЦРУ, который внимательно его изучил, просветил, дешифровал и, что самое главное, тщательно разобрал каждое предложение.

Должен сказать, что я послал хорошо отредактированное донесение. Прежде чем сделать это, я много раз обдумал каждую фразу, зная, что проверка предстоит самая изощренная. Описал я и встречу с

Белой Ковачем, правда, намеренно умолчав о его опасениях. Мне хотелось как бы подвести Ференцу Надю коня, на котором он мог бы с гордостью восседать. Хотелось подбодрить Надя заявлением (которое на самом деле не было сделано, но которое так хотелось получить Ференцу Надю) авторитетного Белы Ковача и тем самым поднять его на новую, более высокую ступень в его политической эмиграции.

Об успехе этого моего маневра я узнал много позднее из письма бывшего государственного секретаря по делам юстиции Золтана Пфейфера, которое было датировано 8 мая 1957 года. Член «Венгерского национального комитета» писал по этому поводу:

«К сожалению, не кто иной, как ты, вложил в руки Ференца Надя самый большой «воздушный шар» для его беспричинного вознесения...»

Может возникнуть справедливый вопрос: зачем я это сделал? Ответить я могу так: прежде всего потому, что поддерживал с ним тесную связь. Его вознесение, говоря словами Пфейфера, одновременно означало и укрепление моих собственных позиций. Помимо этого Бела Варга, бывший председатель партии мелких сельских хозяев, избранный на первых после освобождения страны выборах в Национальное собрание его председателем, играл, как говорят, первую скрипку.

А Ференц Надь в известном смысле был как бы оттеснен на задний план. С моей же помощью он одним махом взлетел вверх, что, видимо, должно было вызвать определенное напряжение в эмигрантских кругах. И наконец, я втайне надеялся на то, что прибывавшие члены «Крестьянского союза» поднимут Ференца Надя на свой щит и тогда, возможно, удастся создать нечто подобное контрсоюзу. А располагавший широкими связями в Америке Ференц Надь смог бы оказать мне большую помощь.

Таким образом, я разработал стратегию собственных действий.

Руководствуясь этой стратегией, я провел первую «военную операцию» 12 ноября 1956 года, то есть спустя трое суток после возвращения в Вену, а заключалась она в том, что я начал делать все возможное, чтобы оторвать Ференца Надя от «Венгерского национального комитета». Сегодня, спустя десятилетия, я считаю

тактически правильным тот шаг, который я сделал, когда послал ему письмо следующего содержания:

«...Как мне кажется, «Национальный комитет» потерял, с одной стороны, свою моральную основу, а с другой — сам смысл своего существования. Нам абсолютно ясно, что эта организация и до того находилась в руках феодальной реакции. И несмотря на то, что ты был ее вице-председателем, а Бела Варга — председателем, вы оба всегда оказывались в меньшинстве.

Не следует приуменьшать и того факта, что вспыхнувшая в Венгрии революция есть по характеру революция демократическая. Сейчас уже никто не желает возвращения старого порядка, и это ясно, как никогда прежде. Будущее принадлежит партии мелких сельских хозяев и «Крестьянскому союзу». Для всех нас (и особенно для тебя самого, принимающего участие в деятельности комитета), как мне кажется, с одной стороны, является чрезвычайно тяжелым грузом быть в этом составе, а с другой — чувствовать себя связанным бездействием, которое будет замечено и на родине.

В настоящее время венгерский вопрос приобрел столь важное международное значение, что, как мне думается, тебе с твоим авторитетом необходимо оказать значительную материальную помощь «Венгерскому крестьянскому союзу», так нужную для его возрождения...

...Имя Ференца Надя как вице-председателя изжившего себя «Национального комитета» не имеет такого значения, как имя Ференца Надя в качестве председателя возрожденного единого «Венгерского крестьянского союза», имеющего поддержку и за рубежом...»

Несколько позже мои представления и намерения изменились. Это и неудивительно, поскольку быстро меняющаяся обстановка требовала такого же быстрого приспособления к ней.

Если годы «холодной войны» я могу сравнить с беспрестанным землетрясением, то осень и зиму 1956 года — с извержением вулкана,

разумеется в политическом и дипломатическом плане. Однако случившееся на самом деле намного превзошло мои предположения.

Вена превратилась в нечто похожее на осажденный город, в который каждый день прибывали все новые и новые толпы эмигрантов. Это были не только политики, но и десятки тысяч простых людей, опьяненных мечтами, и большое число различного рода преступных элементов.

К моему счастью, самый сильный и богатый эмигрантский орган, каким являлся созданный ЦРУ «Венгерский национальный комитет», довольно беспристрастно взирал на это явление и ничего не предпринимал. Правда, его бездействие проявлялось не в сфере политики или пропаганды, где его члены действовали, рождая по указке своих хозяев разного рода заявления, статьи и меморандумы. Они оказались полностью безучастными к судьбам вновь прибывающих эмигрантов. Они просто с гордым и заносчивым видом сидели в своих башнях из слоновой кости. Однако мне лично это было на руку.

Число организаций по оказанию помощи беженцам быстро росло. Все они находились в поле моего зрения, и скоро я заметил, как они богатели, с кем контактировали, к кому присоединялись. Факты говорили сами за себя: так, например, была открыта контора «Объединение свободных граждан Европы», которой сначала управлял полковник Михай Надь, а затем его сменил агент ЦРУ Ласло Таубингер. Точно так же под видом благотворительной деятельности вел подозрительную и грязную работу известный американский шпион генерал Бела Лендьел, который окрестил возглавляемую им контору «Комитетом по оказанию первой помощи Венгрии». Еще до развязывания контрреволюционного мятежа нам стало известно о том, что большая часть шпионов и диверсантов, заброшенных через границу в Венгрию, поддерживала с ним тесную связь. Органам безопасности было известно, что сам Лендьел связался с ЦРУ через Тибора Экхарда.

На политической арене всплыл образованный герцогом Ласло Эстерхази (с помощью графа Ласло Палфи) так называемый «Национальный комитет для Венгрии». Первое время мне доставляло массу хлопот то, что многие известные деятели Австрии не стеснялись принимать участие в подобной деятельности. Лишь позднее выяснилось, что за их спиной стоял эрцгерцог Отто Габсбург, «наследник престола». Уже тогда этот отпрыск был связан крепкими

ниями с правыми из Баварии, а также с шефом шпионской организации генералом Геленом.

Я смело мог бы еще продолжить подобное перечисление, но полагаю, что и этого вполне достаточно, чтобы охарактеризовать всю сложность создавшейся ситуации.

Во всей их «благотворительной деятельности» и прежде не было отнюдь ничего гуманного. Само их создание и их связи служили целям грязной идеологической войны.

Получилось так, что некоторые венгры, более того, даже отдельные их группы с удивительной быстротой попали в страны Южной Америки и Азии. Однако большинство из них не имели ни малейшего представления о том, что они в той или иной мере служат интересам империалистов, а средства на их содержание (под каким бы видом это ни выдавалось) идут из ЦРУ.

Для примера приведу всего лишь одно сообщение, поступившее из Коста-Рики:

«Отсюда борцы за свободу Венгрии отправятся в поездку по странам Латинской Америки, как только глава правительства Коста-Рики великодушно вручит им новые паспорта с правом гражданства, чтобы они могли быстро получить визы для выезда в другие страны. Это турне подготовил для эмигрантов «институт по использованию трудовых резервов», а вернее говоря, два его венгерских сотрудника — Роберт Габор и Фридьеш Пишки-Шмидт. В группу вошли Йозеф Пешти, Дьердь Фалуди и другие».

В ходе турне, продолжавшегося с 11 января по 20 февраля, эмигранты посетили Мексику, Кубу, Перу, Чили, Аргентину, Боливию, Уругвай, Бразилию, а затем попали в Пуэрто-Рико, на остров Ямайку.

Американский журнал «Нью лидер» в своем номере за 18 февраля 1957 года писал:

«Путешествующие по странам Латинской Америки венгры помогли нам почувствовать дух венгерской революции... Особенно способствовала этому поездка одной группы борцов за свободу Венгрии...»

До этого я ничего не слышал об организации подобного рода турне и тем более не знал о платных агентах ЦРУ Роберте Габоре и Фридьеше Пишки-Шмидте. Я не случайно упоминаю о них. Пишки-Шмидт за свою шпионскую деятельность был осужден в Венгрии. Одно время, в пятидесятые годы, сообщения о его деятельности и бегстве за границу не сходили со страниц газет. В начале 1957 года он сделал мне конкретное предложение стать агентом ЦРУ.

Здесь мне следует немного задержаться и предупредить, что без специального объяснения читателю кое-что может показаться непонятным. В секретной службе частенько прибегают к так называемой двойной игре. То есть иногда возникают ситуации, когда желательно (тем более когда поступает предложение расширить сферу получения информации) одновременно получить возможность для искусного введения противника в заблуждение. Однако решиться на столь ответственный шаг сам я не мог, а связаться с Центром, чтобы получить на это разрешение, я, как уже говорилось выше, в то время не имел возможности. Да и польза, полученная от этой игры, не уравнивалась тем риском, который мне грозил. Нечего и говорить, что я с легким сердцем отклонил предложение Пишки-Шмидта.

Само собой разумеется, что в сферу интересов ЦРУ входили не только страны Латинской Америки. Другие группы венгерских эмигрантов совершали поездки по арабским странам. Третьи — по странам Азии. О масштабе таких поездок хорошо говорит письмо, полученное мною из Японии.

«Дорогой Миклош, до сих пор я прочитывал по два-три доклада или лекции на различного рода митингах. Два месяца я был очень и очень занят. Успел побывать почти во всех крупных городах. Вырезки моих статей в фотографии занимают целый чемодан. Вот уже две недели, как я разъезжаю по стране, после чего вернусь в Токио. Затем поеду на Тайвань, приглашение я уже получил, а через месяц буду на острове Хоккайдо... Втроем мы написали одну книгу о венгерской революции, которая выйдет из печати на японском языке недели через две.

Дорогой Миклош! Посылаю тебе две вырезки из газет, в которых рассказывается о событиях последних недель, из них

ты и узнаешь, чем я тут занимаюсь. Два моих коллеги находятся сейчас на Тайване, откуда отправятся в Манилу...»

В упоминавшихся вырезках, как и в самом письме, речь шла об уже закончившихся или же еще происходивших событиях. А поездки венгерских эмигрантов по различным странам продолжались и после разгрома контрреволюционного мятежа.

Специалисты по ведению психологической войны обращали особое внимание на эмигрантов, входивших во фракцию Имре Надя, и на диссидентов из числа коммунистов. Разумеется, ни политики с их буржуазными взглядами, ни писатели, ни артисты не могли в идейном плане солидаризироваться с итальянскими и французскими коммунистами. А как известно, расчленить сильную партию можно только с помощью идеологической борьбы и диверсий. Вот почему империалисты искали и, найдя, использовали для этой цели подходящих людей. Искусно используя трагические события в Венгрии, они с помощью средств массовой информации и хорошо подобранных агитаторов из числа высокообразованных людей проводили клеветническую кампанию против Советского Союза и стран социалистического лагеря.

Венгерские эмигранты из числа «коммунистов» настраивали известных деятелей культуры против нас.

Такая атмосфера царила зимой 1956 года в западном мире. Создалась обстановка для невыдачи мандата ООН представителю правительства Кадара. Все это красноречиво свидетельствовало о том, что отделение по грязным операциям ЦРУ действовало вполне успешно.

Правда, это были лишь отдельные акции. Именно поэтому я прилагал все свои старания, чтобы силы политической эмиграции остались бы разобщенными и не были бы способны на сплоченное выступление.

Мой авторитет был достаточно высок благодаря слухам о моих способностях оказывать помощь, а также той любви и доверию, с которыми 3 ноября меня принял Бела Ковач.

С тех пор любой более или менее известный деятель партии мелких сельских хозяев, прибывший в Австрию, обязательно искал встречи со мной. Старые эмигранты лили воду на мою мельницу. Особенно мне на руку было то, что члены «Национального комитета»

оставались равнодушными к социальным проблемам вновь прибывающих эмигрантов. Я же прилагал все свои силы, использовал все возможности для того, чтобы помочь им и их семьям.

Среди диссидентов оказалось несколько человек, с кем меня связывали узы старой дружбы, которых я продолжал любить, несмотря на их заблуждения и враждебное поведение по отношению к социалистическому государству. В основном я считал их честными людьми и надеялся, что рано или поздно они образумятся и начнут иначе оценивать происходившие события. Я верил в то, что придет время, когда они наберутся смелости и, признав свои ошибки, начнут их исправлять.

Однако зимой 1956 года я мог только мечтать об этом. Интересы государства были главными, а судьбы отдельных людей казались такими маленькими и незначительными.

Я понимал, что разведчику нельзя быть чересчур сентиментальным. Разве мог я рассчитывать в случае своего провала на чью-то дружбу или чье-то великодушие?

Моя квартира была местом для собраний и встреч и центром по оказанию помощи. Кто только не побывал в ней: оба председателя «Крестьянского союза» Шандор Киш и Янош Хорват, бывшие депутаты Национального собрания; Золтан Неште и Золтан Бенке — руководители так называемого «Венгерского совета революционной интеллигенции»; Пал Йонаш — руководитель кружка имени Петефи; бывший генеральный секретарь «Независимого союза молодежи» Иштван Б. Рац; уже упомянутый мною в связи со встречей 3 ноября Йожеф Адорьян и многие другие известные личности.

Однако будущее я связывал только с именами старых эмигрантов, бывших моими хорошими друзьями.

Я много спорил с ними, рассказывал им о том, как вел себя с эмигрантами, прибывшими в Австрию еще до начала контрреволюционного мятежа. Не раз обращал их внимание на то безразличие, которое проявлялось к ним самим на протяжении многих лет, напоминал об арестах их родных и близких на родине.

— Но что мы можем для них сделать? — однажды спросил меня кто-то из слушающих.

— А разве вы ничего не слышали об ИККА?

В период культа личности Ракоши существовало такое правило, по которому родственники, проживающие за границей, или друзья через

ИККА — внешнеторговое предприятие — за иностранную валюту могли послать близким родственникам в качестве оказания помощи посылки с промышленными и продовольственными товарами. Оставшиеся на родине бывшие аристократы, крупные и мелкие капиталисты, а также другие господа — осколки старого режима — довольно часто получали из-за рубежа такие подачки, которые позволяли им жить лучше, чем жили среднеоплачиваемые трудящиеся. В своем разговоре и я упомянул об этом.

— Ну и шуточки у тебя! А что бы они с нами сделали, если бы мы начали получать посылки с Запада?

— Вы, видимо, не хотите понять, что помощь не оказывалась отнюдь не по нашей вине!

— Ты принимаешь это слишком близко к сердцу... Сам Бела Ковач не получал лекарств из-за границы, что при его-то высоком кровяном давлении...

— Почему это не получал? Получал два раза! — Вот тут-то я мог дать самый сокрушительный ответ. И я дал его: — От меня лично получал! Я посылал ему дефицитные лекарства!

На самом деле так оно и было. Капитан парохода, знакомый Ауреля Абрани, забрал у меня лекарство и доставил его куда надо. Сделал я это, так сказать, по дружбе и отнюдь не думая о том, что когда-нибудь упоминание об этом поднимет мой авторитет в глазах старых эмигрантов.

Мое заявление словно гром поразило присутствующих, пробив первую трещину в ореоле порядочности, который до этого окружал Белу Ковача и его коллег.

— Ты на них сердишься, если я не ошибаюсь, — заметил мне Шандор Киш.

— Именно ошибаешься! — бросил я. — Господа! Да откройте же вы наконец глаза! Тем более что эти люди вам больше не друзья. Они живут совершенно другой жизнью, они изменили гражданским идеалам. Ференца Надя оттеснили в угол, Кальмана Шалату выгнали из комитета, и все из-за того, что так захотели реакционеры Миклош Каллаи и граф Бела Хадик!

В ходе таких вот споров, затягивавшихся порой до поздней ночи, постепенно складывалось общественное мнение. Однако добиться от них принятия соответствующего решения я, как ни старался, не смог.

Делу помог случай.

— Завтра мы придем только вечером, — сказал однажды после полуночной беседы Шандор Киш.

Собственно говоря, мне нужен был отдых. Хорошо, что к тому времени я уже привык не спешить чем-нибудь интересоваться, понимая, что порой важное значение имеет даже самая незначительная мелочь.

— Семейные проблемы?

— В известной степени. Нужно достать кое-что из одежды для детишек. Заедем к Таубингеру.

— Я же тебе все достал, — обиженным тоном произнес я.

Янош Хорват поспешил на выручку Шандору.

— Именно поэтому, Миклош, — смиренно сказал он. — Не можем же мы то и дело обращаться к тебе.

— В конце концов «Венгерское бюро» принадлежит комитету, председателем которого является Бела Варга, наш хороший друг.

Я пытался отговорить их от такого намерения, которое оценивал как измену, но вдруг в голову мне пришла адская мысль.

— Как вам хочется, — пожал я плечами. — Тогда до вечера.

На следующее утро я первым делом позвонил в «Венгерское бюро», в котором работал один мой хороший знакомый.

— Могу я тебя попросить об одной любезности? — спросил я его по телефону. — Сегодня к вам придут Шандор Киш и Янош Хорват. Оба они мои коллеги. Для меня очень важно, чтобы они попали к самому Таубингеру и получили бы от него помощь. К тому же оба они друзья Ференца Надя.

Я был уверен, что человек, которого я просил об этом, не откажет мне и, руководствуясь самыми добрыми намерениями, передаст своему шефу все, что я ему говорил. Он не догадывался о том, что я хорошо знал: агент ЦРУ, легитимист по взглядам, Ласло Таубингер ненавидит меня, как ненавидит выступающих против династии Габсбургов Ференца Надя и всю прочую «деревенщину», как он в узком дружеском кругу называл нас. И следовательно, мое предложение должно повлиять на него, как на разъяренного быка красная тряпка.

Я не ошибся в своих расчетах. Шандор Киш и его друг пришли ко мне вечером в отвратительном настроении, обиженные и оскорбленные.

После долгих и страстных разговоров в тот же вечер родился новый декрет молодых эмигрантов-политиков:

«Учитывая сложившуюся в Венгрии ситуацию, мы, нижеподписавшиеся, считаем необходимым и важным создание «Венгерского революционного совета». Мы ознакомились с его целями, декларацией и программой, согласны с ними и примем активное участие в его основании.

Нами принято решение, что местом нахождения «Венгерского революционного совета» будет одно из государств Европы (не нейтральное).

Европа. 19 ноября 1956 года.

Подписано представителями революционной независимой партии мелких сельских хозяев, «Венгерского крестьянского союза», бывшего «Союза лиц, преследуемых по политическим целям», борцами из казармы «Килиан».

В ту ночь я засыпал ужасно уставшим, но довольным собой, так как отныне нисколько не сомневался в том, что впереди меня ожидает долгая трудная борьба, и, как бы там ни было, первый и решающий шаг уже сделан. Теперь не могло быть и речи о единстве и сплоченности эмиграции. План ЦРУ относительно этого потерпел фиаско в самом начале.

ТРУДНАЯ ПОРА

Кто в 1956 году, во время контрреволюционного мятежа, был молодым человеком или взрослым, те хорошо запомнили все ужасы тех дней. Стоило тогда только показать на кого-нибудь пальцем и сказать, что этот человек сотрудник органов безопасности, как тут же, на месте, следовала расправа. На площади Кезтаршашаг в течение нескольких дней действовала страшная мясорубка; мятежники разыскивали какие-то подпольные камеры, якобы забитые арестованными.

В стране началась настоящая «охота на ведьм», с той лишь разницей, что корни этой «охоты» гнездились в почве маккартизма. За рубежом, в Западной Европе, настроения тоже были пропитаны ненавистью. Особенную антипатию вызвали эмигрантские военные организации и часть диссидентов, устремившихся на Запад.

К одному из парадоксов жизни человека относится и такой момент, когда после нагромождения отрицательных явлений вдруг следует нечто хорошее, что-то такое, что помогает ему пережить трудности или, во всяком случае, смягчает тяжелое положение, делая его сносным. На собственном опыте я не раз убеждался в том, что, когда все идет самым лучшим образом, когда человеку везет, на него вдруг совершенно неожиданно обрушивается холодный душ. Так случилось со мной и на сей раз.

Я знал о том, что сотрудники радиостанции «Свободная Европа» ознакомили военно-фашистскую организацию «Союз венгерских борцов» с секретными документами венгерских органов безопасности. Из-за отсутствия связи с Центром я не имел возможности перепроверить эти данные. После поездки в Будапешт я не исключал, что мне грозит серьезная опасность. Следовательно, мне нужно было быть готовым к тому, что однажды меня арестуют и заявят, что им-де хорошо известно, кто я такой, а затем последует физическая расправа.

Однажды в дверь моей квартиры кто-то позвонил.

Дверь открыл мой секретарь Янош Ракоци. Через минуту он вошел ко мне и доложил:

— Из Будапешта прибыл какой-то господин. Он назвался твоим старым знакомым и настаивает на встрече.

И тут в голову мне пришла мысль о том, что это может быть связной из Центра. А если нет? Но кто же это тогда?..

— Впусти его, — распорядился я.

Каково же было мое удивление, когда я увидел на пороге своего старого знакомого доктора Йене Биндера.

— Я все о тебе знаю! — заявил он прямо с порога.

Мне показалось, что дом обрушился и я падаю куда-то в пропасть.

«Вот и конец! — подумал я. — А что я, собственно, знаю об этом Биндере? — И тут же мысленно ответил на этот вопрос. — В годы второй мировой войны он жил в Коложваре и как один из руководителей бойскаутского движения поддерживал связь с генерал-полковником Ференцем Фаркашем Кишбарнаки, бывшим главой этой организации... Итак, Фаркаш Кишбарнаки! Организатор строительства линии Арпада и один из ее «защитников», доверенное лицо Салаши, которому была поручена эвакуация гражданского населения, руководитель военно-эмигрантской организации профашистского толка «Движение за свободу Венгрии», военный советник НАТО по делам Восточной Европы...

...Если этот Биндер действительно знает, кто я такой, тогда мне конец!»

Я решил, что в случае провала застрелю его. Свидетелей нет... А потом заявлю, что он на меня напал. Лучше защищать себя на суде, чем провалиться, не использовав такую возможность.

— Садись... и извини, я сейчас вернусь!

Пройдя в спальню, я взял пистолет и, загнав патрон в патронник, положил оружие в карман, вышел к нежданному гостю и остановился перед ним.

— Ну-с, рассказывай, что же ты обо мне знаешь? — Голос мой вряд ли прозвучал дружелюбно.

Биндер с нескрываемым удивлением снизу вверх посмотрел на меня:

— Ты чего такой сердитый? Я тебя ничем не обидел. Так просто пошутил, и все... — растерянно проговорил он. — А вообще-то я, конечно, все о тебе знаю. Еще на границе мне сказали, что я обязательно должен обратиться к тебе. — С этими словами он встал и обнял меня. — Ты же теперь большим человеком стал, дружище! Очень большим!..

Случись такое в другое время, мне сделалось бы нехорошо от подобной лести, а тут с меня словно камень сняли.

Я достал бутылку дорогого коньяка и начал угощать гостя.

Мною были предприняты необходимые меры для восстановления связи с Центром по заранее установленной схеме, но безрезультатно. Я понимал, что на родине нужно было сначала собрать воедино и сплотить силы внутри самой Венгрии, а уж только потом Центр мог заняться своими агентами, находящимися за рубежом.

Понимать-то я понимал, однако это несколько не уменьшило моих терзаний. Я должен был жить в чужом мире, ежедневно подвергаясь опасностям.

Вскоре после того как Биндер уплел, ко мне на квартиру заявился какой-то пожилой человек, который тоже желал говорить только лично со мной.

— Полковник Деметер, — представился он и посмотрел на меня таким взглядом, будто я был обязан знать, что он за птица. — Неужели вы меня не знаете, молодой человек? И никогда не слышали обо мне?

Эти вопросы прозвучали не очень грубо, но в то же время и не слишком дружелюбно.

— Признаюсь, господин полковник, что...

— А вам бы следовало обо мне знать, молодой человек, — прервал он меня.

Здесь посетитель сделал паузу и просверлил меня взглядом. Мне сразу сделалось как-то не по себе.

— А ведь я читал в военной академии курс по ведению контрразведки. Бела Кирай был моим учеником.

Я чуть не поперхнулся, и это не ускользнуло от внимания наблюдательного полковника.

— Что с вами, молодой человек? Уж не напала ли на вас икота?

Он был недалек от истины.

Неожиданное появление этого человека не сулило мне ничего хорошего. Однако я решил все сразу же выяснить и потому спросил:

— Что вам от меня угодно, господин полковник? У меня мало времени.

— О, простите, пожалуйста, старого служаку, — заговорил он совершенно другим тоном. — Я навел на вас в связи с одним нашим общим другом.

— Говорите яснее, господин полковник.

— Речь пойдет о Ференце Наде. Мы с ним земляки, из одного селения.

— О, это совсем другое дело! — с облегчением воскликнул я. — В таком случае вы — мой желанный гость.

— А вы могли бы сейчас же связаться с Ференцем?

— Да, конечно.

— Прошу вас, передайте ему, что мне необходимо встретиться с ним. Пусть он прилетит в Вену.

— Вряд ли такое возможно...

— На родине я оставил хорошо организованные подразделения, во главе которых стоят мои сыновья. Все мои пятеро сыновей в свое время окончили академию Людовика. Кадровые офицеры. Им необходимы оружие и боеприпасы для ведения тайной войны.

Нелегко было мне найти слова для ответа.

— Господин полковник, дело это... действительно очень важное... Однако днем я не смогу связаться с Ференцем. Давайте договоримся так: я позвоню ему сегодня вечером...

— И сразу же перезвоните мне. Благодарю вас! От имени всей Венгрии!

Когда гость ушел, я попросил Яноша Ракоци не беспокоить меня до тех пор, пока я сам не скажу. Мне нужно было время, чтобы как следует осмыслить услышанное.

Как хорошо было бы сейчас связаться с Центром! Но связи не было. Я мучился, предоставленный сам себе, и не знал, как отнестись к словам старика о тайной войне. Что-то во всем этом настораживало меня. Внутренний голос шептал: «Будь особенно внимателен!»

Полковник оставил мне номер телефона. И я уцепился за эту тонкую ниточку. Без особого труда мне удалось установить, что телефон зарегистрирован по следующему адресу: Вена, II район, Энгассе, дом номер 3, на фамилию старшего лейтенанта королевской венгерской армии Элека Такача. Выяснив это, я по-новому оцепил полковника Деметера, поскольку лично я хотя и не встречался с Такачем, однако знал, что это австрийский резидент «Союза венгерских борцов», причинивший мне много беспокойства. Между прочим, именно этот человек подбил диссидента Имре Мольнара, младшего лейтенанта пограничной службы, на то, чтобы тот после начала контрреволюционного мятежа нелегально выехал в Венгрию и установил там связь со своим бывшим командиром с задачей открыть

«брешь» в границе для пропуска через нее артиллерии и боеприпасов, которые Запад направлял для помощи мятежникам.

Правда, этого задания Мольнар не выполнил. Однако фамилия подстрекателя послужила для меня предупреждением, так как я понял, что к идее одержимого полковника Деметера следует отнестись серьезно.

После долгого раздумья я решил не извещать Ференца Надя о просьбе Деметера. Чтобы полностью обезопасить себя, я все-таки заказал разговор с Америкой, так как опытные Деметер и Такач легко могли проверить это, а когда меня соединили, я на полуслове прервал разговор, сказав телефонистке, что меня почему-то прервали.

Однако я прекрасно понимал, что банда Деметера не успокоится на этом. Вполне возможно, что она успела совершить много пакостей, но что я мог поделать, не имея связи с Центром?! Правда, тем, что я не помог бандитам получить поддержку из-за рубежа, я вызвал кое у кого подозрение, но сам я об этом узнал значительно позже.

Тем временем продолжалась моя организационная работа по созданию новой эмигрантской организации — «Венгерского революционного совета». Самым важным на том этапе было для меня привлечение на свою сторону социал-демократов.

Вот когда пригодилась мне дружеская связь с дядюшкой Герцогом! Если бы с предложением о создании новой организации выступил кто-нибудь другой, он неминуемо потерпел бы поражение. С одной стороны, социал-демократы не позабыли о том, как много недоверия выказывали им граждане, а с другой — их независимость обеспечивалась поддержкой со стороны Социнтерна.

— А зачем нам нужна новая организация? — скорее из вежливости, чем из любопытства, поинтересовался однажды Имре Селиг.

— Для демонстрации революционного единства.

— Вы шутите? — ехидно усмехнулся Селиг. — Вы же не хуже меня знаете, что стабилизация положения в стране в два счета сметет ваше единство. Вспомните о периоде коалиции! Как только чуть-чуть станет потише, они сами себя съедят!

Селиг был прав. Мне следовало бы привести другие доводы.

— Во всяком случае Бела Варга и его сторонники войдут в этот совет. Для них это вопрос жизни. Вливание свежей крови на многие годы обеспечит им верховодство в эмиграции.

— Что вы хотите этим сказать? — Имре вздернул голову, как строевой конь при звуке трубы.

— Только то, что в революционизированном совете наряду с реакционерами займут места и социал-демократы Кароя Пейера.

— Пейер — социал-предатель! — презрительно бросил Имре.

Я терпеливо ждал. Так раскинувший свою паутину паук обычно ждет, когда в нее попадет очередная жертва. Я знал, что, упомянув о Пейере, задел самое болезненное место Селига. Помолчав еще немного, я добавил:

— Если же мы не создадим новую организацию, то большую часть уже прибывших и еще прибывающих эмигрантов у нас рано или поздно просто купят. Нищета — это сильный повелитель. Даже самого честного человека нетрудно принудить к проституции. А в данном случае сильнее станет только союз Варги и Пейера!

— Черт бы их побрал! — вырвалось у Селига, но ему тут же пришлось смириться. — Вы, конечно, правы. Извините меня, пожалуйста!

— Так как же?

— В принципе мы «за». Правда, мне нужно будет посоветоваться с Анной Кетли.

Спустя несколько дней Селиг повез меня в один небольшой отель, располагавшийся неподалеку от Мариахильферштрассе, где я познакомился с бывшим заместителем начальника будапештской полиции Оливером Беньямином. Еще по дороге в отель Селиг сказал мне, что Оливер — любимец Анны Кетли и ее доверенное лицо, а постаревшие социал-демократические лидеры считают его чуть ли не своим преемником.

Оказалось, что Беньямин уже слышал обо мне. Видимо, это сделали дядюшка Герцог и сам Селиг. Принят я был вполне благосклонно. Спустя четверть часа мы разговаривали как добрые старые друзья. Беньямин принял мое приглашение побывать у меня на квартире.

Сторонники Шандора Киша, которые по заведенному обычаю принимали новичков у меня на квартире, где они обговаривали все, что им необходимо делать, увидев меня вместе с Оливером, были очень удивлены. Они рассказали мне, что давно знали Оливера, но считали его крепким орешком, которого трудно в чем-нибудь убедить, таким упрямым он был. Позже я и сам убедился в том, что они, по сути дела,

не ошибались. Во всяком случае, начиная с этого дня члены партии мелких сельских хозяев и буржуазные социал-демократы стали считать меня специалистом и всегда обращались ко мне, если в чем-то хотели убедить Кетли. В этом был какой-то резон, так как социал-демократы, начиная от самой Анны Кетли и кончая Оливером Беньямином, не говоря уже о мелких партийных чиновниках, никому из руководителей политической эмиграции не верили, кроме меня.

Всему этому я обязан исключительно сотрудничеством и дружбой с дядюшкой Герцогом. Из наших отношений я извлек много пользы и тогда, и позже, в трудные времена.

Таким образом, новая организация «Венгерский революционный совет» была создана. Она как бы вклинилась в ряды противника, заняв в них твердую позицию. Узнав о создании «Революционного совета», ко мне из Парижа приехал член христианско-демократического союза Арпад Ракшани, доверенное лицо западногерманского канцлера Аденауэра и итальянского премьер-министра Гасперри. От вступления Ракшани в совет я много выиграл. Очень быстро я получил всестороннюю помощь, включая и финансовую, от Европейского совета — предшественника нынешнего Европейского парламента.

«Национальный комитет» только тогда и спохватился, но было уже поздно. С присоединением к моему совету социал-демократов и вступлением в него Ракшани он превратился в широкомасштабную серьезную политическую организацию. Ференц Надь и его сторонники, Имре Ковач и с ним вместе члены крестьянской партии, более того, даже фракция христианских демократов во главе с Кези-Хорватом заявили о своем выходе из «Национального комитета». Все это буквально потрясло ЦРУ, планы которого потерпели фиаско.

Разумеется, располагая опытной гвардией и безграничными средствами, сторонники Ференца Надя не собирались так легко сдаваться. Мне казалось, что многое зависит от того, удастся ли убедить всех в том, что создание «Революционного совета» есть историческая необходимость и, следовательно, естественное продолжение венгерского «восстания», что совет будет продолжать свою деятельность в западном духе, выгодном для так называемого свободного мира.

События подтвердили, что мне удалось достичь этого. Во всяком случае, когда Ференц Надь добился для меня приглашения сената на поездку в Соединенные Штаты Америки, я без колебаний отказался.

На этот шаг меня толкнуло множество веских обстоятельств, и среди них то, что я не мог получить одобрения со стороны венгерских органов разведки; что моя европейская позиция, как мне казалось, была крепкой и очень важной; что решение необходимых административных мер было поручено (по телеграфу) военному атташе США в Вене майору Конгерту и офицеру контрразведки Хорняку.

Четко и ясно я представлял себе, что они выяснили обо мне все, хотя я еще не ступил на американскую землю в качестве гостя сената. Но и тогда я все еще не был уверен в том, что секретные документы органов безопасности, которые помогли бы раскрыть меня, не попали в чужие руки.

БОРЬБА ЗА МАНДАТ ООН

Шандор Киш первым получил известие о приезде в Вену Йозефа Кеваго. Австрийская народная партия смотрела на «революционного» генерального секретаря партии мелких сельских хозяев как на представителя братской партии и соответственно приняла его.

Мне было поручено поддерживать Кеваго, который колебался и потому готов был склониться туда, где больше дадут. Это мое ехидное замечание позднее полностью подтвердилось, так как Кеваго очень быстро променял своих бедных друзей на богатых.

Кеваго рассматривал свои шансы прежде всего с точки зрения укрепления собственного положения. Он почти мгновенно образовал эмигрантскую организацию революционной партии мелких сельских хозяев. Этим самым он, собственно, как бы санкционировал себя на пост генерального секретаря вместе с исполнительным комитетом, секретарем которого был избран я, что было для меня делом и важным, и полезным.

В качестве секретаря я и был приглашен на торжественный обед, который руководство народной партии давало в честь руководителя партии мелких сельских хозяев. Мне снова выпала возможность встретиться с генеральным секретарем народной партии Альфредом Малетой, Йозефом Лентшелем (председателем земельного собрания Бургенланда), Гюнтером Голлером (членом партийного руководства), Францем Штроблем (депутатом парламента) и многими другими моими знакомыми.

— Я должен признать, господин депутат, что все мы поверили в вас с самой первой минуты, — вежливо приветствовал меня Малета.

— Благодарю вас, господин Малета. Ваша моральная поддержка во многом помогла мне.

Обо всей этой словесной игре не стоило бы и упоминать, если бы она не характеризовала укрепления моего положения. Со временем все функционеры партии мелких сельских хозяев стали считать своей обязанностью докладывать мне о более или менее важных делах в консультироваться со мной.

А случаев для этого предоставлялось много. В Венгрии в то время возникала масса всевозможных союзов, организаций, обществ, партий.

Мне было очень трудно и обременительно держать их в поле зрения. Я не мог предвидеть, что из них получится в будущем, ведь часто бывало так, что безобидная на вид организация со временем превращалась в пороховой погреб. Приведу лишь один из многих примеров.

— Ты не знаешь Дани Киша? — спросил меня однажды Иштван Б. Рац.

— Никогда не слышал о нем.

— Он был моим хорошим другом в лагере для интернированных. Этот человек очень умен и к тому же со связями.

— Если он и на самом деле таков, то сожалею, что прежде не встречался с ним.

— Это дело можно поправить!

— Скажи сразу, что тебе от меня нужно?

— Может, лучше я расскажу? — вмешался в наш разговор Пал Йонаш, а затем продолжал: — Дани решил образовать «Всемирный союз политических изгнанников». Великолепная мысль и широкомасштабная. Он полагает, что в этой организации можно было бы собрать всех заключенных, которых коммунисты бросили в тюрьмы. Союз этот создал бы «Всемирный банк» для изгнанных, в задачи которого входила бы помощь как выехавшим за границу, так и оставшимся на родине. У них уже есть свой еженедельник.

— Свой еженедельник? Как это следует понимать? Союза еще нет, а еженедельник уже есть?

Йонаш пришел в небольшое замешательство, а затем признался, что союз этот, по сути дела, уже действует.

— Мы потому и сказали тебе об этом, чтобы пригласить тебя на выборное собрание руководства союза.

— Дорогой Палика, ты говоришь об этом, как о чем-то решенном. А как же быть с партийной дисциплиной?

— Йошка Кеваго согласен с нами, — обрадованно сказал Йонаш. — Он уже подписал декрет об образовании.

До этих слов я не очень-то внимательно прислушивался к его словам, но тут сразу же насторожился.

— Подписал декрет? Без решения руководства?..

Йонаш и Рац так посмотрели на меня, будто я с луны свалился.

— А чего ты умничаешь? — воскликнул Йонаш. — Речь идет о частном венгерском деле. Сейчас Дани повез документ на подпись к Кетли.

Я чуть было не вскочил:

— К Кетли? Когда?! — Часы показывали без четверти четыре. Я замолчал и прикинул в уме, что если он поехал к Кетли на трамвае, а потом еще на автобусе, то только-только сумел добраться до ее дома. Но ведь он мог поехать и на машине.

Сознаюсь честно, не очень-то уютно я почувствовал себя. И только пришедшая мне в голову новая мысль несколько успокоила меня.

Даниель не мог знать адреса Анны Кетли, который социал-демократы хранили в строгой тайне. Я схватил телефонную трубку и, не обращая внимания на Йонаша, позвонил в гостиницу Оливеру Беньямину.

— Ты знаком с Даниелем Кишем? — спросил я у него.

— Он сейчас как раз у меня сидит.

— И знаешь, зачем он приехал?

— Теперь уже знаю.

— Оливер, мне что-то в этом деле не нравится. Уж больно быстро и гладко все сделано. В условиях эмиграции так не принято поступать. К тому же за нашей с тобой спиной.

— Тут я с тобой согласен, — как всегда коротко заметил Оливер.

— Я предлагаю ничего не подписывать, пока мы внимательно не изучим обстановку.

Оливер засмеялся, но не по-доброму, а скорее со злостью:

— Разумеется, мы не станем впрягаться в это дело так быстро, как, скажем, Кеваго?!

— Значит, ты уже все знаешь?

— Разумеется. Господин Киш с этого и начал свой разговор со мной. Это была приманка.

После этого телефонного разговора я немного успокоился, зато Рац набросился на меня с упреками.

— На такое ты не имел права! — нервно заявил мне он.

— Будет лучше, если ты помолчишь. Вы и Йошку Кеваго хотели обмануть, — парировал я его удар.

Пал Йонаш был спокойнее.

— По-моему, ты слишком опрометчив. Согласись, что вряд ли так просто сейчас найти такого дурака, который без всякого контроля предложил бы Дани миллион долларов...

— Я не ослышался?..

— Нисколько! Миллион долларов, — повторил он. — Если хочешь, можешь убедиться сам.

Еще бы мне не хотелось! Каким же я был бы разведчиком, если бы меня не интересовало, кто и с какой целью вдруг отваливает такую сумму. Спустя четверть часа я уже находился в фешенебельном отеле «Бристоль» и сидел в люксе за одним столом с бароном Дьердем Ульманом, сыном тогдашнего всемогущего директора — распорядителя кредитного банка.

— Дорогой Дюрика, — запросто обратился к нему Йонаш, — будь добр, убеди ты этого упрямца.

— Речь идет о Дани? — сразу понял Ульман-младший.

— Да, о нем. Ему дают миллион долларов, — заметил я.

— Хотел бы я знать, почему это тебя так заинтересовало? — спросил меня Ульман, запросто переходя со мной на «ты».

— Я мог бы назвать несколько причин: во-первых, как секретарю организационного комитета ПМСХ мне следует знать, во что втягивают нашу партию; во-вторых, как члену организационного комитета «Венгерского революционного совета» мне положено об этом знать, и в-третьих, в эмиграции не принято сорить направо и налево деньгами, тем более такой крупной суммой.

— Итак, причины мы выяснили. А что же именно тебя интересует?

С сыном банкира можно было говорить, так как он быстро соображал. Правда, одновременно он не терял и осторожности.

— Этот миллион они получают для оказания помощи?

Не задумываясь, откровенно и вместе с тем дипломатично он ответил:

— И для этого тоже, разумеется.

Других вопросов я не задал, сделав вид, что вполне удовлетворен полученным ответом.

Я узнал то, что меня интересовало. Ульман не отрицал, что эта миллионная подачка помимо помощи будет использована и для других целей.

Вскоре мои опасения оправдались. Кроме барона Ульмана для оказания помощи, подобной той, какая оказывалась Даниелю Кишу, в Вену приехали Янош Маутнер и Кристоф Каллаи. Первый был сыном богатейшего торговца семенами, второй — сыном Миклоша Каллаи, бывшего премьер-министра при Хорти.

Выяснив все это, я принял приглашение Иштвана Б. Раца и Золтана Бенке присутствовать на их выборном собрании. Стоило мне переступить порог отеля «Кайзерхоф», как на меня нахлынули воспоминания недавнего прошлого. Недели две назад в этом отеле находилась штаб-квартира генерала Зако, у входа в которую стояли вооруженные террористы из карательного отряда. Случайно ли, что Киш и его сторонники собирались провести свое выборное собрание именно здесь?..

Я слушал докладчика и размышлял об истинных целях этой помощи, которая предоставлялась отнюдь не с благими намерениями. Мое логическое заключение было таким: отсюда будут направляться, а точнее говоря, финансироваться хорошо замаскированные акции, нацеленные на подрыв Венгерской Народной Республики.

Мысленно я начал искать и нашел-таки пункты, по которым можно было нанести удар. Когда казалось, что все идет как по маслу, я встал и попросил дать мне слово.

— Я хотел бы сделать два замечания и одно заявление, — сказал я.

— Слушаем, слушаем...

Собравшиеся были настолько уверены в себе, что даже не могли представить, что я могу выступить против.

— Я очень внимательно выслушал всех выступавших, особенно нашего боевого друга Даниеля Киша. И понял, что «Всемирный союз политических изгнанников» как бы уравнивает бывших военных преступников с бывшими участниками антигитлеровского движения.

— Ведь все они сидели в тюрьмах у коммунистов! — выкрикнул кто-то.

— Мне предоставили слово и я попросил бы не перебивать меня! — решительно заявил я, чтобы отбить всякую охоту у кого бы то ни было мешать мне говорить дальше. Дождавшись, пока станет тихо, я продолжал: — Я со своей стороны не стану связывать собственную судьбу с судьбой гитлеровских приспешников. Это было бы предательством по отношению к Байчи-Жилинскому и его коллегам, ставшим жертвами фашизма. Кроме того, скажу, что здесь, в этих стенах, стараются создать такую политическую организацию, которая, по сути дела, является конкурентом «Венгерского революционного совета». Ясно и понятно, в чьих интересах это делается. Поэтому я как секретарь исполнительного комитета революционной партии мелких сельских хозяев аннулирую все подписи членов нашей партии. В такой

форме мы не станем помогать «Всемирному союзу политических изгнанников».

Как только я замолчал, в зале воцарилась такая тишина, что было слышно жужжание мухи. А спустя несколько секунд разразилась самая настоящая буря. Только благодаря верным людям да группировавшимся вокруг меня членам ПМСХ мне удалось выйти из отеля живым.

— Это ты здорово сделал! — похвалил меня Бенке.

— Я считаю, что Миклош абсолютно прав. Мы не сядем за один стол с фашистами! — решительно встал на мою сторону Дьердь Эгри, когда мы, не прекращая спорить, шли по улице.

— Что случилось, то и случилось, — философски заметил Янош. — Во всяком случае, план Дани расстроен... пока расстроен.

Я срочно созвал заседание членов исполнительного комитета. Инстинктивно я чувствовал, что в политике Ульмана в его соратников имеется какая-то громадная сила. А мне было необходимо как-то обезопасить себя. На бурном совещании мне удалось убедить в своей правоте Кеваго.

— Эта затея угрожает нашей политической целостности, — высказал я свое мнение. — Выступать с общей платформой с нилашистами и военными преступниками — значит совершать такую ошибку, которую мы вряд ли когда-нибудь сумеем объяснить нашим соотечественникам на родине.

Кеваго даже покраснел от возбуждения. Я думал, что он сердится на меня, так как он вообще терпеть не мог никакой критики. Но этого не произошло. Он ругал Иштвана Б. Раца и его друзей.

— Это вы втянули меня в такое свинство! — выкрикнул он. — Чтобы я еще когда-нибудь поверил вам! — Тут он повернулся ко мне и сказал: — Спасибо тебе. Действия твои были правильными и целиком отвечают интересам нашей партии.

Я подумал, что после этого мне станет легче, хотя бы настолько, чтобы я мог целиком заняться подготовкой к конференции в Страсбурге, зная, что именно там и будет дан самый решительный бой.

Но я ошибся.

Через несколько дней после инцидента с Даниелем мне позвонил Кеваго.

— У тебя есть время? — спросил он.

— Для тебя всегда найдется, — ответил я.

— Тогда зайди за мной. Когда ты выйдешь?

— Минут через десять.

Когда мы встретились, Кеваго выглядел каким-то чужим и злым. Худое лицо его обезобразила гримаса боли.

— Плохие новости? — спросил я, поздоровавшись.

Он вроде бы немного отошел, в уголках рта даже появилась слабая улыбка.

— Проводи меня, а по дороге я тебе все расскажу.

Мы шли рядом по Тиволигассе, обдуваемые холодным ветром с вершины Шнееберга.

До угла мы дошли, не сказав ни слова. Он молчал, и я не хотел нарушать тишины.

— Ты знаешь Потоцки? — наконец спросил он.

— Еще бы мне не знать этого интригана!

Кеваго кивнул и заметил, что характеристика моя верна. Затем он сообщил, что в кафе неподалеку нас ждут три человека: генерал Бела Кирай — командующий национальной гвардией, Дьердь Хелтаи — секретарь Имре Надя по иностранным делам, и Потоцки.

После этого снова наступила пауза. Я шел и думал: «Что же это за сборище?..» О Кирае я много слышал, и не только как о военном главаре контрреволюции, но и как о достойном ученике полковника Деметера. Мне было известно и то, что при Хорти он женился на дочке Гембеши, а после освобождения страны развелся с ней. Это был отъявленный карьерист. С Хелтаи я до этого никогда не встречался, а уж с Потоцки тем более. Ничего хорошего от этой троицы я, разумеется, не ждал.

В дорогом фешенебельном кафе в эти утренние часы было очень мало посетителей.

За столом, к которому подошел Кеваго, сидели трое мужчин. Высокого роста Кирай вытянулся то ли по привычке военного, то ли чтобы принять более внушительную позу. Скорее всего последнее, так как всем своим поведением и выражением лица он явно подражал генералу де Голлю. Хелтаи казался его противоположностью. Скромный по натуре, он как бы вдавился в обитую кожей стенку кафе. Когда начался разговор, я сразу же понял, что разделяет этих двух мужчин.

— Мы ждали тебя одного, — сказал генерал, обращаясь к Кеваго.

— Миклош Сабо — член нашего партийного руководства и полномочен вести переговоры.

— К тому же он инициатор встречи в Страсбурге, — заметил Потоцки.

На это замечание Кирай пробормотал:

— Вместо того чтобы говорить пустые речи, нужно было вовремя браться за оружие!

Я не знал, оставить ли мне это едкое замечание без ответа, или раз и навсегда пресечь подобные попытки. Какую именно цель я преследовал, сказать не могу, но на удар я решился.

— Насколько мне известно, вы торчали здесь, в Вене, чувствуя себя в полной безопасности, когда ваши солдаты гибли в Будайских горах!

Генерал покраснел как рак. Я подумал, что он сейчас вскочит и опрокинет на меня столик или же его хватит удар.

— Давайте не будем цапаться. Всех нас здесь свело одно очень важное дело, — примирительным тоном проговорил Потоцки.

Кеваго чувствовал себя оскорбленным, видя, как грубо нападают на его друга и соратника, которого он привел с собой.

— Я все вопросы буду обсуждать вместе с Миклошем или же вообще уйду отсюда! — решительно заявил он.

Я с любопытством наблюдал, как смелеет Кеваго и сникает Кирай. На лице Потоцки я заметил тень растерянности, и только один Хелтаи казался совершенно спокойным.

— Вернемся к сути дела, — пробормотал Кирай. — Кальман нам сейчас все изложит.

Потоцки отпил глоток вина из бокала, а затем начал говорить:

— Все мы знаем, что Организация Объединенных Наций отказала в доверии сторонникам Кадара, задержав мандат на сессию представителю Венгрии. Большинство членов ООН считает законным главой государства Имре Надя. На Западе, то есть в свободных странах, живут четыре члена его кабинета... — Внезапно замолчав, он пристально посмотрел на Кеваго и продолжал: — ...Бургомистра Будапешта мы рассматривали как члена правительства...

«Ловкий трюк!» — подумал я, зная, что Кеваго тщеславен, и стал слушать еще внимательнее.

— Короче говоря, господина генерала Кирая мы можем рассматривать как военного министра, господина Хелтаи как секретаря по иностранным делам, Анну Кетли как государственного министра. Я предлагаю создать правительственный комитет, который по праву и со

всеми полномочиями при поддержке военных будет представлять правительство Имре Надя.

— План интересный, — закивал Кеваго, — но только в том случае, если его признает большинство.

— Это мы уже обсуждали в Америке, — почти торжественно заявил Кирай.

— Кто обсуждал? — спросил я.

Кирай смерил меня взглядом, а потом ответил:

— Те, кому предоставили для этого возможность. Я лично был там.

— Прошу прощения, но, если я правильно понял, в своем выступлении Кальман только что предложил Йозефу Кеваго сотрудничество.

— Всем предложил, — поправил Хелтаи, и это было первое замечание, которое он сделал.

— Я считаю неверным, что все это мы обсуждаем в условиях чрезмерной секретности.

К моему удивлению, тут Кеваго меня не поддержал.

— Бывают ситуации, когда секретность не только оправданна, но и необходима.

Замечание Кеваго как бы воодушевило Потоцки.

— Разумеется, об этом мы думали, — подтвердил он. — Поскольку организация правительственного комитета становится реальностью, на определенном уровне нужно предпринять необходимые меры безопасности.

— Итак, какие-то неизвестные лица пришли к решению, что правительство будет представлено четырьмя лицами, не имеющими для этого никакого основания? — спросил Потоцки.

Их план был мне хорошо понятен, и заключался он в том, чтобы вытеснить правительство Яноша Кадара из ООН, скомпрометировать его и изолировать. Ситуация казалась безнадежной, что бы я ни сделал. И все-таки я должен был сделать все, что в моих силах. И опять мне пришлось идти на большой риск, но уж слишком велика была ставка. Я начал упорствовать еще больше.

— Пойми же ты наконец, что эти четыре лица, как ты выразился, и являются настоящим правительством, а основание для этого у них есть — это их растоптанная родина!

— Но ведь и в свободном мире существуют организации, способствующие революции: партии, кружок имени Петефи,

«Венгерский совет революционной интеллигенции» и многие другие. Решать их судьбу без их участия нельзя. Каждая организация представляет определенный слой населения. Большинство из них сами принимали участие в боях. И все они хорошо знают, чего именно хотят.

— Как страсбургцы, не так ли? — ехидно спросил Потоцки.

Но этим вопросом он только помог мне.

— Так оно и есть. Они уже собрали представителей революционных организаций в единый революционный совет. План, о котором говорили здесь сейчас, служит не сплочению наших сил, а их разобщению.

На сей раз я получил поддержку оттуда, откуда меньше всего ожидал ее, — господин Хелтаи высказал свое замечание:

— Друзья мои, над этими аргументами стоит подумать. Я советую не торопиться.

Потоцки сделал последнюю отчаянную попытку:

— Мы должны торопиться, иначе рискуем остаться без своего представителя в ООН!

Потоцки был заинтересован в том, чтобы ускорить время, а я — чтобы его затянуть.

— Сама важность данного вопроса не позволяет нам рубить сплеча. На днях у нас была возможность убедиться в том, что предварительное обсуждение вопроса крайне необходимо.

Кеваго сразу же сообразил, что я имел в виду историю с Даниелем Кишем, и поддержал меня:

— Предлагаю встретиться через два дня. Этого времени будет вполне достаточно.

Выйдя из кафе, я поспешил к Бенъямину, но перед этим послал Вете разведать обстановку вокруг квартиры Потоцки.

— Они хотят сорвать конференцию в Страсбурге. Для нас сейчас важна любая информация, — объяснил я Вете.

Оливер Бенъямин внимательно выслушал меня, хотя до этого его обо всем уже проинформировал Кетли.

— Я не понимаю, почему ты выступаешь против. Подумай, что означает для нас представительство в ООН!

— Я все обдумал. Но ты, Оливер... Подумал ли ты о том, кто хочет воспользоваться этим правом? Хелтаи кажется степенным и рассудительным человеком, но, возможно, это всего лишь тактический прием. С подобным мы уже встречались: человек перед властью, но не

у власти. Знаешь, что это такое? Кеваго тщеславен и горяч и никого не потерпит над собой. А Бела Кирай...

— А этот со всеми потрохами продан американцам, — прервал меня Беньямин.

И тут у меня блеснула мысль, что, если бы я не повлиял на Беньямина своими доводами, он говорил бы совершенно иначе, как и раньше.

Мы помолчали. Я даже не помню, какие мысли теснились у меня в тот момент в голове. А хорошо было бы знать! «Могу ли я еще что-нибудь сделать? Не слишком ли сильно натянул тетиву?»

Беньямин первым нарушил молчание:

— Думаю, что ты прав... А тетушка Аннуш Кетли осталась бы одна.

Когда мы в условленное время снова встретились в том же кафе, я вел себя намного хитрее. К тому времени в моем распоряжении уже имелось достаточно сведений о Потоцки. О Беле Кирае я и до этого знал, что он с давних пор агент американской военной разведки, а после выезда в Америку, более чем вероятно, стал еще и агентом ЦРУ. Не было для меня тайной и прошлое Кеваго. И лишь об одном Дьерде Хелтаи я так ничего и не узнал, зато у меня сложилось впечатление, что этот немногословный человек очень умен.

И снова мы вдвоем с Кеваго пешком направились к месту встречи. Он выглядел плохо, сильно нервничал. Видимо, что-то угнетало его. Мы уже прошли почти полпути, когда он наконец заговорил.

— Представь себе, сегодня утром, когда я только встал с постели, зазвонил телефон. Говорил секретарь по внутренним делам. Он попросил, чтобы я немедленно принял его. Разумеется, отказать ему я не мог. И знаешь, зачем он приезжал? Он попросил меня, чтобы мы не занимались организацией правительственного представительства, по крайней мере в Австрии, что в настоящее время могло бы нанести ущерб интересам этой страны.

В тот период министерство внутренних дел возглавлял социал-демократ Хельмер. Я счел, что мой разговор с Оливером Беньямином оказал влияние и на Кеваго.

Во всяком случае, как бы там ни было на самом деле, а правительственный комитет, который представлял бы в ООН правительство Имре Надя, создан не был.

КОНФЕРЕНЦИЯ В СТРАСБУРГЕ

Казалось, сама судьба проявила ко мне благосклонность — задуманный мною план начал осуществляться. Забыв о прежних распрях, объединили свои усилия старые эмигранты из «Венгерского национального комитета», «Союза венгерских борцов» и нилашисты. Они напрасно просили, угрожали, пытались подкупать эмигрантов с помощью государственного департамента США или с помощью комитета и радиостанции «Свободная Европа». «Венгерский революционный совет» продолжал существовать, и 5 января 1957 года в Страсбурге начала свою работу его конференция.

Европейский совет объявил, что он признает только нашу организацию. Благодаря этому не только была решена судьба венгерской политической эмиграции, но, возможно, впервые после второй мировой войны страны Западной Европы заняли точку зрения, которая расходилась с американской.

Этот факт настолько подействовал на прессу, телевидение, радио и различные информационные агентства Запада, что они преподнесли его как событие международного значения.

В Страсбург пожаловал директор радиостанции «Свободная Европа» мистер Гриффитс.

Короче говоря, созданная мною организация жила, что не только принесло мне моральное удовлетворение и наполнило мое сердце гордостью, но и доставило много забот, работы и взвалило на меня новую ответственность. Я был убежден в том, что, коль моим противникам не удалось полностью воспрепятствовать созыву конференции, они во всяком случае постараются в ходе ее добиться следующих трех целей: сорвать работу конференции, любыми способами помешать вынесению на ней решения, осуждающего поведение американцев и их деятельность, войти в число руководителей новой организации.

В своих личных делах я решил положиться на судьбу, но в том, что касалось вновь созданной организации эмигрантов, на случайности отнюдь не полагался. Я заранее попытался предугадать ход возможных событий и шаги, которые могли предпринять враги. Разумеется, с моей стороны было бы пустым бахвальством утверждать, что в этом вопросе

мне абсолютно все удалось сделать. Были и неожиданности, и неудачи, ведь и на стороне противника работали хорошо подготовленные люди.

Поскольку я являлся одним из основателей новой организации, я, естественно, имел право подбирать для нее новых сотрудников, стараясь при этом, чтобы в их число попало побольше таких людей, которые сами тянулись ко мне. Именно поэтому в ходе самой конференции мне о многом удалось узнать.

И все же в первые минуты моего пребывания в Страсбурге меня постигла большая неудача. В холле гостиницы я увидел Белу Кирая. Он с кем-то беседовал, позировал перед фоторепортерами и вообще держался так, будто все здесь происходило только по его воле и ради него.

Я разнервничался и ушел в свой номер. Приняв душ после дороги, я сел в кресло и задумался. Нельзя было не признать, что американцы, если говорить на лексиконе шахматистов, сделали гениальный первый ход. Если не принять Белу Кирая, то это может привести к тому, что главарь военной контрреволюции будет исключен из наших рядов. Такой шаг сам по себе привел бы к противопоставлению «борцов за свободу» и «революционеров» с нами, а в конечном счете — к необходимости присоединиться к «Венгерскому национальному комитету».

Если же принять во внимание сам факт появления генерала Кирая и его стремление присоединиться к нам, то, учитывая его роль в контрреволюционном путче, его непременно нужно было бы ввести в число руководителей организации.

Короче говоря, первую партию я проиграл. Для видимости я разыграл небольшую баталию — протестовал, даже грозился выйти из комитета, но это была лишь одна комедия. Горькую пилюлю мне все-таки пришлось проглотить, хотя я был уверен в том, что это вызовет цепную реакцию. Однако я ни в коей мере не мог рисковать самим фактом существования новой организации. Я ведь не мог действовать во вред самому себе, тем более что главной моей целью оставалось разобщение эмиграции.

На конференции было образовано три комитета: политический, во главе которого встал Арпад Ракшани, информации и культуры, который возглавил д-р Пал Йонаш, и по делам эмигрантов и экономики, в котором председательствовал я сам. В те дни все свои усилия я направил на то, чтобы нанести удар по радиостанции «Свободная

Европа», которая была самым оголтелым агитационным органом ЦРУ и одним из его коллективных агентов.

Я мог использовать в этом отношении то плачевное положение, в котором оказалось большинство участников конференции. Эти люди чувствовали себя обманутыми, так как золотые горы, обещанные им радиостанцией, так и остались в мире иллюзий. Вместе с тем они начали ощущать и свою зависимость. В глубине их сознания уже тлел огонек сомнений, и нужна была только искра, чтобы он разгорелся жарким пламенем.

Тем временем собирал свои силы и лагерь противника. Вместе с мистером Гриффитсом в Страсбург пожаловали его многочисленные сотрудники — венгры по национальности, особенно из числа тех, кого с «Венгерским революционным советом» связывали личные контакты. Начался период активного убеждения участников конференции, точнее — их подкуп. Очень скоро я получил доказательства того, что некоторые люди, как, например, Пал Йонаш и Иштван Б. Рац, довольно легко перешли на противоположную сторону, прельщенные посулами материального поощрения и счастливого будущего. В ЦРУ теперь хорошо знали, что именно угрожает радиостанции «Свободная Европа», им также было известно, что именно я являюсь автором этой инициативы. Скрыть такое вообще было невозможно.

Возглавляемый мною совет на пленуме внес предложение относительно серьезного осуждения деятельности радиостанции «Свободная Европа».

В ходе обсуждения этого предложения выяснилось, что Белу Кирая совсем не случайно послали в Страсбург. В связи с отсутствием Кетли и Кеваго он стал председателем конференции и, воспользовавшись этим своим правом, лишил меня слова, как только я перешел к критике.

Между нами завязалась перепалка.

— Я протестую против произвола председателя! — выкрикнул я.

— Затронутая вами тема не входит в компетенцию вашего комитета по делам эмигрантов, — сказал генерал.

— Но тесно связана с ней! Пределы Венгрии покинули почти двести тысяч мадьяр, положившихся исключительно на обещания радиостанции «Свободная Европа».

— Я смотрю на этот факт иначе...

Не дав ему договорить, я ринулся в решительное наступление:

— Господин генерал-майор и тогда смотрел на события иначе, когда еще в Вене отговаривал меня от созыва этой конференции!

Лицо Кирая приняло странное выражение, и я невольно подумал, что он вот-вот взорвется. Однако генерал взял себя в руки.

— Затронутый вами вопрос я рассматриваю как сугубо политический, — сухо заметил он.

И тогда слова попросил Арпад Ракшани, с которым мы до этого все обговорили.

Кирай, по-видимому, надеялся, что давно обосновавшийся во Франции Ракшани наверняка поддержит его.

— Прошу вас! — дал он ему слово.

— Я вполне официально заявляю, что политический комитет полностью присоединяется в оценке деятельности радиостанции «Свободная Европа» к комитету по делам эмигрантов и экономики.

В зале воцарилась напряженная тишина.

Бела Кирай быстро потянулся за стаканом и отпил из него несколько глотков воды. Ему ничего не оставалось, как поставить этот вопрос на голосование, который тут же и был принят, поскольку за него выступили два комитета.

Приведу лишь один небольшой отрывок из принятого постановления:

«Сложилось мнение, что пропаганда радиостанцией «Свободная Европа» в большинстве случаев ведется поверхностно, из чего следует, что радиостанция играла не очень удачную роль в решающий период революции. Уже в первые дни событий она запуталась в собственных противоречиях, не говоря об оценке венгерских событий и расстановке сил, часто предлагала нереальные планы...»

Крупные информационные агентства в тот же день раструбили на весь свет сенсационную новость о том, что «венгерские революционеры заклеили радиостанцию «Свободная Европа» за ее безответственные провокационные передачи».

Английская газета «Скотсмен» яснее всего охарактеризовала положение, сложившееся после нашего заявления:

«Диким является то, что своей пропагандой радиостанция «Свободная Европа» действительно разжигает мятеж и восстанавливает венгров против предложений об оказании американской помощи».

Для руководящих кругов США это был серьезный удар, особенно для правительства и различных политических органов. Представители средств массовой информации в тот же день на пресс-конференции закидали нас множеством вопросов, в особенности Ракшани, Йонаша и меня.

— Что вы понимаете под безответственностью радиостанции «Свободная Европа»?

— Своими передачами она призывала венгерский народ к вооруженному восстанию, а затем к его продолжению.

— У вас имеются доказательства этого?

— Все передачи из Мюнхена записаны на пленку. Прослушайте их еще раз сами.

— Однако президент Эйзенхауэр в своем заявлении от 14 ноября отвергает ваши обвинения.

— Какую часть его заявления вы имеете в виду?

— По словам мистера Эйзенхауэра, Америка никогда ни один народ не призывала восстать против безжалостной военной силы. Президент так и заявил.

— В таком случае мы будем вынуждены сослаться на официальное заявление вице-президента Никсона, с которым он выступил 29 октября, назвав свое предложение освободительной концепцией, которая и была доведена до нас, венгров, через радиостанцию «Свободная Европа». Мы нисколько не находим странным, что они призывают народ к восстанию, а позже, когда оно провалится, заявят о том, что они-де никогда никого на это и не толкали. Вот это мы и считаем безответственным и потому, собственно, критиковали деятельность радиостанции «Свободная Европа».

Правительство ФРГ направило в Мюнхен специальную комиссию с целью проверки деятельности радиостанции. С точки зрения социалистических стран это была большая моральная победа.

Кто-нибудь может сказать, что я слишком переоценил достигнутые результаты. И все же, я думаю, мнение, высказанное в Страсбурге, в штаб-квартире Европейского совета, да еще в период, когда

подавляющее большинство членов ООН находились под влиянием правительства США и были решительно восстановлены против нас, оказалось важным и своевременным. В конце концов, после начала контрреволюционного мятежа в Венгрии на Западе впервые случилось такое, что обвиняемым вместо Советского Союза и Венгрии оказалось тогдашнее правительство Америки, вынужденное давать по этому поводу объяснения мировой общественности.

Я был уверен, что в скором времени последует контрнаступление ЦРУ, но не физическое, а скорее политическое или моральное. Что касается последнего, то, по-видимому, ЦРУ прибегнет к какому-нибудь компрометирующему маневру. На что-либо иное я не рассчитывал. Если бы ЦРУ знало, кто я такой на самом деле, оно ни за что на свете не позволило бы событиям развернуться именно так и давно бы раздалось со мной. Беспомощность американцев еще больше укрепила меня в мысли о том, что в Страсбурге я могу чувствовать себя в безопасности.

Первый сигнал тревоги я получил от одного своего сотрудника, который позже стал членом исполнительного комитета.

— Кирай и его сторонники что-то замышляют против тебя.

— А кроме Кирая кого ты еще имеешь в виду?

— Кроме Пали Йонаша и Пишты Раца в этом деле замешан Шани Киш.

— В каком именно деле?

— Странно, но я этого и сам точно не знаю. Они часто собираются, о чем-то шепчутся, а как только я захожу, немедленно замолкают, но твое имя я не раз слышал во время их разговоров.

Спустя несколько часов я уже знал, о чем они по секрету разговаривали. Исполнительный комитет был создан по коалиционному принципу, куда меня, как одного из его основателей, не ввели. Это меня сердило, и в то же время я испытывал какое-то облегчение. Ясно, что меня исключили из такого важного органа как одного из авторов вышеупомянутого постановления и как потенциального путаника. Этот их шаг убедил меня в том, что у моих врагов нет серьезных подозрений в отношении меня.

Я внимательно проанализировал сложившуюся ситуацию и решил выработать линию дальнейшего поведения, а сделав это, перешел к практическим шагам.

Кеваго в Страсбурге не было, но перед конференцией он назвал меня полномочным представителем. Поэтому, разговаривая с Шандором Кишем и Яношем Хорватом, я держался спокойно и смело.

— Я выхожу из партии мелких сельских хозяев и из «Революционного совета» тоже, — заявил я им.

— Что с тобой? — Казавшийся вполне логичным вопрос Яноша Хорвата был произнесен безразлично-равнодушным тоном.

— Ты с ума сошел?! — откровенно удивился Шандор Киш, сразу поняв всю опасность моего шага.

— Эту организацию я создал, когда вы даже и не представляли себе, что надо делать, а теперь вы втроем отвернулись от меня. Думаете, я не знаю почему?..

Я заметил, что мое решение выйти из партии мелких сельских хозяев поразило его. Не могу утверждать, что тогда он уже работал на ЦРУ, более того, я даже не верил этому. Однако мне было совершенно точно известно, что люди, окружавшие его, делали это. Не случайно же Пал Йонаш и Иштван Б. Рац вскоре объездили всю Европу, прокручивая в казино и других злых местах огромные деньги. Не было случайным и то, что в скором времени именно они стали изучать в США английский язык на великолепных курсах, финансируемых ЦРУ. Крупные скандалы, связанные с разоблачением коррупции, в недалеком прошлом потрясли эту гигантскую шпионскую организацию, однако как метод коррупция использовалась ЦРУ уже за многие десятки лет до этого. ЦРУ подкупало какую-нибудь западноевропейскую эмигрантскую организацию или более или менее видного политика, а затем использовало их в своих целях. Не минула эта судьба и тех венгерских эмигрантов, которые хотели жить несколько лучше или просто выжить.

— Ты этого не сделаешь! — выкрикнул Шандор Киш.

В тот момент я почувствовал, что стою на верном пути, и мои опасения, мучившие меня до этого, несколько рассеялись.

— А почему бы и нет? — дерзко спросил я.

— Потому что ты своим выходом нанесешь вред «Революционному совету». А этого ты не можешь сделать. Именно ты!

— Не уговаривай меня, Шандор. У меня нет никакого желания следить за тем, чего вы не замечаете. Не ждите от меня сентиментальностей. Более того, имейте в виду, что я передам прессе все документы о ведении вами тайных переговоров.

— Но это было бы непорядочно! — чуть ли не в один голос воскликнули они.

— Это мой ответ на вашу некорректность! — С этими словами я встал и с видом оскорбленного человека вышел.

Оказавшись уже в своей комнате, я сел и задумался над тем, что же, собственно, случилось и что еще может случиться. Я сильно нервничал, однако посоветоваться мне было не с кем.

К счастью, времени для раздумий у меня не оказалось. Зазвонил телефон, и я услышал в трубке голос Золтана Пфейфера, что страшно удивило меня.

— Хочешь встретиться со мной? — спросил он.

Пфейфер ждал меня на своем рабочем месте. Как член «Национального комитета» он работал с полной отдачей. Не скрою, я и его поддерживал.

Неожиданный звонок бывшего министра юстиции открывал передо мною новые возможности.

Я подумал, что Пфейфер искал меня только для того, чтобы, забыв о личных обидах, предложить мне заключить с ним союз, и не ошибся. И все же его хитрая тактика, замаскированная под откровенность, удивила меня. Он напоминал мне лису из народных сказок, которая добрым словом, лестью, ссылками на дружбу обнадеживает зайчишку, замыслив слопать его со всеми потрохами.

— Конечно, они с тобой скверно поступили! — начал он и тут же принялся излагать свои доводы. — Хотя удивляться тут, собственно, нечему. За всем этим стоит Фери Надь. Он всех нас бросил на произвол судьбы, едва начались наши беды.

Проговорив это, Золтан замолчал. Я тоже ничего не говорил, ожидая, что последует дальше. Когда молчание сделалось почти тягостным, он вдруг заговорил снова:

— Шани Киш и его сторонники неспособны самостоятельно решать что-либо без Фери Надя. Стоило им только немного приблизиться к нему, как они словно по мановению волшебной палочки сделались другими. Можешь быть уверен, что и финт с тобой — тоже дело рук Фери!

— А кому от этого польза? — поинтересовался я так тихо, что Пфейфер не расслышал.

— Что ты сказал? — переспросил он.

— Послушай, Золтан, ты юрист, и, стало быть, тебе следовало бы знать, что за каждым событием или явлением кто-то стоит. Нужно только отгадать, кому это на руку.

— Логично, — согласился он и неожиданно спросил: — А сам ты как думаешь, кому от этого польза?

Я сделал вид, будто размышляю.

— Ну... сотрудникам «Свободной Европы», старым эмигрантам из «Национального комитета»...

— Иначе говоря, тем, к числу которых относится и Фери!

— Так-то оно так, Золтан! Но только не относится, а относился.

— Неужели ты думаешь, что Ференц Надь пойдет против Белы Варги? Порвет связи со своими американскими друзьями? Откажется от самого себя?

— Я полагаю, что он только сейчас пришел в себя. В конце концов, он может порвать с реакционным балластом, хотя до этого ему и приходилось быть вице-председателем.

Он тут оживился и запальчиво воскликнул:

— Ты его плохо знаешь! Миклош Каллаи никогда не попал бы в комитет, если бы его не поддерживал Фери. Я докажу тебе это.

— А до тех пор позволь мне сомневаться...

Он задумчиво посмотрел на меня:

— Не понимаю, почему ты так ополчился против комитета? Деньги-то ты от них брал...

— О каких деньгах ты говоришь?! — с изумлением уставился я на него.

— Ты же ежемесячно получал от них триста долларов...

— Ошибаешься, Золтан. Я никогда не получил от них даже одного филлера!

— Но мне говорили! И потом, ты же хорошо живешь...

— От комитета ни прямо, ни косвенно я не получал никаких денег. И от Фери тоже. А хорошо я живу только за счет своих журналистских работ. Могу это хоть кому доказать.

Он остолбенел, почувствовав, что явно не попал в цель. И тут же начал бурно протестовать:

— Нет! Ты меня не так понял! Начиная с первого января пятьдесят шестого года ты получил почти четыре тысячи долларов!

— Сюда я прибыл в начале пятьдесят пятого. — Меня уже начала забавлять эта игра.

— Следовательно, тебе причитается содержание за тринадцать месяцев и ты его получишь.

Меня очень заинтересовало, откуда, собственно, может исходить это, и я пошел на провокацию:

— Но мне не нужны американские деньги.

Прежде чем что-то ответить, мой собеседник долго сверлил меня взглядом.

— Ты слишком умен, чтобы не понимать, что, какая бы сумма ни попадала в руки политическому эмигранту, она все равно исходит от доброго старого дядюшки Сэма... Тебе известно, кто оплачивает дорожные расходы Шани Киша и его коллег?

— «Международный крестьянский союз».

— Вот именно. А он получает средства оттуда же, откуда и комитет! Здесь один карман и одна рука, которая платит. От них ты сможешь получить причитающуюся тебе сумму в течение трех дней. А от страсбургских друзей, не пользующихся доверием американцев, возможно, ты никогда и ничего не получишь.

Я решил, что настала минута, когда я могу задать ему самый важный вопрос:

— Как ты думаешь, почему Фери пошел против меня?

Прежде чем ответить, он помолчал, нахмутив лоб, а потом сказал:

— Я бы хотел, чтобы ты стал моим союзником, поэтому буду откровенен. Фери делает то, чего от него хотят, вернее, требуют.

— А кто может им командовать?

Он посмотрел мне прямо в глаза, словно хотел в них что-то прочесть, потом пожал плечами:

— Таким наивным ты быть не можешь.

Действительно, вопрос мой был не из удачных. С таким человеком, как Пфейфер, я так или иначе сильно рисковал. Но теперь я убедился в том, о чем до этого только догадывался.

Мы расстались, договорившись, что он пришлет мне копии протоколов заседаний «Национального комитета», а я пообещал подумать над его предложением.

Когда я вернулся в гостиницу, мне передали, что меня разыскивал Ференц Надь и приглашал навестить его.

Прежде чем направиться к Надю, я зашел к Оливеру Беньямину, и мы вместе пошли к Беле Беде. С социал-демократами мне было совсем не трудно работать. Они были очень недоверчивы к руководителям

буржуазных партий, меня же они считали своим испытанным союзником. Когда мы сообща обсудили положение, Бенъямин предложил:

— Миклоша мы должны чем-то заменить как в моральном, так и в политическом смысле.

— Боюсь, что мы, к сожалению, уже ничего не сможем сделать, — заметил Беде.

— У меня есть предложение, — сказал я, точно зная, что именно мне нужно.

— Тогда выкладывай! — воскликнул Бенъямин.

— До сих пор я действовал в Австрии. «Революционный совет» тоже родился в Вене, в моей собственной квартире. Австрия — это фронтовое государство. Было бы хорошо там иметь своего человека с соответствующими полномочиями.

— Типа посла?! — сверкнул глазами Беде.

Когда они согласились с моим планом, мы сообща разработали тактику нашего поведения. Бенъямин сказал, что мой план хорош еще и потому, что рано или поздно такой человек все равно понадобится социал-демократам, а волею случая на этом посту может оказаться менее подходящий человек, чем я.

После всех этих предварительных обсуждений я направился к Ференцу Надю.

Он встретил меня с большим дружелюбием, чем прежде, и дипломатично попытался уйти от ответа на мои упреки, а я тем временем все наседал и наседал на него.

Неожиданно зазвонил телефон, и мы оба с облегчением вздохнули. Надь — потому, что хотел выиграть время, а я — потому, что знал, кто и с какой целью звонит ему.

Он легко, как молодой, подошел к аппарату и, чем дольше разговаривал, тем больше краснел. Мне было интересно слушать, как он старался отвечать, чтобы я случайно не понял, о чем идет речь.

— На чем мы остановились? — спросил он как ни в чем не бывало, вернувшись на свое место.

Я, как всегда в подобных случаях, сосредоточился.

«Что же теперь будет? — размышлял я. — Удался мой трюк или не удался?»

Мне было нелегко делать вид, что я ничего не знаю да и несколько не интересуюсь тем, какое решение принял он относительно

предложения Беде.

— Мы остановились на том, что все это была поспешная акция Раца, — ответил я на заданный вопрос. — Но в этом я сомневаюсь.

— Почему же? — удивился Надь.

— Да потому, что ни один из представителей ПМСХ ничего плохого тебе не сделает.

— Видишь ли, Миклош, тебя я люблю как родного сына. Что случилось, то случилось, изменить уже ничего нельзя. И все-таки я нашел выход. Назначим-ка мы тебя доверенным представителем «Венгерского революционного совета» в Австрии. Это гораздо больше, чем быть простым членом исполкома какой бы то ни было организации.

С меня словно тяжелую глыбу сняли. Для вида я немного поломался, но затем согласился, подивившись в душе тому, с какой готовностью и с каким бесстыдством он выдавал придуманный мною план за свой собственный, ничего, разумеется, не зная об этом.

Вечером того же дня исполком официально известил меня о том, что я назначаюсь его полномочным представителем в Австрии. Об этом было заявлено и председателю Европейского совета, где известие приняли к сведению.

Несколько лет спустя политический эмигрант Деже Шуйок, бывший после освобождения страны председателем венгерского национального банка, а затем основателем и вождем правой буржуазной «партии Шуйока», в брошюре «Несчастья венгерской эмиграции», вышедшей в Нью-Йорке в 1962 году, так писал об этом:

«А главное, что на самом ответственном участке — на австрийско-венгерской границе — новая организация была представлена коммунистическим деятелем».

В МАРТЕ ОПЯТЬ НАЧНЕМ — МОН

С точки зрения органов безопасности Венгрии, моя новая должность, признанная правительствами и различными организациями Западной Европы, с первых минут своего рождения была полезной.

Между тем конференция в Страсбурге подходила к концу. В номерах и салонах отеля, где мы жили, жизнь была ключом. Повсюду собирались кучки спорящих людей, сновали шустрые журналисты и репортеры. Как-то, когда мы разговаривали, сбившись в небольшую группу, ко мне подошел бывший адъюнкт университета Иштван Янкович, один из членов «Революционного совета». Он ни разу не выступил на заседаниях, и я почти совсем не знал его.

— У меня к тебе серьезный разговор, Миклош, — сказал он.

— Я весь в твоём распоряжении, — вежливо ответил я, даже не догадываясь, о чем он собирается говорить.

— Давай уйдем отсюда, здесь как следует не поговоришь.

Я был удивлен. Времени у меня почти не оставалось, и охотнее всего я отказался бы, но тут вспомнил золотое правило: всякое известие, любая информация, какими бы незначительными они ни казались, могут быть полезными.

— Неужели нельзя поговорить здесь? — воспротивился я.

— Речь пойдет о слишком важном деле, чтобы говорить о нем на виду у журналистов. Можешь поверить мне на слово.

«Это начинает казаться интересным», — подумал я и сказал:

— Ты меня заинтриговал, Пишта. Идем!

Мы вышли на тихую безлюдную улицу города. Мой спутник все время говорил о каких-то пустяках, не умолкая ни на минуту. Меня разбирало любопытство: с чего бы этот обычно молчаливый человек так разговорился. Он уже собирался свернуть в маленький тупик, когда я остановился и сказал:

— Послушай, дружище, ты меня зачем-то вызвал, таскаешь по улицам. Или ты сейчас же скажешь, в чем, собственно, дело, или прощай.

Он кивнул:

— Ты прав. Здесь место вполне подходящее.

«Для чего этот заброшенный, плохо освещенный переулок может быть подходящим?» — подумал я, но тут мой провожатый, немного успокоившись, заговорил, а я сразу насторожился.

— Я обращаюсь к тебе как к представителю «Венгерского революционного совета» в Австрии, как к брату по оружию, который хорошо знает видных людей и местные условия и имеет широкий круг друзей в Австрии. Для нас же особенно важен Бургенланд.

— Я тебя не понимаю...

— Сейчас... сейчас поймешь... — Он немного приподнял руку и, сделав успокоительный жест, продолжал: — Тебе нужно знать, что бои не прекратились, изменился только способ и характер их ведения.

— Как это понимать?

Он говорил бесстрастным тоном, каким обычно разговаривают абсолютно равнодушные к человеческим страданиям люди, видящие перед собой одну лишь цель и ничего не замечающие вокруг.

— Мы будем продолжать борьбу. Сначала тайно, как подпольщики, потом явно... И так до тех пор, пока не настанет момент, удобный для нового восстания.

— Это мечта, Пишта.

Он так сильно сжал мою руку, что я чуть не вскрикнул.

— Это действительность, Миклош. Нам дадут для этого средства.

Что я мог сказать ему в ответ на это? Я долго стоял, слушал и наконец произнес:

— Не сердись, Пишта, но я в это не верю.

— Ты сомневаешься? В чем? В революции?

— В Западе. Они нас и в ноябре бросили на произвол судьбы.

Он беззвучно рассмеялся:

— Людей они нам, конечно, не дадут, это верно, но денег и оружия дадут столько, сколько потребуется! — Он снова схватил меня за руку и так затряс ее, будто хотел разбудить меня. — Пойми же ты, наконец, вот он, случай, чтобы снова начать борьбу за свободу!

Я невольно вышел из своей роли и спросил:

— И снова принести в жертву десятки и десятки тысяч венгров?

Не заметив моей оплошности, он возбужденно воскликнул:

— А почему бы и нет?! Мир хочет видеть, на что мы способны. Мир хочет знать, сможем ли мы, если будет нужно, умереть за нашу свободу, за свободу человечества!

Я быстро взял себя в руки и холодно ответил:

— Слишком серьезна ответственность. Ты решился бы на такое?

— Разумеется, и не только я, но и другие.

— Кто именно? Мне нужны гарантии.

Он вздохнул:

— Назову лишь одного человека. Это Бела Кирай. Можешь смело на меня положиться... — Тут он неожиданно замолчал, а затем добавил: — Это очень серьезное дело. Поверь же мне наконец! — Он снова за молчал, потому что мимо нас шла целующаяся пара. — Если бы ты только знал, какая сила стоит за нами! ЦРУ! Сам Аллен Даллес дал нам заверения!

— Тебе? — спросил я.

— Беле Кираю и Гергею Понграцу, ну и ребятам из кружка «Корвин».

— А чего вы хотите от меня?

Судя по всему, он остался доволен моим вопросом, решив, что я согласен.

— Вот это совсем другой разговор, дружище! — воскликнул он, обняв меня за плечи. — В настоящее время перед нами стоят две основные задачи — создать штаб нового восстания и одновременно с этим поддерживать запал в тех, кто остался на родине... — Он закурил. — Помогите нам отобрать из числа прибывающих из Венгрии самых подходящих людей и направьте их в учебные лагеря, которые имеются в Германии и Италии. В первую очередь помогите открыть перед нами «ворота» в границе, через которые наши люди могли бы беспрепятственно попасть в Венгрию, а позже через них же провезли бы туда оружие и боеприпасы.

Если бы он мог угадывать мои мысли, то ужаснулся бы, узнав, о чем я думаю. «Устроить вам «ворота»! Как бы не так! Лишь бы только мне удалось установить связь с Центром!..» В тот момент голова моя буквально раскалывалась: я внимательно слушал, что говорил Янкович, и в то же время лихорадочно думал о том, как бы мне поскорее связаться с Центром.

— А каким образом я буду поддерживать с вами связь, Пишта?

Он быстро сунул мне в руки конверт:

— Здесь ты найдешь несколько адресов и телефонных номеров. Все эти люди живут в Вене. На них ты можешь положиться. Помогите им, прошу тебя!..

Так я установил тесную связь с тестем Янковича, д-ром Йозефом Сенткути; Лайошем Шипошем, инженером строительного треста «Релла», Ласло Ковачем, Табором Кочишем, одним из основателей «Общества венгерской революционной молодежи за границей», позже переименованного в «Общество 23 октября», и одновременно редактором правой эмигрантской газеты «Немзетер».

С ними меня соединяли две линии: первая — через Белу Кирая и Янковича, а вторая — через дядюшку Герцога. Социалисты поддерживали эту группу. Заинтересовавшись ею, я пришел к мнению, что этих людей смело можно было бы назвать предшественниками современных террористов. Собственно говоря, так их оцепила и социалистическая партия Австрии, которая спустя несколько месяцев после их появления на свет была вынуждена отказать им в доверии.

Но до этого времени произошло много различных событий.

Я стал вхож в их компанию, которую считал центром вновь образованной эмиграции, и старался держать ее в поле зрения.

На первый взгляд, жизнь этих людей шла обычным чередом, как и жизнь подобных политических групп того периода. Они имели свою контору с приемными часами и обеденным временем. В своем клубе им удавалось собрать довольно много молодежи, так что база для выбора у них была, а планы они имели далеко идущие.

Правда, главное в их деятельности было успешно замаскировано.

Стучала пишущая машинка, на складе выдавали какую-то одежонку, в клубе шли горячие диспуты.

Однажды я услышал обрывки одного разговора. Заинтересованный, я подошел к парням:

— О чем спор, ребята?

Поскольку я пользовался у эмигрантов большим авторитетом, мне охотно объяснили:

— Знаешь, мы организовали группу наблюдателей.

— Вот как? А с какой целью? — наивно спросил я.

— Ты же знаешь, что среди эмигрантов могут быть и предатели. Это для них самый лучший способ, чтобы пролезть в среду эмиграции.

— Да ну, — как бы не соглашался я. — Им сейчас и на родине-то нет покоя, так что вряд ли они об этом думают.

— Но мы уже схватили двоих в одном лагере. Если бы ты только их видел! Люди набросились на них и начали избивать!

Я слушал их с бьющимся от волнения сердцем. Для беспокойства у меня было три причины: если они обидели людей, которые того не заслуживали, это ужасно само по себе; если же они на самом деле напали на след сотрудников органов безопасности, то судьба задержанных не могла не волновать меня; и, в конце концов, я беспокоился за самого-себя, а вдруг они что-то разузнали?

— А что сказал по этому поводу Корнель? — поинтересовался я.

Корнель Вадас был инструктором социал-демократической партии, приставленным к молодежи для осуществления политического и духовного руководства над нею.

— Корнель создал эту группу, следовательно, сам он и руководит ею.

Стараясь не показать своего волнения, я пошел разыскивать этого «бравого» парня.

Он принял меня радушно:

— Слышал новость? У нас богатый улов!

— Если так можно назвать избитых людей...

Он возмутился:

— Уж не считаешь ли ты меня молокососом, который коллекционирует трупы? Когда я увидел, что толпа вот-вот разорвет их, мы их освободили. С перепугу они во всем сознались.

Во рту у меня сразу же пересохло, и я с трудом спросил:

— Что же с ними сделали?

— Передали в полицию с одним экземпляром протокола. Не бойся, рано или поздно мы доберемся и до тех, кто выведет нас на красных агентов, работающих в странах свободного мира.

Такое обещание меня несколько не воодушевило. Пока что я мог только беспомощно смотреть, как эти молодчики охотились за людьми, и любое мое возражение или несогласие с ними могло вызвать у них подозрение. Это были для меня мучительные недели.

За короткое время я еще больше укрепил свои связи со «штабом» Янковича. Со мной советовались относительно возможности открыть «ворота» в границе, интересовались моим мнением о том или ином эмигранте. Постепенно мне стал ясен размах планируемой «штабом» диверсионно-подрывной работы. Я с ужасом убедился, что Янкович не врал мне относительно того, что подготовка к новому мятежу идет полным ходом.

Вскоре мне предоставилась возможность встретиться с приехавшим из Базеля Кальманом Селлем, избранным секретарем молодежной организации «Студенческая помощь». Задав по несколько искусно завуалированных вопросов Сенткути, Шипошу, Кочишу, Селлю, я получил ответы, из которых смог составить общую картину: ЦРУ извлекло уроки из своих прежних неудач. Теперь же оно намеревалось вооружить участников нового мятежа, приуроченного к мартовским дням, самым современным оружием. И мозговой центр этого мятежа находился в ЦРУ, а базой и прикрытием являлась организация «Студенческая помощь». Исполнение же возлагалось на Белу Кирая, Янковича, его друзей и на членов кружка «Корвин».

Удалось мне узнать и то, что для установления связей и руководства началом мятежа на родине был назначен Петер Ковач, настоящая его фамилия — Реннер.

Моя неуверенность росла. Я не мог передать в Центр самые ценные сведения, которые были важны для органов государственной безопасности ВНР. Две мои попытки связаться с Центром остались безрезультатными, хотя я действовал с соблюдением самых строгих мер предосторожности.

«Бездеятельным я быть не могу, не имею права!» — мысленно убеждал я себя.

Тогда я решил, что если не свяжусь с Центром во время третьей попытки, то сам поеду на родину. Правда, я не знал, сохранились ли «ворота», через которые я пересек государственную границу год назад. Приходилось считаться с новым порядком охраны границы, который был мне незнаком. В то же время я не мог найти причину, почему Центр не отвечал мне. Требовалось срочно принять решение, и, хотя риск был велик, игра стоила свеч.

Как же я обрадовался, когда после третьей попытки вышел на долгожданную связь! И вот я с глазу на глаз сижу с руководителем нашей службы. Первые минуты ни один из нас не может говорить. Мы только молча смотрим друг на друга. Смотрим и улыбаемся. Два человека, которые снова встретились после такого страшного периода.

— Многие наши погибли, — проговорил он, став серьезным, а потом, выслушав меня, долго молчал. Я не мешал ему, понимая, что в эти минуты он обдумывал что-то важное.

— А ты уверен в том, что говоришь? — наконец спросил он.

Я нисколько не обиделся. Ведь известие о том, что разбитая контрреволюция вновь поднимает голову, на самом деле казалось невероятным.

— Я располагаю фамилиями, данными.

Он вздохнул и сгорбился. Лицо его мгновенно постарело. Я смотрел на него и думал о том, сколько опасностей повидал этот человек на своем веку и какая ответственность лежит на его плечах.

Мне стало стыдно, что я в течение нескольких недель иногда испытывал, что скрывать, чувство страха, а то и ужаса. Я так углубился в свои мысли, что не заметил его внимательного взгляда, устремленного на меня, о невольно вздрогнул от звука его голоса.

— Ты сейчас, наверное, думаешь о том, что наше положение было не на много опаснее твоего, не так ли? — спросил он.

— Не совсем так, — ответил я и рассказал ему о том, какие страхи пережил.

— Смелость заключается отнюдь не в отсутствии страха, — заговорил он так тихо, что мне пришлось напрягать слух, чтобы разобрать все слова. — Я думаю, что делать свою работу, пусть даже испытывая страх, — великое дело. На Западе тебя поджидает множество других опасностей. Я не спрашиваю тебя о том, готов ли ты работать и дальше. Твое сегодняшнее донесение и вся проделанная работа говорят сами за себя. Могу лишь одним порадовать тебя — компрометирующие тебя документы не попали в чужие руки, ни один из наших сотрудников из числа тех, кому пришлось погибнуть, не стал предателем.

Это известие я действительно воспринял с радостью, так как теперь был спокоен за то, что мои противники не нанесут мне удар в спину. А это очень важно.

— Ну так вернемся к МОНу, так, кажется, звучит это сокращение, которым пользуются мятежники?

— Да, так. Оно означает — «В марте опять начнем».

— Словом, они снова попытаются пустить в ход автоматические карабины, противотанковые гранаты и бесшумные пистолеты...

Он не спрашивал, а как бы вслух мыслил, а под конец разговора задал мне вопрос:

— А когда этот Реннер начнет действовать?

— Точно не знаю, но, видимо, в течение ближайшей недели.

— Ну что ж, пусть пожалует! Мы будем ждать!

ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНЕРАЛА

Приведу лишь небольшой отрывок из показаний Реннера (он же Ковач), арестованного в Венгрии.

«Все задания, какие я должен был выполнить в ВНР, я начиная с 10 января 1957 года регулярно обсуждал с Сенткути то у себя на квартире, то у него. Главным образом мы обсуждали методы и способы организации нелегальных групп, в задачи которых входило распространение пропагандистских листовок, получение и хранение оружия и боеприпасов к нему, а также умелое использование оружия в подходящее время...»

МОН — то есть запланированный на этот месяц новый контрреволюционный мятеж — не удался, а его руководители оказались арестованными...

Да, руководители его были арестованы, однако остались контрреволюционеры, окопавшиеся в Вене, которые вели враждебную для ВНР деятельность. Из Центра мне было дано указание любым способом разделаться с этой группой.

Задание было не из легких. Я не имел представления, как его выполнить, не подвергая себя смертельной опасности. Приходилось считаться с тем, что провал Реннера вызовет усиленный контроль за всеми, кого можно считать противником этой организации.

И на этот раз мне помогли случай и мои хорошие связи, а вера в своих людей подсказала и ключ для решения этой задачи.

Однажды ко мне явился хореограф Кальман Шоймоши, в прошлом работавший в Венгерской государственной опере. В Вене он сколотил балетную труппу из эмигрантов.

— Ты знаешь о существовании молодежной организации, что располагается в Вердерторгассе? — возбужденно спросил он.

К тому времени я уже кое-чем помогал этим людям, например Йозефу Юхасу, Виолетте Феррари и их партнерам. Шоймоши, несмотря на его молодость, я считал человеком серьезным, вот почему, собственно, меня и удивило его необычное состояние.

— Разумеется, — ответил я. — Это боевая, политически зрелая гвардия.

— Может, в политическом отношении они и зрелые, а вот в человеческом — нисколько!

Такого заявления я от него не ожидал, тем более что оно относилось к организации, способа уничтожить которую я так искал.

— Объясни, в чем, собственно, дело?

— Вики пошла к ним за помощью. Ей выдали талон, который на складе лысый старик Гебей должен был отоварить.

— О ком ты говоришь?

— О лысом старикашке, который так и заявил Вики, что если она с ним переспит, то получит шубу.

Вот тут-то меня и осенила мысль, что, используя этот инцидент, я могу здорово насолить контрикам.

Вики была самой молодой и очень красивой девушкой в балетной труппе. То, что она пошла куда-то за помощью, меня нисколько не удивило. Среди диссидентов вошло в моду повсюду выпрашивать подачки в виде вещей, продуктов, денег, чем они охотно и занимались.

Сначала с девушкой поговорил я, а потом ее расспросили мои сотрудники. Сделано все это было под предлогом сохранения чистоты эмигрантских рядов.

Когда же в моих руках оказались веские доказательства, я навестил своего старого знакомого, дядюшку Герцога.

Старик выслушал меня с философским спокойствием.

— Я уже слышал об этом инциденте, — сказал он, — но, как я полагаю, дело это нужно замять без скандала.

— Никакого скандала и нет, — заметил я. — Но раз слух об этом безобразии дошел до меня, то рано или поздно об этом станет известно и представителям христианско-демократической прессы.

Я отнюдь не случайно сослался на эту прессу, хорошо зная, что в предстоящей предвыборной борьбе далеко не все равно, какими компрометирующими фактами будет располагать противная сторона.

Дядюшка Герцог, словно забыв о своем почтенном возрасте, горячо воскликнул:

— Нам только этого и не хватает! — Немного подумав, он повернулся ко мне и спросил: — А ты что скажешь?

— Нужно подумать, целесообразно ли социалистической партии иметь на своей спине такой горб?

Старик уставился на меня так, будто видел впервые, а затем весело засмеялся:

— Феноменально! — Перестав смеяться, он стукнул ладонью по столу. — Скажи, а откуда тебе известно, что нас интересует этот вопрос?

Я ответил с таким видом, будто хорошо обо всем осведомлен:

— По логике вещей нетрудно догадаться, что социалисты вряд ли возьмутся помогать тем, кто становится на путь белого террора.

— Ты прав. — Он сразу же стал серьезным. — Мы прикроем эту группу молодежи, Корнеля Вадаса отправим в Швецию, чтобы он там немного остыл, а остальных развеем по ветру.

Вскоре эта молодежная группа действительно перестала существовать.

Приблизительно в это же время судьба подарила мне одну интересную встречу. Я встретился с доктором Золтаном Шахи, которого считал незаурядной личностью. Он был человеком очень замкнутым с чужими, но по-детски открытым и доверчивым с друзьями. Когда ему по моей просьбе через Международный Красный Крест вручили докторский чемоданчик с великолепным набором инструментов, он радовался как дитя.

И вот доктор Золтан Шахи позвонил мне как-то по телефону и попросил принять его вместе с человеком, попавшим в беду.

— Сюда он прибыл две недели назад. Тебе стоит с ним познакомиться, — сказал Шахи перед тем, как положить трубку.

Широкоплечий, спортивного телосложения мужчина, которого привел доктор, действительно заинтересовал меня.

— Меня зовут Геза Банкути, — отрекомендовался он. — Я мотогонщик.

Видя, что его слова не произвели на меня должного впечатления, он добавил:

— Вместе с Ференцем Галом я восемь раз был чемпионом Венгрии.

— Очень похвально, но здесь вы, видимо, оказались совсем по другой причине?

— Сюда я приехал из-за Белы Кирая, вернее, из-за его безответственных действий.

— Что вы имеете в виду? — насторожился я.

— Разве вы ничего не слышали о деле Реннера?

— Абсолютно ничего. Может, расскажете?

Я старался держаться так, чтобы не выдать себя, тем более, что, являясь представителем «Революционного совета» в Австрии, должен был хранить его тайны. Если же я не стану делать этого, то либо провалюсь сам, либо потеряю доверие совета. У читателя невольно может возникнуть вопрос, не рисковал ли я, делая вид, что фамилия Реннера мне ничего не говорит. Отвечу просто. Реннер редко пользовался своей настоящей фамилией, все звали его Петером Ковачем, и, за исключением нескольких доверенных лиц и высшего начальства, никто не знал его настоящего имени.

Геза Банкути принялся рассказывать:

— В ноябре я входил в вооруженную группу, располагавшуюся на площади Сены, в Будапеште, которой руководил дядюшка Сабо. Мне повезло, меня никто не предал. Вот, собственно, почему в период массового бегства за границу я вместе с женой и двумя детьми остался в столице.

— Как же случилось, что восьмикратного чемпиона Венгрии так никто и не узнал?

— Я исполнял обязанности связного-посыльного и осведомителя одновременно. Обо мне, кроме дядюшки Сабо и Усатого — так ввали руководителя кружка «Корвин» Гергея Понграца, — никто ничего не знал. А как член спортивного клуба «Гонвед», тем более что у меня офицерский чин, я находился вне всяких подозрений.

— Прошу вас, продолжайте.

— Короче говоря, меня никто ни в чем не подозревал и, естественно, не трогал. И поскольку жизнь в стране постепенно входила в нормальное русло, я чувствовал себя в безопасности. Денежное содержание мне регулярно выплачивали, и даже шла речь о том, чтобы я возобновил тренировки. В начале февраля однажды у моей двери позвонили. Сердце мое так и сжалось. Можете себе представить, как чувствует себя человек в моем положении?! Я открыл дверь. За ней стояли два молодых парня. Один из них показался мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, где видел его. «Не узнаешь меня? — шепотом спросил он. — Я из кружка «Корвин». Впусти нас!» Сам не знаю, что на меня нашло в тот момент — то ли какая-то надежда, то ли страх, но я впустил их в квартиру. Тот, лицо которого показалось мне знакомым, молча передал мне визитную карточку Усатого, на обратной стороне которой от руки было написано несколько строчек.

— И что же там было написано? — не без любопытства спросил я.

— А я вам могу это показать.

Достав из внутреннего кармана бумажник, Банкути протянул мне визитку. Чтобы заучить текст записки наизусть, я прочел его несколько раз. На визитке было написано:

«Мой дорогой друг! Как руководитель кружка «Корвин»
прошу тебя с доверием принять своих друзей и помочь им!»

— Выходит, визитера звали Реннером?

— Что вы! Не все так просто. Венгра, который дал мне визитку, звали Улаи. Вторым, это был швейцарский студент, если ему можно верить, был некто Мензиль. Они обещали предоставить мне технические средства связи для подслушивания чужих разговоров, оружие и обещали дать очень много денег... и все это для организации нового мятежа.

— Венгр, видимо, тоже имел кличку.

— Как ни странно, но он носил свою подлинную фамилию... Меня терзали сомнения, но я все же разыскал тот адрес, который они мне оставили.

— Ужасная наивность!

— В том-то вся и беда. Спустя два дня ко мне домой пришел другой связной, назвал условленный пароль. Это был Петер Ковач. С того дня я заметил, что за моей квартирой установлена слежка.

— Выходит, Ковач оказался предателем?

— Да! Я сразу же уехал из Венгрии. Здесь я узнал, что настоящее имя того венгра Реннер, что он — доверенное лицо Белы Кирая. Он провалился! Следя за ним, люди из органов безопасности пришли ко мне на квартиру...

Представьте себе, в каком положении оказался я! Напротив меня сидел человек, являвшийся членом антигосударственной организации, из-за которой я, как разведчик, не достиг необходимых результатов.

В какой-то степени мне стало жаль его, так как я чувствовал, что втянутым в контрреволюционную деятельность он оказался отнюдь не по убеждениям, а из-за своей наивности и ложного идеализма, короче говоря, он попал в сети более хитрых мерзавцев. Мне нужно было решить, смогу ли я использовать этого человека с пользой для Венгрии.

Сам Банкути нисколько не пострадал бы, если бы я (с согласия Центра, конечно) использовал его в своих целях. Итак, я взял его к себе. Он вошел в мое непосредственное окружение и одновременно стал моим шофером. Позже и без моей помощи он организовал «Международный комитет венгерских спортсменов-эмигрантов» под председательством Пушкаша и по моему предложению возглавил секретариат. В тех условиях это было действенным средством для возможности нанести удар по Беле Кираю и так называемому «Союзу венгерских борцов за свободу», а в конечном счете по их хозяину — ЦРУ.

По договоренности с Центром я послал Беле Кираю письмо следующего содержания:

«Дорогой Бела!

Прежде всего хочу поблагодарить тебя за то, что ты вспомнил обо мне в связи с делами комитета ООН. Хочу также поставить тебя в известность о том, что деятельность комитета здесь вызывает жгучий интерес, и я боюсь, что не смогу работать, так как не исключены нежелательные последствия. Точнее говоря, речь идет о том, что околачивающиеся вокруг комитета люди интересуются...»

Здесь я намеренно прерву последовательность изложения, чтобы сообщить, что так называемый «комитет пяти» ООН я «толкал» на опрос свидетелей из Европы. Забегая вперед, скажу, что руководители Центра считали целесообразной мою идею об опросе свидетелей. Далее я умышленно как бы мимоходом упомянул в письме об опасности утечки информации, чтобы отвести тем самым от себя всякое подозрение, понимая, что мое правительство в ходе ведения дипломатической войны будет вынуждено обнародовать полученную от меня информацию.

Возвращаясь к Реннеру, вернее говоря, к делу Банкути, я написал в письме следующее:

«...В данный момент у меня в комнате сидит Геза Банкути, с которым швейцарцы вошли в контакт еще на родине как с одним из руководителей эмиграции, а затем регулярно направляли к нему Реннера. Гезу Банкути, в

недалеком прошлом чемпиона по мотоциклетным гонкам, хорошо знают в группе с площади Сены. Семья его осталась дома, а сам он уехал в последний момент.

...Дорогой Бела! Ты, как солдат, лучше моего знаешь, как ужасно бывает, когда по безответственности и упущению рушится человеческая судьба. Война, как известно, без потерь не бывает, однако это вовсе не значит, что жертвовать надо без ума... Таким образом, я осуждаю не борьбу, а лишь способ ее ведения, когда живущие в безопасности люди без нужды подвергают риску жизнь других. Пишу я тебе об этом только потому, что эта история связана с твоим именем.

...Не сердись, но как здешний представитель «Революционного совета» я обязан копию своего письма отослать нашему секретарю Шандору Кишу».

На это письмо я получил ответ, который дал нам в руки важное доказательство. Вот что было написано в нем:

«Дорогой друг!

Твое письмо от 19 апреля я получил; мне понятно твое беспокойство, однако я не считаю необходимым предупреждать об этом кого бы то ни было. С делом я знаком, но должен тебе заметить, что «Союз венгерских борцов» не давал официального согласия на нелегальную деятельность Реннера или кого-либо другого.

Еще раз благодарю тебя за письмо.

Генерал-майор Бела Кирай».

Хочу обратить внимание читателя на фразу: «не давал официального согласия...» То есть «Союз венгерских борцов за свободу» не дал согласия на МОН. Письмо Кирая безусловно свидетельствует о том, что эта история превратилась в наших руках в политическое и моральное оружие в борьбе против новых попыток контрреволюционного отребья.

ОПАСНЫЙ ВИЗИТЕР

Ранее я уже упоминал о полковнике Деметере, который вел в хортистской академии курс спецподготовки. Хочу рассказать о нем более подробно, но прежде — вспомнить еще об одном любопытном знакомстве.

В январе 1957 года в Вене в эмигрантской газете «Бечи мадьяр хирадо» появилась статья, в которой сообщалось, что Доминиканская Республика готова принять двадцать тысяч венгерских эмигрантов, взяв на себя все расходы на переезд, а по прибытии на место каждому из них будет предоставлен земельный участок, дом и необходимые орудия производства.

Это было слишком завидное предложение, чтобы не обратить на него внимания. Вскоре выяснилось, что руководил этой вербовкой специально приехавший в Вену генерал Шандор Ковач — начальник доминиканского генштаба, в прошлом банковский мошенник из Дебрецена, подчиненный генерала Трухильо, жестокого доминиканского диктатора.

В моем распоряжении имелось одно-единственное средство, с помощью которого я мог спасти двадцать тысяч несчастных доверчивых венгров: я написал несколько разоблачительных статей, поместив их в различных эмигрантских и западных газетах, в которых отговаривал соотечественников от такого переселения.

Вскоре после опубликования этих статей мой секретарь однажды ввел ко мне в кабинет незнакомого мужчину с военной выправкой.

— Это вы депутат Миклош Сабо?

— С кем имею честь?

Вошедший вытянулся и даже щелкнул каблуками.

— Старший лейтенант венгерской королевской армии витязь Элек Такач.

Я сразу сообразил, что передо мной резидент «Союза венгерских борцов», но сделал вид, что его имя мне ничего не говорит.

— Прошу садиться, господин старший лейтенант. По какому делу пожаловали ко мне? Чем вы здесь занимаетесь?

Он пропустил мои вопросы мимо ушей и, положив одну из газет с моей статьей на стол, спросил:

— Это вы писали?

— А в чем, собственно, дело? Вы имеете что-либо против?

— Нет, что вы, что вы! Просто хочу предложить вам свои услуги в этом деле...

И тут я узнал, что толкнуло господина старшего лейтенанта на столь благородный жест. Корни этой истории уходили в недалекое прошлое.

В начале пятидесятых годов известный оружейный конструктор Пал Кирай бежал за границу, прихватив с собой чертежи нового автомата, которые он продал генералу Ковачу для диктатора Трухильо. Сделка была в полмиллиона долларов и оговаривалась условием, что Кирай лично наладит выпуск нового автомата.

— Полмиллиона долларов — хорошенькая сумма, — отметил я.

— Но Кирай ее так и не получил.

— Тогда почему же он не подал в суд?

— Мертвые лишены такой возможности. Его убил Ковач по указанию диктатора.

Наступила томительная тишина. Я не знал, что и говорить. Возможно, это была провокация, как-никак главу государства обвиняли в убийстве.

— А почему вы решили рассказать об этом мне, господин старший лейтенант?

— Видите ли, господин депутат, без моей помощи Пал Кирай никогда не выехал бы из Венгрии. Мы договорились с ним на десять процентов. Следовательно, Ковач и его люди обокрали меня на пятьдесят тысяч долларов.

— Понимаю. И теперь вы решили им отомстить. Но есть ли у вас веские доказательства?

Кивнув, он достал из внутреннего кармана потертое на сгибах письмо. Написано оно было Палом Кираем. В нем содержалось достаточно фактов для того, чтобы господин генерал Ковач с панической быстротой покинул Вену и вернулся к своему диктатору...

Вот так я познакомился с витезем Элеком Такачем. Теперь мне хочется вернуться к рассказу о полковнике Деметере.

Однажды я возвратился домой поздно ночью, так как связывался с Центром, на что ушло много времени.

В условленном месте меня ждал Янош Ракоци. Я так организовал службу своих телохранителей, что хоть один из них постоянно

оказывался возле меня.

Моя квартира находилась на тихой маленькой улочке в центре города. Не успели мы свернуть в Штельцхаммергассе, как мимо нас промчался огромный шикарный лимузин, на который я невольно обратил внимание.

Когда же я подошел к дому, из темной подворотни мне навстречу вышел рослый мужчина.

— Добрый вечер! — поздоровался незнакомец.

— Добрый вечер! — ответил я ему, собираясь открывать калитку.

— Не узнаете? Я — Деметер. Полковник Ференц Деметер.

Было около полуночи. «И какого черта этот старик поджидает меня здесь в такое время?» — подумал я с тревогой.

— Извините, но я вас действительно не узнаю. Вы меня ждете?

— Да, и с десяти часов!

Эту фразу он произнес таким тоном, что я невольно начал лихорадочно припоминать, где же я побывал сегодня и не допустил ли какой-нибудь ошибки, особенно во время связи с Центром, когда самое маленькое упущение чревато серьезными последствиями. Разведчик никогда не чувствует себя в полной безопасности. Может, я где-то ошибся? Но в чем?..

Я решил перейти в контрнаступление.

— Ай-ай, господин полковник! Уж не собираетесь ли вы меня расспрашивать, где и как я проводил время?

— Ни в коем случае! Однако, согласитесь, в моем возрасте ждать так долго утомительно.

— Видимо, у вас для этого какая-либо важная причина?

— В самом деле! Я хотел бы получить от вас ответ на очень важный вопрос.

Пользуясь темнотой, я быстро и незаметно опустил руку в карман, где лежал мой пистолет. Прикосновение к холодной стали несколько успокоило меня. Если я допустил какую-нибудь ошибку и Деметер разоблачит меня, мне не поможет даже мой телохранитель. Значит, мне придется иметь дело не только с полковником, но и с его людьми. Вспомнив об автомобиле, я подумал о том, что этот старый лис вряд ли пошел на встречу со мной, не обезопасив себя.

— Что же, задавайте свой вопрос! — Эти слова я невольно произнес почти с вызовом, мысленно ища выхода для себя и не находя его.

— Я привлеку вас к ответственности за ваши действия! — неожиданно пригрозил он.

«Куда метит старик? Это я должен во что бы то ни стало разгадать. Защищаться от опасности, о которой ты ничего не знаешь — дело бесполезное», — подумал я и спросил:

— На каком же основании?

— На основании заботы о родине!

Это было слишком туманно. Однако патетика старика убедила меня в том, что ничего конкретного он обо мне не знает. Я немного успокоился.

— О родине я забочусь не меньше других! — решительно заявил я.

— Факты свидетельствуют о другом.

— Господин полковник! — повысил я голос. — Вы отдаете себе отчет в своих словах?

— Я — да, а вот вы, господин депутат, нападаете на лучших борцов нашей нации!

— Это на кого же именно?

— На генерала Белу Кирая.

— Вы ошибаетесь, господин полковник! На Белу Кирая я не нападал, а лишь привлек его к ответственности, как хотите это сделать вы со мной. Но у меня были на это и право и причина!

— На каком основании вы сделали это?

Почувствовав, что опасность миновала, я позволил себе даже иронизировать.

— На основании заботы о родине, — ответил я полковнику его же словами, а затем добавил: — И как доверенное лицо «Революционного совета», вице-председателем которого является сам господин генерал!

— Это обстоятельство скорее обязывает его!..

Несмотря на темноту, я почувствовал, как полковник сверлит меня взглядом. Оба мы молчали, и я уже начал было думать, что полковник больше не заговорит, но он все же нарушил тишину:

— В своих действиях и выводах вы, господин депутат, заходите далеко. Даже слишком далеко!

— А вы, господин полковник, выступаете от имени клики военных, но не от имени всей военной эмиграции...

— Пока! — сердито рывкнул он.

В тот момент я не обратил внимания на это слово, а позже, анализируя наш спор, я вспомнил о нем и понял, что, видимо,

назревают какие-то важные события. И я не ошибся...

— Мы, политические эмигранты, не одобряем ваших самовольных акций, — наступал я.

— Если бы вы обладали должным опытом, то знали бы, что это отнюдь не самовольные акции, — пробормотал полковник. — Вы, господин депутат, оскорбляете высокие идеалы. Еще раз повторяю, что вы зашли слишком далеко. Слишком! — Не попрощавшись, он повернулся и ушел.

— Последи за ним, — сказал я Ракоци, который подошел ко мне и молча остановился рядом...

— Ты был прав, — сказал Янош, вернувшись. — Старик сел в автомобиль и укатил! Любопытно, откуда у него такой дорогой лимузин?

Мне было совсем нетрудно ответить на этот вопрос, так как я прекрасно знал, какая организация финансировала типов, подобных Деметеру.

Открыв дверь, я включил свет.

— Подожди! — остановил я Ракоци, направлявшегося к лифту. — Меня кое-что интересует.

Он не понял меня, но остановился. Выключив свет, мы вышли на темную улицу.

Долго ждать нам не пришлось. Спустя несколько минут неподалеку от дома проехала черная машина, которую теперь я хорошо рассмотрел и узнал: она принадлежала старшему лейтенанту Элеку Такачу, австрийскому резиденту «Союза венгерских борцов», а ранее, как поговаривали, на ней разъезжал фашистский диктатор Муссолини.

На углу в машину сели двое. Она снова медленно проехала мимо моего дома, а в конце улицы в нее сели еще двое.

— Что же это такое? — удивился Ракоци.

Я направился к дому, но Ракоци остановил меня, крепко сжав мою руку. Я с удивлением увидел, как из темной подворотни дома напротив появились двое мужчин. Они направлялись прямо к нам. Я опустил руку в карман с пистолетом и заметил, что это же сделал и мой секретарь.

— Послушай, ведь это же наш Геза! — вдруг тихо воскликнул Янош.

И действительно, это были Геза Банкути и доктор Золтан Шахи.

— Хорошенький вечерок, — вместо приветствия проговорил доктор.

— Когда вы сюда пришли? — спросил я.

Банкути рассказал, что по дороге домой они заметили большой черный автомобиль и, решив, что на меня готовится покушение, укрылись в подворотне дома напротив, готовы в любой момент оказать мне помощь.

— Старик полковник даже в квартиру заходил! — добавил Шахи, вынимая патрон из патронника и ставя пистолет на предохранитель.

Меня, естественно, заинтересовало, что мог полковник искать в моей квартире. Никакого компрометирующего материала я дома не держал (его я хранил в более безопасном месте), а потому бояться мне было нечего.

Рассердившись на Деметера, я решил проучить его. Мне было известно, что он недавно переселился на новую квартиру по улице Гольдене стиге, в дом номер 7. Я позвонил туда по телефону.

Трубку снял мужчина. Голос его был мне незнаком.

— Прошу господина полковника Деметера.

— Кто его спрашивает?

— Об этом я скажу только ему. Я звоню по важному, секретному делу.

После довольно долгого ожидания послышался голос старика:

— Кто это? Что вы хотите?

— Я — Миклош Сабо, господин полковник.

— Откуда вы знаете номер моего телефона? — воскликнул полковник в удивлении.

— У нас обоих, господин полковник, имеются тайны. Свои тайны я храню при себе. — С металлическими нотками в голосе я продолжал: — Хочу довести до вашего сведения раз и навсегда: если вы еще хоть раз попытаетесь проникнуть со своими гориллами в мою квартиру, я немедленно заявлю об этом в полицию. Могу вас заверить, что из Австрии вы вылетите в двадцать четыре часа! — Сказав это, я, не попрощавшись, положил трубку.

Я был уверен, что моя угроза достигнет цели, так как все знали, что я был в хороших отношениях с Анной Кетли, которую социал-демократическая партия выдвинула на пост министра внутренних дел.

Должен заметить, что Центр, узнав об этом инциденте, не одобрил моих действий. Было высказано мнение, что я сильно рисковал, так как

мое поведение могло вызвать у Деметера подозрение. К моему счастью, полковник ничего не заподозрил, однако охвативший меня страх не был беспричинным. Я довольно быстро ознакомился с последствиями ночного визита господина полковника.

На следующий день, это было воскресенье, мои сотрудники, получив разрешение, уехали за город на прогулку. Это было мне на руку, так как, оставшись один, я мог в спокойной обстановке ознакомиться с секретными документами, оценить их, снять необходимые копии.

День я начал с обильного завтрака. Нет ничего удивительного, если мужчина тридцати четырех лет вдруг почувствует себя голодным как волк. Светило яркое солнце, и его лучи, отражаясь от стекол домов, стоявших на противоположной стороне улицы, проникали в мою спальню, как бы приглашая и меня за город, на природу.

Я отвернулся от окна, чтобы, подавив в себе искушение отдохнуть, всерьез заняться работой.

Подойдя к шкафу, в котором у меня был оборудован тайник, где хранились документы, я вдруг почувствовал себя плохо. У меня закружилась голова. Если бы я инстинктивно не ухватился за шкаф, то наверняка упал бы. Меня затрясло как никогда сильно, и я перепугался. Мне не раз приходилось рисковать жизнью, довольно часто я испытывал чувство страха, но настоящий страх смерти я почувствовал именно в тот момент.

Сознание покидало меня. Собрав все силы, я с трудом добрался до телефона. Набрал номер Арпада Фехервари, потом номер Ауреля Абрани, но их обоих не оказалось дома. На третий звонок у меня не хватило сил. Первый раз в жизни я упал, перед глазами поплыли цветные круги. Сознание мое затуманилось, я с трудом, как сквозь густую пелену тумана, различал все предметы вокруг.

И тут я услышал звонок в дверь, долгий и требовательный.

«Там стоит тот, кто может меня спасти», — пронзила мой мозг мысль, но пошевелиться я не мог.

Входная дверь отворилась, и в квартиру вошел, как мне показалось, мужчина, однако я не мог различить черты его лица.

Когда я пришел в сознание, то увидел, что лежу в постели, а рядом со мной сидит доктор Шахи. В правой руке он держал шприц, а левой щупал мой пульс.

— Что со мной случилось? — Я произнес это еле слышно, но мне показалось, что я громко прокричал эти слова.

— Лежи спокойно и не шевелись, — сказал мне доктор. — К счастью, самое плохое уже позади.

Я вскоре заснул, а когда проснулся, день клонился к вечеру. Кроме доктора в комнате сидели Геза Банкути и Янош Ракоци.

— Что со мной? — снова спросил я.

— Тебе здорово повезло, — ответил мне доктор Шахи. — Ачи не смогла поехать за город, тогда и мы с Гезой решили, что никуда не поедем. Я подумал, что лучше пообедаю с тобой. Начал звонить, но твой номер все время был почему-то занят, вот я и приехал. Думаю, что-то тут не так: телефон занят, а тебя нет дома. Хорошо еще, что ты мне раньше дал ключ от своей квартиры... Вхожу и вижу тебя еле живого.

— Так что же все-таки со мной было? — Видимо, в тот момент я ни о чем другом спросить не мог.

— Без лабораторного анализа сказать трудно, но думаю, это самое настоящее отравление. Все симптомы указывают на это.

На ноги я поднялся только через три дня. Могу сказать уверенно, что этот инцидент, чуть было не закончившийся для меня трагедией, наверняка был связан с последним визитом ко мне полковника Деметера. Во всяком случае, после этого я никогда не брал в рот продуктов, которые не покупал сам или не сам приносил домой.

ГЛАВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ЦРУ

Несколько лет назад в политическом еженедельнике «Мадьярорсаг» была опубликована большая, на целую страницу, статья, в которой рассказывалось о странном поступке некоего венгра, оказавшегося за границей. Ссылаясь на французские источники, еженедельник писал о том, что этот венгр якобы изобрел какой-то замечательный карбюратор, который, однако, у него не хотели покупать ни на одном автомобильном заводе. Тогда он остановил свой фургон перед Елисейским дворцом и заявил, что взорвет себя и дворец вместе с президентом Французской Республики, если Жискара д'Эстен не примет его лично.

«Героем» этого поступка, похожего на современный акт терроризма, оказался Деже Фонадь.

Весной 1957 года ЦРУ судорожно пыталось поразить мировое общественное мнение заявлением подходящего для них свидетеля, и тогда-то на небе эмиграции подобно комете блеснул Фонадь. Откуда, как они его заполучили? Этот вопрос так и остался без ответа. Неожиданно об этом авантюристе заговорили не иначе, как о «революционном» организаторе и представителе «подпольного парламента». Пока мы опомнились, он уже оказался в Америке, где переезжал из города в город, выступая на различных собраниях и митингах.

«Во всей контрреволюционной банде такой организации нет. Фонадь — безграмотный, можно сказать, человек, работавший простым шофером. Мы даже не уверены в том, принимал ли он вообще участие в какой-либо вооруженной акции».

Такое сообщение я получил из Центра. Одновременно с этим мне было дано указание внимательно следить за этим типом, узнать о нем как можно больше и по возможности морально уничтожить его.

Полагаю, не я один получил такое задание. Пока Фонадь разъезжал по Америке, у меня не было возможности сделать что-либо в этом

отношении, тем более что в это время я выполнял свое основное задание в Австрии.

Однако указание остается указанием, и я сделал то, что смог. Сначала мне удалось узнать, что Фонадя впервые видели в обществе Криштофа Каллаи (сына Миклоша Каллаи), а затем его взял под свою опеку Фридьеш Пишки-Шмидт.

С деятельностью Пишки-Шмидта мы уже были знакомы. Он считался одним из организаторов разъездных вояжей, проводимых с целью ведения антикоммунистической пропаганды.

Однако с Фонадем за рубежом обращались совершенно не так, как с остальными агентами: с ним занимались крупные специалисты, натаскивали его и в конце концов сделали из этого довольно-таки примитивного человека широкомасштабного лжеца, своеобразного представителя несуществующего венгерского «подпольного парламента».

Его провезли почти по всем странам Северной, Центральной и Южной Америки. Фонадя принимали главы государств. На массовых митингах он от имени «порабощенного венгерского народа» агитировал против Венгерской Народной Республики, против СССР и социалистического лагеря в целом. С каждым днем Фонадь все больше превращался в главную фигуру идеологического похода, направленного против нас. Он выступил на заседании сената США и в качестве главного обвинителя — с трибуны так называемого «комитета пяти» ООН, занимающегося разбирательством пресловутого «венгерского вопроса».

Мы были бессильны что-либо сделать. Использование Фонадя ЦРУ расценивало как одну из своих наиболее удачных акций.

Возможность повлиять на это дело предоставилась мне совершенно случайно.

Я довольно часто бывал в редакции эмигрантской газеты «Немзетер». Эту газету основал Тибор Толлаш-Кечкеш, бывший жандармский офицер, переквалифицировавшийся в поэта. Большинство сотрудников редакции, входили в число его личных друзей. Через них я в какой-то степени мог держать в поле зрения печатный орган «Союза венгерских борцов за свободу», близкий Беле Кираю, и как-то влиять на него.

Однажды Иван Келемен, главный редактор газеты, сказал мне:

— Да, Миклош, чуть было не забыл сообщить тебе... Скоро к нам прибудет интересный гость. Ты что-нибудь слышал о Фонаде?

Я и не знал, что эта «звезда» приезжает в Вену, и не узнал бы, пока об этом не начали бы трубить газеты. Конечно, сначала мне показалось странным, что о приезде этого типа нигде не сообщается, но потом я понял, что нейтралитет Австрии не позволяет ей бить в барабаны по этому поводу. Мое же отношение к Фонадю было однозначным — как честный политический эмигрант, я возмущался его поведением, считая, что он скорее вредит, чем помогает «делу венгерской революции».

— И вы собираетесь разговаривать с этим авантюристом? — спросил я Келемена.

Присутствовавший при этом разговоре патер Вазуль Вегвари, которого мятежники с площади Сены считали как бы своим духовным отцом и который сам охотно выступал в этой роли, услышав мой вопрос, назидательно проговорил:

— Человек, сражающийся за веру, не может быть авантюристом даже в том случае, если он лжет при этом.

Габор Кочиш, видя, что спор все больше и больше разгорается, решил срочно вмешаться и миролюбиво сказал мне:

— Ты судишь слишком строго. Деже — неплохой человек, но его просто затаскали. От него захотели большего — он больше и дал.

— Познакомься с ним. Это будет интересно, — предложил мне Иван Келемен.

— Согласен? — спросил меня Кочиш.

— Согласен, — ответил я после недолгого раздумья.

Откровенно говоря, я заинтересовался Фонадем, на которого ЦРУ потратило столько денег и стараний и который (этого не стоит отрицать) оправдал эти затраты.

По приглашению Келемена в комнату вошел хорошо одетый молодой человек. Я взглянул на него. Обычное лицо, какое бывает у тысячи людей.

Кочиш представил нас друг другу.

— Я много слышал о вас еще в Америке. — В голосе Фонадя было не столько уважения, сколько лести.

«Интересно, с какой целью он мне льстит?»

Это заинтересовало меня. Инстинктивно я почувствовал, что зачем-то нужен ему, что случилось что-то, о чем я не знал, но из чего можно было извлечь какую-то пользу.

— Так, так... Значит, это ты — представитель «подпольного парламента»? — спросил я с некоторым сарказмом.

— А почему бы и нет? Вы что, не верите в мои силы? — В ответе Фонадя было больше иронии, чем дерзости.

— Не верю!

Столь категоричного ответа он, видимо, не ожидал. Лицо его покраснело, и он ринулся в нападение.

— Американский сенат поверил мне! «Комитет пяти» ООН тоже поверил! Главы государств поверили! И только один вы не верите?!

— Не верю! И боюсь, что твои триумфальные поездки больно ударят по всей венгерской политической эмиграции.

— Ради бога, не цапайтесь! По крайней мере здесь! — вмешался в наш разговор Иван Келемен, нервно поглаживая свою красивую темную бородку.

Фонадь открыл было рот, желая что-то возразить, но потом лишь махнул рукой и бросил:

— А! Теперь уж все равно. Всему конец!

— Конец? Как это понимать?

— Оставьте меня в покое!..

Однако те во что бы то ни стало захотелось разузнать, какой смысл вложил этот представитель несуществующего «подпольного парламента» в свои с горечью произнесенные слова.

— А что вы об этом думаете? — с упреком обратился я к Кочишу и его друзьям. — Произошло какое-то важное событие, которое касается каждого из нас, а он молчит! Что это такое?!

— А вам все нужно знать? — заступился за Фонадя патер Вегвари.

— Да, все. В этой стране я представляю интересы революционной эмиграции.

— Деже уволили, — тихо заметил Иван Келемен.

— Как это уволили? Кто? — удивленно спросил я.

— Американцы.

— Это правда? — обратился я к Фонадю.

— Правда. Поблагодарили за сделанное и распрощались со мной, — еле слышно произнес он сдавленным голосом.

Два дня спустя после этого разговора ночью меня разбудил телефонный звонок.

«Кого это черт надоумил?» — мысленно выругался я, зажег свет и взглянул на часы. Они показывали половину пятого утра.

— Алло? — проговорил я, сняв трубку.

Голос говорившего показался мне знакомым, но спросонок я не мог отгадать, кто это был.

— Это я, Пали. Пали Селлеши из венского «Мадьяр хирадо». Ты слышал, что случилось?

— Ничего я не слышал. Я спал, пока ты меня не разбудил, — пробормотал я.

— Ночью убили Фонадя!

— Что ты говоришь?.. Кто убил?.. Где?..

— Недалеко от Граца. И обокрали! В утренних газетах об этом будет сообщение. Алло! Алло!..

Я не сразу обрел дар речи.

— Пали, скажи, а ты мог бы съездить со мной в Грац? — спросил я.

— Ты же знаешь, что у меня нет машины.

— Я за тобой сейчас заеду.

Прежде чем разбудить Гезу Банкути, который обычно возил меня, я несколько раз обдумал услышанное, пытаюсь разгадать эту загадку и ответить самому себе на вертевшиеся в голове вопросы: «Кто мог убить этого авантюриста? И что у него можно было взять? Документы? Но ведь сам Фонадь сказал в редакции «Немзетера», что теперь все уже кончилось. Следовательно, никаких документов у него быть не могло. Деньги? В таком случае это был бы простой грабеж, и только...»

И тут я вспомнил слова Ивана Келемена, которые он сказал, когда мы расставались: «Не сердись на Деже, у него и так бед полно. Он вернулся таким бедным, что нам пришлось оказывать ему денежную помощь».

«Что же тогда можно было взять у него? Возможно, что его убили из мести? Или, быть может, бывшие патроны, попросту говоря, решили отделаться от неприятной обузы?...»

Пока ехали, мы в машине обсуждали случившееся. Правда, Селлеши почти ничего не знал, кроме того, о чем он сообщил мне по телефону. Из последнего сообщения агентства мы узнали, что на Фонадя было совершено покушение, во время которого у него похитили портфель с важными документами.

В Грац мы приехали уставшими и измученными неизвестностью. Довольно легко нам удалось пройти в здание полиции, но с большим трудом — в кабинет инспектора, который ворчливо бросил нам:

— Я занят! Обратитесь к дежурному!

Тогда Селлеши достал свое удостоверение и сунул его под нос инспектору со словами:

— Господин инспектор, я журналист из Вены!

— Сожалею, господин журналист, но у меня действительно нет времени для разговора с вами, — уже дружелюбнее проговорил инспектор.

Думаю, что в тот момент он мысленно послал нас в ад. Но от профессионального журналиста, как известно, не так-то просто отделаться.

— Господин, который стоит рядом со мной, — показал на меня Селлеши, — депутат венгерского парламента. Господин госсекретарь Малета и вице-канцлер господин Питтерман хорошо знают его. Сюда мы прибыли как раз по делу Фонадя.

На инспектора полиции, видно, подействовало упоминание имен генерального секретаря Австрийской народной партии и председателя социалистической партии, и он сразу же сдался:

— Слушаю вас, господа. Прошу садиться. Чем могу служить?.. Только в прессу пока ни одного слова!

Теперь настала моя очередь говорить.

— Я за него ручаюсь, господин инспектор. Господин Селлеши — главный редактор «Мадьяр хирадо» в Вене, но сюда он сопровождает меня как один из руководителей венгерской эмиграции.

— Это уже совсем другое дело. Пожалуйста!

— Из сообщения информационного агентства нам стало известно о том, что на господина Деже Фонадя совершено покушение.

Инспектор достал из ящика стола папку с бумагами и разложил перед нами несколько фотографий. На них был запечатлен Фонадь, лежащий в большой луже крови.

— Судя по снимку, он потерял много крови, — заметил я.

— На него напали и обстреляли. В теле обнаружены три пули, две из них в области грудной клетки...

— Он... жив?

— Да. Рана тяжелая, но не смертельная. Получено разрешение на производство допроса.

— А его портфель? — взволнованно спросил Селлеши.

— Господин Фонадь потерял много крови и потому сейчас очень слаб. Однако он все же рассказал, что в его портфеле находились очень

важные документы, имевшие отношение к показаниям свидетелей в комитете ООН, и список венгерских эмигрантских организаций. Повидимому, большевистские агенты долго выслеживали его, а здесь, в Граце, поймали и... — Инспектор развел руками и продолжал: — ...К сожалению, отсюда недалеко до венгерской границы. Боюсь, что важные документы находятся уже по ту сторону границы.

— Ужасно! — в отчаянии воскликнул Селлеши.

— Господа, мы со своей стороны предпримем все меры к тому, чтобы... — Инспектор начал вежливо извиняться.

Я мысленно решил, что настало мое время сделать интересное сообщение.

— Хочу успокоить вас, господин инспектор, — проговорил я. — У господина Фонадя не было при себе никаких секретных бумаг.

И инспектор, и мой сопровождающий при этих словах вскочили со своих мест, будто укушенные змеей. И оба они почти одновременно воскликнули, один по-венгерски, а другой — по-немецки:

— Как не было?

Инспектор, видимо, умел держать себя в руках: удивление его быстро прошло, и он спросил меня:

— Прошу, господин депутат, объяснить это подробнее!

— Я, собственно, за этим сюда и приехал. Как представителю «Венгерского революционного совета» мне важно знать, какие именно документы могли попасть в руки коммунистов. Поэтому прежде чем отправиться сюда, я позвонил в Нью-Йорк...

— И ты мне ничего не сказал об этом?! — На лице Селлеши отразился укор.

— Меня заверили в том, — продолжал я, — что после того, как господин Фонадь завершил свою поездку по Америке, в Европу он вернулся как частное лицо... — Тут я сделал небольшую паузу, чтобы они смогли прийти в себя, а затем произнес решающую фразу: — Остается сожалеть о другой потере!

Инспектор так и просверлил меня взглядом:

— Другой потере? Что вы имеете в виду?

— Будучи в Америке, господин Фонадь получил от многих эмигрантов деньги, которые он взялся нелегально провезти в Венгрию, чтобы там вручить по адресам. Вот эти-то деньги и хранились в его портфеле...

Инспектор молчал, «переваривая» эту информацию.

— Господин депутат, а вам известна сумма? — наконец спросил он.

— Да. В общей сложности это примерно... пятьдесят тысяч долларов.

— Пятьдесят тысяч долларов?! Поразительно! — воскликнул Селлеши, не сумев сдержать удивления.

Инспектор в задумчивости перекладывал фотографии.

— Это, во всяком случае, придает делу совершенно другой оборот... Извините меня, господа, но я вынужден попросить у вас дать мне секретную информацию... Видите ли, в изменившейся обстановке, как нам кажется, очень важно...

— Разумеется, мы в вашем распоряжении. — Селлеши стал сама корректность.

— Прошу вас, господин инспектор, — подбодрил я полицейского.

— Я еще раз хочу спросить, чтобы не было недоразумения...

— Пожалуйста.

— Можно ли было... доверять этому Фонадю?

— Разумеется, господин инспектор! — выпалил Селлеши.

— Думаю, что да... — подтвердил я.

— Думаете... Значит, у вас есть какие-то сомнения?

— Видите ли, господин инспектор, если говорить откровенно, то только в интересах следствия... Вопрос этот не простой. Дело в том, что венгерская эмиграция не есть нечто единое целое... что же касается господина Фонадя, то многие считают, что он является членом так называемого «подпольного парламента» Венгрии, однако другие, напротив, придерживаются иного мнения...

— Понимаю, — проговорил инспектор. — И благодарю вас, господа, за помощь.

— Мы тоже благодарим вас. И... разрешите задать вам вопрос личного характера.

— Пожалуйста, господин депутат. Что зависит от меня, то...

— Прошу вас, сделайте все, чтобы деньги нашлись. Господин Фонадь беден, и будет очень неприятно, если они не найдутся.

Тут не выдержал Селлеши и выпалил:

— Ты ошибаешься! Фонадь получил большие деньги!..

— Которые сразу же растратил. Перед поездкой в Грац он зашел в редакцию «Немзетера» и получил займы несколько шиллингов. — Этим своим заявлением я дал делу совершенно другой поворот.

Мировая пресса, которая на основании первых сведений поместила заметки по этому делу под заголовком «Политическое покушение на венгерского борца за свободу», была вынуждена сменить тон и сообщить, опираясь на материалы расследования, что Фонадь похитил пятьдесят тысяч долларов, а затем сам нанес себе рану, чтобы скрыть растрату.

Разоблачение Фонадя свело на нет значение его выступлений во многих странах, в том числе и на пресс-конференциях, и, что было самым важным для нас, перечеркнуло его показания как главного свидетеля в «комитете пяти» ООН. Тем самым был положен конец мифу о существовании какого-то «подпольного парламента».

Таким образом, ЦРУ и тут потерпело поражение. Следует заметить, что это был первый случай, когда в одинаковой степени с точки зрения как дипломатии, так и политики революционное рабочее-крестьянское правительство представило в «комитет пяти» неопровержимые доказательства, поставив одновременно под сомнение методы и способы деятельности комитета.

В идеологической войне, которую ведут против стран социалистического лагеря империалисты, этот небольшой эпизод (наряду с крахом сторонников МОНа) был второй по величине победой наших разведывательных органов.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВРАГАМИ НОВОГО НАПАДЕНИЯ

Многие из читателей, возможно, полагают, что жизнь разведчика — это сплошные кулачные бои с использованием приемов каратэ, перестрелки из пистолетов и, разумеется, в конце концов победа.

В своей работе я в основном опирался на память, способность мыслить логически и на приобретенный ранее опыт.

Мне часто требовалось остаться в одиночестве, чтобы спокойно обдумать ход событий, проанализировать, как в подобном положении поступил бы противник. Помощь я получал из Венгрии в виде ценной информации и указаний, без чего невозможно было бы добиться каких-либо результатов в то время, как западный мир и его органы разведки и контрразведки располагали всем необходимым для работы.

Еще в начале года в Австрию приехал Ференц Видович, главный наместник области Шомодь в первые послевоенные годы. Кеваго поручил мне опекать Видовича, и возникшая между нами вопреки имевшимся разногласиям «дружба» закрепилась на долгие годы, что было для меня очень важно.

На мой взгляд, Видович был интересным человеком, за которым нужно было наблюдать. Частично хотя бы потому, что еще в тридцатые годы он был личным секретарем у Тибора Экхарда, тогдашнего руководителя партии мелких сельских хозяев. С первых шагов его деятельности в эмиграции он вызывал у меня подозрения.

Экхард давно был агентом ЦРУ и в своей шпионской деятельности опирался на генерала Белу Лендьела, о чем было известно нашим органам. После контрреволюционного мятежа он возглавил в Австрии филиал ЦРУ, с беспардонностью окрестив его «обществом первой помощи для Венгрии».

Таким образом, в Вене начало действовать «благотворительное общество» Экхарда — Лендьела. Вскоре после приезда Видович явился к своему бывшему хозяину. Вот тогда-то американские органы и начали оплачивать силы политической и военной эмиграции.

Главной фигурой в военной эмиграции и стал Видович, вокруг которого начала спланиваться «гвардия «Немзетера». С помощью Экхарда в Инсбруке была проведена встреча «руководящего состава», на которой почти вся полнота власти перешла в его руки. В этом качестве Видович принимал участие в работе дочерней организации «Союза венгерских борцов» в Австрии под названием «Боевой союз святого Ласло», на сборище которого в Зальцбурге он выступал партнером Андраша Зако. Военная эмиграция почти полностью сплотилась к этому времени, и Видович начал играть в ее деятельности главную роль.

За его спиной стоял Экхард, а за ним — ЦРУ. Само собой разумеется, руководство Центра интересовало, что они готовят.

Пример МОНа призывал к бдительности. Там, где зашевелилась военная эмиграция, за спиной которой действовали секретные службы США, следовало ожидать новой провокационной акции против социалистических стран.

Я получил указание Центра узнать о намерениях противника. Мне порекомендовали взять в помощники эмигранта Шандора Кескенеша, кальманчийца из области Шомодь. Его жена и трое детей, которых он очень любил, остались на родине. Центр посоветовал мне обратить на Кескенеша особое внимание, чтобы использовать его для выполнения важного задания.

Организовать встречи с Кескенешем не составило особого труда. После нескольких бесед с ним я подошел к сути дела:

— Послушайте, Кескенеш, у вас дома осталась семья, а вы приехали сюда. Вы, видимо, не все как следует продумали, верно?

— Точно так, — кивнул он. — Поэтому я и решался обратиться за помощью к вам, господин Сабо.

— Говорите откровенно. Работу я вам достану. Жить будете лучше, чем до этого, но разбогатеть на ней вам не удастся. Да вы, я полагаю, не для того уехали из родного села.

— Нет, конечно. Я хочу заработать денег, чтобы послать их домой.

— Послать домой? — удивился я. — Другие привозят сюда свои семьи.

— Ах, оставьте, господин Сабо! — воскликнул он. — Зачем я буду подвергать риску жену и детишек? Я ведь не какой-нибудь безответственный негодяй!

— Выходит, когда вы здесь подзаработаете, то вернетесь домой?

— Может, вам и не понравится мой ответ, но я скажу откровенно: да, вернусь!

— Видите ли, Кескенеш, в таком случае я действительно должен предупредить об этом органы, занимающиеся оказанием помощи, тем более что политическим эмигрантом вы не являетесь.

Он вздрогнул, поняв, что своей откровенностью навлек на себя беду.

— Вы ведь не сделаете этого? — с опаской спросил он.

— Возможно... — уклончиво ответил я. — У меня есть одно предложение.

— Предложение? — удивился он.

— Вы были со мной откровенны, буду откровенен и я. Вы, видимо, слышали о некоем Видовиче?

— Как же не слышать? В свое время он был наместником в нашей области.

— Сейчас он живет здесь, но работает против революционной эмиграции. Он дружит с людьми, которых мы называем фашистами. Мы боремся за буржуазную демократию, а он хочет вернуть на трон короля.

— Вернуть Отто?

— Да.

Кескенеш задумался, а потом спросил:

— Так какое же у вас ко мне предложение?

— Я вас сведу, как земляков, с Видовичем. Возможно, он станет доверять вам. Я бы хотел знать, с кем он встречается, чем занимается...

— Если я это сделаю, вам будет хорошо, а мне?

— А я со своей стороны порекомендую «комитету по делам эмигрантов при ООН» оказать вам персональную помощь. Вы получите пятьдесят тысяч шиллингов и сможете работать, например, автослесарем.

— Согласен, — быстро ответил он. — Что касается меня, то я тоже не люблю фашистов, а если еще мне от этого польза будет, то...

На следующий день я, чтобы на всякий случай обезопасить себя, сообщил о нашем разговоре Анне Кетли.

— А зачем вы мне об этом рассказываете? — Она с любопытством посмотрела на меня.

— Вы же знаете, что я не привык действовать самовольно. Мне нужно ваше согласие.

— Из-за боязни ответственности?

— Скорее по моральным соображениям.

Она так долго молчала, что я даже подумал, уж не задремала ли она. Наконец Кетли ответила:

— Все те, кто сражается на два фронта: дома — против коммунистов, а в эмиграции — против правых, в определенных случаях должны забывать о брезгливости. Вы правильно поступили, только держите в курсе событий и меня...

Таким образом, я привлек к помощи и социалистов. Что бы ни случилось, министром внутренних дел Австрии был социалист. Следовательно, я получил надежное прикрытие.

Спустя несколько недель после моего разговора с Кескенешем он вдруг явился ко мне на квартиру сильно встревоженный.

— Как хорошо, что вы разбираетесь в ситуации, господин Сабо! Как хорошо!

— Рассказывайте, что случилось?

— Вы наверняка знаете пожилого военного с резкими чертами лица?..

Сначала я не понял, о ком идет речь.

— Коренастый такой, с большими усами, — продолжал Кескенеш. — Похож на кулака, хотя и был когда-то полковником.

— Деметер! — вырвалось у меня.

— Словом, вы его знаете.

— Рассказывайте, рассказывайте!

— Видович повез меня к нему. Он живет в Медлинге.

— На улице Гольдене стиге?

— В доме номер 7. Это вам тоже известно!

— Деметера я... знаю немного. А о том, что он поддерживает связь с Видовичем, я не имел ни малейшего представления.

— Так вот, дядюшка Фери — настоящий командир! И знаете, господин Сабо, чего они хотят? Чтобы я вернулся на родину и шпионил там!

— Невероятно! Вы? Без соответствующей подготовки? Как вы справитесь с этим?

— А они обещают меня подготовить. Сначала в Медлинге, а затем в Марокко, где у них есть специальный лагерь.

Я был ошарашен, но ответил так, как и надо было ответить в подобной ситуации:

— В конце концов, это патриотическое задание!

— Но только не для отца троих детей! — Он замолчал и, немного подумав, сказал: — Вы послали меня к дядюшке Фери, так как считали, что он поддерживает связь с подозрительными людьми, а теперь называете самое настоящее свинство патриотическим заданием.

Здоровая крестьянская логика помогла Кескенешу уловить противоречие в моих словах.

— Видите ли, Кескенеш, это задание на самом деле может стать патриотическим, если выполнять его будет патриот...

— Но ведь они делают это за деньги! И живут один лучше другого! — перебил он меня.

— Вот почему я и беспокоился! Вы же лишний раз подтвердили, что для моего беспокойства есть основания. На родине осудили очень многих людей за шпионаж в то время, как те, кто посылает их на это, наживаются и богатеют...

От Кескенеша я получил очень важную информацию, но выяснил пока не все, что мне было нужно.

— А кроме этого чего еще они требуют?

— А кроме этого, господин Сабо, я должен буду шпионить за частями Советской Армии и выяснять, где они располагаются, какова их численность, чем вооружены, наименование частей. Выходит, я должен расспрашивать русских солдат? Если же я не соглашусь делать это, то меня опять поместят в лагерь, где я снова стану влачить жалкое существование. Требовать такое от меня я считаю настоящим свинством!

Разволновавшись, он говорил без остановки, а когда немного поостыл, спросил:

— Что вы теперь со мной сделаете? Сочтете коммунистом? Донесете на меня? Но вы же самой меня туда послали!

— Я даже рад, что послал вас туда. И благодарю за помощь. Ваше волнение мне понятно. То, что вы там увидели, я и сам считаю грязным делом. Никому об этом не рассказывайте, иначе вас действительно начнут преследовать. Если же вы откажетесь, они бог знает что могут сделать с вами. Нужно просто молчать.

— А как же с персональной помощью?

— Я вам обещал, и вы ее получите.

Таким образом, в моих руках оказались данные, компрометирующие полковника Деметера. Сначала он сошелся с

Такачем, позже вместе с Миклоди, резидентом генерала Гелена, они создали общую базу, имеют в Марокко лагерь по подготовке шпионов и диверсантов. Через руки Видовича проходят деньги Экхарда, иначе говоря, деньги ЦРУ. Сам же Деметер — агент Белы Кирая, который в свою очередь является резидентом ЦРУ. Итак, круг замкнулся.

С момента подавления контрреволюционного мятежа прошло полгода. За это время нам удалось помешать осуществлению МОН. Однако статья, опубликованная в газете «Вашингтон пост» от 31 мая 1957 года, невольно призывала меня к бдительности. В статье содержалось требование о выводе советских войск из Венгрии. Если же войска выведены не будут, следует готовиться к новому восстанию. Необходимо было обратить внимание на новый «штаб» очередного контрреволюционного очага.

Я получил указание из Центра настроить определенные круги эмигрантов против Видовича. Это задание было достаточно серьезным. Я долго думал, как лучше выполнить его, вспоминал все, что я знал о Видовиче.

Мне были известны случаи, когда и «святых» низвергали с небес, но происходило это только тогда, когда какой-нибудь деятель сильно надоедал или становилось известно, что он так же порочен, как и те, кто ему поклонялся. Однако я не помню случая, чтобы кумира сбрасывали с пьедестала в самом расцвете сил.

Видович охотно выступал в роли святого мученика. Позже, оказавшись в Америке, он основательно подорвал свою репутацию.

Для более точной характеристики неплохо заглянуть немного вперед. Эмигрантская газета «Аз ембер» (типичная буржуазная газета антисоциалистического толка), выходящая в Нью-Йорке, в номере от 16 августа 1958 года писала:

«Сразу же по приезде в Америку Видович стал надеждой нилашистского общества, занимая высшие посты среди венгерских эмигрантов, распоряжаясь огромными суммами денег, поступающими из неизвестных источников; он был включен в состав «Венгерского революционного совета», который в тот период являлся продолжением «Венгерского национального комитета», и ежемесячно получал от него по пятьсот долларов...

Видович уже дважды фигурировал на страницах нашей газеты. В первый раз — когда он проявил беспримерный цинизм, с которым намеревался «протащить» в американский образ жизни нацистские методы, и во второй раз — когда он начал избивать в своем кабинете некоего Вильмоша Бондора, настоящего борца за свободу.

...И теперь мы в третий раз вынуждены заниматься Ференцем Видовичем.

...Мы должны потребовать, чтобы «Свободная Европа» и ее руководители немедленно прекратили всякие отношения с Ференцем Видовичем!

Мы требуем от властей США, чтобы против Видовича было начато следствие на основании выявленных данных!..»

Но все это произошло уже в 1958 году, а весной 1957 года до Видовича, казалось, и дотронуться было невозможно.

И наконец, не знаю после скольких попыток, мне удалось собрать значительный компрометирующий материал и я все-таки отыскал его уязвимое место.

Семья Видовича — жена и дети — осталась в Венгрии. Сам же он готовился к поездке в Америку.

Было сделано все для того, чтобы семья Видовича бежала на Запад. Со всей ответственностью могу заявить, что помешали этому отнюдь не венгерские органы безопасности, хотя они и знали об этом, а сам Видович. Прежде всего тем, что разболтал об этом, хотя следовало бы молчать, и в довершение всего поручил проведение этой акции отъявленному негодяю, шпиону и контрабандисту Гецу, о котором я уже упоминал ранее. Как я уже говорил, Гец жил у Ауреля Абрани. Я знал, что многие, в том числе и сам Абрани, пытались отговорить Видовича от использования услуг Геца, но сделать это им не удалось.

Когда же Видович поведал мне о том, что произошло с его семьей, я ответил:

— В случившемся ты можешь винить только самого себя.

Он с изумлением посмотрел на меня, удивленный моими словами. Ведь никто, кроме меня, не решался сказать ему правду.

— Ты с ума сошел! — выдавил он наконец.

— Нужно уметь смотреть фактам в глаза. Ты доверил близких и дорогих тебе людей человеку, с которым никто старается не иметь дела.

— Гец — специалист по такого рода проблемам...

— Однако это не мешает ему оставаться негодяем.

— Как тебя понимать?

По тону его голоса я понял, что нервы его уже на пределе и мне следует быть особенно внимательным и не заходить слишком далеко.

— Во-первых, слишком много велось разговоров; во-вторых, Гец получил деньги вперед и потому потерял всякий интерес к выполнению задачи, и в-третьих, ты вообще работаешь с ненадежными людьми...

— Еще что-нибудь?

— В-четвертых, возможно, Гец выполняет две обязанности.

— В каком смысле?

— В прямом. У тебя взял деньги и у КГБ — тоже. Что ж, семья Ференца Видовича вполне стоит нескольких десятков тысяч форинтов.

Он долго думал. Морщины глубже обозначились на его худом лице, взгляд сделался мрачнее.

Я волновался, понимая, что либо достигну цели, либо восстановлю против себя Видовича и всю его банду. Я понимал, что рано или поздно драка все равно состоится, но пока начинать ее было еще рано.

— Это серьезное обвинение! — проговорил он после долгого молчания.

— Это только предположение, но из четырех возможностей одна может быть верной.

Он снова задумался.

— Но доказательств-то нет!

— Никаких. Однако факт остается фактом — семью твою до границы вели люди Геца, где их и схватили.

— А как бы ты поступил на моем месте?

— Советы давать легко, тем более что за них не нужно платить.

— И все же?

— Надо смотреть правде в глаза. Если я не в состоянии оказать помощь собственной семье, то я бы постарался узнать правду, а для этого обратился бы в полицию.

После этого разговора Видович, видимо посоветовавшись с кем-то, подал на Геца заявление в центральную полицию. В ходе расследования, вернее говоря, во время домашнего обыска у Геца был обнаружен 32-ламповый радиопередатчик, игравший в период мятежа немаловажную роль, а также ряд шпионских донесений.

После этого на Видовича со всех сторон посыпались удары. Он был сильно скомпрометирован, и после нескольких месяцев проволочки его, несмотря на влиятельных покровителей, с большим трудом пустили в Америку.

Образно говоря, мне одним ударом удалось убить сразу двух мух.

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ ШАКАЛЫ

Важным качеством нашей разведки было то, что она не преследовала агрессивных целей. Не было проведено ни одной акции, направленной на свержение какой-либо власти или режима. Основная ее цель сводилась к разоблачению шпионско-диверсионной деятельности, направленной против Венгрии.

Руководители нашей службы, проанализировав сложившуюся ситуацию, решили, что в отношении политической эмиграции вполне можно применить метод, который всегда давал хорошие результаты — разобщение эмигрантских кругов. Известно, что лучше иметь дело с двумя или даже несколькими грызущимися между собой группами эмигрантов, чем с одной объединенной. Руководствуясь этим, я и готовился к встрече с Белой Кираем на конференции «борцов за свободу» в Вене, задавшись целью подорвать доверие собравшихся к генералу, уменьшить число его сторонников, создав тем самым условия для сколачивания вокруг бывшего хортистского генерала Лайоша Дальноки нового союза «борцов за свободу».

В банкетный зал ресторана в Рихтергассе с видом героя важно вошел одетый в дорогой гражданский костюм Бела Кирай. Когда он увидел меня, ресницы его дрогнули. Он знал, что я отрицательно отношусь к нему, причиной чего было его поведение на конференции в Страсбурге, а также его безответственная деятельность в деле подготовки МОН.

Кирай не мог понять, зачем я сюда явился. На какое-то мгновение он сначала сник, но, увидев своих приверженцев, взял себя в руки.

В своей пространной речи он остановился на положении в «Союзе венгерских борцов за свободу» и национальной гвардии, подчеркнув при этом ту огромную роль, которую они играли в западном мире.

О самом себе он прямо не говорил, но из сказанного им всем и так стало ясно, что это именно он «шел по пути Кошута». В заключение Кирай во всеуслышание заявил, что его организация является полностью независимой организацией, а затем пригласил выступить желающих.

Когда же я первым попросил слова, он был буквально ошарашен этим. Затем по лицу его пробежала гримаса, но не дать мне слова он не мог.

— Господа! — начал я свою речь, заранее обдумав все детали. — Мы с вами только что выслушали выступление генерала Белы Кирая, председателя «Союза венгерских борцов за свободу». И вот теперь я, как представитель «Венгерского революционного совета» в Австрии, как вице-президент этого совета, хочу спросить его, разделяет ли он платформу «Революционного совета» или не разделяет?

— Я отклоняю этот вопрос! — выкрикнул Кирай.

— Однако не вы ли, господин генерал, лично уверяли в Нью-Йорке нашего генерального секретаря в том, что рассматриваете организацию «Союз венгерских борцов за свободу» как часть «Венгерского революционного совета»?! То же самое вы повторили и в Вене в присутствии Анны Кетли. Но одновременно с этим вы дали обещание Тибору Экхарду и «Венгерскому национальному комитету». Здесь же вы только что говорили о какой-то независимости. Так где же правда?

Высказав это, я подумал, что сейчас приверженцы Кирая разорвут меня на части. Мои сотрудники сгрудились вокруг меня, чтобы мы могли обороняться вместе, если в этом возникнет необходимость.

— Это провокация! — выкрикнул генерал, покраснев как рак. — Оставь этот зал! Немедленно покинь его!..

Бедный Бела Кирай! Он даже не предполагал, что это — всего лишь начало. Когда же атмосфера в зале настолько накалилась, что с минуты на минуту могла начаться драка, со своего места поднялся высокий широкоплечий мужчина, с явно военной выправкой. Это был Имре Ниради, бывший летчик, старший лейтенант.

— Я со своей стороны хочу задать вопрос господину генералу... На каком основании вы выступаете против того, чтобы авиация принимала участие в боях на стороне национальной гвардии? В наших руках находятся сто двадцать пять самолетов, экипажи которых готовы к боевым действиям. Почему вы не хотите этого?

— Это было бы глупо! — бросил Кирай, с трудом сдерживая себя. Он вовсе не рассчитывал ни на какие нападки. От него не ускользнуло, что даже его люди, услышав этот вопрос, невольно задумались.

А вопросы следовали один за другим. Слово взял художник-график Дьердь Сенник. Голос у него был таким, что в зале все мгновенно притихли.

— Господин генерал! Правда ли, что при правлении Хорти вы женились на дочери Гембаша? И правда ли, что сразу же после войны вы развелись с ней и вступили в коммунистическую партию? И уж не от Ракоши ли вы получили чин генерала? И соответствует ли истине слух о том, что вы, господин генерал, слонялись по улицам Вены, когда ваши сторонники ждали вас в ставке, находившейся в Надьковачском лесу?

Сам Дьердь Сенник после освобождения страны был осужден народным судом за рисунки, направленные против народа, так что никто из присутствующих в зале не мог теперь обвинить художника в том, что он является «коммунистическим агентом». И меньше всего сам Бела Кирай.

— Я никогда никого не бросал в беде, — побледнев, негромко проговорил Бела Кирай.

— Знаете ли вы меня, господин генерал? — спросил затем Геза Банкути. — Я был участником боев на площади Сены. В феврале от вашего имени в Будапешт прибыл Реннер. Сейчас я как перекати-поле мотаюсь по белу свету. Я писал вам, но вы не изволили ответить ни на одно мое письмо. Осмелитесь ли вы повторить, что вы никого никогда не оставляли в беде?

Присутствующий при этом Видович взял меня под руку.

— Этот скандал только повредит нашему общему делу, — негромко сказал он.

Я, разумеется, был согласен с ним, тем более что уже достиг цели, которую поставил перед собой...

Слух о происшедшем скандале быстро распространился среди эмигрантов. В значительной степени этому способствовало и то, что бывший хортистский генерал Лайош Вереш Дальноки как бы параллельно пытался создать свой «союз борцов за свободу». Таким образом, самодержавной власти Кирая и его сторонников конец пришел прежде, чем генерал успел полностью насладиться ею. Одновременно с этим я своей деятельностью как бы продемонстрировал свое «революционное и национальное» нутро. Это принудило даже самых преданных сторонников Белы Кирая не только не порывать со мной, но и охотно поддерживать связь, не лишая меня и других возможностей к действию. Об этом же свидетельствует и та открытка, которая была послана мне после этой стычки патером Вазулем Вегвари, духовным

отцом и вдохновителем контрреволюционной группы, действовавшей на площади Сены. Вегвари приглашал меня встретиться с ним.

Мне удалось сохранить «дружеские» отношения, найти должное понимание и общий язык для обмена мнениями не только с Вегвари, но и со всей оравой редакторов «Немзетера», и я пользовался их уважением, что вплоть до моего возвращения на родину давало нам возможность иметь столь важный источник информации.

Приводя все эти примеры, я хотел показать, какую активную деятельность развернула наша разведывательная служба, характер которой прежде всего был оборонительным. С этой точки зрения считаю необходимым рассказать одну довольно интересную историю, которая имеет непосредственное отношение ко мне.

Если мне не изменяет память, летом 1956 года в Вену прибыли не как беженцы, а в качестве туристов, что тогда только входило в моду, два офицера-пожарника с одного завода. Ввели они себя как перелетные птицы, рассматривая Австрию как место своей временной передышки, так как их обоих влекло «экономическое чудо» Западной Германии. Вскоре они тронулись в путь и оказались в одном из лагерей для перемещенных лиц, откуда, как известно, ведет довольно прямая и относительно быстрая дорога в шпионский центр ЦРУ, расположенный неподалеку от Мюнхена, где беженцев обычно допрашивают, а затем вербуют и подготавливают к шпионской деятельности.

С одним из этих людей, Иштваном Катаной, я встретился в Вене в первые часы контрреволюционного мятежа в Венгрии. Нарушив правила, диктуемые его новой «профессией», подгоняемый своего рода ностальгией, он пришел ко мне на квартиру поговорить. Он готовился к переброске в Венгрию в качестве агента в составе целой группы. Позже, в ноябре, он был арестован венгерскими властями.

А с его товарищем, словоохотливым Эрвином Римоци, мужчиной хрупким и нервным, случай свел меня летом 1957 года. Катана еще в октябре рассказал мне о случившемся с ними, так что когда я увидел Римоци в своем доме, то сразу же понял, что имею дело с новым агентом ЦРУ.

Я сам открыл ему входную дверь. От моего внимания не ускользнуло то, что он, прежде чем войти в квартиру, нервно оглянулся и посмотрел, не преследует ли его кто-нибудь.

В комнате он осторожно присел на краешек кресла, готовый в момент опасности вскочить на ноги. Эта ситуация напомнила мне о

Миклоше Немете, но Немет был профессионалом, умным, холодным, бесстрашным и осторожным, а Римоци дрожал от страха. Готовя кофе, я невольно подумал о том, что западные разведывательные органы, располагавшие толковыми специалистами, часто используют в качестве шпионов и диверсантов вот таких слабовольных людей с расшатанной нервной системой. В ходе разговора с Римоци мне удалось понять, почему так происходит. Из рассказанного им я понял, что своим положением он обязан отнюдь не слепому случаю, а тем связям, которые у него имелись на родине. Вот, собственно, почему он и был зачислен в школу диверсантов, несмотря на все его слабости. В конце концов хозяева Римоци ничем не рисковали, кроме его личной свободы, а может быть, и жизни.

Я сделал вид, что не замечаю ничего особенного в его состоянии.

— Мы же виделись сегодня утром, мой друг! С вами что-нибудь случилось?

Он немного помедлил, а затем простонал:

— Вы, господин Сабо, всегда были добры ко мне... Я попал в большую беду!

«Странно! — подумал я. — Не прошло и года, как уже второй по счету агент ЦРУ обращается ко мне за помощью». Я не знал, что именно беспокоило этого перепуганного человека, но догадывался, что это как-то связано с тем заданием, которое он получил.

— Вы, видимо, ждете от меня совета или помощи? — спросил я.

— Да, да, помощи! Именно так! Я же сказал, что попал в большую беду.

— Слушаю вас...

— Вы, господин Сабо, наверняка встречались осенью с Пиштой Катаной... Он говорил, что обязательно навестит вас...

Римоци замолчал, ожидая, видимо, что я ему отвечу, но я молчал, поскольку не решил пока, стоит ли мне признаваться в том, что я на самом деле встречался с его коллегой, арестованным через некоторое время в Венгрии. В целях безопасности я предпочел многозначительно промолчать.

Не дождавшись моего ответа, Римоци продолжал:

— Думаю, вы знаете о том, что нас обоих там, в ФРГ, завербовали. И подготовили соответствующим образом...

— Подготовили к чему? — сделал я удивленное лицо.

— К нелегальной переброске через границу. Научили обращаться с оружием, ориентироваться на местности и по карте, работать на рации, фотографировать. Я уже три раза побывал в Венгрии.

— Хорошие достижения, ничего не скажешь!

При этих словах его словно прорвало:

— Господин Сабо, если бы вы только знали, как я боялся! Когда я последний раз переходил через границу, меня увидели пограничники. Ни разу в жизни я не бегал с такой быстротой!

— Слава богу, вам удалось уйти!

— Однако во время бегства я потерял «минокс», а без него я никак не мог вернуться обратно. Когда все успокоилось, я тайком прокрался обратно, чтобы найти фотоаппарат... Я и сам толком не знаю, чего боялся больше: венгерских пограничников или того, что вернусь обратно с пустыми руками.

— Ну, и нашли вы его?

— Да, нашел. Мне ужасно повезло. После того как я передал снимки, меня похвалили. И помимо всего прочего выплатили пятьсот долларов. Но тогда же сказали, чтобы я еще раз сходил на ту сторону.

— Но теперь у вас есть опыт.

Он уставился на меня сверлящим взглядом, видимо не понимая того, как я воспринимаю его сообщение: цинично или шутливо.

Когда же я изобразил на лице сочувствие, он продолжал:

— Но на это у меня не осталось смелости. В вас, господин Сабо, когда-нибудь стреляли?

— Было дело.

— Я не мог решиться снова пуститься в путь. Тянул время. Заложил «минокс» и жил на полученные деньги.

— Это уже большая ошибка!

— Тем временем меня начали разыскивать и нашли... Я отговаривался тем, что болел, называл и другие причины, но это не помогло.

— Выходит, вам нужны деньги для того, чтобы выкупить фотоаппарат?

— Мало того! Я даже залоговую квитанцию и ту продал.

Я чуть было не взорвался: передо мной был не только изменник родины, но и мелкий авантюрист. Однако я сдержал себя, понимая, что этот трусливый тип может быть полезен мне.

— Кому продали?! — прикрикнул я на него.

— Сам не знаю! Я встретил этого человека случайно перед зданием ломбарда. Там мы обо всем и договорились... Что же теперь со мной будет?

Последние слова он произнес с таким отчаянием в голосе, что мне стало почти жаль его.

— И у вас не осталось никаких данных? — поинтересовался я.

— Случайно я записал номер залоговой квитанции.

— Давайте его сюда. У вас есть квартира?

— Я живу у одной женщины. Она служит в полиции, так что у нее меня искать не станут.

Как только Римоци ушел, я позвонил господину Тепли, с которым в последнее время у меня установились более тесные как дружеские, так и деловые связи. Мы продолжали выполнять обязательства, которые каждый из нас взял на себя ранее, а именно: я знакомил его с информацией, которая так или иначе все равно стала бы известной, а он, в свою очередь, сообщал мне новости, которыми венгерские эмигранты делились на допросах с австрийскими полицейскими.

— Друг Стефан, я бы хотел встретиться с вами. И притом срочно.

— Где?

— Мы давно не ходили под парусом.

Он сразу же понял, что я хочу поговорить с ним без свидетелей и электронных «ушей». Спустя каких-нибудь полчаса его яхта уже скользила по голубой воде Старого Дуная.

Договорились мы с ним быстро, а через три дня у меня в руках оказались «минокс» и залоговая квитанция.

Позвав к себе Римоци, я сказал ему:

— Знаете, дружище, через моих хороших друзей мне удалось выцарапать из ломбарда ваш фотоаппарат.

— Неужели?! — обрадованно воскликнул он.

— Подождите радоваться. За все это вам придется платить.

— В Венгрию я больше не пойду!

— Речь вовсе не об этом. В настоящее время ваш фотоаппарат находится в руках другой западной разведслужбы...

— Понятно...

— Более того, я бы хотел знать, в чем именно заключалось ваше задание. Чем интересуется у нас в стране ЦРУ?

Выхода у Римоци не было, к тому же угрызения совести его нисколько не мучили. Разумеется, он мне доверял, а потому

собственной рукой изложил на бумаге все, что в тот период интересовало американскую секретную службу:

«1. Новый тип советского танка. За сам танк ЦРУ готово заплатить 50 тысяч долларов, а за схему и инструкцию к нему 5—6 тысяч долларов.

2. Похищение советского офицера или сержанта — 5—20 тысяч долларов.

3. Похищение советских документов — от 500 долларов и выше.

4. Автомат Стечкина — 5 тысяч долларов.

5. Противогаз с коробкой 500 — 5 тысяч долларов.

6. Образцы советского топлива, пороха, взрывчатых веществ, средств противоатомной защиты, инструментов — плата по особому тарифу.

7. Любые данные о советских и венгерских органах разведки и контрразведки, а также сведения об армии — о воинских казармах, армейских объектах и лагерях:

схемы расположения, пути подъезда, дороги, наблюдательные пункты;

расположение воинских складов с горючим и смазочными материалами и боеприпасами;

схемы складских помещений и канцелярий;

различные данные о солдатах и вольнонаемных служащих, магазинах;

данные о воинских частях (их организация, численность, именные списки). Данные об образе жизни отдельных офицеров и служащих, об их привычках;

все об артиллерии; все о системе боевой подготовки».

Один экземпляр этого списка я, разумеется, передал своему другу Тепли, а другой направил в Будапешт.

ПОДДЕРЖКА ОТ ВЕНГЕРСКОЙ ПРЕССЫ

Ситуация требовала, чтобы я начал открыто нападать на видных руководителей «борцов за свободу», на политэмигрантов, пользующихся большим влиянием, и их организации. Руководители нашей разведки предприняли кое-какие шаги для укрепления моего политического авторитета.

Так, в номере от 25 мая 1957 года газета «Непсабадшаг» поместила статью Ласло Сабо, в которой мне были предъявлены серьезные обвинения.

Эти нападки на меня нашли в среде эмигрантов горячий отклик. Правда, позже, после моего возвращения на родину, когда я был вынужден молчать в течение двадцати лет, мне пришлось носить клеймо «предателя», но тогда, весной 1957 года, это сильно помогало мне. В значительной степени вырос мой авторитет в среде эмигрантов, увеличились возможности к действию и одновременно с этим уменьшилась моя «поражаемость».

В выпущенной рабоче-крестьянским правительством книге «Контрреволюционные силы Венгрии в октябрьских событиях», которую обычно называли «Белой книгой», в третьем сборнике говорилось о моей персоне.

«ПРОТОКОЛ

допроса Имре Мольнара

Будапешт, 8 января 1957 года

Вопрос: С какими органами разведки вы поддерживали связь в Австрии?

Ответ: В Вене, в лагере IX района, я познакомился с венгерским эмигрантом по фамилии Бараньяи. Он был агентом

некоего английского майора, к которому водил на допрос прибывающих эмигрантов. Бараньи сказал, что английский майор знает обо мне и хочет поговорить со мной. Бараньи сказал и о том, что у майора можно заработать денег. Встреча эта произошла в середине августа 1956 года. Я и Бараньи встретились на Ринге с адъютантом майора, который одновременно выполнял и обязанности переводчика. Он проводил нас к майору. В ходе разговора майор попросил меня, чтобы я описал ему структуру комитета госбезопасности, назвал бы имена офицеров, которые служили в Дьере, и рассказал все, что я знаю о работе пограничников, а затем перечислил ему фамилии людей, на которых можно было бы положиться по приезде в Венгрию. Я удовлетворил его просьбу.

Мне было известно, что Миклош Сабо, сотрудник комитета «Свободная Европа», в период между 28 сентября и 2 ноября по указанию Ференца Надя побывал в Дьере и Мошонмадьяроваре с задачей подготовить в Венгрии специальное совещание. Сабо получил определенную сумму денег для того, чтобы в случае необходимости заплатить кому нужно. Ференц Надь планировал сделать его представителем венгерского правительства в ООН...»

В своих дальнейших показаниях, как сказано в «Белой книге», Имре Мольнар рассказал о роли венгерских эмигрантских организаций. В Австрии его навестил Такач, доверенное лицо «Союза венгерских борцов». Он попросил, признался Мольнар, свести его со своими бывшими начальниками, с которыми он намеревался установить связь с целью переброски оружия для восставших венгров. Особенно такого оружия, сказал Такач, в котором сейчас остро нуждаются в Венгрии, а именно — бронебойного оружия, с помощью которого можно вести действенную борьбу с танками. Такач сообщил, что в случае необходимости они могут направить венгерским повстанцам большое количество оружия и людей.

«Должен заметить, — продолжал Мольнар, — что просьбу Такача свести его со своими бывшими начальниками я не выполнил, так как не рискнул на поездку в Венгрию. Я

считал, что оружие в Венгрию может попасть и другим путем».

Позже и сам Имре Мольнар побывал в Венгрии по заданию Ференца Надя. Уже упоминавшийся ранее Миклош Сабо, сотрудник комитета «Свободная Европа», направил его к бывшему хортистскому офицеру Иштвану Иглоди с задачей установить связь с революционным комитетом города Дьера и провести подготовительную работу по формированию временного правительства во главе с Имре Надем.

В самый подходящий момент пришла, если использовать военную терминологию, «артиллерийская поддержка». В Европу прибыла комиссия ООН, занимающаяся разбором «венгерского вопроса». Эта комиссия, а точнее — «комитет пяти» имел строго определенную цель — собрать обвинительный материал о революционном рабоче-крестьянском правительстве Яноша Кадара, о Венгерской Народной Республике и о Советском Союзе. Поскольку осенью должно было состояться чрезвычайное заседание ООН, мне стало ясно, что против народной Венгрии готовится крупное наступление.

В этой связи от каждого сотрудника венгерской разведки требовалось огромное напряжение сил, особенно от меня самого, поскольку мое место позволяло мне многое сделать.

Я не мог удовлетвориться той газетной статьей, которая предназначалась для западных читателей, хотя и была опубликована на родине. Чтобы и впредь оставаться в первых рядах, чтобы мои слова и поступки имели вес, мне нужно было и самому сделать что-то важное.

Я создал две новые организации. Член христианской партии Иштван Парацки, хитроумный политик, оказал поддержку молодежному движению Австрийской народной партии, генеральный секретарь, надежда этой партии Карл Хайдер, предоставил нам помещение, деньги и новую мебель. Социалисты поначалу проявляли осторожность и остерегались, но в конце концов мне удалось убедить и дядюшку Герцога. Член парламента Петер Страссер, ставший позднее секретарем министерства внутренних дел, а в то время бывший член директорского совета одного крупного банка, который находился под контролем социалистов, также оказывал нам большую поддержку.

Таким образом, был образован «Институт культуры венгерских эмигрантов», председателем которого стал Парацки, а генеральным

секретарем — я.

Одновременно с этим известные и менее известные венгерские спортсмены, разъехавшиеся по всему свету, решили создать свою организацию. Само собой разумеется, что они обратились за помощью ко мне. После короткой подготовительной работы был создан «Международный комитет венгерских спортсменов-эмигрантов». В XII районе Вены по адресу Ассмайергассе, дом номер 5/7, было проведено первое общее собрание, почетным президентом которого стал Отто Мольден, кандидатуру которого предложил я, председателем избрали Ечи Пушкаша, сопредседателем — меня, председателем-распорядителем Гезу Банкути, а секретарем Деже Абрахама.

Занимая видные посты в этих двух организациях, я обеспечил себе независимость для ведения внутренних «боев» среди эмиграции. Мой авторитет сильно вырос. Меня начали приглашать на различного рода собрания, споры и диспуты. С моим мнением стали считаться, часто просили у меня совета.

Ко мне стали поступать все документы, письма, бумаги, которые имели хоть какое-то отношение к делам эмигрантов. Меня просили дать им оценку. Написанные мною политические статьи приобретали вес, что еще больше укрепляло мои позиции.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМИГРАНТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Трудно, подчас просто невозможно события, происшедшие летом 1957 года, расчленить по времени на какие-то периоды. Факт остается фактом, что в 1957 году американская машина голосования в ООН располагала голосами представителей 81 государства (кроме десяти социалистических стран лишь девять стран Азии и Африки не зависели тогда от американской дипломатии и не испытывали никакого давления), почему, собственно, США и удалось добиться созыва Совета Безопасности ООН по «венгерскому вопросу». Одновременно с этим США резко усилили идеологическое и политическое наступление, осуществляемое средствами массовой информации. Началась, так сказать, «артиллерийская подготовка», которая, как правило, предшествует общему наступлению. События обрушились на нас подобно шквалу.

Действительное положение дел точно зафиксировано в передаче радиостанции «Свободная Европа», вышедшей в эфир 8 сентября 1957 года под общим заголовком: «Общий фон и перспективы дискуссии по венгерскому вопросу в ООН».

«Пройдет еще один день, и 10 сентября соберется специальная сессия ООН, на повестке дня которой стоит всего один-единственный вопрос: «Обсуждение доклада «комитета пяти». *В истории ООН еще не было такого случая* (курсив мой. — М. С.), чтобы за несколько дней до открытия очередной осенней сессии была бы созвана чрезвычайная сессия, на которой представители пяти континентов из множества важных вопросов обсуждали один-единственный вопрос. Сам факт созыва Генеральной Ассамблеи ООН свидетельствует о том, что этому вопросу придается всемирно-политическое значение».

С позиций сорокалетней давности есть смысл, более того, даже необходимо процитировать этот отрывок из передачи радиостанции

«Свободная Европа». Сам факт, что этот вопрос выделялся из огромной массы других, свидетельствовал о том, что выбор этот был отнюдь не случайным, а преднамеренным, что правящие круги США решили использовать так называемый «венгерский вопрос» в качестве повода для общего наступления на социализм.

События, происходившие в Венгрии в 1956 году, действительно имели важное политическое значение. Империалисты стремились остановить исторический процесс, который в наши дни стал реальностью и изменил соотношение сил в ООН отнюдь не в пользу США. Американские империалисты хотели напугать народы государств Азии и Африки, убедить их в том, что развитие социалистических стран грозит им опасностью, или хотя бы вызвать у них чувство антипатии к социалистическим странам.

Одновременно с этим во многих местах начались на первый взгляд независимые друг от друга, а на самом деле хорошо спланированные военные операции. Уже первая из них очень удивила меня.

В то июньское утро мы сидели с дядюшкой Герцогом за мраморным столиком кафе «Ной».

— Вы уже знаете, что завтра сюда приезжает Анна Кетли? — спросил меня дядюшка Герцог.

— Впервые от вас слышу. По крайней мере, у меня будет возможность встретиться с ней.

— С вами она всегда охотно встречается, правда, на этот раз, насколько мне известно, у нее будет очень мало времени.

Этим сообщением старик возбудил мое любопытство. Анна Кетли, государственный министр правительства Имре Надя и вице-председатель Социалистического интернационала, была довольно авторитетной личностью, чтобы я не заинтересовался ею. Интересно, что за важное дело, которое к тому же займет у нее все время, привело ее в Вену?

Я настолько хорошо изучил своего приятеля, что понимал: он никогда ничего не говорит сам от себя, но если его о чем-либо спросить, то обязательно ответит, тем более что мне он доверял.

Нужно было только как-то увязать мое любопытство с той ролью, которую я играл.

— Тетушка Анна всегда приезжает сюда, чтобы немного отдохнуть, — сказал я. — Большую часть времени она проводит в саду,

а если и принимает кого, то только самых близких своих сотрудников и хороших друзей.

— На этот раз она приезжает вовсе не для отдыха. Знаете ли, — понизил он голос до шепота, — сейчас она приезжает вместе со своими друзьями... Хелмер уже дал распоряжение о выдаче визы Ференцу Надю, Кеваго, Баранковичу, Беле Варге и, разумеется, Кираю. А из Лондона приедет Селиг.

Разве могло в создавшейся тогда ситуации какое-нибудь событие заинтересовать разведчика больше, чем это? Я прямо-таки физически почувствовал, как напряглись мои нервы. Лишь только необычайное самообладание помогло мне совладать с собой и не показать, как сильно я взволнован.

— Следовательно, собирается крупный форум, — проговорил я, а затем добавил: — Странно, что мне об этом ничего не сказали.

— Не обижайтесь: дело это строго секретное. Если бы к нам не обратились с просьбой ускорить получение въездных виз, то и я бы об этом ничего не знал.

Распрощавшись с дядюшкой Герцогом, я сразу же направился к Абрани.

— Я тебе сейчас сообщу нечто интересное! — сразу перешел я к делу. Мне казалось, что мое сообщение произведет на него впечатление.

Релли, однако, не был изумлен. Ни один мускул на его лице не дрогнул, только в глубине глаз промелькнула быстрая хитрая усмешка.

— Фери звонил мне из Базеля и сказал, когда он приезжает. Тебе я об этом не говорил, поскольку ты с ним в ссоре.

На самом деле, после конференции в Страсбурге я не разговаривал с Ференцем Надем и не общался с ним. Правда, причиной тому были не столько личные, сколько, так сказать, тактические мотивы, ведь мой гнев против него давным-давно прошел. Бела Варга и Золтан Пфейфер очень старались как-то восстановить наши отношения, считая, что могут называть себя советниками Ференца Надея. Мои отношения с социалистами по-прежнему были безоблачными, тем более что я был хорошо осведомлен относительно того, чем они занимались.

Ранее я уже говорил о том, что со времени конференции в Страсбурге сторонники Пфейфера активно пытались переманить меня на свою сторону, что давало мне возможность знакомиться с большим количеством секретной информации. Видимо, отнюдь нелишне привести несколько примеров по этому поводу.

«Нью-Йорк, 24 января 1957 года.

Дорогой друг!

Направляю тебе то, что ты просил; если хочешь, могу прислать тебе и ленту с магнитофонной записью. (Речь шла об одном важном протоколе заседания исполкома «Национального комитета». — М. С.) Жду обещанного тобой сообщения относительно описания той платформы, на которой мы могли бы откровенно сотрудничать.

С сердечным приветом.

Золтан Пфейфер».

«Нью-Йорк, 8 мая 1957 года.

Дорогой Миклош!

Находясь в эмиграции, необходимо считаться с фактами и теми личностями, которые в столь сложной ситуации могут сделать много хорошего, но и много плохого. К их числу я причисляю и тебя. И хотя твои действия сильно ограничены и стеснены теми точками зрения, которым я подчинялся как на родине, так и в эмиграции, я все же убежден в твоём благонамерении и неизменно надеюсь, что мне удастся направить твою активность в нужном направлении. События последних месяцев, как мне кажется, убедили тебя в том, что все вопросы эмиграции можно было бы решать более умно и эффективно. А представители новой политической эмиграции своим весом и порывом не только не помогли нашему общему делу, но скорее способствовали его развалу...

...К сожалению, не кто иной, как ты, вложил в руки Ференца Надя самый большой «воздушный шар» для его беспричинного вознесения, и теперь все ругаются, а мы вынуждены, сами того не желая, а, так сказать, по принуждению проколоть тот «воздушный шар», чтобы тем самым принудить его спуститься на грешную землю.

Как показывает современное положение, сейчас речь может идти лишь о том, чтобы общее руководство попало в руки Анны Кетли или же Белы Кирая, если мы и впредь будем смотреть на дело сквозь пальцы...

С братским приветом.

Золтан Пфейфер».

Прежде чем читатель убедится в значении Золтана Пфейфера, я хочу, забегаая несколько вперед, привести несколько отрывков из его последнего присланного мне письма.

«Как известно, на назначенную на 7 или 9 сентября 1957 года чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи ООН будут приглашены для участия в разбирательстве венгерского вопроса члены специального комитета.

Согласно мнению большинства лиц, заинтересованных в решении венгерского вопроса, во время обсуждения его в Генеральной Ассамблее ООН наверняка имело бы большое значение, если бы специальному комитету были представлены лишь донесения, имеющие отношение к революционному периоду, дополненные донесениями, содержащими доказательства продолжающегося советского вмешательства за период с января по июль 1957 года...

...К настоящему письму прилагаю список вопросов, с помощью которого комитет мог бы воспользоваться доказательствами.

СПИСОК ВОПРОСОВ

1. Наличие советских войск в Венгрии начиная с 1 января 1957 года:

- а) их состав;
- б) наименование частей и место их расположения;
- в) передвижение частей по территории Венгрии, а также ввод новых частей в Венгрию или их вывод из нее;
- г) строительство бараков или строительство других объектов, сооружаемых с помощью советской техники;
- д) расположение советских войск (казармы, аэродромы, железнодорожные станции и т. п.) на территории Венгрии, их охрана;
- е) перемещения советских войск вдоль границ Венгрии (главным образом в Румынии)».

Летом 1957 года в Вене под знаком строжайшей секретности подготавливалась эмигрантская встреча в верхах.

Обо всем этом я сообщил в Центр по каналу, которым мне разрешалось пользоваться только в исключительных случаях. Из ответа Центра мне стало ясно, что моему донесению придастся очень большое значение. Все свидетельствовало о том, что эти приготовления были тесно связаны с общим наступлением против нас, вернее говоря, с созывом чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

«Любой ценой узнать как можно больше» — такое указание я получил из Центра.

Со времени вживания в обстановку это был первый случай, когда я особенно остро ощущал свою беспомощность. Я понимал, что судя по всему, мне не светит участвовать в этом совещании в верхах, а придется довольствоваться получением информации из вторых рук. Это отнюдь не означало, что я недооценивал ценности такой информации, так как очень часто было так, что именно она-то и наводила меня на верный след или привлекала мое внимание к самому важному.

Однако совещание в верхах в июле 1957 года обещало многое. Я инстинктивно чувствовал, что Вена превратится для меня в этакую страшную кухню ведьмы.

Вот когда я по-настоящему оценил занимаемую мною позицию в делах эмиграции. Не могло быть и речи о том, чтобы меня обошли стороной. Нельзя было не учитывать мой авторитет, завоеванный с таким трудом.

Первым со мной связался Кеваго и попросил встретиться с ним. Костюм, который он получил в качестве оказания помощи, сидел на нем безукоризненно, а признание его народной партией придавало ему уверенность даже тогда, когда он воспринимал оказанное ему гостеприимство в некоторой степени как своего рода заточение. С моей же помощью ему удалось выхлопотать небольшую пенсию, получая которую, он почувствовал себя полностью независимым.

Однако тот Кеваго, с которым я встретился в кафе «Кремшер», во многом отличался от того, которого я знал до сих пор.

Лицо у него было загорелым и, хотя оставалось худым, все же выглядело более округленным, чем раньше. Одет он был элегантно и со вкусом. Однако в глаза бросались не столько внешние изменения, происшедшие с ним, сколько то, как он держался. Он по-прежнему был

уверен в себе, но теперь как бы чувствовал свое превосходство, не терпел никаких возражений и мнил себя личностью незаурядной.

— Я как следует проучил твоего друга! — Такими словами встретил он меня, когда я подошел к нему. — Ты опоздал!

Мысленно я решил не уступать ему и ответил не менее резким тоном:

— Я был связан данными ранее обещаниями. В Австрии я нахожусь не для развлечений.

Мой ответ изумил его. В последнее время обстоятельства складывались так, что все его планы выполнялись, его повсюду принимали с большими почестями, и от возражений он совершенно отвык. Как ни странно, своей резкостью я достиг цели. Он заговорил более спокойно:

— Я имею в виду Фери Надя. Я думал, ты будешь рад этому известию.

— Не понимаю, о чем речь.

— Представь себе, что в Америке состоялось совещание представителей партии мелких сельских хозяев. И у него хватило смелости подписать приглашения!

— Выходит, вы поругались?

— А разве вы не поругались? — И он снова стал колючим.

— Но не из-за власти, — ответил я.

Он ехидно рассмеялся:

— Из-за твоей роли! В Страсбурге я считал, что прав ты...

В какой-то миг у меня мелькнула мысль о том, что пока наш разговор есть не что иное, как прелюдия.

— Я не просил тебя становиться на мою сторону, хотя это и было бы мне приятно. — Я дал ему понять, что не являюсь его сторонником, тем более что пока я не имел ни малейшего представления о том, для чего нужен ему.

— Говорят, ты примкнул к социалистам?.. — продолжал он.

— Я имею на это право, хотя... это не совсем так!

— Говорят, что вы тесно сотрудничаете...

— Это верно. Во многом мы добились согласия.

Мы выпили по чашечке кофе, затем Кеваго, понизив голос, сказал:

— Нам необходима твоя помощь. Тебе нужно знать, что американцы довольны разногласиями. Они направили ультиматум «Национальному комитету» и «Революционному совету». Суть

заключается в том, что они никому и ни под каким предлогом не дадут больше ни цента до тех пор, пока не будет создана сильная единая эмигрантская организация.

— Наконец-то сделан мудрый шаг! — воскликнул я.

— Но гладко это не пройдет; сторонники Анны Кетли не очень-то нуждаются в американских деньгах. О них позаботятся социал-демократы. Зная о нашем трудном положении, они намереваются жарить собственное мясо. Судьба же нации их нисколько не волнует!

Я, разумеется, мог бы спросить, а сам он и его друзья руководствуются ли интересами нации или они только стремятся заполучить американскую помощь? Конечно, я этого не сделал. Я дал Кеваго возможность выговориться. И не ошибся. В сказанном им было много интересного для меня, однако я чувствовал, что самое главное еще впереди.

— Ты можешь нам помочь, — прервал длинный монолог Кеваго подсевший к нашему столику Видович. — В тебя старуха Кетли верит. Убеди ее в необходимости единства и сплоченности.

Больше всего мне хотелось спросить их, почему они так активно ищут союз с Кетли, в то же время ненавидя ее. В этой сложной ситуации вскрылась их полная беспринципность. Они, как крысы, бросились друг на друга и грызлись между собой. Мне же и дальше пришлось двигаться в полной темноте на ощупь.

— Сделать это будет нелегко, — ответил я. — Но что я скажу Кетли?

— Мы разработали грандиозный план, — начал объяснять Кеваго. — Хорошо его продумали и обсудили. Ничего подобного еще не было ни у одной эмиграции. Мы создали так называемый «подпольный парламент», в который войдут все депутаты Национального собрания, независимо от того, в какую страну они эмигрировали. Создадим правительство в изгнании, которое как бы примет полномочия от правительства Имре Надя. Таким образом, оно вполне может рассчитывать на признание западными державами и даже на принятие в ООН...

— Выходит, что эта преемственность падает на одну Кетли, — прервал я его. — У Имре Надя нет другого министра в эмиграции.

— Потому-то ты нам и нужен. Мы, разумеется, гарантируем, что страсбургский инцидент не повторится.

— Ну как? — с нетерпением спросил Видович.

— А с Оливером вы уже говорили об этом?

При одном только упоминании имени Оливера лицо Видовича исказила гримаса. Черные брови сошлись на переносице и стали похожи на длинную и колючую зубную щетку.

— С этим типом мы никаких серьезных вопросов не обсуждаем! — сердито выпалил он и тут же добавил: — Похоже, ты к ним уже примкнул, если спрашиваешь об этом.

Дерзкое замечание Видовича вывело меня из себя.

— Если ты так ставишь вопрос, тогда нам не о чем говорить! — бросил я, вскакивая.

Думаю, нет на свете такого разведчика, который заранее мог бы безошибочно рассчитать каждый свой шаг. Обычно я доверял своей интуиции и, конечно, руководствовался опытом, приобретенным мною во время работы в подполье. Насколько я помню, до сих пор я всегда действовал правильно. Я никогда не упускал возможности детально разобраться в проведенных операциях. Размышляя, я вскрывал собственные ошибки и намечал, как мне следует действовать в будущем, как держать себя. Точно так же я поступил и позже, после разговора с Кеваго и Видовичем, и вдруг, анализируя свое поведение, обнаружил, что пошел на очень большой риск: стоило им от меня отшатнуться, как я сразу же лишился бы очень важной информации и сам себе сократил зону деятельности.

К счастью, мой «трюк» и в тот раз удался.

— Ну, не горячись, — сказал мне Кеваго, усаживая меня на место. — А ты наберись терпения, — махнул он Видовичу.

В темных глазах Видовича блеснула и тут же погасла ехидная усмешка. Дружелюбным, почти заискивающим тоном он сказал мне:

— Не сердись на меня. Ты же знаешь, какой я вспыльчивый.

— Ладно, забудем это, — согласился я примирительно. — И все же я утверждаю, что без Беньямина номер с Кетли не пройдет.

И тут Кеваго не удержался от язвительного замечания:

— Может, старушенция держит его как любовника?

— Брось ты! — успокоил я его. — Она смотрит на него как на своего политического преемника.

— Для нас Беньямин не партнер. Прошу тебя, убеди Кетли в том, что мы хотели бы побеседовать с ней без него.

— Я бы ввел вас в заблуждение, если бы пообещал вам это. Безнадежное это дело!

Они переглянулись, а затем снова заговорил Кеваго:

— Ты можешь свести Фери со старушенцией?

— Минуя Оливера?

— Разумеется, чтобы они поговорили с глазу на глаз, доверительно.

— Попытаюсь.

Когда же я на следующий день позвонил Анне Кетли и сообщил об этом, она решительно запротестовала:

— Ни с Видовичем, ни с Кеваго мне говорить не о чем!

— Но, тетушка Аннуш, — пытался я уговорить ее, — наверняка вы коснетесь и темы близкого будущего.

Она помолчала, а потом коротко бросила:

— Нет!

— Я вас прошу! — настаивал я. — Ну ради меня, если хотите...

Она снова замолчала и после паузы произнесла с тяжелым вздохом:

— Что ж, приводите, раз уж вы так просите.

В условленное время я на своей машине привез Видовича на красивую виллу, где тогда жила Анна Кетли. Мой «друг» Фери, казалось, пребывал в хорошем расположении духа и всю дорогу без умолку болтал.

В саду своего дома в тени раскидистого дерева нас ждала Анна Кетли.

— Присаживайтесь, — предложила она.

Я уже собирался сесть, как вдруг Видович повернулся ко мне:

— Миклош, очень прошу тебя, оставь нас одних, ладно?

Представляете, что я почувствовал в тот момент? Однако мне ничего не оставалось, как уйти в дальний угол сада.

«Для чего Видовичу понадобилось удалить меня?» — со злостью подумал я и тут попробовал представить себе, о чем они могли бы говорить, но очень скоро понял, что все мои попытки ни к чему определенному не приведут. А чтобы поскорее прошло время, я начал думать о другом. Утром этого дня Андраш Чигери-Ронаи прислал мне свежий номер выходящей в Канаде, хорошо осведомленной венгерской газеты, которая внушала доверие. Я сразу же бегло просмотрел ее, надеясь найти что-нибудь интересное. Одна из заметок привлекла мое внимание.

«14 марта 1957 года, — прочитал я, — был образован «Венгерский революционный совет», официально названный «Национальным представительством свободной Венгрии». Очень скоро венгерский «свободный парламент» соберется на свою сессию, где будет представлен сорока пятью — сорока семью членами. В него войдут представители революционных советов, борцы за свободу, а также ученые, артисты, писатели, дипломаты и лица духовного звания».

Прочитав это, я сразу же подумал: «А почему, собственно, опубликовали эту заметку? Не совершил ли Чигери-Ронаи, бывший дипломат, какой-либо ошибки? Если нет, тогда, значит, это сделано намеренно».

«Но к чему вся эта атмосфера секретности? — думал я теперь, бродя по саду. — Наверняка для того, чтобы оказать определенное давление на социал-демократов. С этой целью, видимо, они и хранят содержание переговоров в такой тайне...»

В этот момент я услышал голос Анны Кетли, зовущей меня.

К моему удивлению, она была одна. Когда Кетли посмотрела на меня, я уловил в ее взгляде мудрость, какая бывает только у пожилых людей. Она старалась казаться равнодушной, но я понял, что в глубине ее души бушуют страсти.

— Больше этого человека ко мне не приводите!

— А я думал, что встречи с ним вам не избежать.

— Человек и со змеей может встретиться, когда идет по лесу, но только без особого на то желания.

— Я вас понял, тетушка Аннуш.

Она так странно посмотрела на меня, что мне стало не по себе.

— Вы знаете, зачем приходил этот человек ко мне?

— Представления не имею.

— Верю.

За все утро она первый раз улыбнулась, но улыбка ее получилась печальной.

— Он просил меня не доверять вам.

— Мне? Но почему? — по-настоящему удивился я.

— Потому, что вы красный агент.

И снова я попал в такое положение, выпутаться из которого мне могла помочь только выдержка.

Я понял, что Кетли не поверила Видовичу, иначе она не стала бы со мной даже разговаривать, не сидела бы в саду в столь непринужденной позе.

— Видимо, это очередная провокация и клевета, столь частые в жизни эмигранта, — грустно произнес я, несколько успокоившись.

— Вас интересует, что я ему ответила?

«Еще как интересует!» — едва не воскликнул я, но был вынужден сказать:

— Как хотите, тетушка Аннуш...

— Я ему сказала: «А знаете, Видович, ведь вы пришли ко мне по просьбе человека, которого считаете красным агентом. Как вы это объясните?»

— И что же он вам ответил?

— Сказал, что у него есть повод так думать.

Я взял себя в руки. Беспокойство мое прошло, и я спросил:

— А знаете, тетушка Аннуш, о чем он хотел сказать? О том...

— О том, что в эмиграции вы выступаете вместе с ними. Он так и сказал. Я его попросила немедленно убраться отсюда. Остерегайтесь его!

— И не только его, но и многих других! — Я сообщил ей о том, что произошло до поездки к ней, и показал номер газеты, о которой сказал выше.

— Что ни говорите, а утро сегодня полезное, — заметила она. — Человек учится и в старости, но совещание нам, к сожалению, нужно все же проводить. Политик не может щадить свои личные чувства, если борется ради достижения высокой цели. Однако без Селига и Беньямина к ним на встречу я не пойду.

НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ

Думая о совещании в верхах, я вспомнил, что на нем не присутствовал Шандор Киш. О причине отсутствия Оливера Беньямина я уже знал, но Киш?..

Сколько я ни размышлял, как ни прикидывал, а выходило, что его попросту не пригласили. Нужно было узнать, почему это так случилось.

Ночью того же дня я позвонил Шандору Кишу. С учетом разницы во времени в Нью-Йорке тогда был вечер, поэтому я надеялся застать его дома. Нас быстро соединили.

— Сейчас я уже не знаю, кому верить, — сказал мне Киш.

— Ты и во мне сомневался?

Он замялся, а потом все-таки ответил:

— Знаешь... Откровенно говоря, да.

— Скажи, Шандор, что тут происходит? Собрались вместе шестеро вождей, и каждый из них поднимает на щит самого себя.

— Нам они об этом не сообщили. Пока мы это поняли, они уже все собрались... Миклош, ты один можешь что-то сделать. Кеваго и Кирай лгут. Комитет, по сути дела, пал.

— Но ведь сейчас речь идет о парламенте и правительстве, не так ли?!

— Разумеется. Но для этого имеется «Революционный совет». Кеваго и Кирай попросту купили. Вместе с Белой Варгой, Миклошем Каллаи и Бакач-Бешшенеи они хотят добиться полного единства. Не допускай ни в коем случае, чтобы тетушку Аннуш втянули во что-нибудь!

— За это я ручаюсь! — ответил я как можно увереннее. И на самом деле все мои помыслы и цели были направлены именно на это.

— Ты продержись, пока не приедет Янош. Завтра он вылетает.

Киш имел в виду Яноша Хорвата, председателя «Крестьянского союза».

— А когда он прибывает?

— Сначала он летит в Швейцарию и будет ждать там австрийской визы.

— Хорошо.

На следующий день я послал донесение в Центр, в котором обрисовал сложившееся положение. Сообщил, что в случае успеха новая политическая организация может рассчитывать на признание западными державами и государствами — членами ООН. Доложил я и о тех мерах, которые предпринял.

В ответ я получил указание действовать по своему усмотрению в зависимости от обстановки, но во что бы то ни стало воспрепятствовать созданию эмигрантского парламента и правительства.

Правда, мое положение, связи, авторитет как нельзя лучше способствовали выполнению этого приказа. Ранее я уже рассказывал о том, каким образом мне удалось воспрепятствовать созданию подобного «правительственного представительства». Но теперь задача невероятно усложнилась.

Из-за чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН весь огромный аппарат ЦРУ был поставлен на ноги. Большая часть политиков и военных, находившихся в эмиграции, была подкуплена, с той лишь разницей, что одних купили несколько лет назад, а других — несколько недель. На «независимых» же действовал фактор: пока среди эмиграции нет единства — нет и денег для оказания помощи эмиграции.

В упоминавшейся мною брошюре Деже Шуйока «Несчастья венгерской эмиграции» так охарактеризовано положение:

«Формально комитет никогда не проваливался, так как в этом случае он потерял бы ту огромную сумму, которую ему предоставляли организация «Крестовый поход за свободу», а также комитет и радиостанция «Свободная Европа», положение которых во второй половине 1957 года стало по-настоящему трудным.

Необходимо было найти какой-то выход, но, чтобы спасти положение, должно было произойти настоящее политическое и моральное чудо.

...Все старались куда-нибудь уехать, если у них была хоть искра надежды на то, что они смогут где-то пристроиться и своим бегством подтвердить алиби. На местах остались только те, кого нигде не ждали, и эти люди оказались правы, так как комитет «Свободная Европа» не позволил полностью разбросать штаб комитета. В течение многих

месяцев он поддерживал и финансировал его, твердо надеясь на то, что эти деньги привлекут возмущенных и даже сторонников Миклоша Сабо. Так и случилось: тот, кто рассчитывает на силу денег, в большинстве случаев рассчитывает правильно».

Так обстояли дела летом 1957 года. К такому выводу пришла и чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшаяся осенью. С этой же целью «комитет пяти» подготавливал доклад, занявший несколько сот страниц. Вот для чего было необходимо создание венгерского «свободного парламента» и правительства, которые выступили бы против коммунистов вообще, демонстрируя тем самым свою волю. Та сессия должна была ввести социализм на моральный эшафот.

Взвесив все «за» и «против», я пришел к выводу, что задание будет одновременно и легким, и тяжелым.

Легким — потому, что «тузы» разрывались противоречиями, взаимной завистью и антипатиями.

А тяжелым, и даже очень тяжелым, — потому, что я должен был каждую минуту думать не о борьбе, а о тех, кто рвался к успеху. «Специалисты» ЦРУ внимательно следили за всеми. Они подслушивали наши разговоры, интересовались личной жизнью. Произносимые нами речи анализировались как специалистами, так и машинами. И в такой ситуации я должен был добиться желаемого результата.

После уже упомянутого выше разговора с Шандором Кишем по телефону я немедленно связался с Оливером Беньямином.

Я полагал, что если мне удастся привлечь на свою сторону генерального секретаря «Революционного совета», то и в Европе, и в Америке вся моя деятельность не будет рассматриваться как враждебная Западу. Она будет воспринята как обычный внутренний раздор среди эмиграции. Разумеется, я не сумел бы заранее определить, как далеко могу зайти в своих действиях, как не знал и того, где предел терпения у западных разведок. Иначе говоря, невозможно было определить, где проходит невидимая, воображаемая линия, переступив которую, я сразу же почувствую, как внутренние распри превратились во враждебные по отношению ко мне действия.

— Ну, что ты скажешь в отношении моего плана? — С такими словами обратился ко мне Оливер Беньямин, когда я вошел в его номер в отеле «Бавария».

— Могу только сказать, что никто из них не счел нужным заблаговременно поговорить со мной.

— Чего ты жеманничаешь? — резковато спросил он. — Тебе же обо всем рассказали, разве не так?

— Рассказали, но у меня имеются кое-какие опасения.

— А у кого их нет?

— В этом ты прав, — сказал я и замолчал.

Воцарилась недолгая тишина. Он достал из шкафа пальто и, подойдя ко мне, сказал, положив руку на мое плечо:

— Не глупи! Говори!

— Из всего этого получится не единство, а черт знает что.

— Новое всегда рождается в спорах.

— Но не в грязи же.

— Иногда и в ней тоже. — Он просверлил меня взглядом и сказал:

— Ты что-то знаешь!

— Не ходи ты на эти переговоры, вот что...

Беньямин не был глуп и сразу же понял, что я хочу предостеречь его. Перестав одеваться, он сел напротив меня:

— Ну а теперь выкладывай все!

— Не забудь, что Кеваго, Видович и Кирай замышляют что-то плохое. Как только ты появишься, они сразу же начнут.

— Что начнут?

— Будучи заместителем начальника полиции, ты не всегда нежно обращался с обитателями лагеря для интернированных...

Он махнул рукой:

— Старая пластинка!

— Загребал чужие деньги, чтобы купить любовнице дачу...

— Ее и не нужно было покупать. В сорок пятом году дачу можно было занять почти даром! — Он вдруг покраснел, затем лицо его пошло пятнами, и я испугался, как бы его не хватил удар.

Сделав несколько глубоких вдохов, он пришел в себя и заявил:

— И все-таки я пойду туда! — Губы у него стали узкими, а всегда бездумные глаза налились кровью. — Я не оставлю Аннуш в одиночестве в такой мышеловке!

После этого разговора я направился в «Гранд-отель» к Кеваго, который не ожидал меня и очень удивился:

— Что-нибудь случилось?

— Пока еще нет.

— А что же?

— Я только сейчас от Беньямина. Он вот-вот лопнет от злости.

Кеваго даже не вздрогнул.

— Фери человек горячий и не умеет держать язык за зубами, — продолжал я и тут понял, что случай подарил мне прекрасную возможность позлить его. — К сожалению, Фери побывал и у социалистов! — выложил я. — Переговоры будут трудными.

Кеваго вспыхнул:

— Кетли тоже не из непорочных! В начале своей политической карьеры она сама голосовала за то, чтобы мандаты большинства ее коллег по парламенту были признаны недействительными. А чуть позже она подалась к сторонникам Ракоши!

Теперь настала моя очередь успокаивать его:

— Так и я тоже попал в тупик. Нужно что-то разрешить...

— Нет! — запальчиво выкрикнул он. — Кетли должна уступить, в противном случае мы все потеряем.

После этих всех разговоров, при наличии довольно зловещих признаков, и состоялось совещание, на котором присутствовали Ференц Надь, Бела Варга, Йожеф Кеваго, Бела Кирай, Ференц Видович и Анна Кетли, возле которой, разумеется, находился и Оливер Беньямин — ее доверенное лицо.

Мне же представился случай услышать о состоявшихся переговорах из уст всех участников (за исключением Кирая). Самое главное и важное я услышал от Ференца Надя.

Он через Ауреля Абрани назначил мне свидание. С Надем мы не встречались со времени конференции в Страсбурге.

— Скажи, ты что, сердишься на меня? — Он обнял меня, когда я пришел в «Гранд-отель», где он тогда жил. Он специально спустился вниз, чтобы встретить меня. Австрийские власти не забыли дела о складах оружия при бургенландском оружейном заводе и, чтобы избежать осложнений в международном плане, разрешили ему приехать в страну всего на двадцать четыре часа. Несмотря на недостаток времени, он все же решил повидаться со мной.

— О, брат Фери, то дело прошлое!

— Видишь ли, Миклош, такова уж политика. То, что произошло с тобой в Страсбурге, не имеет никакого отношения к тому, что я пережил сегодня здесь, в Вене.

— Тебя обидели?

— Меня — нет. Но могу смело сказать, что еще никогда в жизни мне не было так стыдно, как на сегодняшних переговорах.

— Они были неровными?

— Сплошь колдобины, и даже с грязью. Боже мой, чем только они не поливали друг друга!

— Кто это «они»?

— Главным образом Видович и Беньямин. Ты себе даже представить не можешь, как закончилось это, с позволения сказать, объединительное совещание, если Тедди был вынужден сбежать в самом его разгаре!

Тедди — американский друг Ференца Надя — официально числился в списке сотрудников комитета «Свободная Европа», в действительности же являлся агентом ЦРУ и присутствовал на этой встрече в двойном качестве — советника и наблюдателя.

— Но ведь он ничего не понимает по-венгерски! — удивленно воскликнул я.

— А ему ничего и не нужно было понимать, — махнул рукой Ференц Надь. — Поднявшийся шум, выражение лиц присутствовавших и их жесты оказались красноречивее всяких слов.

На следующий день, в полдень, в отеле «Регина» я встретился с Белой Варгой. Громадные окна отеля выходили на великолепный собор с двумя башнями, на Ринг и здание кредитного банка.

За те годы, что мы не виделись, Бела Варга мало чем изменился. Лишь лоб его, казалось, стал еще выше, а глаза — более проницательными.

— Ты нам нужен. Получишь все, что захочешь, — сразу же заявил он мне.

— А что я должен сделать за это?

Мой вопрос он воспринял как согласие и ответил:

— Комитет нуждается в том, чтобы в него влили свежую кровь.

— И ты полагаешь, что моя кровь как раз подойдет для такого вливания?

Уловив в моем вопросе иронию, он воспринял его как шутку и беззвучно засмеялся, затем наполнил бокалы вином из бутылки с

длинным горлышком:

— Будем здоровы, Миклош!

— Твое здоровье, Бела!

Мы чокнулись и выпили. Поставив перед собой на стол красивый хрустальный бокал, он спросил:

— Ты, говорят, в очень хороших отношениях с Анной Кетли? Что ты о ней думаешь?

— Станные вы люди, Бела. Планировали вы широкомасштабно. Проводили секретные совещания, на которые не приглашали никого со стороны. А теперь вот спрашиваете, каково мое мнение. Просите оказать вам помощь в ущерб всем остальным. Да еще в таких вопросах, в которых я ничего не смыслю.

Варга улыбнулся. Губы его вытянулись в узкие полоски, но это была все же улыбка.

— Ну, уж не настолько-то ты ничего не смыслишь, — утвердительно заметил он. — Ты же сам только что заявил, что тебя все разыскивают. Тогда почему же нам не поговорить?

— Разумеется, можно и поговорить. Но все эти старания похожи на стремление собрать разбитый вдребезги кувшин.

— Понятно, — кивнул он. — А что интересует лично тебя?

— Я не любопытствую, я просто несу кое за что ответственность. В такой же степени, как и все.

— Все равно. Ты спрашивай по существу.

— Вы хотите создать парламент, правительство. Я знаю, что деньги вы получаете от комитета «Свободная Европа». А признание от кого? А политический и дипломатический фон?

Он снова наполнил бокалы вином. Мы чокнулись. Он лишь смочил губы вином, но пить не стал.

— За нашей спиной стоит американское правительство, иначе говоря, большинство конгресса и сената. Поддержку Европейского совета мы получим через людей Ракшани. То, что мы делаем, входит в круг интересов стран — участниц НАТО. А остальные?.. Ну а остальные и без того находятся в кармане у Америки. Требуется ли еще более надежный тыл?

— Но за деньги, которые вы принимаете, не продаете ли вы свою независимость?

— Извини, но это наивный вопрос. Маленькие нации всегда находятся в зависимости от кого-нибудь. И уж коли нам суждено

выбирать, то я охотнее выберу доллар и дядюшку Сэма.

— Предположим, что по основным вопросам вы договоритесь. Тогда возникнут проблемы: кто возглавит новую организацию, кто станет ее председателем? Не парламент ли? Не правительство ли? Не говоря уже о дележе портфелей!

— В первую очередь тебе следует знать, что сам парламент станет, так сказать, вершиной организации, которая будет представлять перед всем свободным миром венгерскую нацию. Правительство представляет государственность и, пусть пока в ограниченном варианте, станет на практике осуществлять государственные права. Определение же соотношения и распределение обязанностей между депутатами — это только одна из проблем. По этому вопросу можно договориться.

— Какую же должность тебе не жаль для Фери Надя?

— Ему светит кресло премьер-министра.

— Но ведь и Кетли рассчитывает на пост государственного министра в правительстве Имре Надя. Если же сторонников Кадара исключат из ООН, то на их место можно посадить только представителей из правительства, подобного правительству Имре Надя. Вся концепция «комитета пяти» строится на этом.

В глазах Белы Варги сверкнули огоньки, и он удивленно уставился на меня.

— Ты здорово поумнел, и все-таки я советую тебе: внимательно прочитай Макиавелли. Нашу государственность мы обрели со времен свободных выборов 1945 года, а право на правительство — только со времен революции. Вот почему я говорил, что премьер-министром следовало бы сделать Ференца Надя. А получит этот портфель Анна Кетли...

Ференц Надь вылетел в Базель и ждал там, что же произойдет в Вене. Через Абрани я передал ему (к этому меня обязывали узы дружбы), что он еще может надеяться получить помощь и поддержку от Белы Варги.

Мне пришлось проделать большую работу, чтобы добиться выездной визы. В кресле министра внутренних дел по-прежнему сидел социалист Хелмер, однако управлением государственной безопасности руководил главный советник Праммер из Австрийской народной партии. Бела Варга оказался прав: с помощью хитрости и при

поддержке Кетли и дядюшки Герцога мне удалось добиться того, что д-р Карл Хайдер, влиятельный секретарь молодежного движения, уговорил главного советника Праммера выдать мне визу. И все это было сделано так, что ни одна из сторон не поняла намерений другой.

Из Лондона в одно время с Хорватом прибыл и Имре Селиг, который после Кетли считался самым авторитетным социал-демократическим политиком в эмиграции. Он уже давно жил в Англии и дал Кетли много полезных советов.

Сначала Янош Хорват принял на себя сильный «огонь артиллерии», но вскоре, к моему удивлению, примкнул к сторонникам Белы Варги, как и Шандор Киш.

Изменения, происшедшие с Яношем Хорватом и Шандором Кишем, заинтересовали меня. Частично потому, что у них всегда было больше выдержки и моральной сплоченности, чем у других. До сих пор они казались мне людьми твердых взглядов и убеждений. Все это напоминало мне научные опыты, проводимые с растениями или животными, во время которых их изучали, так сказать, в ускоренном темпе. И вот теперь Янош Хорват и Шандор Киш, к моему огромному изумлению, превратились в этаких подопытных белых мышек. Вот, оказывается, какие превращения происходят под давлением доллара с честным некогда человеком! Он просто превращается в марионетку ЦРУ!

До приезда Хорвата я просил сторонников Кетли, чтобы они дождались его и без него ничего не решали. Когда он начал сотрудничать с Белой Варгой, Кеваго и Кираем, социалисты все еще верили ему. Я ожидал от него полного разрыва с ними, но он продемонстрировал отличные дипломатические способности и пошел на компромисс со сторонниками Кетли.

Таким образом, начал вырисовываться силуэт новой организации. Самое же печальное заключалось в том, что я до последнего момента гарантировал социалистам абсолютную политическую надежность Яноша Хорвата. Не мог же я заявить во всеуслышание, что ошибся, и призывать социалистов к тому, чтобы они не слушали Хорвата и не верили в то, что он стремится к единству.

Я чуть было не впал в отчаяние. Мне грозил провал, последствия которого сказались бы в конечном счете на престиже всей Венгерской Народной Республики.

Поначалу я сравнивал с белыми подопытными мышками сторонников Хорвата и Киша, а себя — с охотившимся за ними котом. Днем и ночью я, готовый к прыжку, выжидал, когда же придет момент, который рано или поздно должен был настать. Пропустить его я не имел права. В Вене в то время стояла ужасная жара. Плавился под ногами асфальт, и казалось, что ты идешь по резиновому ковру.

Оставалось навести последний лоск. «Творение» (эмигрантский парламент и правительство), каким представляли его заправилы Америки, было, собственно говоря, уже создано. Оставалось еще доделать кое-какие мелочи, ликвидировать мелкие разногласия, решить личные дела. Имре Селиг, Янош Хорват и я отправились на великолепный пляж на Старом Дунае. Я был нужен Яношу Хорвату и Беле Варге. С моей помощью они надеялись повлиять на Имре Селига, убедить его.

Я понимал, что для меня настала последняя возможность.

Мы плавали, загорали и снова залезали в воду. Тем временем начался довольно острый спор, главным образом по вопросам сугубо личного характера. Разгорелся он из-за распределения руководящих постов.

К моему счастью, в душе Селига все еще горел огонь недоверия к гражданским политикам из числа эмигрантов. Этот огонь он принес с собой еще из прошлого, когда «Национальный комитет» пригласил Кароя Пейера и его сторонников как социал-демократов, а Селигу и его коллегам он вредил, где только можно было.

Мы снова вошли в воду и поплыли, продолжая спорить. Отплыв подальше от других купающихся, мы старались держаться друг возле друга. Вдруг Янош Хорват вскрикнул и скрылся под водой. Мы бросились к нему, но он уже глубоко ушел под воду.

Вода была очень чистой и прекрасно просматривалась в глубину. Ни я, ни Селиг не были слишком хорошими пловцами, и все-таки нам удалось вытащить его. Схватив его, мы пытались поддерживать его голову над водой. К счастью, наши испуганные крики слышали люди. Несколько человек быстро подплыли к нам.

Яноша вытащили из воды. Он наглотался воды и отделался, как теперь говорят, легким испугом, но на всякий случай мы проводили его к дежурившему на пляже врачу.

— Ну, слава богу, пронесло! — воскликнул Имре Селиг.

— Это-то пронесло, а вот другое — нет. — ответил я.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Что ты имеешь в виду?

— Вопрос с новым представительством.

— А точнее говоря?

— В «Революционном совете» мы составляем всего лишь двадцать процентов. А председателем там Кетли. В новой организации, в которой «Национальный комитет» должен представлять большинство, это соотношение уменьшится. Тут придется считаться не только с Кираем и Кеваго, но и с Белой Варгой, Кези-Хорватом, Баранковичем, Пфейфером и остальными. Сейчас они бессильны. Новая организация привела их в чувство, а мы поставим их на ноги.

— Зачем ты говоришь мне это?

— Я боюсь, Имре. Боюсь тех сил, которые в прошлом отстранили тебя и каждого прогрессивно мыслящего эмигранта от власти. Боюсь еще большего поправения, остановить которое невозможно, как не удалось это сделать с 1947 года.

Он задумался. Забыть об этом было нельзя — слишком свежими оставались раны от полученных тогда ударов.

— Единство — вот чего требуют интересы всей нации! А что ты мог бы предложить вместо парламента?

— Создание парламента и правительства я одобряю, но новая организация нам не нужна. У новой организации будет новый офицерский корпус, можно назвать его штабом; об этом, собственно, идут споры уже какой день. «Революционный совет» как орган, представляющий нацию, существует уже несколько месяцев. И в нем необходимо иметь сторонников Варги. Пусть они вступают в него, пусть присоединяются. Сам Бела Варга может стать третьим по счету вице-председателем, раз уж ему так не терпится заполучить какой-нибудь важный титул. Однако руководства и соотношения пропорций я бы не изменял.

Селиг принадлежал к числу политиков, которые действуют осмотрительно. К тому времени, когда вернулся Янош Хорват, положение значительно изменилось.

После неудачных переговоров в Вене они продолжались в Париже. Там к ним смог присоединиться и Ференц Надь, а Анну Кетли дела Социалистического интернационала позвали в Брюссель. В конечном счете ничто не изменилось. Принимавший участие в этом совещании

Шандор Киш передал мне и другим эмигрантским руководителям содержание секретных переговоров.

«СВОДНОЕ ДОНЕСЕНИЕ»

23 июля 1957 года

1. Переговоры в Вене

Целью настоящего совещания было создание единства демократической эмиграции. По этому главному вопросу с самого начала выявились две точки зрения. Согласно одной из них, председатель организации должен распустить как «Национальный комитет», так и «национальное представительство» и на его месте создать новое «национальное представительство» по плану, предложенному Йожефом Кеваго. Для провозглашения этого акта должно быть выработано совместное заявление, подписанное такими самыми авторитетными венгерскими эмигрантами, как Анна Кетли, Йожеф Кеваго, Бела Кирай, Ференц Видович, Ференц Надь, Бела Варга, Иштван Баранкович.

...Переговоры, продолжавшиеся в течение трех недель, закончились безрезультатно. В последний день социалистическая партия сделала следующее заявление: «Свободная Венгрия стоит на позиции «национального представительства». Она готова пойти на любые конструктивные изменения, но только на такие, на которых она может существовать. Если бы этот комитет решил иначе, то партия не приняла бы в нем участия. Однако поставить свою подпись под заявлением она может только в том случае, когда будет готов план конструктивных предложений. 6 июля, в субботу, Йожеф Кеваго сделал попытку подписать такое заявление, которое было подготовлено комитетом, однако из-за разного рода разногласий и прочих внешних условий эта

попытка не увенчалась успехом. Большинство участников совещания покинули Вену 7 и 8 июля и уехали в Париж.

2. Совещание в Париже

...10 июля сюда прибыл Оливер Беньямин в сопровождении представителей социалистической партии. На этом важном совещании, по сути дела, было достигнуто соглашение почти по всем основным вопросам. Было принято решение о том, что «национальное представительство» будет состоять из трех членов (парламент, или Большой совет, политическое бюро и исполнительный комитет). Официальное название: «Национальное представительство свободной Венгрии». В принципе были разработаны роли каждого органа. Тем самым стало возможным декларировать единство. Однако от подписания такого заявления социал-демократическая партия отказалась, и лишь после обсуждения деталей была подписана декларация, в дополнении к которой говорилось, что вновь созданный орган отнюдь не является новой организацией.

Иштван Баранкович и Бела Варга хотели, чтобы было решительно заявлено, что речь идет о новой организации. Они не могут вступить в такое «национальное представительство», которое создается на основе «Революционного совета». Большая часть участников совещания сочла беспредметными старые и новые споры и дискуссии до тех пор, пока не станет ясно, что именно мы хотим создать.

...13 июля, в субботу, состоялась беседа с Кетли в Брюсселе. Была обрисована обстановка, подчеркнута необходимость перестройки, важность заявления, с одной стороны, а с другой — выполнение желаний тех, кто оказывал помощь. По мнению Анны Кетли, в подобном заявлении нет необходимости до тех пор, пока такой орган не создан, а после этого можно издавать столько заявлений, сколько будет необходимо. Полномочным представителем Кетли был Оливер Беньямин.

...В период между 2 и 5 августа в Париже должно состояться заседание исполкома «Национального представительства свободной Венгрии». Комитет «Свободная Европа», оказывавший поддержку этому совещанию, однако, не захотел оказать финансовую помощь, так как состоявшиеся до этого совещания не продемонстрировали уверенности в том, что желаемое единство будет обеспечено.

...Прошу в срочном порядке ознакомить с моим донесением всех членов исполкома.

Шандор Киш».

Итак, переговоры закончились провалом. Раскол эмиграции стал фактом. Золтан Пфейфер 10 июля 1957 года писал мне по этому поводу следующее:

«Дорогой друг!

Будучи осведомлен о твоей деятельности, я не могу себе представить, чтобы она не сказалась на результатах венских переговоров, когда ты с раннего утра и до позднего вечера дергал за ведущие к тебе нити. И хотя мы с тобой не находимся на одном фронте, я все же обращаюсь к тебе с просьбой просветить меня о событиях в Вене...

...В этой неразберихе помочь может только откровенность, и еще возможно навести порядок, если ситуация будет ясна полностью. Сейчас, когда я решился на такой шаг, мне хотелось бы получить от тебя объяснения политической концепции...

...Срочно ответь мне, чтобы не ввести меня в заблуждение.

С сердечным приветом.

Золтан Пфейфер».

«КОМИТЕТ ПЯТИ» ООН

Инициаторы предыдущих событий явились сторонниками созыва осенью 1957 года чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Эти попытки преследовали вполне определенные цели, над разработкой и претворением в жизнь которых работали лучшие головы ЦРУ: исключение Венгерской Народной Республики из этой авторитетной международной организации, осуждение Советского Союза, снижение притягательной силы социализма.

Вот что по этому поводу 9 сентября 1957 года писала влиятельная французская газета «Монд», поместившая статью видного публициста Тамаша Шрайбера:

«Доклад «комитета пяти» наносит серьезные обвинения правительству Кадара.

...Имре Хорват, министр иностранных дел правительства Кадара, будет лично присутствовать на сессии, о том чтобы защитить заранее проигранное дело».

Следовательно, «комитет пяти» был главным оружием, которое враги использовали против нас. Среди всех органов ООН этот орган уже в течение нескольких месяцев создавал нам самое большое количество забот. Председателем этого комитета был избран датчанин Андерсен, который, будучи членом Социалистического интернационала, стоял близко к Кетли. Датчанином был и руководитель секретариата — Йенсен, о котором речь пойдет ниже.

За исключением одного представителя Цейлона, «комитет по Венгрии» нельзя было назвать беспристрастным. Члены этого комитета хорошо знали, чего они хотят. Ничто так точно не характеризует их стремления, как последствия, которые возникли на удивление быстро и о которых средства массовой информации раструбили на весь мир. Приведу лишь два отрывка из издававшейся в Мюнхене эмигрантской газеты «Уй Хунгария».

В номере от 1 мая 1957 года говорилось следующее:

«Первый доклад «комитета пяти» — не признавать правительства Кадара».

В номере от 28 июня 1957 года:

«Согласно докладу «комитета пяти» ООН правительство Кадара не представляет венгерской нации».

Учитывая то обстоятельство, что этот комитет был образован в середине января, а доклад, состоявший из 300 страниц, подготовлен лишь в конце августа, напрашивается однозначный вывод: до обнародования этого доклада комитет не имел права выносить обвинение.

В моем распоряжении нет данных о том, располагали ли органы разведки социалистической Венгрии какими-либо материалами о деятельности этого комитета в Америке и Западной Европе. Мне же такая возможность предоставилась только в 1957 году, когда я начал работать в Австрии, в самом крупном эмигрантском центре.

Моя «собственная» организация «Национальное представительство свободной Венгрии» в своем письме просила меня и еще нескольких видных эмигрантов о том, чтобы я оказал помощь «комитету пяти» в его работе, а точнее говоря, направил бы его деятельность в нужном направлении. Помимо меня в ряды «борцов» были включены Ференц Видович, Габор Хаваш (сотрудник международной организации свободных профсоюзов), бывший летчик старший лейтенант Эрвин Иклоди-Сабо и инженер Лайош Шипош.

Вот какое послание было разослано им:

«Дорогой друг!

Начиная с 1 марта в Европе продолжает работу специальный «комитет пяти», занимающийся положением в Венгрии, созданный по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН. «Комитет пяти» желает установить, основываясь на показаниях очевидцев, обстоятельства советского вмешательства в дела Венгрии. Предварительным местом нахождения комитета выбрана Женева, однако члены комитета непременно побывают и в Австрии.

В связи с этим мы просим Вас оказать этому комитету всяческую помощь и поддержку с тем, чтобы его работа была более успешной.

Председатель Анна Кетли.

Вице-председатель Бела Кирай».

Австрийское правительство предоставило в распоряжение комитета ООН дворец, оборудованный по последнему слову техники. Секретарями, переводчиками, экспертами были венгры. Среди трех секретарей комитета находились д-р Тамаш Пастор, бывший депутат парламента, мой коллега по партии; граф Дьердь Сечени, вместе с которым мы несколько месяцев провели в заключении в одной тюрьме, а также Тибор Пастор, который после выезда за границу получал от меня помощь. В число экспертов попал инженер-строитель Ласло Берецки, один из основателей (одновременно и секретарей) вызванного мною к жизни «Института культуры венгерских эмигрантов».

Я сразу же вышел на связь с Центром. В ходе совместной консультации мы пришли к следующему мнению: во-первых, появилась возможность для проверки деятельности комитета; во-вторых, необходимо попытаться внести в его ряды сомнение или, в крайнем случае, замешательство; в-третьих, любой ценой, даже рискуя собственной жизнью, я должен достать доказательства, которые поставят под сомнение достоверность докладов, поступающих от комитета.

Короче говоря, заданий было много, и все они были тяжелыми. Ставка была огромной, но идти на это было необходимо.

Довольно скоро я получил из Будапешта доказательства того, что д-р Тамаш Пастор и граф Дьердь Сечени — самые обыкновенные доносчики. Центр, учтя все обстоятельства, принял решение: я должен скомпрометировать одного из них. Выбор пал на Тамаша Пастора, считавшегося более умным и опасным.

Но каким образом я обнародую разоблачающие материалы? Ответ на этот вопрос подсказало мне одно обстоятельство, доставившее столько беспокойства, бессонных ночей и мучений. Речь шла о документах министерства внутренних дел, которые попали в руки генерала Зако, агентов из «Свободной Европы» и западной разведки.

Одна за другой появились публикации под громкими заголовками. Например, в газете «Уй Хунгария» 15 марта 1957 года была напечатана статья «Секреты оперативного отдела. Борец за свободу в министерстве». Исходя из этого, я мог спокойно утверждать, что все эти материалы принес мне прямо домой один незнакомый венгр эмигрант.

Выполнить полученное задание оказалось не так-то легко. Тамаш Пастор считал меня своим другом, мы с ним часто виделись, а бывая за границей, не забывали посылать друг другу открытки.

И тут мне пришло в голову, что Тамаш Пастор никогда не делал моральной проблемы из того, чтобы в погоне за лакомым куском не продать своих коллег. Как только я об этом вспомнил, задание уже не казалось мне таким сложным.

Я дождался того времени, когда добрая половина «свидетелей» уже была опрошена членами комитета. Это было важным моментом для будущего.

Однажды я пригласил к себе на квартиру Тамаша Пастора, а также Ивана Келемена, редактора газеты «Немзетер» и Габора Кочиша — одного из ведущих сотрудников этой же газеты.

Настроение у Тамаша Пастора всегда было отличное, улыбка не сходила с его лица. Это и неудивительно, ведь дела у него в ту пору шли хорошо. Он написал мемуары о годах, которые провел в заключении. Думаю, что в них Пастор ни словом не обмолвился о своих доносчиках. Книга эта в скором времени должна была выйти в одном парижском издательстве. Будучи секретарем комитета ООН, он получал хорошую зарплату, завел массу важных и полезных знакомств.

Келемен чуть было не нарушил все мои планы. Его и Кочиша я пригласил прийти ко мне за полчаса до прихода Пастора, чтобы проинформировать их о цели этой встречи. Оба они были крайне необходимы мне для проведения такой акции, в которой им отводилась роль ассистентов.

Этот шаг безопасности чуть было не испортил всего дела. И отнюдь не потому, что Келемен и Кочиш хотели пощадить бывшего предателя и доносчика. Напротив, они пришли в такую ярость, что оба были готовы сами расправиться с ним.

В конце концов мне удалось убедить их в необходимости действовать так, как предлагал я. Однако вопреки нашему уговору они так холодно встретили вошедшего Пастора, что улыбка мгновенно сползла с его лица.

— Что с вами случилось? — с удивлением спросил он.

— Просто настроение скверное. Дела идут не очень хорошо.

Тут в разговор вмешался я, чтобы хоть как-то успокоить Тамаша Пастора и завести разговор о работе «комитета пяти».

— Ну, нечего жаловаться! — воскликнул я с наигранной строгостью. — Садитесь лучше! — И, поставив на стол рюмки, я наполнил их коньяком.

Постепенно все успокоились.

— А ведь у вас нет причин для плохого настроения, — проговорил Пастор, выпив очередную рюмку и поставив ее на стол. — Люди Андерсена великолепно работают.

— И много свидетелей опросили они сегодня?

— Трех. Приглашено было больше, но представитель Цейлона очень мешает — вмешивается во все...

— Как это? — поинтересовался я.

— Ему мало того, что рассказывает свидетель. Он то и дело задает дополнительные вопросы, даже устраивает нечто похожее на перекрестный допрос...

— И это ты называешь великолепной работой? — нервно перебил его Кочиш.

Пастор удивленно замолчал, не зная, оскорбиться ему или не обращать внимания на язвительность Кочиша, которую можно было объяснить только плохим настроением Габора.

— Речь пойдет о других людях. Сам Андерсен — превосходный председатель комитета, и он не выпустит из своих рук бразды правления. Например, сегодня он несколько раз вежливо, но настойчиво вмешивался в ход опросов. Он очень помог свидетелю, которого сбивал своими вопросами цейлонец.

Я сразу же решил сообщить в Центр о поведении представителя Цейлона.

Снова наполнив рюмки коньяком, я предложил выпить за здоровье присутствующих. Все выпили, и я сказал:

— Тамаш, прошу тебя, напиши нам фамилии всех свидетелей, которые уже были опрошены. Всех, кого ты знаешь!

Моя просьба удивила Пастора. Еще не догадываясь о причине моего любопытства, он сразу же почувствовал, что тут что-то не так. Возможно, у него с самого начала мелькнула мысль, что он попал в руки противника (для него органы государственной безопасности

Венгрии, в которых он ранее фигурировал в качестве информатора, уже были органами противника). Однако, я думаю, он сразу же отогнал ее, потому что не мог даже представить, что я или эти два сотрудника газеты «Немзетер» могут быть сотрудниками органов государственной безопасности Венгрии.

— Именной список — это тайна... — пробормотал он, чувствуя, что не сможет противостоять нам, и переводя взгляд по очереди на каждого из нас, словно ища помощи.

Я решил, что пора заканчивать эту игру. Именной список мне нужен был немедленно.

Достав из ящика своего письменного стола папку, в которой хранились донесения Пастора, и фотокартотеку, я положил все это перед ним.

Загорелое лицо его побледнело, а глаза сделались бесцветными и забегали. Он посмотрел на меня, потом на Келемена, на Кочиша... Так смотрит теленок, которого ведут на бойню, — с безнадежностью и тупостью, не понимая, что с ним происходит, но предчувствуя неотвратимое...

— Откуда... откуда это у тебя? — простонал он.

— Все это передал мне один настоящий борец за свободу. Принес и сказал: «Вот вам сувенир из министерства внутренних дел».

— Но зачем?.. И именно сейчас...

— Все это попало ему в руки, а он не знал, что с этим делать. Хранил пока у себя, вдруг найдет того человека. Предателя. Хотел дать показания в комитете ООН, но, узнав, что это ты, изменил решение.

Тут Габор Кочиш не выдержал и выкрикнул:

— Ты, презренный! Сколько честных венгерских семей ты выдал органам безопасности?!

Пастор не ответил. Он молча сидел, сжавшись в комок и побледнев как стена. Габора охватил гнев. Он вскочил и, схватив доносчика за плечи, изо всех сил затряс его:

— Говори! Говори!..

У Пастора не было сил даже для того, чтобы защищаться. Он был полностью уничтожен.

— Ни одной. Здесь я никого не выдал. Я на самом деле эмигрировал, — прошептал он и беспомощно развел руки в стороны. — Поверьте мне. Прошу...

— Расправляться с тобой мы не станем, но и на своем месте ты не останешься. А именной список нам нужен для того, чтобы мы могли предупредить тех, кого нужно.

— Но они же убьют меня, хотя... — Он, видимо, хотел сказать, что ничего плохого не сделал, но я перебил его:

— Ты получишь еще одну возможность. Твоего имени мы им не назовем, но список нам необходим, и к тому же немедленно!

Он довольно долго думал, а потом написал на листке бумаги тридцать четыре фамилии.

— О ком что знал, я тут пометил, — объяснил он.

— Хорошо. Теперь напиши заявление, в котором ты признаешь свою вину и заявляешь, что с завтрашнего дня отказываешься от своей должности в комитете ООН.

— Но...

— Не перебивай меня! Помимо этого ты в своем заявлении напишешь, что несешь полную уголовную ответственность за разглашение секретных сведений!

Написав все, чего я требовал, он бросил нам: «Привет!» — и скрылся.

Очень скоро список, состоявший из тридцати четырех фамилий, был дополнен новыми, но суть вовсе не в этом. Наше правительство и не думало никому мстить. На основании этого списка мы могли разыскать каждого свидетеля. Трудная работа, длившаяся в течение нескольких недель, закончилась успехом, а мы узнали методы работы «комитета пяти» и те вопросы, которые его интересовали. Помимо этого мы собрали доказательства того, что среди тех, кто согласился давать показания, оказались люди, которые сначала перед венгерским, а затем перед международным секретариатом поносили правительство Кадара и Советское правительство. Стало известно и о том, что «податливые» свидетели получали за это определенную мзду. Сумма была относительно высока, что и вызывало желание получить ее. Встречались люди, которые за деньги были готовы на все.

Как я уже говорил, напряженная работа дала свои результаты. И хотя я, как никогда, был осторожен, опасность провала грозила мне ежедневно, более того, она возрастала по мере увеличения числа платных или добровольных свидетелей, с которыми я беседовал. Стоило мне только произнести не то слово или же совершить даже самую незначительную ошибку, которую заметил бы мой собеседник,

как могло случиться непоправимое... Мне и сейчас даже страшно вспоминать об этом, несмотря на то, что с тех пор прошло несколько десятков лет.

А тем временем жизнь развивалась по своим законам.

Правительство Венгерской Народной Республики в силу своих возможностей начало борьбу против принятия этих докладов комитета. Для этой цели были использованы и приобретенные нами доказательства. Очень помогло в этом и поведение делегата от Цейлона.

В газете «Таймс» от 20 августа 1957 года появился следующий материал:

«Из достоверных источников стало известно о том, что Цейлон воздержится от голосования в ООН по делу о положении в Венгрии до тех пор, пока его постоянный член при ООН не подпишет доклад как член «комитета пяти».

31 августа 1957 года газета сообщала:

«Если Цейлон воздержится от голосования на Генеральной Ассамблее ООН, это скажется на отношениях Коммунистической партии Цейлона с венгерской политической делегацией. Согласно достоверным данным, венгерская делегация, которая на прошлой неделе находилась в Коломбо, решительно выступит против принятия донесения, приведя чрезвычайно сильные доводы».

Правительство США и их союзники, готовясь к решительному сражению, подготовленному ими самими же дипломатическим путем, с целью создания удобного им общественного мнения еще больше усилили свои идеологические и пропагандистские нападки.

В своих потугах они дошли до истерии, направленной против нас. Лондонское радио 31 августа 1957 года передало:

«Режим Кадара чувствует, что все внимание венгерского народа вновь привлечено к сентябрьской сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой будет обсужден доклад «комитета пяти» по венгерскому вопросу, осудивший вооруженное вмешательство, как и марионеточное

правительство, пришедшее в силу этого к власти. Начавшийся со времени венгерской революции и продолжающийся до сих пор столь авторитетный международный форум, как Международная организация труда, исключил из своих рядов вырядившихся в профсоюзные одежды агентов правительства, пришедшего к власти в результате вооруженного вмешательства, и опасаются, что такая же участь ждет их делегацию и в ООН».

МТИ, Вена, 4 сентября 1957 года:

«Центральный орган социалистической партии Австрии газета «Арбайтерцайтунг» поместила статью своего главного редактора Оскара Полака под заголовком: «Венгрия и ООН», в которой говорится: «На следующей неделе состоится чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН с тем, чтобы еще до начала очередной сессии выявить свое отношение к докладу, составленному «комитетом пяти», возглавляемым датчанином Андерсеном, в отношении венгерских событий. Созыву чрезвычайной сессии предшествовали длительные дипломатические переговоры.

Сейчас встает вопрос, каковы же будут результаты чрезвычайной сессии? Доклад «комитета пяти» отпечатан на пяти языках. Во всех отношениях он является широкомасштабным и важным документом...»

Далее Полак высказал клеветнические обвинения в адрес народной Венгрии, не имеющие под собой реальной почвы, лживые в своей основе. Истина же содержится в следующем заявлении:

«Мы, нижеподписавшиеся, министры Антал Апро, Янош Кадар, Иштван Кошша и Ференц Мюнних, входившие в состав правительства Имре Надя, заявляем, что начиная с 1 ноября 1956 года мы окончательно порвали с этим правительством, вышли из него и выступаем инициаторами создания Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства.

К этому ответственному шагу нас привело сознание того, что правительство Имре Надя, ставшее беспомощным, оказалось под давлением реакции более неспособно к

действиям, направленным на уничтожение растущей контрреволюционной опасности, грозившей уничтожением народной республики, рабоче-крестьянской власти, наших социалистических завоеваний...

В интересах нашей родины, нашего народа и нашего рабочего класса Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство обратилось к командованию Советской Армии с просьбой оказать нашему народу помощь в разгроме реакционных сил, а также в восстановлении порядка и спокойствия».

На основании Конституции Венгерской Народной Республики вновь созданное правительство, возглавляемое Кадаром, было признано как президиумом и его председателем, так и председателем Государственного собрания.

После этого вернемся снова к высказываниям западной прессы.
«Нойе иллюстрирте вохеншау», Вена, 6 сентября 1957 года:

«На чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН обсуждается доклад «комитета пяти».

В сессии ООН примет участие законный представитель законного правительства Анна Кетли».

МТИ, Париж, 7 сентября 1957 года:

«Франс-тирер» ознакомит международный комитет юристов со статьей под заголовком «Незаконное правительство Кадара», которую французская секция этого комитета направит в ООН».

Радиостанция «Свободная Европа», 7 сентября 1957 года:

«Анна Кетли, единственный член правительства Имре Надя, находящаяся на свободной земле, провела в Нью-Йорке пресс-конференцию, на которой выразила убеждение в том, что Организация Объединенных Наций учтет все находившиеся в ее распоряжении законные средства и через

Генеральную Ассамблею примет по венгерскому вопросу соответствующее решение.

...ООН должна заставить Советский Союз вести переговоры с правительством Имре Надя. Кетли подчеркнула, что из разработанного «комитетом пяти» доклада явствует, что и в настоящее время революционный кабинет Имре Надя является «законным правительством Венгрии».

Радиостанция «Свободная Европа», 8 сентября 1957 года:

«Пройдет еще один день, и 10 сентября состоится внеочередная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, на повестке дня которой стоит единственный вопрос — обсуждение доклада «комитета пяти».

«Монд», Париж, 9 сентября 1957 года:

«Специальный комитет представил ряд документов, содержащих факты, которые по своей сути являются обвинением против Яноша Кадара и других руководителей венгерского режима.

Задача западных делегатов нетрудна, так как доклад специального комитета предоставляет в их распоряжение массу документального материала».

Видимо, по поручению своего правительства стратеги ЦРУ проделали огромную работу. Все свидетельствовало о том, что «комитет пяти» настолько искусно составил свой доклад, что достиг цели. Ведущиеся в рамках ООН постоянные дипломатические сражения увенчались большой дипломатической победой. Радиостанция «Свободная Европа» в одной из своих передач, вышедших в эфир 8 сентября 1957 года, на весь западный мир раструбила:

«Западные нации после венгерских событий потеряли веру в возможность мирного сосуществования, более того, они даже отказались от установления культурных связей и

контактов, запланированных ранее. Эта изоляция оказалась очень мучительной для нынешних руководителей Советского Союза. Мало того, что сама идеологическая основа советского строя в борьбе с венгерской революцией получила ряд незаживающих ран. На практике она с каждым днем несет все большие и большие потери. Слабеют коммунистические партии, имеющиеся в свободных странах, представляющие собой бастионы мирового коммунизма. Все это способствует тому, что Советский Союз за последние месяцы был вынужден предпринять огромные усилия для ликвидации политической и моральной изоляции...

Он сделал все возможное для того, чтобы освободиться от этой изоляции и от груза венгерской агрессии с тем, чтобы снять венгерский вопрос с повестки дня международной политики».

Положение действительно было тяжелым. Немало зависело и от того, как в будущем будут судить о социализме страны, вставшие на путь освобождения от колониальных оков.

Стало ясно, что опровержение доклада «комитета пяти» и документальное подтверждение этого опровержения крайне необходимы, и не только в интересах Венгрии.

Именно в это время руководители нашего правительства приняли решение отозвать меня на родину. Для принятия столь важного решения имелось несколько серьезных причин. Во-первых, если я буду находиться за границей, они не смогут обнародовать те доказательства, которые были получены мною. Одновременно это означало бы мой провал и, возможно, привело бы к моей гибели. Во-вторых, личное выступление человека, игравшего в эмиграции руководящую роль, располагавшего к тому же серьезными доказательствами, было бы более эффективным, чем простое перечисление фактов или показ соответствующих документов. И в-третьих, поколебать мировое общественное мнение, ввергнутое средствами массовой информации Запада в шоковое состояние, и вывести его из этого состояния можно было лишь антишоком, с помощью которого можно было заставить его занять другую, полярную позицию. А произвести такой эффект могло лишь возвращение руководящего деятеля эмиграции к себе на родину,

возвращение из так называемого «свободного мира» в «порабощенную и измученную» Венгерскую Народную Республику.

На основании принятого Центром решения 9 сентября я вернулся на родину.

И буквально на следующий же день правительство Венгерской Народной Республики в своем заявлении не только отклонило, но и осудило доклад «комитета пяти», поскольку в нем были искажены факты и утверждалось невозможное.

На Западе все еще полагали, что это заявление является не чем иным, как своеобразным пропагандистским трюком. Средства западной информации взяли доклад комитета Андерсена под свою защиту.

Приведу несколько примеров.

Агентство Рейтер, Нью-Йорк, 10 сентября 1957 года:

«Из прений на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. После председателя выступил представитель ООН, он же специальный представитель по Венгрии, в защиту доклада от критики коммунистами. Он заявил, что доклад, содержащий 150 тысяч слов, выдержит проверку будущих комиссий».

Венгерское правительство, зная всю правду, заняло выжидательную позицию. А тем временем в ООН продолжались нападки, которые невозможно было остановить.

Лондонское радио, 14 сентября 1957 года:

«В пятницу ночью Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов проголосовала за решение, в котором осуждается вооруженное нападение на Венгрию...

Генеральная Ассамблея ООН одобрила доклад «комитета пяти» как документ, выражающий мировое общественное мнение».

Инициаторы и исполнители этого похода пребывали в победном бреду. Решение, вынесенное благодаря американской машине голосования, было обнародовано западными агентствами, после чего выступил представитель США при ООН Лодж. В его речи содержалось одно важное для нас с точки зрения этого дела предложение:

«Если бы это была только борьба, которую вели между собой венгры, мы не имели бы права заниматься ею, однако доклад, составленный «комитетом пяти», основательно устанавливает, что эта борьба есть не что иное, как борьба всей венгерской нации».

Когда я уже находился в Будапеште, мы долго и много работали над представленными мною сведениями и документами. Готовили основательный контрудар. Наше правительство через своего делегата Петера Мода заявило следующее:

«Контрреволюционный мятеж в Венгрии был подготовлен и проведен западными империалистическими кругами.

...Часть аккредитованных в Венгрии западных дипломатов также занималась шпионажем.

...Часть контрреволюционеров после своего бегства из страны за границу до настоящего времени продолжает проводить с территории Австрии и Германии шпионско-подрывные акции».

Наше правительство сочло, что настало время основательно подорвать веру общественности в достоверность доклада, подготовленного «комитетом пяти», и добиться моральной и политической победы.

4 октября я как политический эмигрант, вернувшийся на родину, провел пресс-конференцию, на которой перед иностранными и венгерскими корреспондентами продемонстрировал имевшиеся в моем распоряжении доказательства.

Сила доказательств заставила Дага Хаммаршельда, генерального секретаря ООН, предпринять проверку всей деятельности «комитета пяти».

Итак, широкомасштабная операция против Венгерской Народной Республики, в проведении которой были использованы вся международная пресса, теле- и радиокompании, да и сама Генеральная Ассамблея ООН закончились крахом.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТКЛИКИ НА МОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Мне осталось завершить свои мемуары, которые я без преувеличения могу охарактеризовать как воспоминания о самом важном периоде своей жизни.

Думаю, что вполне допустимо будет с моей стороны сделать это своеобразным способом, приведя высказывания некоторых лиц. Я убежден в том, что они, вместе взятые, воссоздадут общую картину и документально подтвердят, что все, сказанное мною ранее, — истинная правда.

Со временем становится ясно, как беспомощность и замешательство начальной стадии постепенно переходили, в отчаяние, а затем в панику и ненависть.

Приводя отдельные цитаты, я позволю себе прокомментировать их только в тех случаях, когда сочту необходимым сориентировать читателя в событиях, имевших место четверть века назад.

«Прессе», Вена, 10 сентября 1957 года:

«Исчезновение душевнобольного эмигранта.

Общество эмигрантов постигло печальное известие: из своей квартиры в Вене исчез Миклош Сабо, бывший венгерский государственный деятель, который в свое время был ближайшим сотрудником венгерского премьер-министра Ференца Надя и эмигрировал из Венгрии два года назад.

В последние недели у Сабо были замечены признаки умопомешательства, выразившиеся в мании преследования, обвинении соотечественников в заговоре против него. Однажды он заявил, что, поскольку против него зреет заговор, «спасти Венгрию еще раз» ему не удастся.

Последние недели Сабо находился под врачебным наблюдением. Согласно мнению врача, Сабо страдает классическим примером мании преследования, что, по-видимому, явилось следствием безнадежного будущего эмигрантского существования. Среди проживающих в Вене

венгерских эмигрантов Миклош Сабо — двадцать восьмой по счету человек, сошедший с ума. Полиция расследует обстоятельства его исчезновения».

МТИ, Париж, 12 сентября 1957 года:

«Монд» и «Фигаро», ссылаясь на заявления венского бильдтелеграфа, сообщают об исчезновении из своей квартиры Миклоша Сабо... В Вене высказывается опасение, что он вернулся в Венгрию, захватив с собой список лиц, которых опрашивал специальный комитет ООН».

Агентство Рейтер, Вена, 11 сентября 1957 года:

«Во вторник видные венгерские эмигранты, проживающие в Вене, получили письмо от Миклоша Сабо, одного из основателей «Венгерского революционного совета». Сабо заявил, что вернулся в Венгрию. Сабо — бывший депутат парламента от партии мелких сельских хозяев, эмигрировавший в Австрию приблизительно два года назад, после того как шесть лет провел в коммунистических тюрьмах и концлагерях. После поражения в ноябре прошлого года венгерского восстания он вместе с Анной Кетли образовал в Страсбурге «Венгерский революционный совет».

Шофер Сабо сообщил, что еще на прошлой неделе Миклош Сабо собрал свои вещи и некоторые деловые бумаги. В венгерских эмигрантских кругах в Вене вызывает опасение тот факт, что Сабо поддерживал тесные связи с теми руководителями венгерской революции, которые в настоящее время проживают на Западе, а также то, что в его руках оказались важные бумаги».

«Америка и мадьяр непсава», 16 сентября 1957 года:

«Похищение человека.

Вена. Эмигрировавший в свое время в Австрию от красных 35-летний Миклош Сабо, один из руководителей «Венгерского революционного совета», исчез. По мнению его

близких, он похищен красными и насильно увезен в Венгрию».

«Арбайтерцайтунг», Вена, 13 сентября 1957 года:

«За последнее время из Вены исчезли четыре венгерских эмигранта, которые, как утверждают, играли известную политическую роль в кругу своих соотечественников. Самым видным из них был Миклош Сабо, бывший депутат от партии мелких сельских хозяев.

...Утверждают также, что из квартиры Сабо исчезли деловые бумаги, среди которых находились и полные именные списки лиц, выступавших в качестве свидетелей перед «комитетом ООН по Венгрии».

...В 1949 году Сабо был арестован в Венгрии, и до 1955 года он просидел в тюрьме без суда и следствия. В ноябре 1956 года он эмигрировал в Австрию. В Вене был секретарем организации по оказанию помощи венгерским эмигрантам.

Вполне допустимо, что Сабо решился на такой шаг под воздействием тоски по родине или же его заманили в Венгрию обещаниями, что там он получит прощение. Подобные случаи уже имели место среди других эмигрантов, и в большинстве они кончались тем, что вернувшегося на родину снова сажали за решетку».

«Нью-Йорк таймс», 15 сентября 1957 года:

«Агентство Рейтер сообщает из Будапешта: известный венгерский эмигрант Миклош Сабо бежал из Вены в Венгрию, что было подтверждено официальным представителем венгерского МИД.

Более подробной информации этот представитель о Сабо не сделал.

...В среду в Вене распространились слухи о том, что венгерские эмигранты обеспокоены тем, что Миклош Сабо прихватил с собой деловые бумаги».

Как видно из приведенных выше заметок, мое «исчезновение» из Вены вызвало замешательство среди и венгерских эмигрантов, и западных политиков. А когда стало известно, что я сбежал не с пустыми руками, их охватила настоящая паника.

В моих руках оказалось огромное количество документов, писем, прошений, из которых я мог выбрать самые важные. Разобрать все эти документы я, разумеется, не мог.

За помощью я обратился к своим коллегам Гезе Банкути, д-ру Золтану Шахи и Деже Абрахаму. Нужно было из общего количества отобрать политические документы, личные письма и прошения.

Двое суток подряд мы только этим и занимались, уйдя в работу с головой.

«Прессе», Вена, 18 сентября 1957 года:

«Опровержение по делу Сабо.

Как стало известно от одного из видных деятелей «Венгерского революционного совета», известие о том, что вернувшийся недавно в Венгрию политик Миклош Сабо якобы захватил с собой именной список беженцев, которые опрашивались «комитетом ООН по Венгрии», не соответствует действительности. Сабо эти официальные списки никогда не видел в глаза и не имел никаких дел с комитетом ООН».

Газета «Арбайтерцайтунг» от 18 сентября 1957 года, а также другие западные газеты подхватили это сообщение информационного агентства.

«Сабадшаг», Нью-Йорк, 1 октября 1957 года:

«Золтан Пфейфер пишет:

«...Сегодня нам уже известно, чьи руки и интересы свели с рельсов страсбургский революционный поезд и почему старой и новой венгерской эмиграции не удалось пожать друг другу руки.

Можно надеяться, что по мере прояснения дела Сабо прояснится и атмосфера среди самой эмиграции, а те, кто ошибался и заблуждался, прозреют.

Прежде чем выехать из Вены, Сабо заранее позаботился о том, чтобы его почта и вещи попали куда следует».

У читателей может возникнуть законный вопрос: если я был в столь хороших отношениях с Золтаном Пфейфером, почему же именно он нанес мне самый резкий удар на страницах «Нью-Йорк таймс»? За ответом я отошлю читателей к Деже Шуйоку, известному венгерскому эмигранту, который писал в своей брошюре «Несчастья венгерской эмиграции», вышедшей в Нью-Йорке:

«После Ференца Надя Миклош Сабо имел самый большой успех в компрометации Золтана Пфейфера. В первые дни 1957 года Пфейфер встретился с Сабо на Страсбургской конференции, где бывший госсекретарь был очень раздражен тем, что его не поняли. Он сблизился с Сабо, и вскоре между ними установились такие дружеские отношения, что Пфейфер своими руками как бы вручил Сабо свою дальнейшую политическую карьеру».

Таким образом, Пфейферу не оставалось ничего другого, как постараться опередить ожидаемые события.

3 октября 1957 года в Будапеште состоялась пресс-конференция, на которой я выступал в качестве «политического эмигранта, вернувшегося на родину», и которая вызвала на Западе соответствующие отклики.

«Нью-Йорк таймс», 3 октября 1957 года:

«Сегодня венгерские власти начали печатать материалы, которые были продемонстрированы в Будапеште м-ром Сабо, политическим эмигрантом, исчезнувшим из Вены три недели назад.

На пресс-конференцию, транслировавшуюся и по телевизионному каналу, были приглашены пять западных корреспондентов. На этой пресс-конференции м-р Сабо, бывший до этого австрийским представителем «Венгерского революционного совета» в Страсбурге, с горечью рассказал о том, что он видел на Западе.

Своими высказываниями он подкрепил точку зрения правительства Кадара, согласно которой недавние события в Венгрии были спровоцированы Западом.

Представитель МИД назвал м-ра Сабо буржуазным политиком, который, не являясь коммунистом, разочаровался в Западе. Бывшего депутата парламента от партии мелких сельских хозяев при Ракоши посадили в тюрьму, где он просидел до 1953 года. В 1955 году он эмигрировал на Запад».

Лондонское радио, 3 октября 1957 года:

«Прошло ровно три недели с того дня, когда развернулись прения по поводу доклада «комитета пяти» по венгерскому вопросу. Бывший депутат парламента от партии мелких сельских хозяев Миклош Сабо, живший в Вене в эмиграции, неожиданно решил вернуться в Венгрию. В четверг он выступил на пресс-конференции в Будапеште, на которой во всеуслышание заявил о том, что действия ООН отнюдь не отвечают интересам венгров и только подталкивают их к новой катастрофе...»

МТИ, Лондон, 4 октября 1957 года:

«Манчестер гардиан» от 4 октября комментирует заявление, с которым 3 октября выступил в Будапеште бывший лидер эмиграции Миклош Сабо.

Его заявление содержит много фантастического...»

ДПА, Рим, 4 октября 1957 года:

«В пятницу МИД Италии назвало полностью лживым и лишенным каких-либо оснований заявление вернувшегося в Будапешт венгерского эмигранта Миклоша Сабо, который утверждал, что Италия якобы еще в прошлом году поддерживала план разделения Венгрии».

Римское радио, 4 октября 1957 года:

«Посол Италии в Вене заявил на пресс-конференции о том, что обвинения, высказанные против него венгерским эмигрантом Миклошем Сабо после возвращения в Венгрию, лишены всякого основания.

Сказанное М. Сабо не содержит ни грана истины, так как и во время революции, и в последующие месяцы Италия всего лишь оказывала помощь венгерским эмигрантам в рамках программы помощи, принятой австрийским правительством. Сам посол не получал от Сабо никаких писем или посланий...»

Итак, на Западе не было единого мнения. Единственное, что не вызывало никаких сомнений, заключалось в том, что широкомасштабные планы Запада в отношении Венгрии потерпели фиаско вместе с их инициаторами.

«Хадак Утьян», Мюнхен, 10 ноября 1957 года:

«...Миклош Сабо был вхож повсюду. Он стал доверенным лицом и венским представителем так называемого «Венгерского революционного совета», а после пресловутых октябрьских событий этому «проверенному демократу» доверили распределение одежды и продовольствия среди эмигрантов. Он превосходно использовал имеющиеся у него возможности и провел большую работу... Однако ни у кого и мысли не возникло заглянуть в подноготную этого «демократа»!..»

«Непсабадшаг», 23 октября 1957 года:

«Газета «Фольксштимме» подтверждает разоблачения Миклоша Сабо.

Репортер венской коммунистической газеты «Фольксштимме» объехал все места, о которых Миклош Сабо говорил на пресс-конференции в Будапеште как о центрах диверсионной и шпионской деятельности в Австрии, направленной против Венгерской Народной Республики.

Газета сообщает, что на улице Гольдене стиге в вилле номер 7 и до сих пор проживают Ференц Деметер, бывший

полковник генерального штаба хортистской армии, и еще несколько венгерских эмигрантов, в том числе один бывший майор. Из этого центра и направлялась антивенгерская деятельность.

На основании проверки, совершенной на местах, «Фольксштимме» подтверждает правдивость сообщения Миклоша Сабо о том, что в дни контрреволюционного путча в Венгрии в венском отеле «Кайзерхоф» действительно состоялись заседания военного совета под председательством нилашистского генерала Зако. Корреспондент «Фольксштимме» подтверждает и сообщение Миклоша Сабо о том, что Бела Кирай в июне 1957 года действительно провел в особом зале для гостей в доме номер 7 по Рихтергассе «совещание борцов за свободу».

Это подтверждала не только «Фольксштимме». И хотя по времени не сейчас бы следовало привести цитату из статьи, написанной Имре Ковачем, бывшим генеральным секретарем крестьянской партии, по логике вещей это вполне уместно. Статья была опубликована в мартовском номере журнала «Уй латохатар» за 1959 год. Вот несколько строчек из нее:

«Нет ни малейшего смысла сомневаться в подлинности писем, так как все они подписаны и на них имеется адрес отправителя...»

«Сабадшаг», Нью-Йорк, 22 октября 1957 года:

«Сенат расследует дело Миклоша Сабо, которое все более и более тревожит жизнь венгерской эмиграции. Как известно, загадками Миклоша Сабо вынуждена заняться специальная комиссия сената».

Следовательно, американский сенат все еще рассматривал это дело как загадку. Разумеется, в тот период а ЦРУ в полную меру развернуло свою деятельность. Скрупулезно и внимательно изучая даже самые мелкие детали, с помощью логических выводов и технических средств ЦРУ, безусловно, удалось установить, что в данном случае оно имеет

дело отнюдь не с работой любителя. А через пять лет в Нью-Йорке вышла упомянутая уже мною брошюра Деже Шуйока, видного лидера периода коалиции в Венгрии, жившего в Америке в качестве политического эмигранта. Он посвятил мне целых четыре страницы, продвинувшись в своих предположениях гораздо дальше ЦРУ. В брошюре говорилось:

«Вторым ударом, который при нормальных условиях явился бы для поддерживаемой «Свободной Европой» организации венгерских эмигрантов смертельным, был серьезный политический скандал, связанный с именем Миклоша Сабо.

...Революция застала этого авантюриста в Вене, и лишь 7 сентября 1957 года он вернулся в Будапешт, полностью выполнив задание, полученное от коммунистического правительства. А оно было сложным: разобщить и скомпрометировать политических эмигрантов 1956 года; скомпрометировать руководителей эмиграции, опиравшихся на комитет «Свободная Европа»; добыть такие данные, которые разоблачили бы неправомерную деятельность «Свободной Европы», а добыв, привезти их на родину, дабы с их помощью показать венгерскому народу эмиграцию в таком свете, чтобы он возненавидел ее или, по крайней мере, ту часть ее, которая получила возможность выступать по радио «Свободная Европа».

Все эти задания Сабо полностью выполнил. Вся революционная эмиграция периода 1956 года была поставлена им в такое положение, что она вызывала у честных венгров, по-настоящему пекущихся о судьбе своей родины, лишь возмущение и горечь. Тем самым временно была парализована эта огромная историческая сила, рожденная революцией. Он также собрал данные о деятельности венгерской военной эмиграции, и в особенности о деятельности людей, продавшихся за деньги. Этих данных вполне достаточно для того, чтобы возненавидеть этих людей. И наконец, он настолько сильно скомпрометировал двух лидеров венгерской эмиграции, поддерживаемых «Свободной

Европой», что восстановление их политического авторитета стало просто невозможным.

...А главное, что на самом ответственном участке — на австрийско-венгерской границе — новая организация была представлена коммунистическим деятелем. Это одна из самых печальных глав венгерской трагедии.

...На этом мы могли бы и остановиться. Само собой разумеется, Миклош Сабо не принял предложения американского сената и никогда не поехал бы в Америку, поскольку он получил задание от правительства Будапешта. Выполнив полученное задание, он вернулся на родину и, собрав все имеющиеся в его распоряжении данные в одной книге, напечатал ее, чтобы окончательно подорвать реноме венгерской эмиграции в лице своих соотечественников на родине. Тем самым он как бы закопал в землю будущее революционной эмиграции.

В настоящее время политическое будущее революционной эмиграции вновь находится в стадии возрождения, и потому сейчас в интересах восстановления репутации эмиграции необходимо проводить серьезную и глубокую работу. Правда, пять лет потеряно напрасно».

Да, эти пять лет, как констатирует Шуйок, были действительно потеряны, не только с точки зрения противника.

История развития Венгерской Народной Республики за эти пять лет — пример успешной борьбы трудового народа Венгрии за лучшее будущее своей родины. Венгерский народ смело вступил в бой с классовыми врагами и выиграл его. В Венгрии были построены основы социализма, и венгерский народ вступил в новый исторический период — период полного построения социализма. И на международной арене Венгрия добилась признания. Об этом, собственно, говорил Янош Кадар и в отчетном докладе ЦК на VIII съезде ВСРП, состоявшемся в ноябре 1962 года. Он заявил, что авторитет Венгерской Народной Республики и уважение к ней значительно возросли и за ее границами, не только среди ее друзей, однако сейчас даже наши противники вынуждены признать наши достижения, сам факт усиления нашего государства... Мечты контрреволюционной эмиграции о реставрации развеялись, а ее

«вожди», записавшиеся на службу к империалистам, оказались на свалке истории.

ЭПИЛОГ

В декабре 1958 года на заключительном этапе обсуждения так называемого «венгерского вопроса» выступил руководитель делегации Советского Союза в ООН В. А. Зорин, который кроме всего прочего сказал о том, что сейчас уже документально доказано, что в организации и подготовке контрреволюционного мятежа в Венгрии значительную роль сыграли американская и другие западные разведывательные службы... И если кто-то все еще сомневается, то он советует внимательно ознакомиться с текстом заявления, сделанного Миклошем Сабо на пресс-конференции, в котором названы точные адреса разведывательных центров Запада, деятельность которых была направлена против Венгрии и других социалистических стран, а также имена лиц, которые являлись инициаторами опасной для дела мира деятельности.

Состряпанный под эгидой ООН и разрекламированный перед мировой общественностью «венгерский вопрос», за которым скрывался дипломатический и идеологический поход против народной Венгрии, потерпел полный крах. Правительство Венгерской Народной Республики, возглавляемое Яношем Кадаром, вышло из этой борьбы победителем, завоевав себе за последующие за этими событиями три десятилетия большой международный авторитет.

Упомянутой Зориным пресс-конференцией моя служба, по существу, закончилась, однако передо мной стояла, так сказать, пассивная задача, заключавшаяся в сохранении государственной тайны.

Когда разведчик вступает на свою стезю, он понимает, что обязан не только выполнить полученное задание, но и быть готовым, если потребуется, принести любую жертву в интересах защиты родины. В случае успешного выполнения задания после благополучного возвращения на родину он долгие-долгие годы, а иногда и до конца своей жизни обязан молчать. Разведчик, вернувшийся на родину, попадает в дружественную среду. Его истинное лицо уже не вызывает сомнений, а вживание обеспечено.

Моя дальнейшая судьба сложилась несколько иначе, поскольку сложная политическая обстановка того времени требовала, чтобы мое возвращение на родину произошло как можно шумнее, на виду у

общественности. По сути дела, я предстал не как разведчик, успешно выполнивший свое задание, а как политический эмигрант, осознавший свою вину, как политик, который был тесно связан с разведорганами Запада, с контрреволюционными организациями, как один из основателей «Венгерского революционного совета» в Страсбурге. Конечно, многие были уверены, что моя политическая деятельность за границей была враждебной деятельностью, направленной против ВНР. Следовательно, в этом качестве я, как политический эмигрант, мог рассчитывать только на прощение со стороны руководителей государства и всего общества, но вряд ли на принятие. Среди руководителей нашей страны и среди руководства министерства внутренних дел лишь несколько человек были в курсе моего истинного положения. Мне и членам моей семьи каждый день приходилось встречаться с людьми, которые знали обо мне только по опубликованным в печати материалам, на основании которых они меня и осуждали.

После пресс-конференции я начал работать как журналист. Написал несколько книг на основе политических документов, повести детективного жанра, а также сценарий художественного фильма «Свет за шторами», который стал одним из самых удачных венгерских детективных фильмов. И если первые мои книги были опубликованы без особого труда, то следующие за ними «пробивать» становилось все труднее и труднее, а затем и вовсе невозможно. Не могу сказать, что со мной не разговаривали, нет, в издательствах и на киностудии мне что-то обещали, просили писать, более того, даже подписывали со мной договоры, которые, однако, так и не были реализованы. Возможно, все это произошло потому, что меня сочли бесталанным. Но ведь все экземпляры книг, написанных мною до этого, были до последнего экземпляра распроданы, а кинофильм в Венгрии просмотрело более двух миллионов человек. Правда, кое-кому он показался противоречивым. Скорее всего, я попал между двух жерновов: многие люди, верные социалистическому строю, в своем большинстве отвернулись от меня, а те, кто в глубине души не питал ко мне симпатии, считали меня ренегатом и, возможно, презирали. Звучит это несколько странно, однако мое положение становилось все более трудным.

Тогда-то руководители государства, учитывая тот факт, что за долгие годы многие государственные тайны перестают быть таковыми,

пошли на нарушение установившихся до этого традиций и обнародовали перед широкой общественностью мою легенду, которой я как разведчик пользовался с осени 1957 года, когда вернулся на родину в качестве политического эмигранта.

Осенью 1978 года телевидение показало серию документальных фильмов под названием «Тихая война», из которых люди узнали правду обо мне.

С момента моего возвращения на родину прошло без малого тридцать лет. И у меня было достаточно времени, чтобы снова и снова обдумать свое прошлое.

И хотя моя семья за этот период пережила несколько тяжелых лет, к написанию этих воспоминаний меня подтолкнула отнюдь не жалость к самому себе. Я преследовал одну-единственную цель — рассказать правду.

Многие укоряли меня за излишне эмоциональный тон моего повествования, а также за то, что я якобы больше чем следует обращаю в нем внимание на самого себя. Они упрекали меня в том, что я делаю это с целью оправдать себя.

Возможно, это так. Двадцать лет молчания наверняка не прошли для меня бесследно. К счастью, характер человека таков, что, просеивая через сито свое прошлое, он отбрасывает плохое и сохраняет в памяти хорошее.

